

С крестом и Евангелием

Книга об одном удивительном монастыре и его старцах

С КРЕСТОМ И ЕВАНГЕЛИЕМ

Книга об одном удивительном монастыре и его старцах

Жизнеописания:

схиигумена Митрофана (Мякинина),
схимонахини Серафимы (Белоусовой),
схимонаха Иоасафа (Моисеева),
схимонахини Михаилы (Сарычевой),
схимонахини Антонии (Овечкиной)

ЗАДОНСКИЙ
РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКИЙ
МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ
2009

По благословению
преосвященнейшего Никона,
епископа Липецкого и Елецкого

От издателей

Перед Вами жизнеописания пяти удивительных людей, которые при жизни многими почитались за благодатных старцев. К ним шли отовсюду люди со своими немощами и недугами, получали от них утешение, исцелялись по их молитвам от своих духовных и телесных болезней. Общность их судеб позволила нам поместить все эти жизнеописания в одну книгу.

Все эти необыкновенные по своему духовному подвигу люди были знакомы друг с другом, любили и почитали один другого. Были сомолитвенниками, сопостниками, разделяли общие для всех беды и скорби, были каждый для другого помощью и опорой. Помогали старческим советом, окормлялись один от другого и вместе пасли многочисленных своих духовных чад, вели их по дороге смирения, послушания и любви.

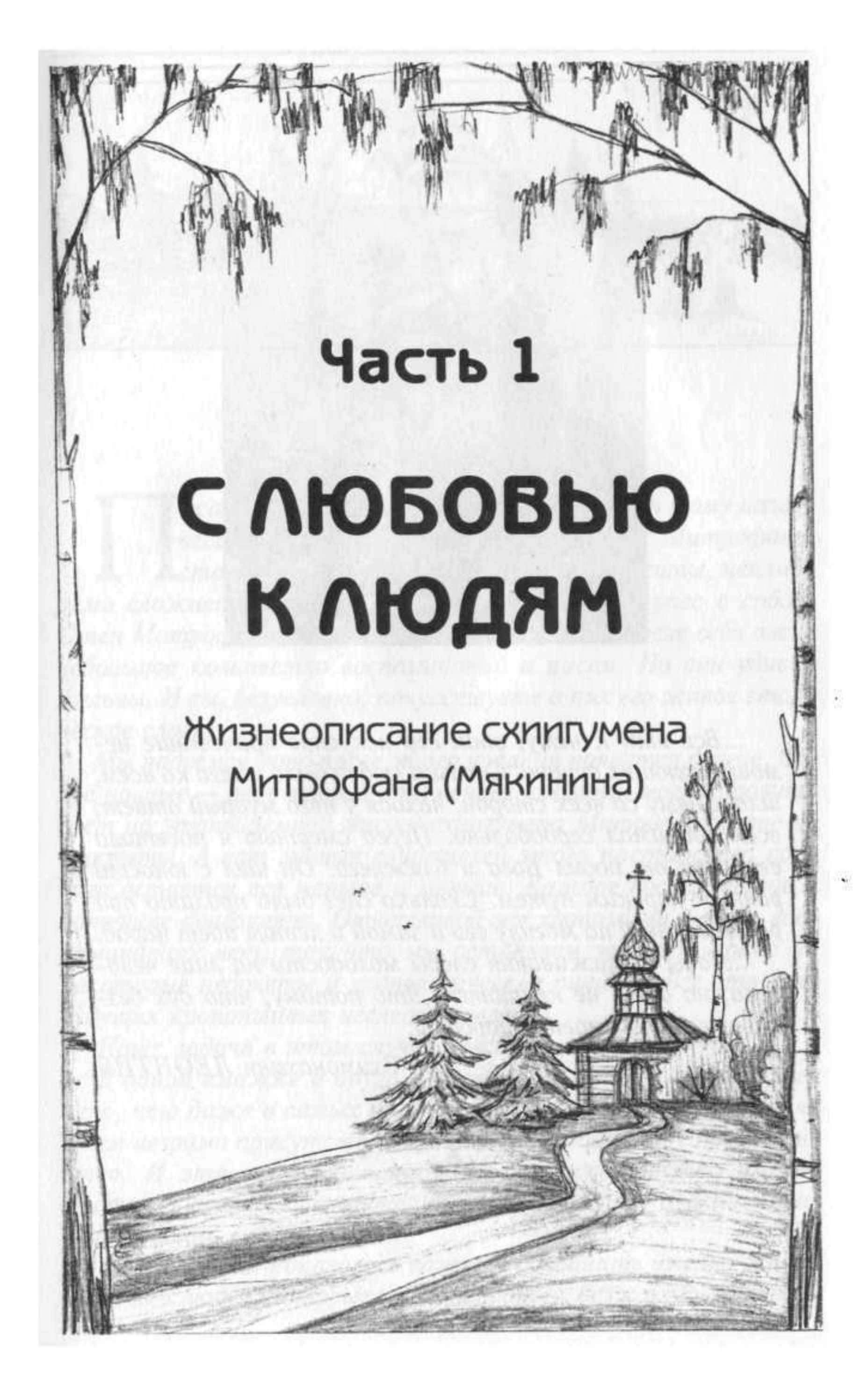
Все эти отцы и матушки были послушниками удивительного монастыря, и за свои труды и подвиги во славу Божию сподобились получить от Господа великую благодать помогать людям в их духовных немощах.

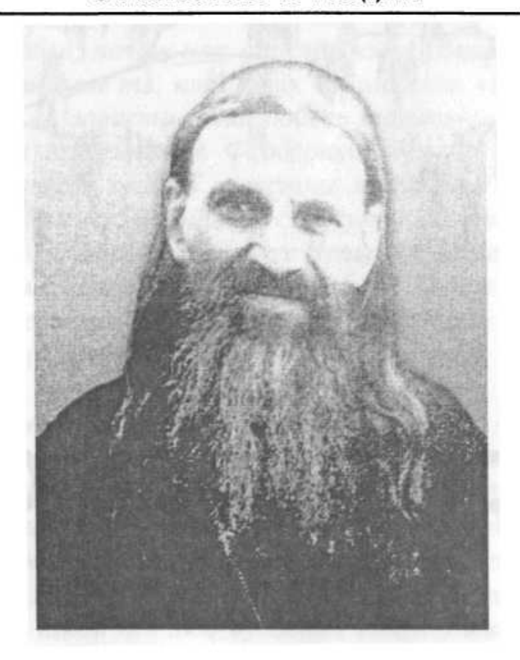
Об этом монастыре надо рассказать особо. У него никогда не было своего названия, он никогда не имел постоянного места прописки, послушники его жили на территории от Сибири до Прибалтики — и все-таки это был настоящий,полнокровный монастырь. В то время, когда святые обители в основном были закрыты, духовные люди все равно тянулись друг к другу, имели молитвенное общение. Духовная жизнь концентрировалась вокруг какого-нибудь известного старца, таким образом создавалась некая духовная семья, не связанная никакими стенами и совершенно свободная в своей географии. Таких примеров мы знаем много. Но среди прочих эта община, о которой мы говорим, все равно выглядит как уникальное, ни на что не похожее явление. В этой обители не было ярко выраженного духовного авторитета одного старца, но был некий духовный союз ***многих старцев****, которые жили один у другого в послушании, пользовались советами и наставлениями друг от друга. Жили в со-*

вершенной любви, почти как апостольская община. Такой же жизнью жили и все те, кто у них окормлялся. «Не было у нас ни ревности, ни зависти, одна любовь только», — вспоминала впоследствии схимонахиня Феодорита. Имена этих духоносных наставников теперь известны многим по многочисленным изданиям и публикациям: схиигумен Митрофан (Мякинин), оптинский старец схимонах Иоасаф (Моисеев), схимонахиня Серафима (Белоусова), схимонахиня Леонтия (урож. кн. Левицкая), иеросхимонах Нектарий (Овчинников), схимонахиня Михаила (Сарычева), схимонахиня Антония (Овечкина) и другие...

Мы не беремся рассказать здесь обо всех них. О схимонахине Леонтии вы можете прочитать в книге «Женская Оптина» (издательство «Паломник», 2005 г.), о иеросхимонахе Нектарии (Овчинникове) вышел фильм «Отче», где очень подробно прослежен весь жизненный путь этого благодатного батюшки. Нас же в работе над этой книгой интересовало именно то время, когда все эти духовные отцы и матери находились вместе. После смерти схиигумена Митрофана и схимонахини Серафимы у всех оставшихся была уже своя собственная, отдельная история. Все их судьбы и судьбы их духовных чад настолько интересны, что требуют специального исследования. Наше небольшое повествование такой задачи отнюдь не преследует. Надеемся только, что Вы, дорогие читатели, ознакомившись с этим скромным трудом, получите духовную пользу и утешение.

Просим ваших святых молитв.

Часть 1
С ЛЮБОВЬЮ К ЛЮДЯМ
Жизнеописание схиигумена
Митрофана (Мякинина)

...Все шли к нему, зная его искусное врачевание немощствующих душою. Сколько любви было у него ко всем, шли к нему со всех сторон, находя у него мудрый ответ; всех принимал сердобольно. Перед смертью я посетила его. Как он любил Бога и ближнего! Он шел с юности ровным царским путем. Сколько слез было пролито при расставании; на могилу его и зимой и летом идет народ.

...Годы изглаживают следы молодости на лице человека, но души не касаются. Это потому, что дух безсмертен и не знает старости.

Схимонахиня ЛЕОНТИЯ

Писать о человеке, умершем более 40 лет тому назад, всегда сложно. Писать о схиигумене Митрофане, старце, человеке великой духовной высоты, неизмеримо сложнее. Тайну своего духовничества он унес с собой. Отец Митрофан не вел дневников, он оставил после себя очень небольшое количество воспоминаний и писем. Но они удивительны. И вы, безусловно, почувствуете в них его живое старческое слово.

Мы надеемся, что после этого издания появятся другие, более полные,— ведь многие документы,которые могли пролить свет на этапы земной жизни схиигумена Митрофана, еще не открыты. А вот живых свидетелей этого пастырского подвига остается все меньше и меньше. Каждое воспоминание о батюшке драгоценно. Отчетливой же хронологии в этих воспоминаниях нет, так что мы оставляем за собой право на некоторые недочеты и хронологические ошибки. Все это дело будущих кропотливых исследователей.

Наша задача в этом случае совсем иная...

В одной книжке о другом маститом старце было подмечено, что даже в самых простых житейских воспоминаниях о нем незримо присутствовали иной масштаб, иное пространство. И эти иной масштаб и иное пространство имеют место во всех без исключения воспоминаниях о схиигумене Митрофане.

Поэтому нам показалось важным сохранить именно живой голос тех людей, которые знали батюшку, без какого-либо при-

глаживания и причесывания. Господь судил нам быть знакомыми со многими людьми, знавшими о. Митрофана — схимонахинями, протоиереями, людьми огромного духовного авторитета — и лично можем засвидетельствовать, что когда они говорят о батюшке — они преображаются, глаза горят удивительным огнем, морщины разглаживаются, даже воздух вокруг становится каким-то иным. Отблеск этого света несут и их слова. Эти слова — главное в этой книжке.

Духовник Тамбовской епархии протоиерей Николай Засыпкин рассказывал, что батюшка был очень прост, не получил никакого специального образования, кроме нескольких классов воронежской земской школы, писал зачастую с грамматическими ошибками, но из всей этой простоты сиял свет особой мудрости и чистоты. Такой мудрости и такой чистоты, которой в наше время нигде и ни у кого уже не встретишь.

Матушка Серафима (Белоусова), подвижница Мичуринская, близко знавшая отца Митрофана, говорила однажды, что потом таких старцев, как они с батюшкой, уже не будет: «Вот мы вам все давали, вы порассовывали по мешкам и сундукам, а придет время — будете доставать помаленьку и этими воспоминаниями жить. Потому что живого слова уже не услышите...» Но нам кажется, что эта живая вода — живое слово растворено в каждом воспоминании о батюшке, нужно только заставить себя его почувствовать.

И последнее. Нам показалось уместным, что в повествовании о схиигумене Митрофане нужно говорить и упоминать о нем как об отце Серафиме, так как духовные чада знали его только под этим именем. То, что он был пострижен в схиму и с каким именем, узнали только после его смерти. Для всех духовных чад он всегда был любимым батюшкой Серафимом...

Вот теперь и приступим, помолясь...

Родился отец Серафим в семье Михаила и Дарьи Мякининых 14 сентября 1902 года в деревне Марьевка Щученского района Воронежской области. Кроме него в семье были дети: Кирилл, Татьяна, Акилина... Как они жили? Имели надел земли, избу, ригу, сарай, из скота — лошадь, корову, свинью. Бедно жили. Но родители были людьми, безусловно, верующими и сумели привить любовь к вере Христовой всем своим детям...

Матушка его, Дарья, на руках носила младенца Никиту в Церковь св. Андрея, Христа ради юродивого, которая находилась от них в четырех верстах, в селе Михайловка. Все как у всех тогда, но есть над всем этим одна тайна — тайна возрастания духовного, тайна ощущения своей предызбранности на служение Богу и людям.

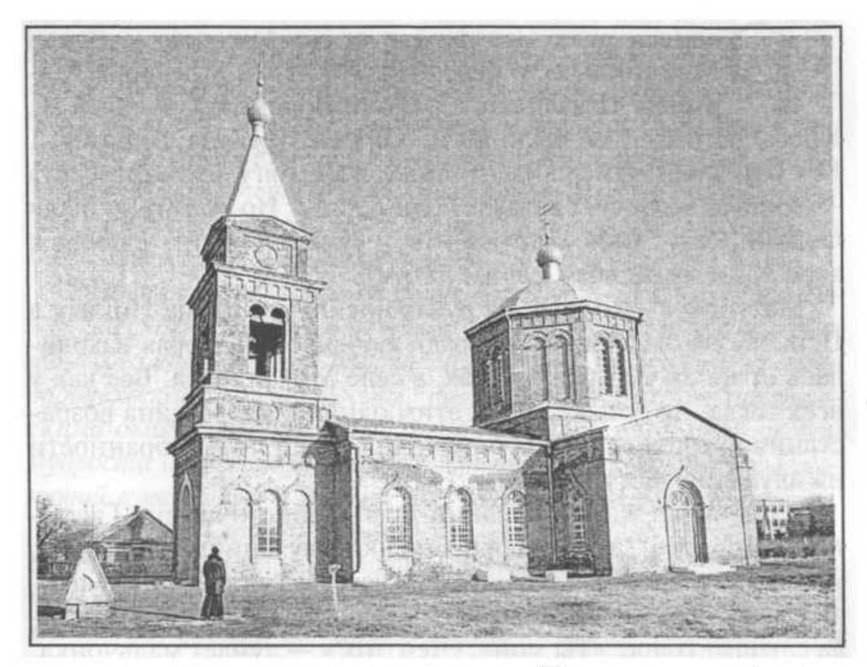
В одном из жизнеописаний преподобного старца Гавриила (Зырянова), духовника преподобномученицы Елизаветы, упоминается такой случай из его детства: пятилетний мальчик видит в небе зажженное паникадило со свечами и оттуда слышит голос: «Ты мой». «Чей это?» — думает мальчонка, а в ответ слышит: «Божий». После этого мальчик бежит мимо соседей, родни и кричит радостно: «Я не ваш! Я не ваш!» «Чей же?» — спрашивают его. «Я Богов, Богов...» И радуется, ну чистый ребенок...

Из жития преподобного Сергия известно, что он не ел материнского молока по средам и пятницам. Все это знаки особого избранничества Божия.

Вот и наш Никита с детства не ел мяса. «Родители его едят мясо, дают ему, трехлетнему, а он отодвигает и не ест. Даже в больницу его мать носила, выясняя вопрос, почему мальчик не ест мяса».

Потом уж, когда немного подрос, повинуясь зову сердца, бегал в храм один, без родителей. А там стоял, завороженный, у солеи, очарованный службой, внимая Слову Божию. Бывало, как услышит звон колокола, вприпрыжку бежит в храм босой и полураздетый. Жители села, все наперед зная, все же спрашивали: «Куда бежишь, Никитка?» А он в ответ им, звонко так: «Бом-бом!»

Мальчик рано лишился матери, а вместе с тем истинной любви и ласки — мачеха его не баловала. Когда он

Храм в честь св. Андрея,
Христа ради юродивого в с. Михайловка.
Фото 2005 г.

убегал в церковь, она часто ругала Никиту: «Куда ты опять помчался?!» Но его тяга к дому Божию была так велика, что он находил малейший повод, чтобы ускользнуть: литургия ли служится, венчание ли, отпевание — Никита неизменно старался быть в храме. Именно службы храмовые, церковное чтение и пение — все эти чинопоследования заменили мальчику ту материнскую ласку и любовь, которых он был лишен.

С раннего детства, как и все крестьянские дети, Никита помогал родителям по хозяйству. Однажды, под праздник, еще не успели закончить молотить рожь, а он уже нетерпеливо поглядывает в сторону храма: ждет, когда ударит колокол. Отец заметил это и строго сказал: «Даже не думай, не смотри. Никуда не пойдешь». Но Никита, лишь только начали звонить ко всенощной, стремглав бросился бежать: босиком, в одной рубашонке, подпоясанной веревочкой.

Односельчане заметили, что в детстве Никита почти никогда не играл со своими сверстниками, часто был замкнут, молчалив и не любил излишнего шума и суеты. За это его дразнили «попом». Но с некоторыми из детей он все же дружил — чаще всего они играли «в церковь». Девочка Луша (впоследствии монахиня Геронтия) всегда читала и пела, а Никита, как диакон, возглашал.

Однажды, летним днем, он вышел с друзьями на огород, на плечи накинул какую-то старую дырявую шаль, в руки взял подсолнух с перевернутой вниз шляпкой, на манер кадила, и стал «кадить» вокруг подсолнухов, распевая: «Паки и паки Господу помолимся».

И с какой бы стороны он не заходил, подсолнухи ложились в его сторону, будто кланяясь. Мальчик испугался насмерть от одной только мысли, что подсолнухи полегли, и будущий урожай пропал. В детской голове промелькнула мысль, что отец не даст ему за это спуску. От страха он убежал, забился в самый глухой угол чердака и просидел там до вечера. Он бы просидел там и дольше, но, не слыша в доме никакого переполоха, спустился и скорее отправился на огород посмотреть, что там с подсолнухами — они все стояли прямо. Никита облегченно вздохнул и пошел домой.

Люди замечали в мальчике рассудительность не по годам, еще в детстве он отличался какой-то особой прозорливостью. Одна из теток батюшки рассказывала, что уже тогда к юному Никите обращались люди с вопросами о том, как поступать в делах житейских. Одна матушка вспоминала, что Никита с 8 лет собирал иногда старушек и ходил с ними Богу молиться в поле. Когда у нее переспросили: «Собирал сверстников, детей?», — она ответила: «Какие дети, шли старушки, так как все уже знали, что он мальчик Божий».

Когда мальчик немного повзрослел, его взял к себе в Воронеж родной дядя Максим для того, чтобы он обучался в земской школе. Бывало, дядя даст ему денег и скажет: «Сходи в цирк», а Никита берет деньги и идет в церковь. Потом дядя спрашивает: «Ну, был в цирке? Как там? Интересно?» Никита отвечает: «Да, был... Я уже все забыл...»

Научившись читать и писать по-славянски, начал помогать читать и петь на клиросе. При присущей Никите с дет-

ства внутренней сосредоточенности не лишен он был и чувства юмора. Как-то одна матушка из певчих принялась его учить: «Да ты пой в тон!», а он стал перелистывать книгу, делая вид, что что-то ищет: «А где он — этот тон?»

Уже в те годы Никита очень полюбил читать духовные книги, особенно жития святых. Позже начал посещать святые места. Киево-Печерская Лавра навсегда покорила сердце юноши, вызывая потом глубокие сердечные переживания при одном только воспоминании о ее духовной мощи и красоте. Там он познакомился с Лаврским монахом Ксенофонтом, будущим схиигуменом Кукшей, преподобным Одесским, почерпнув от него много полезного. До самой своей кончины он был с ним в духовной дружбе — ездил к нему, посылал к старцу своих духовных чад.

Никита в Нило-Столбенской пустыни

Мирская жизнь со своей тщетностью и суетой с детства не привлекала Никиту, и он решил посвятить себя подвигу — монашеству. Он искал в этой жизни — жизни вечной — всего того незыблемого, которое никто и никогда не поколеблет. Приняв решение стать монахом, юноша отправился в Киево-Печерскую Лавру. Но здесь его не приняли, так как уже началось явное гонение на этот монастырь, и Никита поступил послушником в Нило-Столобенскую пустынь. Монастырь этот искони являлся образцом иноческого быта. Находился он на острове на озере Селигер в Тверской губернии. Имел в то время завидное хозяйство: промыслы, рыбные ловли и пр. С усердием юный подвижник стал выполнять все послушания, но радость его была недолгой — монастырь закрыли, а монахи разбрелись кто куда. Никита снова вернулся в Киев.

Много различных скорбей довелось претерпеть ему в это время, но он во всем полагался только на волю Божию, полностью поручив душу свою *«в ру́це Его»*. Но этот период его жизни дал и неизмеримое богатство — духовную крепость, которая давала силы и надежду в эти годы вынужденной окружающей бездуховности и гонений на все православное. В Лавре он часто посещал пещеры и молился там у мощей святых угодников печерских, просил помощи и заступничества в нелегкой борьбе с искушениями и страстями. Послушник Никита слезно молил Господа указать ему истинный путь в это смутное время, просил Бога Самому устроить его жизнь, просил терпения в перенесении скорбей.

В Киеве от духовного отца Анатолия Никита принял постриг в монашество с именем Серафим. Предвидя назначение юного монаха, старец благословил его идти в мир, сказав: «Там ты нужен». С кротостью и величайшим смирением исполнил этот завет мудрого старца юный подвижник. В Киеве он познакомился со схиархиепископом Антонием (Абашидзе), который с 1923 года проживал в Китаевской мужской пустыни при Киево-Печерской Лавре. Верующие почитали его как духоносного старца, приезжая к нему из разных городов России. В 1933 году владыка Антоний был арестован и приговорен к пяти годам заключения условно. Последние годы он жил недалеко от уже закрытой Киево-Печерской

Лавры на частной квартире. Умер в 1942 году и погребен на лаврском кладбище. Через всю жизнь отец Серафим пронес светлые воспоминания о встречах с владыкой[1].

Спустя некоторое время монах Серафим вернулся на родину. В 1927 году он устроился ктитором в родную церковь Андрея, Христа ради юродивого в Михайловке — стоял за ящиком и продавал свечи. Время было тяжелое — пешком, по разбитым дорогам, в грязь и под палящим солнцем отцу Серафиму приходилось ходить за свечами в Воронеж, преодолевая с грузом за плечами более ста километров. Но он молился Царице Небесной, прося не оставлять его Своею помощью и заступничеством. По-видимому, именно тогда, в долгих переходах, начал овладевать юный монах Серафим тайнами Иисусовой молитвы, которая впоследствии даст ему силы и мужество превозмочь многие трудности и лишения этого сурового времени.

Дома из-за мачехи жилось нелегко — ходил постоянно впроголодь, недосыпал, не мог даже отдохнуть. Но добрые люди помогали, чем могли. И одна матушка взяла его к себе жить. Впоследствии он всегда с благодарностью вспоминал о ней: «Я ее до гроба не забуду».

Стоя за свечным ящиком в Михайловке, отец Серафим познакомился с монахинями Паисией и Митрофанией, которые, как и большинство монашествующих того времени, после разгона монастырей спасались в миру. Мать Паисия вела очень строгую жизнь — она попала в монастырь восьми лет и с детства впитала в себя дух монастырской жизни, соблюдала все иноческие правила и уставы. Впоследствии она стала келейницей отца Серафима.

С 1930 по 1933 год включительно он исполнял обязанности псаломщика в той же церкви села Михайловка. 4 января 1933 года владыка Захарий[2], архиепископ Воронежский, в Успенском Адмиралтейском храме города Воронежа рукоположил его во диакона. А через три недели, 25 января, во время архипастырского служения в Михайло-Архангельской

---

[1] См. о нем: «Архиепископ Димитрий. В схиме Антоний (Абашидзе). Жизнеописание». Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006 г.

[2] Архиепископ Захарий (Лобов), священномученик.

церкви села Малые Ясырки рукоположил его во священника и направил его служить в село Старый Эртиль, в молельный дом. Через короткое время отец Серафим был назначен служить в село Малые Ясырки, в тот храм, где его рукополагали. Вообще, надо сказать, что покровительство святого Архистратига Михаила ощущалось батюшкой всю его жизнь — он служил на трех приходах в честь Архангела Божия.

Отец Серафим несказанно радовался, что имеет возможность служить у Престола Господня. Именно в это время один высокой жизни священник, отец Иоанн из села Спасова, дал отцу Серафиму такой жизненный наказ: «Спасай души своих пасомых и всех, кто прибегает под твой покров ради Царствия Небесного». Спустя многие годы мы знаем, что исполнил он этот завет безупречно.

Когда он бывал в Воронеже, то ходил на службы в женский монастырь. Однажды во время службы к нему подошла одна блаженная (тот, кто нам рассказывал об этом, помнит ее под именем Феоктиста[3]), сильно ударила его в плечо и спросила: «Еще?» Потом, чуть выдержав паузу, сама себе ответила: «Довольно!» — и дала ему три сухаря. Батюшка рассудил, что это неспроста, но истинного смысла слов и «подарка», конечно, не осознал тогда в полную меру.

Безбожная власть усиливала гонения на веру и Церковь Христову, и отец Серафим, безусловно, понимал, что и ему неминуемо суждено испить эту чашу страданий и невзгод, как верному сыну Матери Своей — Церкви Христовой. Вернувшись в Малые Ясырки, он рассказал об этом случае и о своих раздумьях матушке Арсении, которая работала при храме. В ту же ночь за батюшкой пришли. Это было 17 июля 1934 года. Мать Арсения с перепугу созналась, что отец Серафим ночует на колокольне. Впоследствии, вспоминая свое старческое неразумие, матушка Арсения всю оставшуюся

[3] В 1920-1930-е годы в городе Воронеже жила раба Божия Феоктиста Михайловна Шульгина. Верующие знали, что она была Христа ради юродивой. Святостью жизни блаженная стяжала у Господа дар прозорливости и исцеления. Память матушки Феоктисты — 21 февраля по церковному календарю.

жизнь горько плакала, осознавая за собой грех невольного предательства...

Милиция обошлась с батюшкой достаточно мягко. Ему сказали, что его забирают и предложили взять, что захочет. «Самое дорогое я взял с собой», — вспоминал потом отец Серафим, но не говорил, что именно. Один старый священник, в наше уже время, когда ему задали вопрос: «Что же с собой мог взять батюшка?», ответил: «Ну что может быть самое дорогое у служащего священника? Безусловно, антиминс. В этом нет никаких сомнений».

При аресте предъявили постановление Усманского О\С НКВД, в котором, в частности, говорилось[4]: **«1934 года 17 июля г. Усмань Воронежской области. Я, оперуполномоченный Усманского оперсектора НКВД Иванов, рассмотрев имеющийся материал в отношении гражданина села Эртиль Мякинина Н.М. и принимая во внимание, что он достаточно изобличается в том, что входил в состав группы антисоветски настроенных церковников, проводящих активную антиколхозную деятельность и пропаганду среди окружающего населения монархических идей, участвовал на нелегальных сборищах группы и проводил индивидуальную антисоветскую агитацию, ПОСТАНОВИЛ:**

Гражданина Мякинина Н.М. привлечь к ответственности по ст. 58, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда, избрав содержание под стражей в Усманской ФЗИТК.

Постановление мне 17 июля 1934 года объявлено».

Ниже — собственноручная подпись батюшки: *Мякинин.*

Под следствием он находился более полугода.

Обыскав его келью, оперуполномоченный составил протокол обыска: **«...ИЗЪЯТО: разная переписка на 32-х листах, одно письмо, удостоверение одно, указания от архирея на 12 листах»**.

Выдержки из «Анкеты арестованного»:

«...Мякинин Никита Михайлович.

Родился 14 сентября 1902 г. в Воронежской обл. Панинского р-на д. Марьевка.

---

[4] Орфография архивов как в оригинале.

Постоянное место жительства (адрес): с. Малые Ясырки.

Место службы и должность или род занятий: служитель религиозного культа (поп)[5]» — слово «поп» Советская власть использовала как унизительное, стараясь оскорбить им священнослужителей.

Началось так называемое «следствие», а точнее сказать, выполнение постановлений безбожной власти по истреблению священства как класса и тотального искоренения Православия. Следователи страстно желали во что бы то ни стало найти со стороны отца Серафима какую-нибудь вину против большевистского режима. Причем законы времени были таковы, что если бы не было найдено улик достоверных, все равно бы судили, на основании мнимого обвинения. Мастаки своих дел уж наверняка что-нибудь бы состряпали.

Из «Протокола допроса» от 19 августа 1934 г.

Родители: крестьяне.

Национальность: русский.

Гражданство или подданство: гр-н СССР.

Семейное положение: холост.

Близкие родственники, их адреса, род занятий до революции и в последнее время: отец — Мякинин Михаил, брат — Кирилл 1906 г.р., сестра 25 лет, с Марьевка Панинского р-на. Как до революции, так и после занимаются сельским хозяйством.

Имущественное положение (до и после революции) допрашиваемого и его родственников): до революции — земля надельная, изба, рига, сарай, лошадь, корова, свинья; после революции — то же.

Образование: окончил сельскую школу.

Партийность: б/партийный.

Военная обязанность: тылоополченец.

Служба у белых: нет.

Вопрос: «Знаете ли вы в Щученском р-не матушку Анну, именующую себя царицей, и откуда вы ее узнали?»

Ответ: «В марте месяце 1933 года я приехал в село Эртиль Щученского р-на служить священником. Эртильскую церковь, в которой я служил, посещают монахини. На Пасху в церковь вместе с ними пришла и странница Анна. От ме-

[5] В переводе с греческого значит «отец».

стных монахинь я узнал, что та странница Анна именует себя царицей, женой Николая II. Я лично с Анной ни о чем не говорил и слыхал о ней только от монахинь, фамилии и имени которых я не знаю».

Вопрос: «Признаете Вы себя виновным в том, что Вы имели связь с церковно-монархической группой, именовавшей себя бывшими членами царской семьи и ведущей подготовку к свержению советской власти и срыву всех мероприятий, проводимых советской властью на селе?»

Ответ: «Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю, членом церковно-монархической группы не состоял, но с членами группы, как-то: Дорофеевой Акулиной, монахиней Анной (по словам монахинь села Эртиль, последняя называла себя царицей), священником Павловым (с которым устраивали объединенную службу в церкви с. Т. Пески с посещением его на дому) — связь поддерживал. Посещал я крестьян, как-то: гр-на Лыкова в селе Ясырки, но среди них никакой агитации против советской власти не вел».

10 февраля 1935 года вынесено постановление Особого Совещания при НКВД СССР: **«...Мякинина Никиту Михайловича... направить первым отходящим этапом в г. Караганда»** в КАРЛАГ с предписанием **«взять на особый учет»**.

Карлаг — это огромная по территории часть Сталинского ГУЛАГА, здесь люди трудились, что называется, на износ, в нечеловеческих условиях. Кругом были казахские степи, из растительности попадались заросли карагача и верблюжьей колючки — этот карагач рубили, корчевали корни. Батюшка очень уставал на этих работах. Ко всему прочему, кормили очень плохо. Заключенные рвали дикий степной лук, заливали его водой, чтобы сошла горечь, а потом ели.

Но упование на милость Господа нашего Иисуса Христа, добровольное предание жизни своей в Его святую волю, давало несокрушимую надежду отцу Серафиму, которая так помогла ему в перенесении нечеловеческих страданий. Постоянно творимая им молитва Иисусова давала силы превозмочь все, однако внутренняя молитвенная сосредоточенность вызывала со стороны заключенных не только насмешки, но часто и большую злобу. Соузники иногда говорили ему: «Никита, ты похож на попа».

Отец Серафим в годы ссылки

Изнурительная стужа зимой, а в летнее время невыносимый зной, нестерпимый голод приводили к тому, что силы человеческие слабели. Но батюшка только мужественно усиливал молитву, и Господь не оставлял его Своею милостью, подкрепляя и давая сил все превозмочь, все пережить и не сломаться в лагере.

Лагерный быт был невыносим — жестокость начальства, зверства уголовников. Батюшке вначале было очень трудно, но однажды он сказал сам себе: «А чего ты унываешь? Ты в монастыре: начальник лагеря — это игумен, а все заключенные — это монастырская братия и насельники. Сигнал на работу — братия пошла на послушание. Сигнал на обед — братия в трапезную пошла. И стало совсем хорошо». Вспоминают, что батюшка немного юродствовал в то время: подойдет, бывало, к начальнику, распорядителю работ, и скажет: «Отец, благослови». Тот сперва ярился, чуть не с кулаками кидался, а потом смирился и только в ответ головой кивал. Говорят, что с тех пор батюшке и работы стали выпадать немного полегче.

Вот два чуда, произошедшие с батюшкой во время нахождения его в лагере.

Однажды, в Прощеное воскресение, когда он находился за какую-то провинность в камере, совершенно неожиданно ему передали в камеру яйца и хлеб, намазанный маслом. Вот как сам отец Серафим вспоминает этот случай[6]: «Я отбывал тюремное заключение — это было в 1935-м. Наступила масленица — заговение под Великий пост. Находясь в камере, я размышлял: «Вот подходит Великий пост, сейчас заговение. Был бы дома, мы бы по порядку все исполнили, а здесь сидишь, теряешь дни, да еще и заговляться нечем — не в своей воле». Да еще в сердцах сказал так: «А еще говорят: святитель Николай помогает заключенным! Если бы кто-нибудь знал, что я здесь, то оказали бы помощь...» И что сделалось — в последний день масленицы часовой открывает дверь в камеру и говорит: «Вам передача!» — и получаю посылку. Гляжу: от кого не написано. Спрашиваю подающего: «Кто передал?» Отвечает: «Сказали передать Вам». Вот тут-то я понял, что сильно оскорбил угодника Божия святителя Николая. За мое маловерие он послал мне милостыню, чтобы я не сомневался в его попечении о нас». Слезами горячей благодарности отец Серафим славил Бога за явное чудо и молил святителя Николая о прощении своего маловерия, горячо просил святителя не оставлять его, покрывая своим неусыпным заступничеством.

И второй случай явной милости Божией к своему избраннику. Однажды батюшка шел по лесу мокрый и голодный, но, несмотря ни на что, благодарил Господа за то, что жив и с умилением просил Его дать ему сил и терпения, чтобы превозмочь это трудное время подневольного труда и неописуемых лишений. И вот — о чудо! — прямо на лесной тропинке лежал хлеб — горячий, еще дымящийся, с той хрустящей корочкой и сладким запахом, который бывает только у извлеченного из печи каравая! Со слезами благодарности отец Серафим съел его и после этого целую неделю не ощущал чувства голода.

В ссылке с батюшкой находились и другие священники. Примерно в этих же местах в это время отбывал свой срок

---

[6] Здесь и далее выдержки из воспоминаний схииг. Митрофана немного подредактированы (*ред.*).

заключения преподобный Севастиан Карагандинский, духовной дружбой с которым так дорожил схимонах Иоасаф Грязинский[7] — будущий сомолитвенник отца Серафима. Батюшка однажды сказал, вспоминая лагерное время: «Если есть антиминс освященный, то и на камне можно обедню служить», — из этого духовные чада заключили, что батюшка взял с собой при обыске, тайно спрятал на себе и пронес через все лагерные испытания «самое ценное», — антиминс, и когда позволяли обстоятельства, то и служил на нем.

После трехлетней ссылки, 15 апреля 1938 года, отец Серафим был освобожден из заключения.

Батюшка позже вспоминал: «Кругом не было ни одного храма, жить скучно... Но на все Божия воля». Гонения властей на верующих не только не ослабевали, но еще больше ожесточались, а у отца Серафима не было ничего: ни работы, ни документов, ни крова. «*Лисы имеют норы, птицы небесные — гнезда*», а у батюшки по его словам не было никакого земного прибежища: «скитался, как нищий, пребывал в тяжелых условиях, скорбных обстоятельствах, был в презрении от окружающих и даже своих родных». Никто из родственников его не принял, даже родной брат — страх перед советской властью убивал в людях все человеческое. Такой неестественный страх сковал людей, что многие предпочли отойти от Церкви Христовой, задушить в себе веру, примириться с окружающим беззаконием, и по причине умножения этого беззакония в людях охладела любовь. Много пришлось перенести скорбей в это время отцу Серафиму — подступало уныние, душила безысходность, иногда казалось, что уже нет сил все это претерпеть. Чашу страданий батюшка испил сполна. Проводя такую жизнь, он стал подумывать, что лучше уж, наверное, пребывать там, где был прежде — то есть в заключении. Заснул он как-то при таких скорбных мыслях и видит сон. «*Я оказался в поле, покрытом поспевающим хлебом,* — вспоминал позже об этом знаменательном сне отец Серафим. — *Не могу припомнить*

[7] Оптинский старец — схимонах Иосаф (Моисеев), последние годы жил в г. Грязи Липецкой обл. Скончался в 1976 году.

— рожь или пшеница. И нужно мне было идти мимо сего поля по дороге. Вдруг вижу: навстречу идет подвода — лошадь с повозкой и два каких-то начальника. Они остановили меня. Я испугался. Один из них говорит другому: "Вот он! Его нужно опять взять туда, где был". А другой отвечает: "Нет, не нужно, пусть он будет здесь, потому что хлеб уже поспевает, а убирать его некому". Тут я проснулся от сна в сильной тревоге. Я очень испугался... Это было летом 39 года».

Тем же летом с ним произошло еще одно событие, о котором батюшка также оставил свои воспоминания: «*В августе 1939-го мы пошли навестить заключенных. И тут же по пути посетили старенькую монахиню, принеся для нее Святые Дары.*

На обратном пути, на перекрестке дорог, невиданная сила задерживала нас, не давая идти дальше. Нас было трое. Одна говорит: "Нужно идти прямо". Другая возражает: "Нет, пойдемте вправо". Мы друг другу противоречили. Вдруг подошла к нам женщина и спрашивает: "Что вы здесь стоите? Не знаете, по какой дороге вам идти? Дорогие мои, идите вправо — все будет хорошо, вас встретят". По совету этой женщины мы пошли направо. Дорога была хорошая, приветливая. Пройдя километров 15 по лесу, мы увидели церковь и красивое селение, по улицам которого протекала река. Мы пошли берегом реки и, зайдя в стоящую на берегу маленькую хатенку, спросили разрешения попить. Оказалось, что в этой хатке живут две старушки, которые в тот момент были заняты своей домашней работой. Одной из них около 90 лет, а второй — 65. В просимом нам не отказали. Старшая смотрит на нас и говорит: "Это странники". Мы отвечали ей: "Нет, мы к родным в тюрьму носили передачку и по пути зашли попросить у вас попить". Она продолжает: "Это хорошо, но вид ваш странствующий, — мы были босиком, в простой бедной одежде. — Молодой человек, я хочу у тебя спросить, есть ли где церковь и священники?" Я отвечаю ей: "В Москве есть. Возможно, еще где-либо есть. Про свободных священников я не знаю, есть ли они сейчас где-нибудь— все скрыто". Вторая говорит: "Зачем ты, маманя, спрашиваешь молодого человека о том?" Она отвечает: "Замолчи, Марфуша, я не с тобою говорю. Спрашиваю его — он должен знать: где-то есть священники. Мне было сказано: «Аннушка, не скорби, к тебе придет священник со Свя-

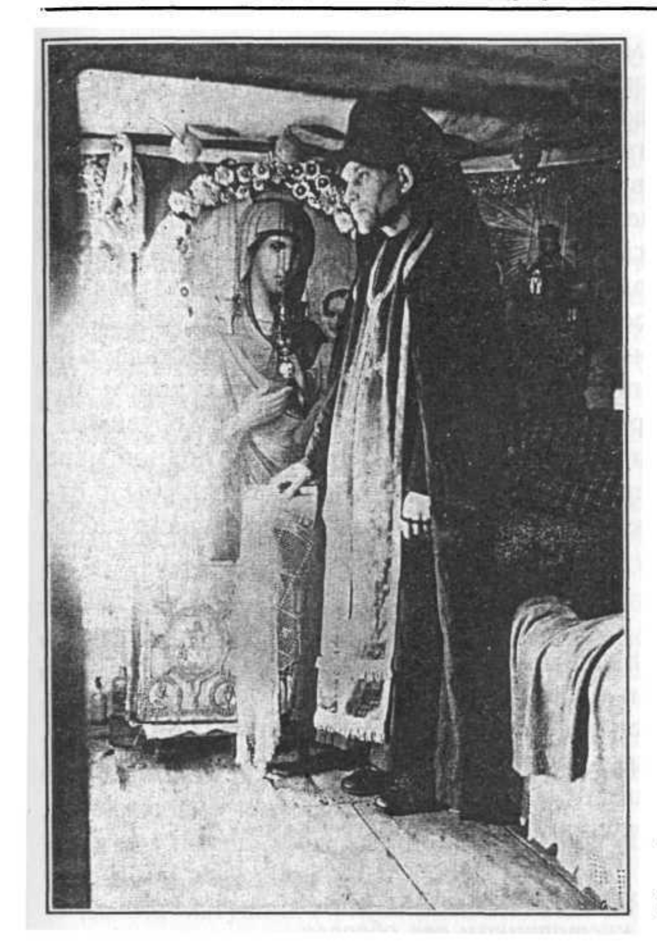
тыми Таинами и приобщит тебя», — вот я и говорю ему о том". Я вторично отказываюсь, что не знаю ни одного из батюшек. Она отвечает: "Дорогой мой, ведь я была два раза в святом Иерусалиме... Как мне хочется принять Святых Таин! Боюсь, умру без покаяния..." — и много-много говорила она полезного. Потом оставила свою домашнюю работу и обратилась к своей послушнице: "Напои их чаем. Они должны остаться на ночлег". Мы не хотели оставаться, но она упросила нас. Утром следующего дня она говорит своей послушнице: "Марфа, покорми их рыбкой, которую я сама на удочку наловила, и напои чаем", — а сама пошла на реку за рыбой. Вставши из-за стола, мы отблагодарили их за теплое приветствие, отслужив литию по их родителям. Младшая говорит старшей: "Маманя, гляди-ка, что есть — это священник у нас!" И старшая, упавши нам в ноги, говорит: "С тобою тут Христос. Напутствуйте меня, ведь мне было сказано: «Аннушка, не скорби — получишь желаемое»". И я, недостойнейший иеромонах, по ее искреннему желанию на следующее утро причастил их — они со своими близкими сподобились принять Святые Таины. А мы, с благодарением ко Господу, что Он, Всемилостивейший наш Искупитель, исполняет желания своих истинных рабов, отошли восвояси с радостию, что Господь не лишил Своей любви, ведь все это было указание, чтоб мы не отчаивались, истинно веровали в Промысл Божий — пути Его непостижимы. Благодарим Господа. Аминь».

Отцу Серафиму было невыносимо тяжело — он все время опасался властей: монашествующих и священников в то время сильно преследовали. Иногда он тайно приходил в Михайловку. Одна старушка, просфорница Михайловской церкви, вспоминала: «Мой отец с батюшкой Серафимом был дружен. Когда тот приходил до войны в Михайловку с кем-либо из своих повидаться, он тайно у нас останавливался. Однажды ночью, когда он был у нас, нагрянула с обыском милиция, а тятя отправил отца Серафима на печь к нам, детям, в ноги. А нас там было мал мала меньше. Мы все затаились. Все перерыли в доме, на печь полезли — видят: дети спокойно спят, и будить не стали. Ничего не нашли. А отец Серафим с раннего утра ушел на ближайшую станцию». В 1941 году умер отец батюшки. Рискуя снова попасть в тюрь-

му, отец Серафим приходил на его похороны. Батюшка вспоминал об этом времени: «*Было начало войны. В июне месяце 41 года мы с двумя спутницами пошли навестить старую монахиню и ее сожительниц. Погостив несколько дней, мы отправились в обратную дорогу. Дойдя до знакомых, остались на ночлег. Ночью я стал размышлять, как быть дальше, что делать. И вижу в сонном видении в воздухе надпись: "Обитай в тайне"*», — после этого отец Серафим решил уйти в затвор.

По доброте душевной приютила его у себя матушка Акилина в своем маленьком домике в селе Курлаки. У нее в хатке была чудотворная икона Божией Матери. Отец Серафим часто совершал там богослужения, но большее время находился на чердаке или в вырытой под полом яме. Там, в маленькой хатенке, он жил одной лишь молитвой — непрестанно молился за всех родных, знакомых и за мир. Ночи не спал — молился со слезами и поклонами. Однажды мать Акилина, невольно наблюдая за батюшкой, насчитала две тысячи земных поклонов, которые он положил за ночь. А если и удавалось ему немного вздремнуть ночью, то все равно он рано вставал, чтобы сразу встать на коленопреклоненную молитву, а на недоумение матушки Акилины по поводу ранних своих подъемов отвечал: «Кто рано встает — тому Бог дает, а кто долго валяется — у того Богом отбирается».

Только очень духовно близкие люди, несмотря ни на что, посещали в то время отца Серафима. Шли за любовью, теплым словом, а возвращались утешенные, будто побывали на Небесах. Матушка Нектария рассказывала, как однажды под Пасху она ехала к нему из Воронежа, везла с собой полпуда пшена батюшке на пропитание. В дороге люди часто спрашивали: «Куда едешь?.. Что везешь?..» И милиция проверяла документы. Но матушка Нектария молчала и творила молитву — и добралась благополучно. Когда стемнело, она пришла в дом, где жил батюшка. Там уже было четыре человека, все — чада отца Серафима. Матушка Нектария оказалась пятой. Хатка у матери Акилины была маленькая, но тесноты почему-то не замечалось. Началась пасхальная служба. Окна завесили черными шторами. В комнатке горели свечи, лампада. Было и самодельное паникадило — люстра, сделанная из катушек со вставленными в них свечами. Мать Нек-

Иеромонах Серафим в годы затвора

тария рассказывала, что такой службы она отроду не видела: казалось, что все стояли на воздухе, потолок раскрылся, куда-то ушел, и будто небеса в своей первозданной красе были над ними, а убогое жилище наполнилось благодатной радостью и Светом Невечерним. Пение было дивное, будто неземное. Батюшка служил то в одном, то в другом облачении. Перед причастием, волнуясь, со слезами на глазах, он произнес проникновенную проповедь, а затем все с трепетом приступили к Святым Христовым Таинам...

Сама хозяйка дома, мать Акилина, пока шла служба, ходила вокруг своего домика и наблюдала, чтобы кто из незваных гостей случайно не зашел.

И вот во время такой «сторожовки» стала она роптать — «как же так, они там, в такой благодати Божией, литургию служат, поют, наслаждаются, а я тут на холоде стою». И вдруг над ней хор ангельский запел — «Иже Херувимы...» А как раз в это самое время в доме у матушки Акилины шла служба, и там тоже пели «Иже Херувимы», — а ей на улице Ангелы пропели! Тогда она все поняла, да давай просить прощение у Матери Божией, мол, прости, что я роптала, глупая...

В условленное время заходит матушка в свою избенку, а батюшка Серафим и говорит ей: «Ну, что ж ты роптала, а на ропот твой Господь послал Саму Пречистую с хором ангельским, вот прилетели к тебе и спели — Иже Херувимы»

Уже в те годы проявился у отца Серафима в полной мере дар прозорливости. По Благодати Божией батюшке было открыто, кто и с какой скорбью к нему придет и даже какие помыслы были у человека в дороге. Пришли однажды к нему духовные чада — Пелагея и Анна. По пути они не поладили между собой, но батюшке ничего не сказали. Началась служба, батюшка стал кадить. Подходит к сестрам и кадит между ними со словами: «Побоялся, убежал! Всю дорогу искушал и тут между вами стоит, искушает». Девчата признались, что в дороге поссорились, попросили прощения. Батюшка сказал, что видел стоявшего между ними беса.

В затворе батюшка написал стихотворение:

Низкая хата в землю вросла,
Густым кустарником вся обросла,
Прохожим этот домик вид не давал,
Кто в нем скрывался, Господь охранял.

В этой хатенке Пречистая пребывала всегда
И славные чудеса творила Она,
Радость духовная лилась здесь рекой,
Утешала скорбящих, шедших узкой тропой...

Именно в те годы окончательно и безвозвратно утвердилась в сердце батюшки мысль, что единственная цель его жизненного, земного существования — есть служение людям. Истинный пастырь душу свою за овец своих полагает.

В затворе батюшке являлись усопшие, то есть души людей, которых в те скорбные времена войны и репрессий не проводили в мир иной по православному обряду, с просьбой отслужить по ним панихиду и помолиться за них. Называли свои имена и указывали места своего погребения. Те, по ком он служил, больше ему не являлись.

Часто приходил наяву диавол, укоряя батюшку за то, что он молится за людей, которые при жизни служили сатане. Бесы грозили батюшке, хотели прогнать его из затвора, даже мать Акилина восстала против него... Отцу Серафиму пришлось перейти в другое место.

Когда батюшка еще работал в Михайловском храме, там он узнал монахинь Паисию и Мефодию. И вот они начали искать ему убежище. В Больших Ясырках жила вдова бывшего местного председателя Ирина Ивановна — к ней и послали селяне ищущих приют монахинь. Муж Ирины при жизни был яростный безбожник: громил церкви, жег иконы, раскулачивал селян. Но сама Ирина Ивановна была женщиной глубоко и истинно верующей. Она с любовью приютила матушек. Тайно, ночами, под полами хаты послушницами схимонахини Михаилы (великой старицы) был выкопан и обустроен небольшой погребок, в котором впоследствии поселился отец Серафим. И там за живых и усопших полилась неусыпная молитва и начали твориться чудеса, во славу Божию.

Домик матушки Ирины располагался над прудом. У заботливой хозяйки был кот. Батюшка вспоминал: «*Это было в [19]44 г. в неделю Страстную. Когда я находился в затворе, со мною в помещении жил кот, который ко мне очень дружелюбно и ласково относился. Я часто его кормил. Однажды, когда он ласкался ко мне, я ему запросто сказал: "Вот я тебя питаю, то есть кормлю, а когда буду старенький, ты должен меня кормить". Котик выслушал все и под Святую Пасху, начиная с Чистого Четверга, в Пятницу и Великую Субботу, приносил живую рыбу весом по килограмму. Наносил на всю Святую неделю. Многие мои посетители видели и кушали промыслом Божиим поданное*». Батюшка рассказывал потом своим чадам: «*Принес, а я правило читаю. Так он впереди меня зашел, а рыбка в зубах мотается — вот, мол! Я ему*

говорю: "Молодец, так давно бы надо"». Если дверь была закрыта, кот лапкой стучался в окно. Но приносимую рыбку умный котик отдавал только батюшке Серафиму, и если матушка пыталась у котика рыбку отнять, то он лапкой ее придавливал и фырчал на матушку грозно. Свидетелем этого чуда стал и Николай Александрович Овчинников (будущий отец Нектарий) — знаменитый хирург, доцент, ставший впоследствии священником и схимником.

За великий подвиг затворничества и непрестанной молитвы Господь сподобил батюшку быть свидетелем различных чудес: ему являлась Царица Небесная, а однажды в духовном видении ему открылось, как распинали Спасителя — он ясно видел гвозди, молоток, лица, которые были при распятии, слышал стук молотка. Впоследствии он поведал это рабе Божией Агриппине.

Но, увы, враг рода человеческого и здесь не давал покоя подвижнику. Кто-то из соседей донес властям, что у Ирины происходит что-то «неладное», и к ней стала частенько наведываться милиция. «Не знаю. Не видела. Никто не приходил. Никаких попов», — отвечала она. Случилось, ночью, когда батюшка совершал службу вместе с находящимися в доме еще несколькими старенькими матушками, кто-то стал сильно стучать в дверь. Батюшка спрятался в подполе, а матушки расстелили на полу коврики, легли на них и сделали вид, будто спят. Хозяйка побежала открывать. Зашел представитель властей:

— Так! В чем дело? Что здесь такое?!

— Да это ко мне бабушки приехали — проведать меня...

— Откуда эти бабушки?!

Старушки все толково ему объяснили.

— А это что у тебя?! — грозно спросил незваный гость, — матушки впопыхах не успели спрятать батюшкиной ризы, она осталась лежать на самом видном месте! Но Ирина тут же нашлась:

— О, да вы что — не знали моего? Он, будучи председателем, ходил и громил все. Вот я и нажилась, риз набрала — теперь распарываю, детишкам на платья перешиваю...

И благодаря заступничеству Божией Матери и находчивости хозяйки в ту ночь никого не тронули.

Утром отец Серафим подошел к иконе Матери Божией и, припав к ней, стал слезно благодарить Ее. Вдруг образ ожил, и батюшка наяву увидел Царицу Небесную, Которая сказала ему: «Не скорби, отец Серафим, Я всегда с тобой».

Несомненную надежду и упование на заступничество Матери Божией приобрел отец Серафим в то утро.

Батюшка не боялся нести слово Божие, этот свет невечерний, всем страждущим людям, верным чадам Церкви Христовой. Отец Серафим стал ночью ходить в Пады — служил там у знакомых монахинь (у матушки Александры, которая впоследствии стала схимонахиней Кукшей, и у матушки Пелагеи). Ходил, бывало, и в женской одежде, чтобы никто не обратил внимания на незнакомого мужчину. Кроме Падов, проведывал близких ему по духу людей и в других селах, за 10 и более километров. Служил у них литургию. Рассказывают, что раба Божия Евдокия оставляла ему в камышах корыто (на лодке было бы слишком заметно), и батюшка в сумерках переплывал к ней на другой берег, служил ночью в ее доме литургию, а под утро, переплыв на том же корыте обратно, отправлялся к себе. Иногда он навещал старицу Михаилу, жившую тогда еще в селе Вязковка, и других стариц и старцев, с которыми был в тесной духовной дружбе. Ходил он в основном ночью — зимой и летом. «Бурьян, снег, грязь по пояс, но он ходил непрестанно, — вспоминали свидетели этого много лет спустя. — Шел то полем, то вдоль речки...»

Все же отцу Серафиму пришлось перебираться из Ясырок в Пады. Нельзя было слишком долгое время привлекать внимание властей, время требовало чрезвычайной осторожности. Там он тоже жил в подполе. В углу хаты, как это часто делали в деревне, хозяйка поставила маленького теленка — как раз в том месте, где на полу была дверца в подпол, чтобы та не сильно бросалась в глаза. И если к матушке приезжали родственники, то батюшка по несколько дней не видел белого света и, естественно, не вкушал никакой пищи.

В Падах батюшке тоже доводилось служить литургию ночами, и это было для него поистине великим утешением.

Происходили иногда и забавные случаи. На одной из служб около печки посадили раздувать уголь для кадила маленькую девочку Любашу. В один из моментов службы батюшка

зовет своего «пономаренка»: «Любашка, давай кадило!» Она вылезает вся в золе, чумазая до невозможности, почти негритенок! Все матушки дружно заулыбались: «Глянь, Любашка на кого похожа!»

Живя в Падах, батюшка часто задумывался о том, как жить дальше. Ему крайне необходим был духовный совет.

Время не сохранило истинных обстоятельств небезопасной поездки батюшки Серафима со своей будущей келейницей — матерью Паисией — к старцу Иоанну в Грибановку. Но мы знаем, что мудрый старец, побеседовав с батюшкой Серафимом, сказал: «Мантия пошла в мир. Иди, набирай духовных чад». Когда батюшка вышел от старца и передал эти слова матери Паисии, та чуть не упала в обморок от страха: она была монастырская матушка и вела строгую жизнь — и не могла понять того, как это «мантия может пойти в мир», даже мысль такую не принимала, что можно спастись в миру. Впоследствии мать Паисия находилась все время при батюшке в селе Ячейка, где пекла просфоры, пела на клиросе. Кстати, что удивительно, пела она глубоким красивым басом.

Примерно в это же время произошла встреча отца Серафима со схимонахиней Серафимой — удивительной мичуринской старицей. Сейчас никто уже и не помнит точно, где и когда эта встреча состоялась. Однако, очевидно, что эти два человека не могли не встретиться. Матушка до разгона монастырей духовно окормлялась у последних старцев Оптиной пустыни. Будучи замужем и имея детей, она часто бывала в великой обители, где сподобилась однажды необыкновенного духовного откровения[8]. Оптинские старцы нисколько не усомнились в действительности произошедшего и даже пересказывали некоторые подробности случившегося, как будто сами при этом присутствовали.

Неоднократно сподоблялась матушка Серафима посещений Божией Матери в виде Странницы. Схимонахиня Евст-

[8] См. подробнее в жизнеописании схимонахини Серафимы (Белоусовой).

ратия как-то сказала, что присутствие Странницы было неотъемлемой частью матушкиной жизни. Многие Ее видели. Схимонаху Иоасафу Она чудесным образом указала место, где он должен спасаться — город Грязи Липецкой области... Живя в семье, матушка приняла постриг в мантию от отца Митрофана. Муж схимонахини Серафимы — удивительно кроткий и любвеобильный человек — так и не принял монашества по своему глубочайшему смирению. Матушка Серафима как-то привезла его на постриг к отцу Серафиму, сказав: «Одень его». Но батюшка ответил: «Нет. Он и так хорош». И больше этот вопрос никогда не поднимался.

Вообще, в это тяжелейшее время была необыкновенная по своему напряжению и высоте духовная жизнь. Все имело свою реальную цену. Пять удивительных старцев: отец Серафим, схимонахиня Серафима (Мичуринская), схимонахиня Михаила (в мантии — Митрофания), схимонах Иоасаф (у него на дому в Грязях батюшка служил литургию) и схимонахиня Антония из Мордово — жили друг у друга в послушании, собирались на духовные советы, окормляли друг друга. Как сказала впоследствии схимонахиня Феодорита: «Не было никакой ревности — ни у старцев, ни у их духовных чад друг ко другу, а была одна любовь». Один маститый протоиерей как-то раз высказал мысль, что пришло время выпустить биографии этих подвижников под одной обложкой: «Вот ведь все никак не можем наладить самого простого христианского общения, а уже ушедшие эти подвижники, спустя десятилетия, светлой памятью о себе как минимум три епархии объединяют».

Пришло время — батюшка Серафим вышел из затвора. По молитвам матушки Серафимы (Мичуринской) и старца Иоанна из села Спасово, Господь послал в помощь добрых людей — рабов Божиих Параскеву и Гавриила из Воронежа, которых все звали просто Паша и Гаврюша. Они прописали батюшку у себя дома. И тогда стараниями добрых людей батюшке был выправлен паспорт, было это в 1949 году.

Батюшка сердечно, от всей души благодарил Пашу и Гаврюшу за помощь. Однажды он пообещал посетить их. Те на радостях купили копченую рыбу, чтобы угостить духовного отца. Но хитрющий хозяйский кот потихоньку стянул

рыбу и успел ее обгрызть. Кота, конечно, проучили и выпроводили за калитку. Как ни хороша была рыбка, но к столу ее, конечно, уже было не подать. Только переступив порог, батюшка с улыбкой и легкой иронией произнес: «Пашенька, зачем котика-то побила и выбросила за калитку? Авось селедочку мы бы съели и обгрызенную!»

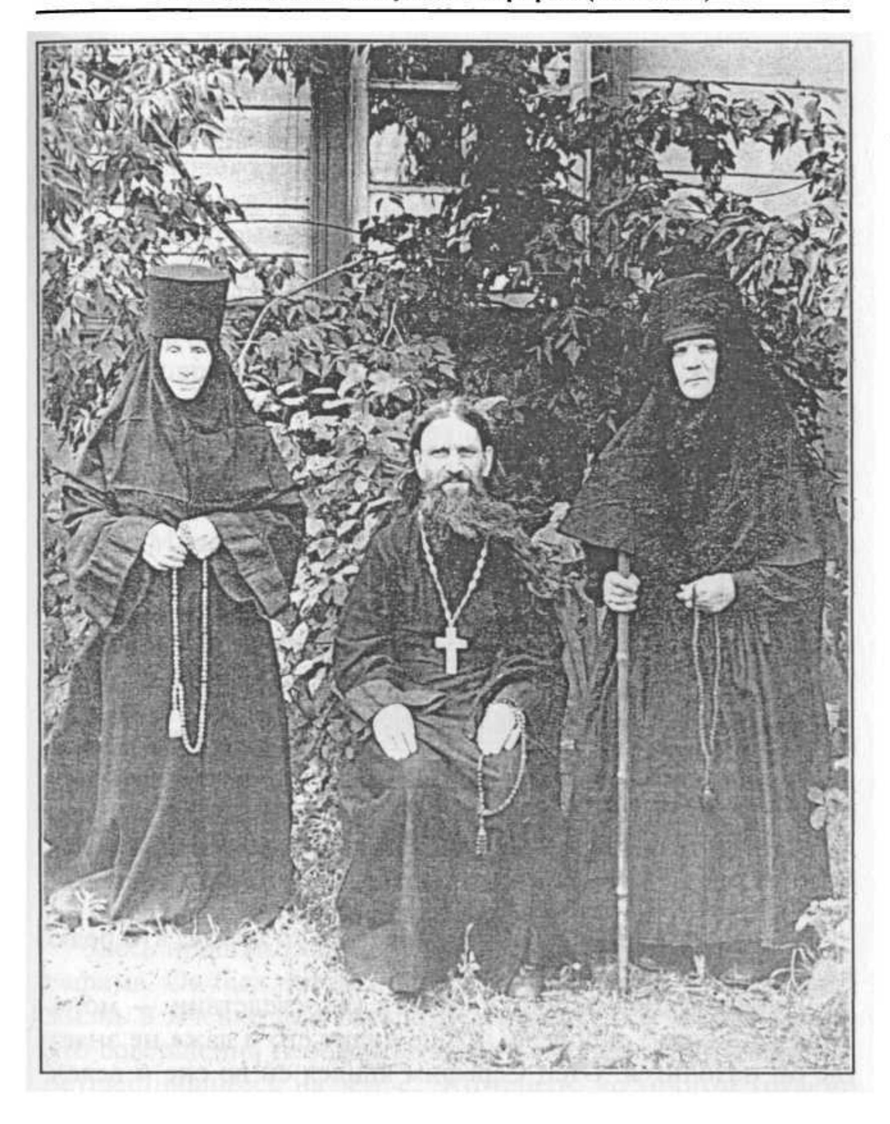
Когда все необходимые документы были отцом Серафимом уже получены, по просьбе матушки Серафимы Николай Овчинников устроил батюшку сторожем на областную станцию переливания крови в городе Воронеже, где работал главврачом. Впоследствии, имея рядом такого пастыря, Николай Александрович перед операцией всегда тайно благословлялся у батюшки — он на личном опыте убедился, что с его благословения операции всегда проходили успешно.

Чтобы не вызывать подозрений со стороны окружающих, главврач нарочно ругал батюшку при людях то за одно, то за другое. А вечером приходил в сторожку и падал отцу Серафиму в ноги: «Батюшка, простите!», хотя батюшка сам знал, что ругает его Николай Александрович «для отвода глаз».

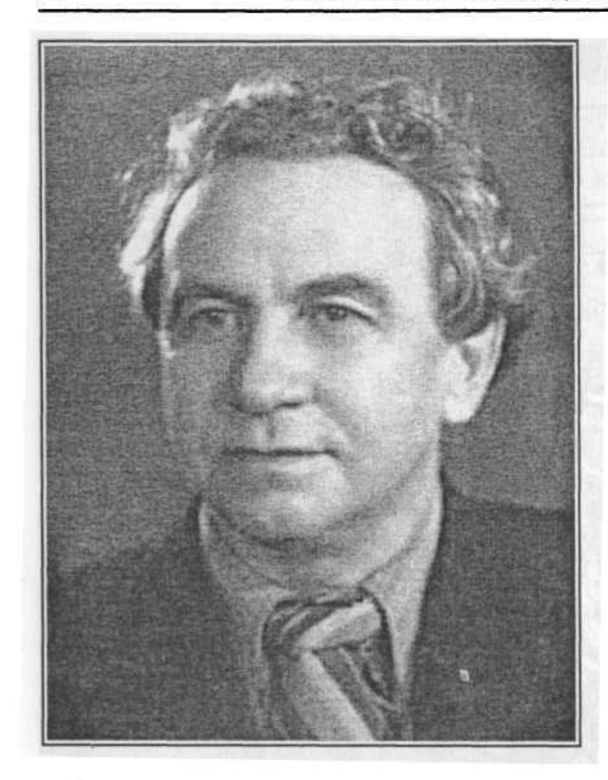
Был у них и такой прием. Отец Николай частенько вызывал батюшку к себе в кабинет: «Пригласите ко мне Мякинина!» Лишь только батюшка зайдет: «Вот что: закрывай дверь — давай акафист читать». А работники недоумевали: «И за что он так часто Мякинина пробирает?»

Многих людей возвратил батюшка на путь истинный. Иногда он в назидание своим духовным чадам рассказывал про Феклу, которая работала в больнице в одно время с ним. Жила она раньше в одном из женских монастырей, а когда насельниц разогнали, стала работать в больнице костоправом. Понравился ей один врач. Когда он шел по двору после работы, Фекла подходила к окну второго этажа и смотрела на него. А потом как-то опомнилась и говорит себе: «Фекла-Фекла, что ж ты делаешь?! Ну-ка, иди в туалет, — пришла в туалет. — Видишь, как тут пахнет? Так и от тебя будет пахнуть. Ведь ты инокиня, а ходишь на мужчину смотреть! Больше на него не заглядывайся!» И с этих пор она на того врача уже не смотрела, потому что очень боялась греха.

Отец Серафим, работая в больнице, часто тайком ходил в Покровский собор. Изредка, как в далеком детстве, убегал с

Схимонахиня Серафима (Белоусова), схиигумен Митрофан (Мякинин) и схимонахиня Михаила (Сарычева)

Николай Александрович Овчинников

работы хоть на минутку, иногда долго задерживался и тогда говорил сослуживцам, что стоял в очереди за хлебом. И говорил ведь истинную правду, так как Хлеб Духовный несравнимо выше хлеба насущного.

Многие духовные чада переживали в то время, что редко видят своего любимого наставника.

Духовная дочь батюшки Мария (впоследствии — монахиня Миропия) скорбела, что не видит его и даже не знает, где он находится. Отец Серафим явился ей во сне и велел, чтобы она приехала в Воронеж и искала его «на станции переливания крови», — словосочетание, никогда прежде даже наяву Марией не слышанное. Ее вера батюшкиным словам была так велика, что Мария отправилась в Воронеж, хотя не представляла, где искать отца Серафима. С автовокзала она наугад пошла в Покровский собор. Стоя около одной из икон, она вдруг почувствовала, что кто-то толкнул ее в плечо и сказал: «Я тут, Мария. Молчи, никому ничего не говори! Служ-

ба кончится — иди за мною». Отец Серафим стоял с нищими, прося милостыню. После службы Мария, как и было ей велено батюшкой, потихоньку пошла за ним, и он привел ее к себе в сторожку. Радость ее была неописуемой, она все это время проплакала от счастья.

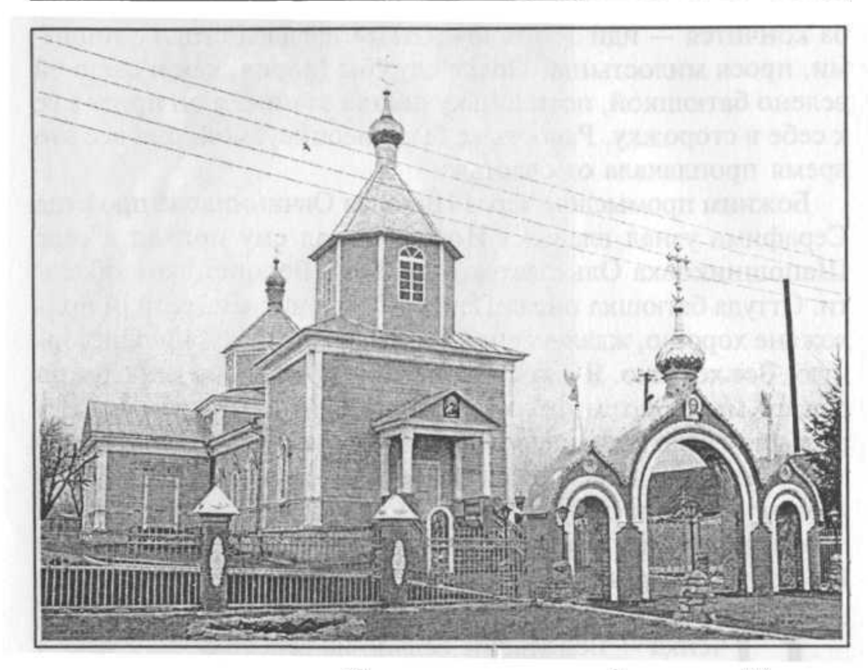
Божиим промыслом через Николая Овчинникова про отца Серафима узнал владыка Иосиф[9] и дал ему приход в селе Шапошниковка Ольховатского района Воронежской области. Оттуда батюшка писал Паше и Гаврюше: «Встретили прихожане хорошо, ждали меня. Дали одну комнату, но просторную. Все хорошо. Я сыт». Но на этом приходе он прослужил совсем мало. Затем он указом правящего архиерея был переведен в село Камышеватка Алексеевского района, и наконец указом от 10 февраля 1951 года он был назначен настоятелем Михайло-Архангельской церкви села Ячейка, где и прослужил 11 лет. Оттуда он также прислал письмо Паше и Гаврюше, поздравляя их с праздником Благовещения.

Ячейка — небольшое сельцо на севере Воронежской области. Среди полей и придонских степей — маленький островок зелени. При внешней простоте и неказистости — местечко по-своему очень живописное. Все, кто там когда-либо побывал, всегда вспоминают, что там как-то по-особому легко дышится. Посреди села возвышается небольшой деревянный храм в честь Архангела Михаила, выкрашенный голубой, небесного тона краской.

Здесь прошли главные годы пастырских трудов отца Серафима. Он был потом и на других приходах, но церковная жизнь в Ячейке при батюшке вспоминается всеми как нечто совершенно необыкновенное — как Царство Небесное, осуществившееся на земле. Это теперь, во многом трудами отца Серафима, в храме устроен четырехъярусный иконостас, везде иконы и необыкновенное для скромного сельского прихода благолепие, а когда батюшка появился здесь первый раз в 1950 году, храм предстал перед глазами разрушенный и оскверненный — поистине здесь имела место «мерзость запустения». Многие годы в пустующем храме хранили

---

[9] Архиепископ Иосиф (Орехов).

Храм в честь святого Архангела Михаила в с. Ячейка Эртильского р-на. Фото 2005 г.

зерно, мололи комбикорм. Стены были совсем закопченные. Батюшка не мог сдержать слез, когда увидел это.

Особенно пострадали пол и стены. Отцу Серафиму вместе с прихожанами пришлось много потрудиться, чтобы все отреставрировать. Тайно от властей, глубокими ночами, при закрытых дверях делали ремонт, писали иконы на стенах. С огромной любовью украшал отец Серафим вверенный ему храм Божий.

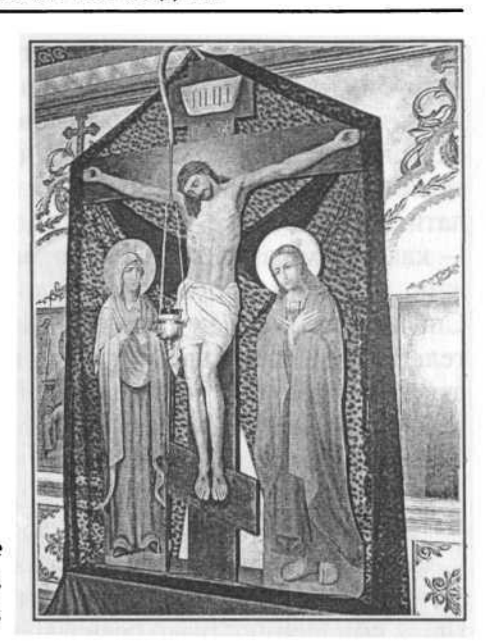
Во время довоенных еще гонений произошла в этих местах следующая история. Когда церковь только закрывали, то выбрасывали, крушили и ломали буквально все, но прежде всего — церковную утварь. Очевидцы рассказывают: когда рубили иконы, чтобы сжечь их в печке, — они словно стонали... Когда они горели — гул шел из печи, словно не дерево горит, и такой раздавался крик, будто человек горит заживо... На какие только нужды не шли в то время иконы.

Порог сельской конторы решено было сделать из Голгофы, разрубив на три части (распятого Спасителя, Божию Матерь и св. апостола Иоанна Богослова), вот до чего дошел русский народ. Раба Божия Фекла, чтобы не допустить надругательства и святотатства, разломала в своем доме дубовые полати и принесла со словами: «Делайте порог из этих досок — какая вам разница? А Распятие отдайте мне». Матерь Божию и Иоанна Богослова удалось забрать, а изображение Спасителя завхоз не отдал — сделал из него себе ось(!) на телегу. Некоторое время спустя кто-то напомнил ему о его святотатстве: «Что же ты натворил?! Грех какой! Непростительный!» На это несчастный отвечал: «Если Бог есть, пусть Он меня накажет!» — и тотчас у него покривило рот, он потерял сознание и умер...

Когда отец Серафим начал восстанавливать храм, Фекла и Анна, хранившие у себя изображения Матери Божией и св. апостола Иоанна Богослова, принесли их батюшке. Распятие, к сожалению, было безвозвратно утрачено, и отец Серафим благословил принести Крест из другого села, церковь в котором власти открывать не собирались. За ним он послал Пелагею и Анну, двух послушниц схимонахини Михаилы. Замотав Распятие тряпочками, они повезли его на двух связанных вместе санках — дело было зимой. Сколько же искушений они встретили на своем пути!.. Но молитвами батюшки все обошлось благополучно. Раз остановил их милиционер и велел размотать поклажу. Но, увидев Крест, отпустил.

Когда сестры добрались до дома, их уже встречала матушка Михаила, потом пришел и батюшка Серафим. Решили до времени, пока не восстановят церковь, спрятать Распятие на чердаке. Собрались тащить его наверх, но вдруг матушка Михаила взяла этот крест и одна понесла на чердак, говоря: «Ой, как перышко!» И все услышали, как невидимый хор вдруг запел «Трисвятое»! А вокруг разлилось такое благоухание, что утром сельчане, идя на работу мимо этого дома, недоумевали: «Что такое?! Чем же так дивно пахнет?!» — необыкновенный запах далеко разносился по улице...

Многих трудов, слез и кровавого пота стоило восстановление храма отцу Серафиму. В этом храме батюшка служил

Распятие в храме с. Ячейка. Фото 2005 г.

очень часто — душа его у Престола утешалась после перенесенных скорбей. Совершал литургию в холодном храме до тех пор, пока его не отремонтировали. В два часа ночи уходил, чтобы совершить проскомидию. Во время всех постов батюшка служил ежедневно.

Труды нового пастыря были высоко ценимы прихожанами. Вот текст благодарственного письма на имя правящего архиепископа Иосифа, подписанного всеми членами ревизионной комиссии и многими верующими мирянами:

«Благословите и примите благодарность, Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыка Иосиф! Благодарим Вас за чуткое отношение по нашему ходатайству о назначении на наш приход священника отца Серафима Мякинина, который за короткое время показал себя отличным служителем, отзывчивым к нуждам всех верующих. Он также проявляет заботу о храме. Им было сказано несколько хороших проповедей, чем привлек на Пасху всех граждан села. Из монашек, живущих в нашем и соседних селах, им был создан второй хор. Они также присоединяются к нашей благодарности. Наш священник пе-

ред мирянами имеет почет и уважение за хорошую службу и поведение. Данное послание всеми зачитано и всеми одобрено. Желаем вам, дорогой Владыка, доброго здравия и долгой жизни для укрепления веры Христовой. Аминь». Подписи. 13.05.1951.

А вот характеристика, данная отцу Серафиму благочинным округа, протоиереем Николаем Цветаевым:

«Иеромонах Серафим Мякинин за два года своей службы в селе Ячейка привел храм в порядок, изыскав средства на его ремонт. Снабдил храм утварью и богослужебными книгами. Погасил всю задолженность храма по взносам на Патриархию и Епархию за прежние годы, а в нынешнем году заплатил все взносы по храму досрочно. Иеромонах Серафим привел в порядок и приходскую жизнь— посещаемость храма у него большая и, будучи человеком непритязательным и добрым, он расположил к себе все население прихода. Глухой отдаленный от железной дороги приход он сделал одним из лучших по Усманскому благочинию». 20.09.1952.

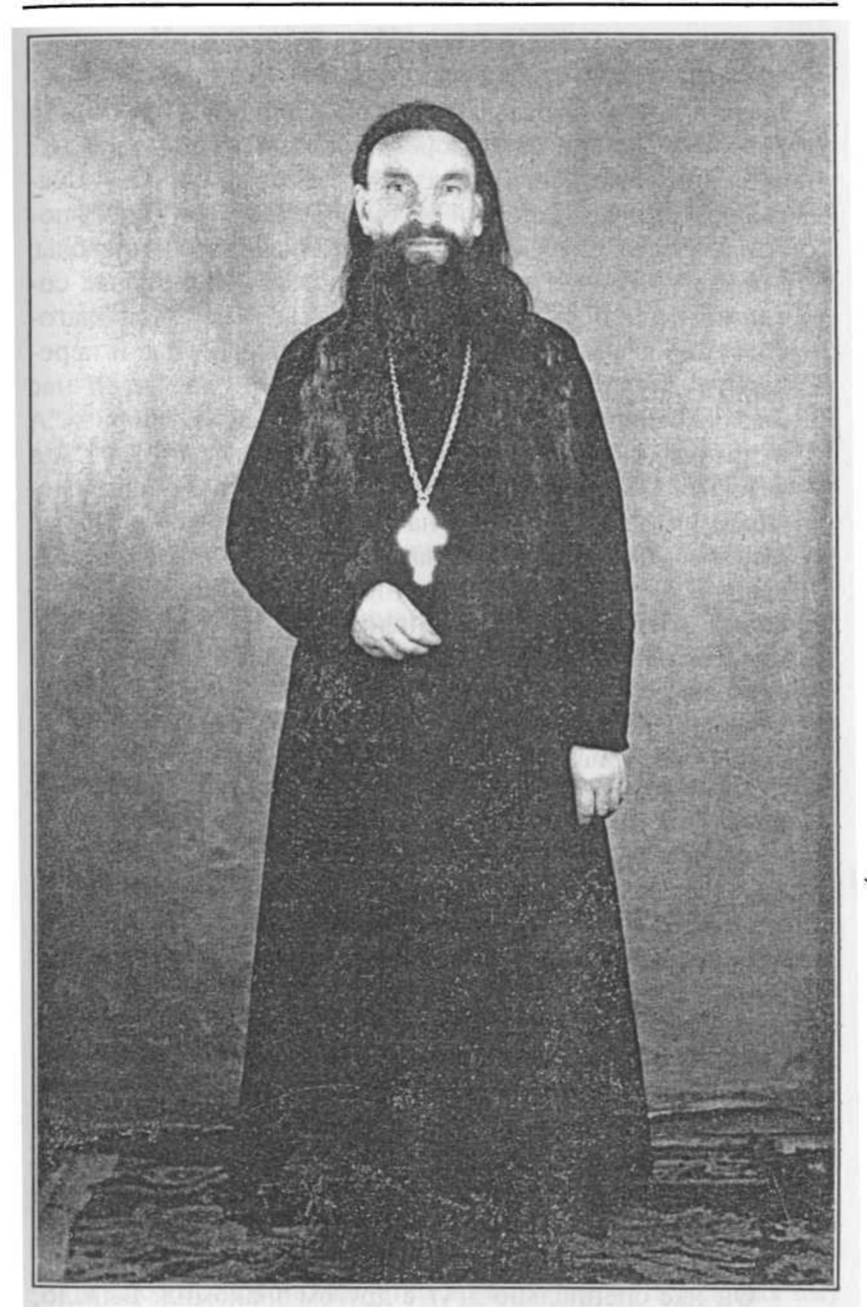
О том, какое было духовное устроение в начале служения отца Серафима на приходе в селе Ячейка вспоминает схимонахиня Феодорита:

«Когда я была еще совсем молоденькой девушкой, одна монастырская схимонахиня, которая доживала последние дни в соседнем селе и к которой я часто бегала, предсказала мне: “А тебя, деточка, Святая Троица благословляет в Ячейку”. А я про эту Ячейку даже никогда и не слыхала. Потом она много еще про мою жизнь рассказывала. А напоследок добавила еще раз: “Помни. Не забывай — тебе ехать в Ячейку к отцу Серафиму”. Это было сразу после Троицы. А уже на Петровский пост я поехала к батюшке со своей подругой. Приехали в Эртиль, а оттуда пешком до Ячейки. Церковь нашли сразу, там еще и оградки не было, все было еще не обустроено.

Сели мы сзади алтаря, посидели, глядим — батюшка идет к нам. Подошел, благословляет, хвалит нас за то, что пришли сюда. Затем отошел к грушам (там две гру-

ши росли) и где-то с полчаса стоял молча и смотрел на небо, а потом пригласил нас в храм. Зашли мы в церковь, а там внутри уже был старичок, он под замком реставрировал Крест — Распятие Спасителя, — ведь тогда все было тайно. Там еще все было не ухожено, был ремонт. Батюшка говорит: "Я сейчас отойду и приду с матушками, будем вечерню служить, а вы пока подождите". Нас опять на замок закрыл, и мы остались ждать его в церкви. Пока мы ходили, все разглядывали да к иконам прикладывались, приходит матушка Паисия и еще одна монахиня. Я на них глянула, а про себя думаю: "Господи! Хоть бы я такой была, как эти матушки". Отец Серафим тем временем начал служить вечерню — надел на себя мантию и пошел кадить по храму. Подходит к нам и приговаривает: "Дух Святый сойди на вас и сила Всевышнего да осенит вас". А мы тут сразу поклоны стали бить. Меня в этот момент какой-то испуг взял, я как вся задрожу — как мне все понравилось, особенно мантия и вся одежда монашеская. Когда вечерня была отслужена, батюшка взял ведро воды и подошел к нам — мы стояли у иконы Божией Матери "Всех скорбящих Радосте", в уголке. Он отслужил водосвятный молебен, окропил, напоил святой водой и пошел панихиду служить. После панихиды задает мне вопрос: "Ну, понравилось тебе у нас?" Я отвечаю: "Батюшка! Ой, как понравилось!" А он и говорит: "Ну, оставайся с нами жить". А я рада была до безпамятства.

Привели нас на одну квартиру, накормили, напоили. У самого батюшки тогда редко кто останавливался. Нас всех размещали у прихожан — страннолюбцев. Вскоре батюшка пришел и принес нам пирог. А на следующий день мы пошли на службу к пяти часам утра. На службе я начала у него исповедоваться: "Я, батюшка, больная, молочко в посты вкушала, среду и пятницу не блюла". Он говорит: "Ну не соблюдала, так не соблюдала, а теперь совсем не будешь есть скоромного в эти дни". Вот так, с его благословения, с тех пор ничего в эти дни скоромного и не ела.

Игумен Серафим, фотография из личного дела

Чуть позже он познакомил меня со всеми девчатами, которые жили по окрестным селам — из Талицкого Чамлыка и других. Когда мы засобирались обратно, он нам говорит: "Той прежней дорогой больше не ходите. У нас своя дорога есть через другую местность". Он нам показал другой путь, который был и короче и спокойней, потом благословил и дал нам просфор больших, святой воды, а мне — икону Воскресения Христова. Как он нас соединял всех! Ведь мы все молоденькие были. Под благословение к нему много раз подходили — он нас и перекрестит, и спиночку нам перекрестит, как детей нас благословлял! А потом кто-нибудь из нас и говорит: "А я три раза под благословение подошла". А другая: "А я четыре!" И он никогда нас не оговорил, хотя все примечал, терпел нас. А какая у нас между собой любовь была! Неразменная. Провожал нас всегда — до пяти раз возвращался, чтобы еще кому-нибудь напутствие сказать. Перед этим всегда на коленочках отслужит Матери Божией акафист, водосвятие совершит, всех нас водичкой окропит, благословит нас и скажет: "Ну полетели мои, как голубки, как голубки чистенькие". А дома побудем, нагрешим, приезжаем к нему, а он нам: "Ну вот, улетали, как голубки, а вернулись, как поросяточки, грязью все поперепачкались". Так он нас обмывал, снова очищал, возился с нами.

Грехи из нас просто выбивал. Если что согрешишь, то он сразу немедленно этот грех из нас вытаскивал. Кто упал духом — он подкрепляет, кто возвысился — он маленько опустит. Я вот раз стою в церкви на службе и думаю: "Я ведь когда маленькая была, то дома вместе с девчонками плясала. Так это я по детству была такая глупая — что ж мне эти грехи вспоминать?" Прихожу к нему на исповедь, а он и говорит: "Санька, а ты когда в храме стоишь, то, может, тебе на ум какие грехи приходят?" Я сразу ему отвечаю: "Да вот в детстве я плясала с девчонками. Прости меня, я маленькая была". А он: "Ну, какой уж это грех". А я все: "Прости да прости!"

Он нас специально друг с другом знакомил. Бывало, скажет: "Саня, тебе бы такую вот книжку надо прочи-

тать. Но она сейчас у Николая Ивановича, мордовского аптекаря. Вот зайдешь в Мордово, отнесешь ему просфорочку, книжку спросишь"...

Я часто к батюшке ездила. Все у меня рвалось к нему. Бывало, приедешь — сколько скорбей, болезней, неприятностей, искушений! Думаешь: вот сейчас все батюшке расскажу. А на батюшку только глянешь — и все куда-то улетучивается. Как вроде ничего и не было — ни скорбей, ни тяготы душевной.

Он какую-то легкость давал необыкновенную. Бывало, благословение у него возьмешь — и делается необыкновенно легко, мы были прямо как безплотные, ничего как бы не чувствовали — тяжести никакой не было. И бывало, летишь от батюшки как на крыльях, как голубь летишь.

Мы у отца Серафима жили подолгу. Иногда даже мама забезпокоится: "Дочка, я ведь душой болею, как ты там, что там у тебя?" Приедем, бывало, к Рождеству — и остаемся до Крещения, если к Пасхе — то всегда жили до Радоницы, а когда к Преображению — всегда жили до Успения. Матушек-монахинь там много жило, мы у них и оставались. А спали на дерюжках, а под головой — сумочки. Достаем свои платки, надеваем (подрясников нам батюшка не велел надевать, его ведь могли забрать) и бежим! — ветелки качаются, воздух такой благодатный! Подбежишь к церковным воротам, а там такой воздух благорастворенный, по-другому не скажешь. Зайдешь в церковь — а там матушки сидят, четочки перебирают, лампадочки горят. Все, оказывается, уже что-нибудь читают. Батюшка по храму бегает, какие-то распоряжения дает. Поклончик сделаешь, нагнешься к полу, так там даже от досок было благоухание, все было пропитано молитвой. Какая там была молитва! Какая там была любовь! Это нельзя теперь даже вообразить, какую мы благодать тогда получали.

А вот, например, на Пасху батюшка стоял, как небесный. Лик у него был белоснежный, и уже он весь уходил в небеса. Потом мне отец Власий рассказывал, как ему отец Серафим однажды сказал: "Я вот почти сорок лет

прослужил и во время службы никогда не видел своды храма, а только одно небо".

Уж какая матушка Михаила была великая старица и то один раз мне говорила и наказывала: "Шура, деточка, вот раньше, бывало, как к нам батюшка придет, то мы след лица его ловим, а иногда прямо такой благодатный страх нападет! Когда он мне дал «платье» — подрясничек в первый раз — я его возьму на руки да целую его, да слезами его обмываю! Платье ведь небесное! Матери Божией одежда! Она нам ее дала. Вот вы подражайте батюшке, помните его". Все нам наказывала, а мы-то глупые — приняли платье, а про себя думали: "Ну какие мы там монашки! Да кто мы там есть?" А они нас все вразумляли, что это ведь не простое дело, а сам Господь свою волю явил. Не шутка!

Как мы жили тогда! — на душе рай был! И не только у меня, у всех тогда так было. Идем на службу, дорога длинная, всех своих повстречаешь: вот наши идут! И тогда нам море по колено, хоть вода, хоть чего! И полая вода нас не держала, и снег нас не держал — всегда ходили на службу к праздникам. Однажды пришли к Михайлову дню на службу, руки без варежек — не разгибаются. Отец Серафим нам: "Вы озябли, деточки?" А мы хором: "Да нет, батюшка, не озябли". Какая-то любовь была, она нас всех и согревала невозможно. А ходили-то все как нищие, у нас ничего ни у кого не было. Мы даже батюшку и то никогда ничем не приветили — ведь у нас и дать было нечего. А уж в Ячейку придем — там что-нибудь с панихиды поесть дадут, или чем-нибудь хозяйка угостит. А у хозяйки когда жили — там была лавка длиной метра два, а ночевало нас человек по сорок! Так она картошек наварит ведра четыре и разложит на этой лавке. Кадушка у нее была ведер на пять — в ней кваса поставит. Капусты до 25 ведер для нас рубила. Бывало, придем из церкви (а церковь нетопленая, продрогли все — ведь все на коленочках) — она нам по две картошки отделит, хлеба от батюшки или что-нибудь сами принесем, кулеш нам какой-нибудь сварит, капусты наложит. Вот, верите или нет, все было сладко, все медовое. Я прямо по-

гляжу в капусту, а там солнышко играет. Солнышко в капусте играет! А мы не понимали и поста — все всегда было аккуратно, все было хорошо. Батюшка втайне к нам из церкви приходил — хлеба принесет и прочего. Он жил в келье около церкви. И всегда нас жалел, всех кормил и поил; провожал и встречал нас всех с любовью. А однажды на исповедь вышел и говорит: "Родные мои, Господь вас сегодня собрал, как в свое время собирал апостолов на Успение Божией Матери. Вот точно так же и вас Господь собрал в эту Сионскую горницу. А какая бывает радость у родителей, когда им скажешь, что их дети к ним едут, и с какой любовью встречают их родители и с какой радостью! И как они их утешают, и как они их ободряют!" Это он для нас говорил. Я была молоденькая, память была хорошая — все батюшкины слова я пересказывала близким, вот и запомнила».

В момент совершения службы батюшка был строг, особенно, когда читал Евангелие. Взгляд был острый, уверенный, все примечал. Иногда на службе лицо преображалось — многие это замечали. Монахиня Иоасафа видела, как во время пения Символа веры на литургии из Чаши вылетел голубь. Рабы Божии Фекла и Анастасия видели отца Серафима на «Херувимской» стоящим в воздухе. А Феодора и Евдокия рассказывали, что во время батюшкиной службы в алтаре была вспышка, и что-то, подобное молнии, вылетело в южные двери храма.

Однажды раба Божия Пелагея пела на клиросе и вдруг увидела, как из Чаши вышел огонь. Она очень испугалась: думала, что-то загорелось. После службы мать Пелагея рассказала про это отцу Серафиму. Он ответил: «Так всегда бывает. Только ты про это никому не рассказывай».

Если духовные чада уезжали по святым местам, батюшка непременно наказывал: «Ты привези мне просфорку, а я посмотрю, как вынуты на ней частички», — по частицам определял, как священник служит.

Когда батюшка служил у престола, ему многое открывалось. Однажды после литургии он сказал: «Быстро собирайтесь — поедем в Троицкое к моему двоюродному брату».

Когда зашли в дом, отец Серафим сурово спросил: «Ну, что, всех выгнал?! Ты мне не давал служить литургию!» Оказывается, в тот день утром брат выгнал из дома собственную мать и сестру, а батюшка прозрел это, находясь в алтаре.

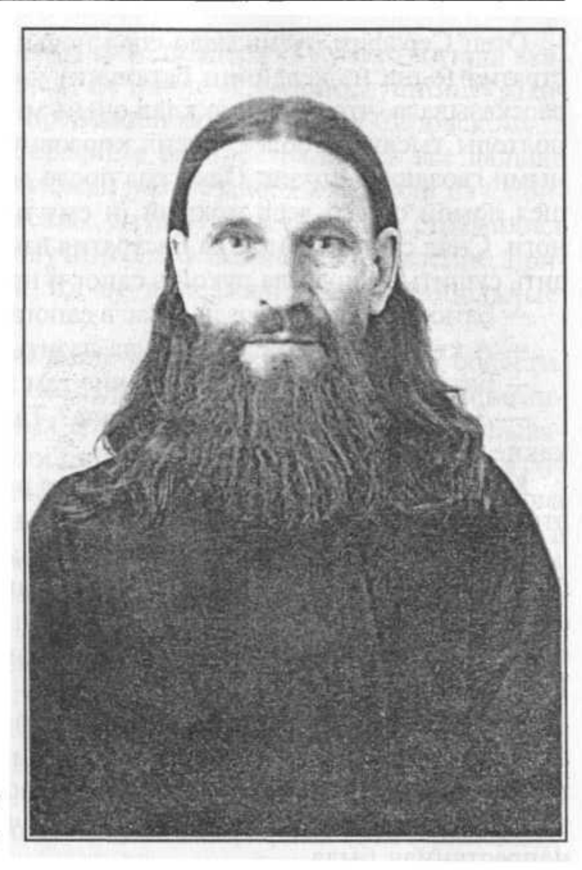
Доброе семя сеял батюшка своими проповедями в сердцах пасомых. Он прежде всего учил, как обрести страх Господень, ибо через это приходит все остальное... Его духовная дочь Пелагея помнит проповедь о смирении: батюшка говорил, что плод смирения — это мир душевный и радость. Смирение — это пристань, где находили себе покой все добрые подвижники, все скорбящие душой, все жаждущие спасения. «Не бойтесь, — говорил отец Серафим, повторяя святых отцов, — потерпеть все для получения смирения, не бойтесь проходить по пустыне уныния, в которой душа как бы все теряет и не в силах двигаться — по этому пути, скорее всего, придешь к смирению и отречению себя...»

Исповедь в храме шла так: одна из матушек читала исповедь отрывками до «прости меня, честный отче», а батюшка стоял в стороне и говорил: «Прощаю и разрешаю. Бог простит». Когда общая исповедь была прочитана, отец Серафим начинал частную.

Одна молодая раба Божия, у которой часто болел желудок, выпила сырое яйцо и поехала в церковь в Ячейку — причащаться. Не знала, видимо, что нужно принимать Святые Тайны строго натощак, или не придала этому большого значения. Пришла в храм, стала со всеми в ожидании общей исповеди. Батюшка вышел, оглядел толпу и вдруг сказал: «А некоторые выпили яйцо сырое и приехали причащаться!»... Вот так отец Серафим мог обличить, обладая даром прозорливости.

Людская память сохранила нам примеры батюшкиного смирения, которое он проявлял в простой обыденной обстановке.

Отец Серафим в быту был очень нетребователен и чрезвычайно скромен. Как-то поздним вечером он посетил одну семью, в которой все были его духовными детьми. Они к тому времени уже поужинали, но женщины, конечно, сразу же засуетились, чтобы покормить дорогого батюшку. Теща главы семьи спросила отца Серафима:

Батюшка Серафим, фото 18 сентября 1952 года

— Что Вам приготовить?

— Картошку «толчок», — ответил тот.

Сварили картошку, слили — из отвара супчик приготовили, картошку потолкли, огурцы соленые подали. Батюшка покушал, поблагодарил, не выказав и тени неудовольствия ужином, после этого началась беседа... Наутро, когда отец Серафим уехал, сели завтракать. Решили доесть остатки от батюшкиной трапезы, и оказалось, что вчерашний ужин его был практически несъедобный — все очень пересолено: по ошибке в суматохе картошку посолили два раза. А батюшка смирился и даже вида не подал.

Многие свои подвиги он хранил в глубокой тайне, и только благодаря случаю некоторые из них открылись и были известны его духовным чадам.

Отец Серафим очень мало спал ночью. Схимонахиня Евстратия (одна из келейниц батюшки) уже после его смерти рассказывала, что он тайно клал очень много поклонов — по полторы тысячи и более, носил кирзовые сапоги с деревянными гвоздями внутри. Один раз после дождя батюшка пришел домой с треб весь мокрый, и ему нужно было вымыть ноги. Снял сапоги, матушка Евстратия взяла их, чтобы поставить сушиться, полезла рукой в сапог и на что-то наткнулась.

— Батюшка, какие гвозди у Вас в сапогах! — изумилась она.

— А кто тебя благословил туда лазить?

— Батюшка, простите... Но какие там гвозди!

— Да какие ты там гвозди нашла? Там ничего нет, а ты какие-то гвозди выдумала!

Когда отец Серафим мыл ноги, он не разрешал, чтобы при этом кто-нибудь присутствовал, все уходили из комнаты.

Батюшка был делателем умной Иисусовой молитвы, она была ему присуща, он жил ею, словно дышал. Даже когда он отдыхал в келье, часто вздыхал и чуть ли не через каждые пять минут вслух повторял: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

— Я больше не встречала таких людей, как он! — рассказывала схимонахиня Евстратия. — Он Иисусову молитву все время творил, будто не спал. Даже в сонном состоянии читал эту молитву. И когда бы ни проснулся, читал — она у него непрестанная была.

Вот так, творя молитву Иисусову, преодолевал батюшка огромные расстояния — при этом надо помнить, что он почти всегда ходил пешком, отправляясь на требы или просто проведать своих духовных деток. Был и в Шумиловке, и в Шехмани, и в Мичуринске (когда ходил к матушке Серафиме)... Как-то нес матушкам в Эртиль молоко в бидоне: пока донес, сбилось масло. Он трудился для ближних — отправлялся к больным, страждущим и в села, и в город. Его редко когда можно было долго застать на одном месте: «Только узнаешь, что батюшка куда-то пришел — скорее беги, а то он тотчас же куда-нибудь еще уйдет. Не жалел он себя ни чуточки...»

Когда батюшка куда-нибудь уезжал — на требы или куда еще, то все матушки, да и отцы, которые здесь нередко бывали, становились читать за него акафист — ведь за батюшку

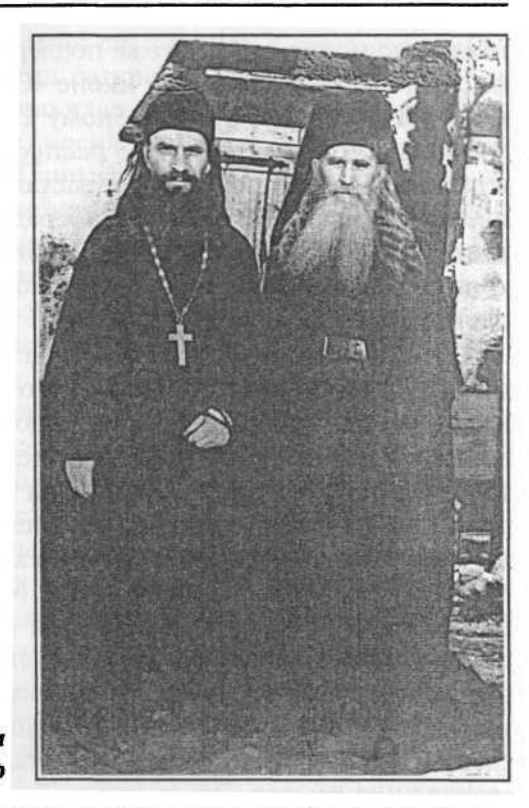
тоже надо молиться, ему тоже поддержка нужна. Читали акафисты Матери Божией, Ее иконе «Скоропослушнице», Николаю Чудотворцу, преподобному Серафиму Саровскому...

Молва об отце Серафиме распространялась все дальше и дальше. Число прихожан возрастало. Приезжали из Сибири, Челябинска, Москвы, Ленинграда... Многие стремились увидеть батюшку, получить благословение, наставление, приходили со скорбями, горем, приезжали и душевнобольные, одержимые.

Очень много приезжало людей из Челябинской области, в те годы там было особенно много безбожников. Вспоминает одна из духовных дочерей батюшки Серафима: «Бывало, идет служба, а они приезжают человека 2-3, просят у батюшки какой-нибудь работы, ну он им даст работу — дрова рубить. Они дрова рубят, разденутся по пояс, а все тело в татуировках. Они ведь все были некрещеные и в основной своей массе бывшие заключенные. Мы у батюшки спрашивали, зачем он их принимает. А он нам и говорит: "Бес их принял, а теперь надо у беса их вырывать, у Бога вымолить, а это задача не из легких". Вот их сначала приезжало по 2-3 человека, а потом уж и по 20-30 человек. Они оттуда к нему ехали в Ячейку, и он им всем помогал, чем мог, духовно наставлял и окормлял. Это нелегкое бремя ему помогали нести матушка Митрофания, матушка Серафима (Мичуринская), отец Иоасаф (Грязинский). У нашего батюшки столько было трудов, что он ночь никогда не спал. Бывало, приедут (у него была отдельная келья) — он ложится, а сам не спит: лежит и молится. А потом все уснут, а он целую ночь поклоны кладет. А к утру он весь розовый, разомлеет.

Мы ему говорим, почему себя не бережет? А он нам в ответ: "Иному теленочку и ведро пустое покажешь, и он уже бежит. А другому телку ведро хоть с молоком налей, да и его самого туда носом пхай, а он все нос воротит. Так что ж мне делать, коль за всех надо бороться".

Как мы уже сказали, из Челябинска к нему приезжали бывшие заключенные — так батюшка никем не брезговал, всех принимал, по два часа стоял с человеком на исповеди, каждую душу приводил к глубокому покаянию. Каждого принимал как сына родного...»

Иеромонах Серафим и схимонах Иоасаф

Со всех сторон российской земли везли к батюшке Серафиму бесноватых, с надеждой на исцеление.

Бесам тошно было на батюшкиных службах, и бесноватые вопили вовсю. Особенно неистовствовали они во время чтения Евангелия: кричали, грозили, старались напугать. Подбегает однажды к отцу Серафиму больная — босая, растрепанная, с распущенными волосами — пляшет на месте и кричит: «Разорву! Разорву!», но близко не подходит. Таких случаев было много.

В праздничные дни храм был полон народа. Одержимые кричали на разные голоса — можно было подумать, что в церкви лошади, свиньи и собаки; кто-то бил руками или ногами о пол... Когда батюшка проходил с кадилом по церкви, они кричали: «Косматый, сжег нас огнем! Разорвал ты нас! Выйдем, выйдем, не мучь нас! Набрал, косматый, полный храм, а мы все равно перетянем их в свой клуб! Подожди, мы

одолеем тебя!..» А когда они подходили ко кресту, то кричали: «Не боимся тебя! Не боимся!» Но стоило батюшке глянуть на них строго или показать крест — как они падали и лежали, как мертвые.

Часто приезжала болящая Раиса, молодая женщина. В храме она била руками о пол и кричала: «Зачем ты, Раиса, сюда приезжаешь?! В Москве, в Павловске и других церквах тебе было лучше, чем у этого косматого!»

Батюшка, чтобы не распространялась о нем слава, как о благодатном старце, стараясь скрыть свои дарования, очень часто юродствовал: на месте спокойно не постоит: то побежит быстро, то назад вернется, что-то скажет, опять отбежит, опять вернется, еще что-то скажет. Придет к кому-нибудь домой — снимет шапку, туда посмотрит, сюда поглядит, а потом вдруг быстро бросит шапку под лавку или под стол и, ничего не сказав, уходит. И какой смысл имел этот приход и эти батюшкины действия, предстояло домысливать самим обитателям.

Однажды отец Серафим сказал своему духовному сыну: «Когда я служу, мне небеса открываются...» И сразу добавил: «Ой, ой! Что это со мной? Ой, плохо, плохо — голова сильно закружилась — аж не могу!», по обыкновению, он принялся юродствовать, сделал вид, что у него помутился рассудок.

Батюшка юродствовал даже в епархии. Пришел как-то на прием к владыке Сергию (Петрову), впоследствии митрополиту Одесскому, без рясы, в одном стареньком поношенном костюмчике. Потом вдруг начал бегать туда-сюда, приговаривая: «Ой, я забыл! Я ведь к архиерею пришел! А рясу-то забыл!» Но в епархии уже знали его — побежали, достали батюшке рясу.

Однажды батюшка явился к епископу Сергию как юродивый: засунул с боков изрядно помятый подрясник под поясок как для работы, зашел к владыке и после того, как тот его благословил, вдруг протянул ему для поцелуя свою руку! Потом, как бы спохватившись, сказал: «Ой, владыка, простите меня! Что я натворил-то!»

Владыка, надо сказать, отца Серафима недолюбливал, но в тот раз сам растерялся, даже не нашелся, чем ответить на

этот поступок. А через два дня владыку перевели в Одессу. Перед отъездом владыка очень сокрушался, говоря епархиальному секретарю: «Как я отца Серафима недооценивал. Мне про него говорили всякие небылицы, и я им верил. А он высокой духовной жизни отец!»

Бывало, что батюшка, ожидая приема у владыки, расхаживал взад и вперед и обязательно говорил присутствующим что-нибудь для душевной пользы. Женщины, работавшие в епархии, с удовольствием слушали его. Как-то после батюшкиного посещения секретарь отец Александр даже сделал замечание своей жене, матушке Валентине, за то, что она «очень уж прислушивается к отцу Серафиму, хотя у нее есть свои наставники» (имея в виду, конечно, себя). Батюшка, узнав об этом, сказал: «Передайте матушке Валентине, чтобы она поступала, как мудрая пчела, которая носит нектар со всех цветков в свой улей».

В Ячейку к батюшке стекалось очень много народа. Все, кому посчастливилось побывать на его службах, отмечали присутствие необыкновенной благодати. Радость, умиление наполняли душу. А как там пели! У батюшки было два хора, левый состоял исключительно из монашествующих. Раба Божия Александра, побывав на батюшкиной службе, рассказывала после:

— Началась всенощная. Запели *«Благослови, душе моя, Господа»*. Я не знала, на земле я или на Небе. И до сих пор это в моей душе. Сколько живу — не слышала, чтобы так пели, такого благодатного чувства я нигде больше не имела!..

Когда отец Серафим служил в Ячейке, то народу приезжало и приходило чрезвычайно много, особенно на большие праздники. Было очень торжественно. Помню, перед всенощной в честь преподобного Серафима Саровского — дня Ангела батюшки — отец Серафим вышел из кельи, чтобы идти в церковь, а все выстроились в два ряда от кельи батюшки до самого храма, образовав живой коридор, и запели: «Вьется речка Саровка в пустыни, где отец Серафим обитал...» Певчие там подобрались на диво. Это было так умилительно! Из кельи батюшка вышел собранный, строгий, в рясе, с посохом. А тут все рыдают — смотрю: и он идет весь в слезах. А как хорошо было на сердце — хоть бы минуточку теперь вернуть!..

Слева — иеромонах Серафим, рядом — преподобный Кукша Одесский

Когда батюшкина послушница Мария приехала к отцу Кукше, он спросил, сколько людей бывает у отца Серафима. Та ответила, что много. Отец Кукша сказал: «Вот и хорошо, потому что когда много причастников, то много и благодати, а она поддерживает священника».

Батюшка принимал всех, никто не уходил от него без утешения — скорби и страдания исчезали, как и не были. Говорил он мало, быстро, будто суетясь, только успевай слушать. Скажет слово и убежит. Подбежит — опять скажет. Но эти немногие слова метко характеризовали то, с чем человек приехал. После разговора с батюшкой люди не шли от него, а летели, как на крыльях. Душу лечил батюшка, возвращал людей к жизни, давал надежду и силы для преодоления житейских трудностей.

Отец Серафим душой чувствовал, где происходит беда. Монахиня Порфирия рассказывала:

— Ехали мы как-то с батюшкой. Он стоял, стоял на остановке и вдруг как побежит! Пробежал дома два, там нашел какого-то человека, которому помощь была нужна... Он провидел, где какие скорби...

Однажды прибыли из района двое проверяющих посмотреть, что это за священник, о котором так много разговоров идет среди людей. Батюшке это было открыто — он выбежал из алтаря и стал суетиться, бегать, шуметь, потом начал ругать одну матушку на клиросе... Приехавшие, посмотрев на

это, сказали: «Нам говорили, что он святой, а тут, как видно, больной из Орловки[10]», — и ушли.

В келье у отца Серафима было много икон, день и ночь перед ними горели лампады. Батюшка благословлял своим келейницам, чтобы они обязательно мыли руки перед тем, как заправлять лампадку. Зажигать ее надо было с молитвой: читали «Богородице, Дево, радуйся». От лампадки, опять же с молитвой, растапливали печку. У батюшки была большая икона Матери Божией «Умиление» с висевшей перед ней лампадой — от нее обычно и зажигали.

Каждый день рано поутру сестры, жившие с батюшкой, вычитывали утренние молитвы, полунощницу, три канона и акафисты — Спасителю и Матери Божией — и потом расходились по послушаниям. А матушка Паисия (старшая батюшкина келейница) оставалась вычитывать еще утреню, часы и обедницу, почти всегда вычитывался акафист Николаю Угоднику. Если же был праздник и все сестры стояли в храме на литургии, то утренние молитвы и полунощницу вычитывали в церкви.

Батюшка был наделен от Бога особым даром — он видел сердца человеческие, ему было открыто прошедшее, настоящее и будущее. Примеров этому очень много.

Однажды произошел такой случай. Раба Божия Анисья часто приезжала из Грязей в церковь к отцу Серафиму. Как-то раз она привезла с собой молодого парня Георгия, который хотел получить от батюшки наставления, как спастись. Георгий в то время очень стремился к духовной жизни, много молился, часто ходил в церковь. Батюшка задал ему вопрос:

— Ты пьешь?

— Нет, не пью! — был удивленный ответ.

— А я пью, — сказал батюшка. — Да так пью, что напьюсь и валяюсь на дороге. А потом пью, что попадет: мазут, керосин.

Через некоторое время Георгий запил, стал валяться по дорогам, пить, что ни попадя и, в конце концов, умер пьяный под забором.

Приехала однажды матушка Пелагея в Ячейку на праздник. Батюшка подбегает к ней и спрашивает:

---

[10] Воронежская психиатрическая больница.

— Приехала?

Отбежал, потом вернулся и говорит:

— А я ездил к владыке жаловаться — баптисты замучили, мешают в церковь ходить, увлекают в свою веру, расхваливают ее... А ты не слушай их, Пелагея!

— Простите, батюшка, ведь это меня баптисты замучили — расхваливают свою веру. А я все забываю Вам рассказать.

Батюшка, когда кого-либо обличал, говорил как бы о себе, но иногда говорил прямо: открывал чьи-то грехи или страсти.

Один мужчина приехал к отцу Серафиму, а батюшка его и спрашивает: «Хорошо в туалете-то водку пить?» Тот упал к нему в ноги: «Батюшка, простите меня!», — стыдясь людей, он тайно, чтобы никто не видел, заходил в туалет и там потихонечку выпивал.

Как-то раз приехали к нему из Почаева четверо монахов, а один из них говорит: «Зачем мы сюда приехали? Тут и святынь нет — ничего! Чего мы тут не видали?» Батюшка в это время служил литургию. Закончил, пришел и, ни к кому не обращаясь, произнес: «А зачем вы сюда приехали? Тут никакой святыни нет, ничего нет». Монах промолчал. Батюшка ему говорит: «Иосиф, а ты женишься». И через неделю тот и вправду женился.

Другой молодой человек по благословению батюшки поехал в Почаев и принял там постриг. Когда Почаевский монастырь закрыли, он вернулся в свое село и служил в храме вначале чтецом, затем его рукоположили в сан диакона. Когда ему предложили принять священство, стать иеромонахом, батюшка Серафим не благословил его на это, сказав: «Оставайся монахом, служи диаконом, а священство не получай. И из села не выезжай». Но тот не послушался — принял сан. Потом, уже после смерти о. Митрофана, был возведен в игумена. И вдруг — женился... Прожил с той женщиной совсем немного времени — она его бросила. А он лишился и священства, и монашества. Потом очень скорбел об этом. Жалели и прихожане, что произошло у него искушение, сокрушались: «Он был такой подвижник, молитвенник — такой аскет! Ни за что нельзя было подумать, что с ним могло такое случиться!»

Этот человек жив и поныне. Он знал батюшку с юности. Вся молодость его прошла вблизи старца.

Вот его воспоминания:

«Я бегал к батюшке еще мальчишкой. Сначала он жил еще у матушки Анны. У нее рядом с домом был такой небольшой плетеный сарайчик, хорошо оштукатуренный изнутри, побеленный — там только такая широкая кровать стояла да стол. И батюшка нас, ребятишек, всегда за этим столом кормил. Тогда ведь после войны страшная бедность кругом была, везде голод был. К батюшке кто-нибудь приедет и вот такие маленькие сушечки привезет, а он их нам все и пораздаст. Каким это тогда казалось подарком!

Я у него часто ночевал в келье. Разговариваем с ним, разговариваем — и я усну. Проснусь — батюшки уже нет, он уже на службу ушел. Я быстрее одеваться и бежать в церковь!

А вот когда я уже подрос и мне срок пришел в армию идти, он мне и говорит: "В армию пойдешь, а из армии домой не ходи! Сразу пойдешь в Почаев — в скит, к схиигумену Виталию — почаевскому старцу, другу и сомолитвеннику преподобного Кукши Одесского". Дивный такой старец был! Батюшка был с ним хорошо знаком и очень его любил. Добавил мне только: "Ты приедешь туда и скажешь, откуда ты, и все, больше ничего не надо, им уже все будет известно".

Однажды из армии я написал скорбное письмо: "Батюшка! Я ничего здесь не понимаю! Что же мне все так тяжело дается?! Я сельский мальчишка, а здесь надо самолеты изучать! Я же ведь кроме лошади да быков в селе ничего не видел. Ну трактор видел несколько раз — и все! Батюшка! Мне очень тяжело! Я уже «двойку» получил за знания!"

Отец Серафим мне ответил: "Хорошо, хорошо! Будешь учиться хорошо и закончишь хорошо". Получил я письмо — обрадовался. И такой у меня прилив сил случился — не знаю откуда! Я начал так быстро понимать все объяснения по теории устройства двигателя самоле-

та, что вскоре меня уже преподаватель, майор, начал оставлять вместо себя: “Проведи занятия с ребятами!” И мне все так легко давалось! И кончил я с отличием. А тогда была привилегия: кто кончает на “отлично”, тех распределяют по воинским частям по их желанию. Вот я и выбрал Воронеж, чтобы быть поближе к батюшке.

Отец Серафим часто приезжал ко мне в часть. У него была длинная борода. Так он ее в косу заплетет, под пальто спрячет и шарфом еще укроет — и ее почти незаметно. Дежурному на КПП скажет: “Мне такой-то нужен”. Тот вызывает: “К тебе пришли. Кто это?” “Да крестный мой”, — отвечаю. Пойду к начальнику — он меня и отпустит на сутки, а мы к матушкам “низовским” уйдем. Жили тогда в Воронеже чудные такие матушки — схимонахиня Макария и схимонахиня Ангелина. А “низовские” — это потому, что они жили внизу, возле железнодорожной линии. Идешь к ним, и как будто все катишься и катишься вниз. Я часто к ним бегал — они с батюшкой близки были и всегда предупреждали, когда отец Серафим должен приехать.

Когда я демобилизовался, приехал на короткое время домой. Батюшка благословил меня ехать в Почаев. Из дома я ушел тайно. Я пошел в Ячейку на празднование Казанской иконы Божией Матери, причастился и про себя сказал, что все, больше домой уже не приду. Сел в воронежский автобус и уехал. А папа мой (был резкий такой мужчина) и говорит: “Это батюшка его куда-то прибрал!” Он с гневом говорил, обида у него была. Меня полгода искали с милицией до тех пор, пока все не устоялось, и когда меня уже приняли в Почаевскую братию. Но про отца Серафима мой папа всегда отзывался с большим почтением, считал его за старца.

В монастыре у меня случилось искушение — парализовало лицевые мышцы. У меня была искривлена носовая перегородка, монастырское начальство благословило сделать операцию в Киеве. А во время операции задели нерв. Нос согнулся, рот ушел набок, глаза закрыть не могу. Батюшка прислал мне телеграмму: “Срочно приезжай в Воронеж”. Наместник меня отпустил. Когда я уже был в

Воронеже, то на третий день приехали отец Николай Овчинников и батюшка. Посмотрели на меня, отец Серафим перекрестил меня несколько раз: "О! Пройдет все!" И так у него получилось это "О!" — будто он дунул на меня. Побыл я там еще несколько дней и уехал. Приехал в Почаев — через несколько дней как будто ничего и не было. Я и не заметил, когда это прошло! Когда спать стал ложиться — глаза стали закрываться, значит, все!

Батюшка очень часто к нам в Почаев приезжал. И матушек своих сюда присылал — по двое, по трое. Когда нас выгнали из монастыря в связи с правительственным постановлением, мы с отцом Власием (Болотовым) приехали к отцу Серафиму в Ячейку и некоторое время тайком служили при батюшке»...

У отца Серафима было много духовных чад по всей округе. Его ценили и любили многие священники и приглаша-

ли батюшку послужить к себе на праздники. Однажды в Ясырках справляли престольный праздник. Прибыло очень много народу, ждали приезда отца Серафима. Вскоре его привезли на лошади. Люди стали по обеим сторонам, стараясь, кто благословение взять, кто спросить о чем, а кто мечтал услышать благодатное слово: знали уже, что батюшка — великий старец. Тут же в толпе стояла одна видная, статная женщина высокого роста. Она издали спросила у отца Серафима: «Благословите мне читать по усопшим Псалтирь?» Батюшка посмотрел на нее строго и произнес: «Прекрати отбирать молоко у кормящих матерей и у коров! Оставляешь младенцев без молока!» Женщина сразу сникла, присмирела.

Шли с отцом Серафимом как-то раз двое приезжих монахов и его келейница. Около Больших Ясырок им нужно было переходить лощину. Один из монахов ее перепрыгнул, батюшка перешел, а второй монах туда-сюда, туда-сюда — и никак! Тогда батюшка Серафим обернулся и говорит ему: «Не монах! Такая маленькая лощинка — и ты не можешь ее перейти, боишься! Бога надо бояться!» И прибавил: «Такие архиереи не бывают!» — а тот втайне очень хотел быть епископом. Но так и не пришлось ему стать архиереем.

За несколько лет вперед старец предсказал матушке Пелагее, что дочь ее Раиса будет монахиней. Раиса хотела пойти в монастырь, но тогда еще работала дояркой, а в то время в колхозе очень трудно было получить справку о выписке. Батюшкины слова и на этот раз сбылись — Раиса скоро стала насельницей Пюхтицкого монастыря. Сейчас она монахиня Мелетия.

Однажды подошла к батюшке под благословение духовная его дочь Александра, а он слегка стукнул ее рукой по голове и сказал:

— Что ж ты, глупая, сравнила духовную радость с мирской! Ведь какая между Небом и землей разница! Духовная радость, будто молния, сверкнет и всю тебя озарит.

— Простите, — сказала Александра. — Действительно, я однажды подумала: что это за духовная радость? Много пишут о ней, говорят. Неужели, думаю, это та же радость, как и в миру, когда, например, купишь вещь по нраву, когда похвалят тебя или когда оценку хорошую получишь? Спросить — не

спросила, так и осталось. Спасибо Вам, что ответили на мой вопрос. Я уж почти и забыла о нем.

Батюшка буквально «слышал» мысли людей. После праздника Пятидесятницы он обычно сам раздавал Троицкую травку прихожанам. Приехала однажды на праздник раба Божия Мария, хотела тоже взять травы из батюшкиных рук, перед ней к отцу Серафиму стояли еще три человека, она расстроилась и подумала: «Вот еще мужичина впереди встал, — она была очень маленькой, и любой человек чуть выше среднего роста для нее казался громадным, — и мне теперь не достанется травки от батюшки!» А у того в руках оставался совсем небольшой пучок травы. Вдруг батюшка заглянул за плечо мужчины и протянул Марии остававшуюся у него в руках травку! «Ну кто ему подсказал?!» — удивлялась потом она.

Однажды Анастасия и Мария из Курбатова поехали к батюшке в Ячейку. По пути заночевали в Воронеже у знакомых монахинь. Те им «посочувствовали»: «Зачем вы едете к отцу Серафиму в такую даль? Молоденькие, мучаетесь... Разве у нас в Покровском соборе хуже владыка служит? Оставайтесь, не ездите!» Девчата посомневались, но, еще раз все обдумав, решили продолжать свой путь в Ячейку: «У нас сердце горело к батюшке! Как на Небо мы к нему ехали!» — вспоминала позже Анастасия. Когда сестры уже подходили к храму в Ячейке, то увидели улыбающегося отца Серафима, встречавшего их на паперти со словами: «Девчата, когда ко мне едете, больше к матушкам не заезжайте, а то они ваши души подстреливают». Они были очень удивлены такой прозорливостью батюшки.

Переночевав у него, утром они встали со всеми на молитву. Молились на коленях. Вдруг все увидели, как батюшка подошел к матери Алексии, лег около нее и вытянулся во весь рост. Потом встал и ушел. Вскоре принесли телеграмму, в которой говорилось, что у матери Алексии умер брат. Сестры ужаснулись.

Мария из Тишановки рассказывала вот какой случай:

— Были у нас соседи. Они старше меня — и все поучали: «Этого не делай, того нельзя, это грех... Собак, — говорили, — держать нельзя — это бесы...» Настраивали меня, чтобы я собаку свою не кормила: «Убей ее! Собака — это бес! Что ты

бесов кормишь?!» Раз так сказали, два, три... Мне стало стыдно перед ними — я и перестала ее кормить. И пить не давала. Лето, ей жарко — она прибежит, язык высунет: пить хочет. А я ей ни есть, ни пить не даю — такое на меня затмение нашло. А батюшке про это не говорила... И вот пришли мы однажды к нему, и тут откуда ни возьмись — собака! Я хотела у батюшки что-то спросить, а он полез в карман, смотрит на меня и говорит: «Эх, мое дите! Преподобный Серафим в лесу жил и всех зверьков кормил!» — вынимает из кармана хлебушек и дает собаке. Я не знала, куда деваться — прям хоть ночью беги до своего двора! А когда пришла домой, наварила собаке каши, пить налила, так по сей день любую животину кормлю.

Одному молодому человеку, по имени Иван, батюшка както дал послушание съездить в Киев с поручением. Приходит Иван домой и рассказывает об этом жене, а та и говорит: «Раз батюшка посылает, то поезжай. Заодно, может, и шапку там себе посмотришь? А то твоя совсем плохая стала». Собрался Иван в поездку, приходит к батюшке, чтобы взять благословение, а тот ему и говорит: «А я тут подумал: может, самому в Киев съездить? Заодно и шапку там себе посмотрю, а то моя совсем плохая стала».

Людская память сохранила для нас и случаи особой заботливости батюшки Серафима.

Приехали к батюшке издалека на праздник Преображения две женщины. Им очень понравилась служба — было торжественно, умилительно. Одна из них говорит: «Может, останемся до Успения?» Другая отвечает: «Хорошо здесь, но нам надо бы домой». Решили поступить так, как скажет батюшка. А он благословил остаться той женщине, которая хотела ехать домой, а другой, желавшей побыть до Успения, уехать — после оказалось, что у нее умер сын.

Аптекарь Николай Иванович, живший в то время в Мордово, приехал как-то к батюшке. У того лежал на столе нож. Батюшка нож схватил и — будто сует его Николаю в бок:

— Операцию делать.

— Какую операцию, батюшка?!

А через короткий промежуток времени у Николая случился приступ острого аппендицита. После этого было еще две операции.

Отец Серафим с братиями на крыльце Михайло-Архангельского храма в с. Ячейка

Не упускал случая старец Серафим, чтобы явно обличить людей в неправедно совершаемых ими поступках, чтобы другим неповадно было.

Его духовная дочь Раиса рассказывала, что ее мать на Господский праздник стирала и полоскала белье в речке. Это было в селе Паршиновка, недалеко от Ячейки. А потом пришла домой и охрипла. Да так, что совсем не могла разговаривать. Евдокия, ее знакомая, посоветовала ей сходить в ячейскую церковь и объяснить все батюшке. Отец Серафим сказал: «Ох, девка, будешь ты немая до такого-то дня, — и назвал этот день: где-то через год. — А потом придешь, причастишься, закажешь молебен, и Господь тебя простит». И действительно, год она совсем не разговаривала. А в назначенный день причастилась, заказала молебен, пошла после службы домой — и снова смогла говорить.

Недалеко от Ячейки находится село Веселовка, в котором жил старичок Павел. Когда он заболел и слег, родные его приехали за батюшкой, прося причастить и пособоровать дедушку Павла, думая, что тот умирает. Но когда отец Серафим вошел в комнату больного, то сказал ему: «Причащу тебя, а соборовать не буду». И обратился к родным: «Он поживет. Еще работать будет!» Павел выздоровел и, действительно, три года работал строителем, плотником. Но потом он опять заболел и слег. За батюшкой снова приехали. Тут уж он сказал: «Вот теперь причащу и пособорую —

ты уже поспел», — через три дня старичок умер. Батюшка соборовал больных, конечно, не только перед их смертью, но в данном случае своим поступком предсказал родственникам кончину Павла.

Человеческая память сохранила для нас случаи тайной и безкорыстной помощи батюшки людям в их немощах.

В Ячейке болел один раб Божий, и врачи уже не верили в его выздоровление. Однажды его жена пошла во двор — управляться со скотиной. Возвращается домой — муж спрашивает:

— Ты видела нашего батюшку Серафима? Он только что вышел отсюда.

Она отвечает:

— Нет, не видела.

— Батюшка мне сказал: «Вставай! Хватит тебе лежать-то!»

И действительно, мужчина выздоровел, встал на ноги.

По батюшкиным молитвам при его жизни очень многие получали исцеления. Однажды заболела послушница отца Серафима: приступы, неспадающая температура... Батюшка заметил, что ее нет со всеми, и спросил про нее у матушки Паисии. Та сказала: «Маня заболела». Батюшка подошел к ней, расспросил о самочувствии и ушел. Мария продолжала лежать. Прошло какое-то время. Вдруг батюшка вышел из своей келии, подошел к кровати, на которой лежала Мария, и протянул вперед руку, прикоснувшись к ее больному боку: «Кто тут?» Уже наступили сумерки, и батюшка сделал вид, будто не заметил, что кто-то лежит на кровати. Болезнь стала утихать. «У меня стало постепенно все сходить, сходить, как снег тает», — вспоминала потом исцеленная. На следующее утро Мария уже встала с постели.

В другой раз Мария, не рассчитав своих сил, подняла что-то тяжелое и вновь слегла. Батюшка, узнав об этом, спросил: «Где она?» — подошел к кровати, благословил крестом и дал приложиться к нему больной. Мария выздоровела.

Батюшка Серафим многих страждущих исцелял — и люди, зная присущую ему безкорыстность и нестяжательность, шли и ехали к нему нескончаемым потоком, старались побыть на службе, подойти ко кресту, взять благословение, а если удавалось, то и поговорить. Не требуя ничего взамен, батюшка

снискал истинную любовь пасомых. Иным больным и болящим батюшка клал руку на голову, других благословлял крестом, с силой на него нажимая, как бы «запечатывая» благословение. Третьих кропил святой водой. Одну болящую, которая до этого успела побывать в психиатрической больнице в Орловке, просто накормил борщом: «Ну-ка, налейте-ка ей!» — а сам, конечно, молился. После этого ей стало значительно лучше, впоследствии она работала в храме. Очень часто бесноватых он переправлял к матушке Антонии (Овечкиной): «Вот к Анастасии поезжайте, к Анастасии, — так звали матушку в миру, — а потом ко мне приедешь».

Побывав у матушки, вернувшись к старцу, люди исцелялись или получали значительное облегчение. Батюшка Серафим, матушки Антония, Михаила, Серафима, схимонах Иоасаф, как мы уже говорили, действовали как бы вместе и заодно. У них даже не возникало вопроса, кто чьи духовные чада — те спрашивали совета и у батюшки, и у матушек. Жили единой духовной семьей, единым духом, часто друг друга навещая и переписываясь. Если кто-то из послушников вдруг совершал какой-то проступок, старцы собирались на «совет», решая, что делать с провинившейся сестрой или братом. При этом было замечено, что батюшка Серафим и матушка Михаила были построже, а матушки Серафима и Антония — более мягкими и всегда старались «сгладить ситуацию», воззвать к снисходительности присутствующих, призывая молиться за провинившихся — «Бог даст, они и исправятся». Так или иначе — дело почти всегда решалось миром.

Часто из Москвы приезжала схимонахиня Леонтия, урожденная княгиня Левицкая. Она была матушкой очень опытной и духовно образованной. В схиму ее постригал отец Серафим, восприемницей была схимонахиня Михаила. Ей старцы благословили принимать молодых сестер на откровение помыслов. Кроме всего прочего, она занималась с молодыми монахинями, обучая их, как правильно нужно творить Иисусову молитву. Происходило это так: матушки усаживались в круг и по очереди читали Иисусову молитву, каждая по сотнице. Если же какой-то одной из сестер приходил на ум навязчивый помысел, то она обязана была ска-

Иеромонах Серафим и схимонахиня Михаила

зать об этом старшей. Тогда начинали читать эту сотницу сначала — заново, все вместе. Этим преследовалось сразу несколько целей: во-первых, сестры учились творить молитву внимательно, нерассеянно, а во-вторых, это воспитывало чувство ответственности по отношению к своим ближним. Они научались через это любить близких на практике, на деле, а не на словах только.

Схимонахиня Феодорита спустя многие годы сетует: «У нас старцы были великие, людей вымаливали, друг за друга молились. Они друг друга поддерживали, была какая-то совокупность. А то ведь у нас сейчас, у монашек, все какая-то ревность да зависть. Вот ведь что завелось! Как к отцу Власию после батюшкиной смерти перешли, так стали тут все "взрослые" да "большие". Вот тут враг и стал посылать ревность. А когда мы были у отца Серафима, у нас ничего этого и в помине не было. Мы все говорили открыто и ничего не скрывали».

На приходе в Ячейке царила удивительная атмосфера любви и доброты. Об этом — опубликованные здесь воспоминания схимонахини Евстратии. Об отце Серафиме в них упоминается вроде бы вскользь, но они очень красноречиво говорят о том духовном устроении, которое царило на приходе, как старцы окормляли сообща своих общих деток.

Матушка Евстратия вспоминает:

«Один раз батюшка Митрофан был на службе в храме, а я осталась дома готовить. Стою и переживаю: матушек много приехало, а хлеба у нас нет. Смотрю, приезжает матушка Серафима мичуринская и спрашивает:

— Ты что это такая скорбная?

Я в ответ:

— Матушка, да сейчас люди придут из церкви, а у нас хлеба нет.

Она спрашивает:

— А где он у тебя лежит? Пойдем с тобой туда сходим.

Подошли, а она:

— Ты бы сказала: "Матерь Божия, дай нам хлебушка". Или: "Дай нам картошки". Или еще чего-нибудь.

Только так с ней проговорили, вышли с кухни — несет нам одна раба Божия огромный хлеб! Я говорю:

— Ой, матушка, глянь: тут всех можно накормить!

А она: "Ну вот". Потом нам к вечеру столько натаскали хлеба! Я ей:

— Матушка, какая радость-то! Сколько хлеба натаскали — полно!

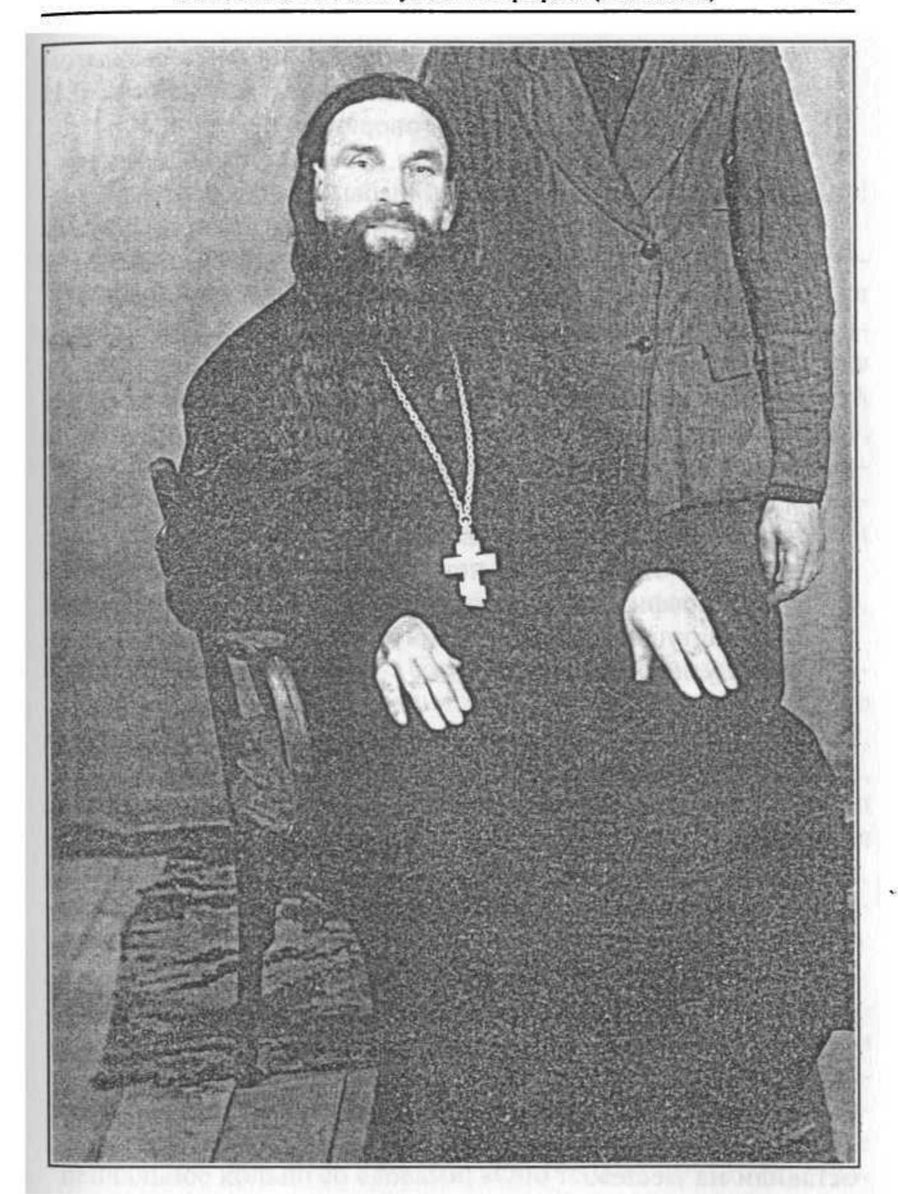
А потом говорю:

— Вот я в другой раз выберу хлеб, какой получше, и себе оставлю, а остальное отдам. А у меня тот хлеб плесневеет.

А она отвечает:

— Да разве можно так делать?! Ты бы, сколько нужно оставить — оставила, а что потом приносят — раздала. И у тебя бы не пропало ничего.

Однажды была я в Ельце по какому-то поручению отца Серафима и стояла на вокзале. Стою, смотрю: привезли в буфет колбасу. Мне так ее захотелось! Подошла, постояла, посмотрела — хочу колбасы и все! А я была

уже одетая — в постриге. Мучилась — мучилась, потом думаю: "Сейчас пойду, куплю сколько-нибудь и съем! И ничего не будет". А потом говорю себе:

— Нет, раз нельзя, то нельзя. Вспомни, как одному преподобному отцу захотелось рыбы, так он пожарил, подождал, пока она вся проплесневела, и говорит самому себе: "Ешь, нечистая утроба. Тебе хотелось — ешь!" — и съел. Так и ты колбасы хочешь. Уходи отсюда!

Проходит сколько-то времени, матушка Серафима и говорит: "Машутка, давай покаемся с тобой, пока тут батюшка Серафим. Батюшка, ты знаешь, как мне один раз колбасы хотелось съесть!" А я говорю: "Ой, матушка, да это же со мной было!" — и начала ей рассказывать от начала до конца, как все происходило. А она мне: "Ну вот, Машутка. Но ведь ты покаялась? Ведь не купила, не съела". Я отвечаю: "Да нет: я и не купила, и не съела". А отец Серафим только посмеивается. Какая прозорливая была матушка! Она же в Мичуринске была, я в Ельце — и она узнала!»

Известны случаи чудного Божиего заступничества по молитвам батюшки Серафима. Вот что нам рассказала схимонахиня Николая. Давно работала она кассиром на железнодорожном вокзале. Однажды сидела она на рабочем месте во время перерыва, достала из-за кассы акафист и начала читать. Вдруг сзади незаметно подошел начальник вокзала, заглянул ей через плечо и зло сказал: «Ага! Вот Мария Яковлевна чем занимается!» Она изрядно перепугалась и, вернувшись с работы, отправилась скорее к батюшке. Он обещал помолиться, утешил ее как мог, и по молитвам старца, ее не выгнали с работы. А время было такое, что могли бы и не пощадить. Она рассказывала: «Ну, я думала, что все — работы меня лишат! Но почему-то оставили на месте».

Есть свидетельства, когда по благословению батюшки у людей открывались нежданно-негаданно различные дарования, которых не было прежде. Раба Божия Александра из Ровенки немного умела читать по-славянски, но не очень уверенно, а потому и негромко. Вдруг отец Серафим ей говорит:

— Саня, ты станешь с батюшкой служить.

Она в недоумении:

— Я не священник — как же я буду служить?

— О, еще как будешь!

И вдруг у нее явилось дарование читать: красиво, громко! Почти 30 лет она прослужила псаломщицей.

Иногда батюшка давал непонятные, на первый взгляд, благословения. Смысл их открывался позднее. Одна раба Божия сказала: «Батюшка, я замуж хочу выходить. Но если благословите — я пойду, а не благословите — не пойду». Батюшка помолчал и ответил: «Благословения Божиего тебе нет... А выйдешь замуж — потом будешь хорошо и спокойно жить». Она не поняла, подумала, что будет замужем хорошо и спокойно жить. Вышла замуж — через некоторое время разошлась с мужем... А теперь, как она сама говорит, «спокойно и хорошо живу».

Известны случаи, когда люди, обращавшиеся к батюшке, коренным образом меняли свою жизнь.

Подходит однажды к отцу Серафиму женщина с плачем: «Батюшка, меня бросил муж, а у меня двое детей! Что мне делать — не знаю!» Он указал ей на вторую женщину, стоявшую недалеко от них: «Спроси у Веры, что она делала, когда ее бросил супруг». Плачущая женщина подошла и спросила. Вера была в недоумении: «Батюшка, да разве меня бросал муж? Мы с ним живем дружно». А муж ее уже думал, как бы ему уйти в монастырь. Через месяц он действительно тайно уехал от жены в Почаев, а после прислал письмо: «Я в монастыре».

Через два года он все же вернулся домой, но задумал принять тайный постриг. Не знал только, как быть с женой, и очень через это скорбел. Однажды приехал к ним отец Серафим и говорит: «Вера, что-то у тебя руки какие-то не прямые. Протяни руку». А когда она протянула, сорвал с нее венчальное кольцо со словами: «Оно тебе не нужно. Мы твоему мужу дадим постриг». Вера сказала: «Тогда и мне давайте», — смирилась. Их обоих постригли...

В селе Сластеновка жила семья, очень близкая батюшке. Случилось у них горе — сын, Николай, застрелился. Все его жалели, никто не мог понять, почему так произошло: па-

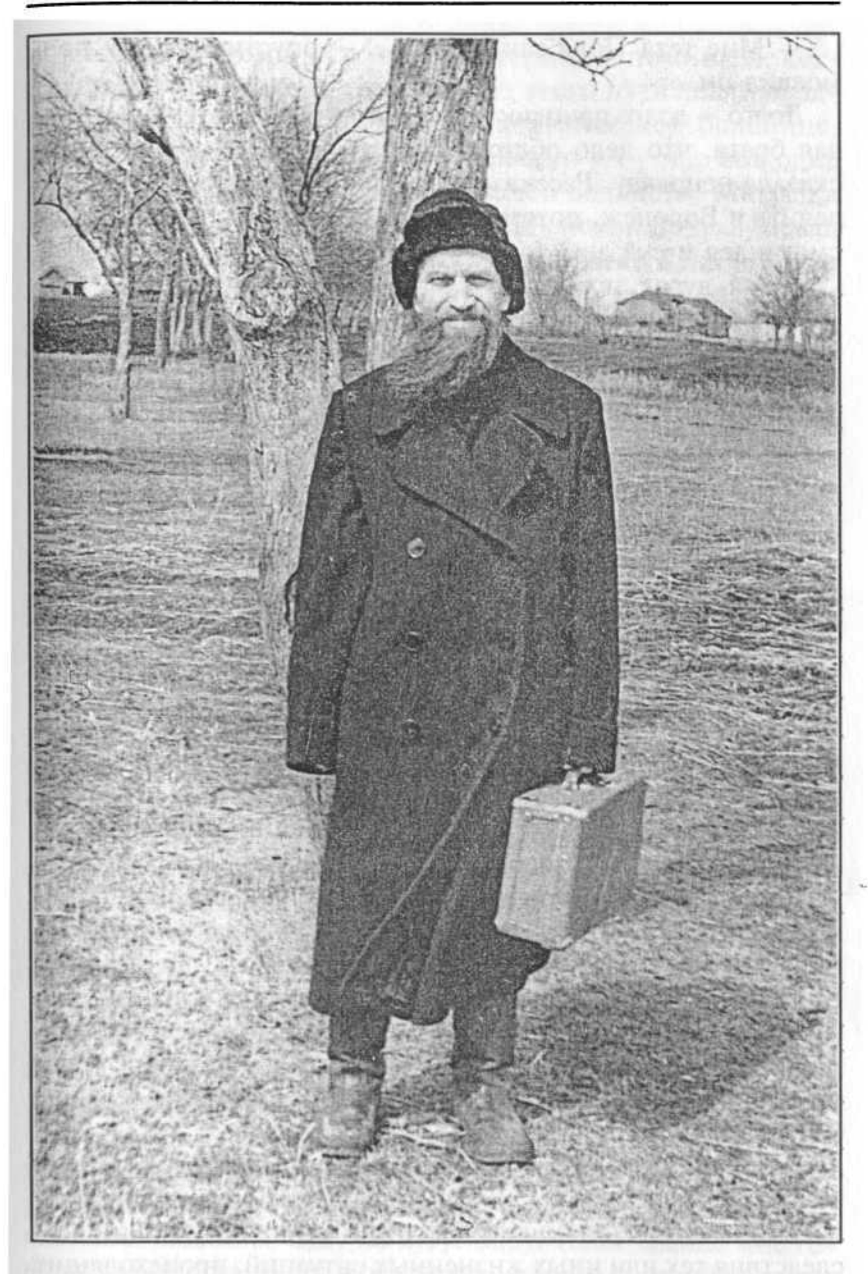
рень-то был хороший, ходил к отцу Серафиму, помогал ему... Батюшку просили помолиться за самоубийцу. В то время был очень сильный голод, и батюшка по неизмеримой своей доброте, чтобы помочь нуждающимся, взял предлагаемые родственниками Николая деньги, раздал их голодающим, а сам стал молиться, клал за самоубийцу поклоны. Но вдруг явился ему бес во всем своем безобразном виде и закричал: «Что ты молишься за него?! Он сам застрелился! Он наш! Я прикладывал такие усилия, чтобы он был моим, а ты хочешь его забрать!.. Ишь ты какой! — за мешок картошки хочешь вырвать его у нас!..» — мать этого парня как раз завозила на двор мешок картошки для батюшки. Никто еще этого не знал, а бесы высказали. Батюшка потом рассказывал: «Если бы я знал, что мне придется пережить, я бы никогда в жизни на это не пошел», и наставлял всех своих чад, чтобы ни в коем случае за самоубийц не молились.

Батюшка делал все возможное, чтобы отвести горести и несчастья от своих пасомых.

Однажды раба Божия Екатерина, близко знавшая батюшку, приехала к родителям из Воронежа в Ячейку погостить. Перед отъездом она пошла к отцу Серафиму, взять благословение в дорогу. Но он сказал: «Нет благословения тебе отправляться сегодня!» Она заволновалась: ей надо было вовремя попасть на работу, да и муж собирался ее встречать. Но батюшка снова сказал: «Нет благословения!» Расстроенная, Екатерина, придя домой, рассказала все матери. Та стала ее успокаивать, говоря, что батюшку надо слушать — он просто так ничего не скажет. Отъезд отложили, и Екатерина не стала собирать сумок в дорогу, а пошла на огороды полоть картошку. С ней помогать отправился родной брат — от роду горбатенький и больной. По дороге он не выдержал и признался Екатерине в своем черном замысле, что уже как два дня он носит в кармане спички: хочет поджечь дом, чтобы все сгорели:

— Они не хотели лечить меня нарочно, чтобы я остался калекой на всю жизнь! — произнес он с глубокой тоской в голосе.

— Как, как только тебе это в голову пришло?! — взволнованно и чуть не плача спросила его сестра.

На требы...

— Мне тетя Поля так сказала... — опустив голову, промолвил он.

Долго — долго пришлось, плача, говорить Екатерине, убеждая брата, что дело обстоит совсем не так, что тетя Поля сказала неправду. Рассказывала, как его маленького возили лечить в Воронеж, потом в Красавино... Брат окончательно смягчился и сказал:

— А я, дурак, поверил ей!

Вечером того же дня, едва Екатерина зашла к батюшке, он вдруг произнес: «Поедешь домой завтра».

Прозорливость батюшки Серафима открывала ему многие людские проблемы, он видел их сущность и по возможности старался направить людей по наиболее благоприятным для них путям, и таким образом проявлял о них свою заботу и глубокую сострадательность.

Свекровь Екатерины жила в селе Чамлык и часто посещала отца Серафима. Пищу она вкушала только вечером, мяса не употребляла совсем. К батюшке, чтобы получить благословение, приходила всегда натощак. Как-то она попросила разрешения усугубить воздержание: вкушать молоко только два раза в год — на Пасху и на «красную горку»[11]. Но батюшка ответил ей: «Мать, что ты говоришь? Ты еще мясо будешь есть». Та так и ахнула! Но вскоре у нее стало плохо с головой, и она очутилась в психиатрической больнице. Больных там кормили борщом с мясом.

Батюшке было открыто, что слишком большое воздержание этой рабе Божией неполезно. В отношении же соблюдения установленных Церковью постов он был очень строг. Как-то маленькая дочка Екатерины подошла к отцу Серафиму и, наученная родственниками, спросила: «Батюшка, благослови мне молочко постом кушать?» Он ответил: «Нет тебе на это благословения. Пусть твоя старенькая больная бабушка кушает, а ты не ешь — пост».

Были случаи особого предвидения старцем того, что случалось через много лет. Ему благодатью Божией открывалась суть происходящих событий, и он видел далекие последствия тех или иных жизненных ситуаций, происходящих

[11] Народное название Антипасхи

в настоящее время. Матушка Екатерина вспоминала, когда привезли домой ее свекровь, до этого пять лет проведшую на больничной койке в психиатрической больнице, к ним пришел отец Серафим и сказал: «А у нас вот одна сноха целых 15 лет ухаживала за такой больной». Матушка Екатерина поняла, что батюшка под снохой подразумевал ее, и подумала: «Как же я буду ухаживать? Ведь в семье двое детей и никакой помощи», — они с мужем работали по сменам и по очереди присматривали за маленькими сыном и дочкой: пока один из родителей был на смене, другой находился дома. Но батюшке Екатерина ничего не сказала, зная, что его слова всегда имеют особый смысл. И вот свекровь понемногу стала приходить в себя. Сперва ее кормили с ложечки, поднимали на руках, чтобы дать таблетки. Потом она стала подниматься сама, начала выходить на улицу... Так она прожила у них около четырнадцати лет.

Как-то батюшка сказал Екатерине: «Когда тебе будет трудно, ты подходи к святому углу и проси Царицу Небесную, чтобы Она вам помогала». А потом, указав на ее дочурку, предрек: «А это — ваша попечительница до гроба...», — дочь не вышла замуж и вот уже много лет ухаживает за ней. «...А сыночек ваш уедет — потом приедет», — сын вырос, закончил в другом городе институт, отработал по распределению и вернулся к родителям.

Однажды Екатерина спросила отца Серафима:

— Благословите мне кого-нибудь принять на квартиру.

Он быстро ответил:

— Нет, скоро родная сестра к тебе жить переедет.

— Да что Вы, батюшка! У нее там квартира, работа хорошая, с которой ее к тому же не отпускают!

— Приедет, приедет. Как молния прилетит!

Вскоре так и случилось: сестру вдруг неожиданно отпустили с работы, и она переехала к родным.

Рабам Божиим Анне, Пелагее и Валентину батюшка рассказывал видение: «Иду по лугу. Вдруг голос свыше мне говорит: «Ложись». Я лег вниз лицом, и долго со мной разговаривал чей-то голос». А о чем разговаривал, батюшка не сказал. Валентину же (впоследствии — игумену Варсонофию) ба-

тюшка предсказал, что тот будет священником, и заранее подарил ему иерейское облачение.

Батюшка, в первый раз увидев Валентина, когда тот подошел к нему под благословение, сказал ему: «...а ты ко мне приезжай». Валентин начал ездить к нему в Ячейку, стал верным духовным сыном и послушником отца Серафима. Приезжал почти каждый выходной. От Перелешино до Ячейки ему нужно было долго идти пешком, но юношу это не смущало. А батюшка, еще задолго до того, как придет Валентин, уже высматривал его из окна. Лишь только тот появлялся, батюшка выходил из алтаря на паперть встречать Валентина. Он очень его любил и как-то особенно дотошно его испытывал. В одно время, чтобы проверить его послушание, велел ему нигде не работать. Власть была еще советская — парня начали преследовать и соседи, и милиция, и ОБХС, вызывали, приходили домой... Валентин жил, что называется, «на нервах». В очередной раз, приехав к отцу Серафиму, решил: «Все! Скажу батюшке, что больше не могу!» Но тот его так тепло и с любовью встретил, что вся скорбь ушла, как не было. В следующий раз юноша снова решил пожаловаться, что жить так больше невозможно, но старец опять его успокоил... Несколько месяцев Валентин «маялся», а потом батюшка благословил его прислуживать в алтаре.

Спустя некоторое время юноша решил поступать в Одесскую семинарию. Собрал документы, подал заявление — его приняли, зачислили. Когда он в очередной раз приехал в Ячейку, схимонахиня Михаила подсказала: «Валентин, скажи батюшке: «Батюшка, как благословишь, так и будет: если благословишь — поеду учиться, не благословишь — не поеду». Он: «Ах да, конечно! Как батюшка скажет, так и поступлю!». А батюшка не благословил: «Все тут получишь! Все тут!..» За послушание Валентин взял документы назад.

Брату Валентина отец Серафим предсказал: «Лучше бы тебе по монашескому пути пойти. Но если ты все же женишься, то Господь тебе пошлет больную жену — она будет лежать, а ты будешь работать. Но лучше бы тебе не жениться...» Тот не послушал батюшку. Впоследствии все случилось в точности так, как предсказал отец Серафим: жена болела, муж работал.

Послушание и доверие к отцу Серафиму было у Валентина безгранично. Как-то собирается он идти куда-то с батюшкой, матушки осведомляются: «Далеко вы?» Он отвечает: «Не знаю — я у батюшки не спрашивал. Мне он однажды сказал: «Если ты спросишь у меня, то лукавый услышит, будет знать и устроит пакость». Валентин с первого раза это усвоил и с тех пор никогда не спрашивал.

Если кто-нибудь, встретив отца Серафима на дороге, интересовался у него: «Батюшка, ты куда?» — тот отвечал: «Оттуда и туда».

О молитве батюшка говорил Валентину так: «Надо молиться с душой. Когда молитва соединяется с душой, сердцем, тогда и Бог присутствует в нас. А если у меня времени нет, и я буду молиться машинально, "лишь бы отчитаться", — что толку? А вот когда я молюсь душой, духом, то Он мне все открывает. Горячо надо молиться».

Сестре Валентина было 22 года, когда она вдруг заболела. Заболела тяжело — думала уже, что умрет. Приехала она к батюшке, отстояла литургию, а в конце он вынес крест и говорит: «Маловерная, ну, совсем собралась умирать!» Народу в храме было много — она подумала: «Ну вот, кто-то еще, наверно, собрался умирать — не я одна». Подходит ко кресту, а батюшка ей: «Маловерная, ну, совсем собралась умирать!» — и она после этого жила еще долго.

Семью Валентина за то, что у них частенько собирались верующие, очень притесняли соседи: писали в милицию, устраивали скандалы в коммунальной квартире, хотели, чтобы их совсем выселили... Домашние Валентина рассказали об этом батюшке. Однажды он пришел к ним в гости и спросил: «Ну, покажите, где у вас соседская комната». Ему показали. Он перекрестил соседскую дверь большим крестом и сказал: «Они вперед вас уйдут!» И через год-полтора соседям дали отдельную двухкомнатную квартиру. Но прежде чем переехать, они еще долго возмущались и скандалили, ломились в дверь с криком: «Попы! Монахи!» — выходили из себя, не хотели уходить — хотели во что бы то ни стало выселить семью Валентина.

Сестре Валентина надо было пройти медкомиссию, чтобы оформить инвалидность. Как-то она пожаловалась ба-

тюшке: «Помолитесь, а то там одна врачиха на меня страшно кричит!» И батюшка обещал помолиться. На следующий день сестра пришла с радостным известием, что на нее уже больше так не кричали и дали ей, наконец, группу инвалидности...

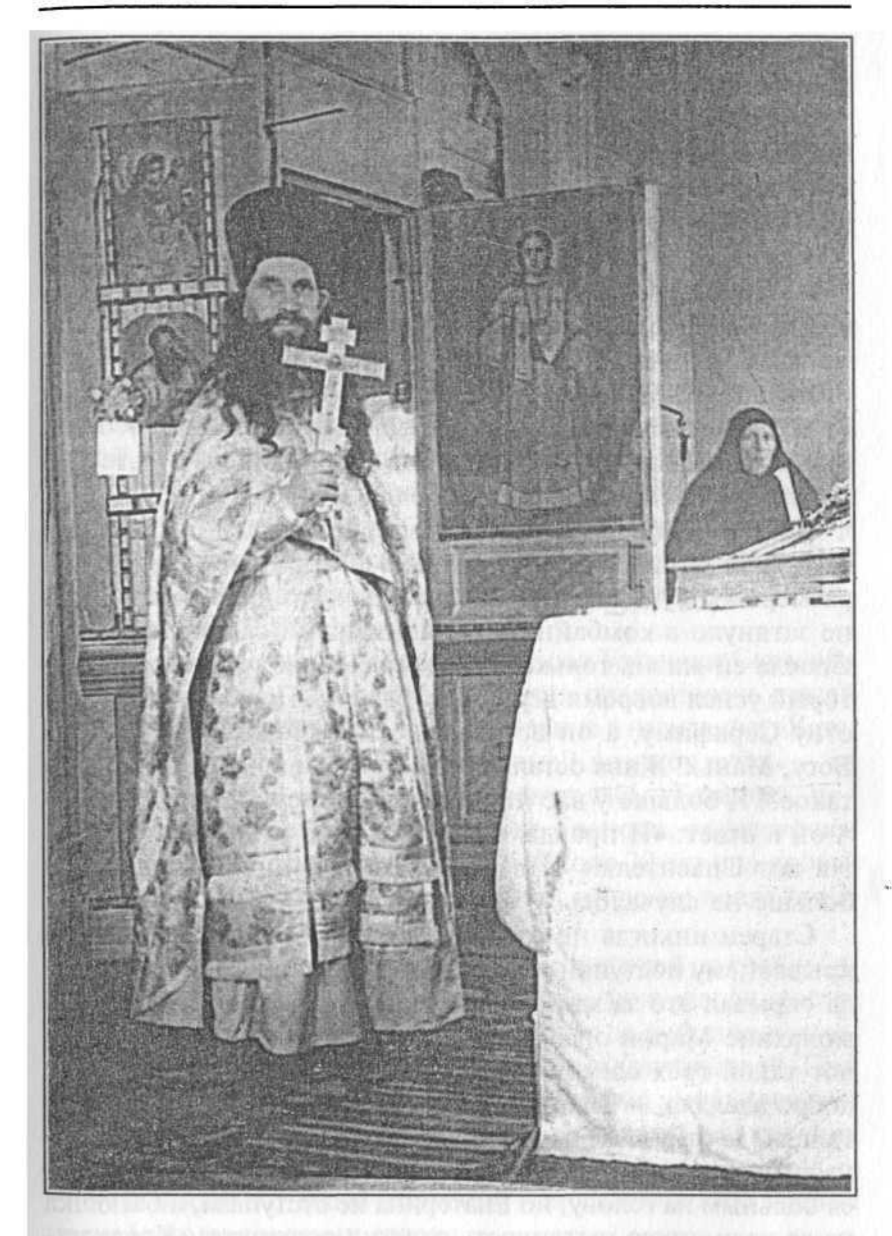
Случаи неподдельной, искренней заботы батюшки Серафима о людях нельзя перечислить. Вот один из них.

Заболела как-то раба Божия, у которой было три дочери. Врачи категорически настаивали на операции. Одна из дочерей, Мария, пошла к отцу Серафиму, чтобы спросить, как он благословит: ложиться ли маме на операцию или нет? «Батюшка, тут вот девочка к тебе пришла», — позвала его матушка Паисия. Он вышел, внимательно посмотрел на Марию, взял ее за плечи и вдруг произнес: «Детонька моя, гляди — за троюродного брата не ходи замуж! Мама-то твоя умница: вытурила «жениха» — так и надо с ними поступать! Нельзя, детка моя, родственникам жениться до 4-го колена, а то дети их потом наказаны будут! А если не будут дети наказаны, в будущей жизни мужу и жене — ад вечный!» Мария опешила: откуда батюшка мог знать, что накануне ее сватал троюродный брат?! Немного придя в себя, спросила: «Батюшка, а вот маме хотят операцию делать...» Он ответил: «Я напишу записку отцу Николаю (Овчинникову) — вы к нему поедете, и он сделает твоей маме операцию». «Батюшка, да у нас денег нет», — огорчилась Мария. «А он безплатно сделает. Маме будет хорошо — она останется жива... А ты с женихами будь осторожней».

Та же Мария, став впоследствии духовной дочерью батюшки, неоднократно была свидетельницей прозорливости отца Серафима. Как-то он сказал ей: «Бес возле тебя вертится — такие и такие мысли тебе принес», — и перечислил все помыслы, которые были в то время у Марии.

Жила она в Покровке, а ездила на работу за два километра от своего села — в Сталинское. Вечером в субботу приезжала домой, собиралась и в ночь шла пешком с сестрами к батюшке в Ячейку на службу — 21 километр.

— Утром подходим, — рассказывала она, — уже начинают звонить. Мы: «Слава Тебе, Господи!» У знакомых быстро переоденемся — и на службу. А как домой после службы идти

У Престола Божия...

— нам батюшка все предскажет, расскажет, какие предстоят искушения!

Духовные чада батюшки Серафима сохранили в своей памяти случаи, когда, предвидя надвигающиеся на людей беды, батюшка Серафим, немного юродствуя, пытался предупредить людей и уберечь их от надвигающихся опасностей.

Однажды он дал Марии огромный перец. Мария, зная, что лук, чеснок и прочие горькие «приправы» отец Серафим обычно дает к скорбям, стала отказываться. «Ну, как хочешь, — сказал батюшка. — Но бери — не бери, а он твой». Через несколько дней на работе по вине пьяного шофера Мария на всей скорости вылетела из кузова грузового автомобиля, пролежав после этого три месяца в больнице. «Вот тебе и перчик!» — вспоминала потом она.

В другой раз, когда Мария собиралась идти после службы домой, отец Серафим протянул ей громадную луковицу, размером с будильник — и спустя некоторое время ее чуть не затянуло в комбайн, перемалывавший свеклу на силос. Спасла ей жизнь только быстрая реакция комбайнера, который успел вовремя дернуть за рычаг... Приходит Мария к отцу Серафиму, а он встречает ее со словами: «Ну, слава Богу, Маньк! Жива осталась!» Она: «Батюшка, да что же это такое?! Я больше у вас никогда такой гостинец не возьму!» А он в ответ: «И правда: чего это я тебе то перчик, то лук! На вот Спасителя!» И с тех пор с ней ничего подобного больше не случалось.

Старец никогда не говорил, каким образом Господь открывает ему поступки и помыслы его духовных детей. Иногда скрывал это за мягкой иронией или шуткой. Например, монахине Марии он как-то раз сказал: «Ты на этой неделе вот такой грех совершила, такой грех сделала... Вот такое добро сделала...» Екатерина, сестра Марии, изумилась: «Батюшка, да откуда же ты все знаешь?! Скажи мне». На ее упорные расспросы он сперва отнекивался, пытаясь прикинуться больным на голову, но Екатерина не отступала, и батюшка на ее излишнюю пытливость ответил полушутя: «Когда наступает вечер, ангелы и бесы моих духовных чад приходят ко мне и все рассказывают: ангелы — о добрых делах, а бесы — о злых». — «Батюшка, да как же Вы бесов-то не боитесь?!»

— поразилась Екатерина. Батюшка ничего не ответил. Однажды она же увидела, как в алтаре во время службы отец Серафим делал какое-то странное движение, склоняясь у Престола. «Батюшка, чего это Вы там так... ногой?» — спросила она после службы. «Да *нокин* под престол хотел влезть, а я его выгонял», — нашелся батюшка (бесов он, кстати, называл часто словечком «*нокин*»)[12].

Отец Серафим предсказал семье Екатерины и Марии, что на них ополчатся соседи, предсказал, что отнимут огород (как раз перед посадкой) — все сбылось.

Кто бы и откуда не приезжал к отцу Серафиму, обязательно находил у него утешение. Старец притягивал к себе людей из различных уголков необъятной России.

Екатерине и Марии отец Серафим дал две иконы и сказал: «Антония и Феодосия — вам, а Воскресшего Спасителя — если откроют Щученскую церковь, то отдайте туда». Истинность слов батюшки показало время. Сейчас в Щученской церкви идет служба.

Много жизненных наставлений давал батюшка Серафим людям, наставлял со смыслом — хотел предостеречь людей от греха. Как-то батюшка сказал Екатерине в назидание: «Катя, кто из ящика (из этого Божиего дома!) возьмет рубль — ад стонет: ждет этого человека!» Она испугалась: «Батюшка, помолись! Помилуй, Господи! Сохрани, Господи, от такого искушения, чтоб из церкви воровать!» Около 30 лет она проработала в храме и не взяла ни копейки, ни до ни после этого случая.

Батюшке иногда была открыта участь людей за гробом, в ином мире. У него служила чтица Катя — полуслепая, косая, больная, но читала очень хорошо. Вдруг за ней стали замечать, что она ходит в сельсовет, думали: докладывает. При жизни ее батюшка не обличал, но когда она умерла, сказал с грустью: «А Катя-то наша у самого сатаны на коленях сидит!»

Увы! Люди по своей гордости или самомнению иногда пренебрегали советами старца.

---

[12] О происхождении этого словечка смотрите подробнее в жизнеописании схимонахини Михаилы (Сарычевой).

Одна раба Божия была духовной дочерью отца Серафима, но другой священник стал «перетягивать» ее к себе, предлагал быть своей келейницей. Отец Серафим, узнав об этом, сказал ей: «Когда ты умрешь и придешь на суд, на том свете будут спрашивать: “Чья эта пришла сюда?” И ответят: “Ничейная”». Но она, к сожалению, не послушала батюшку...

Еще во времена гонений на Церковь батюшка предсказывал, что храмы и монастыри впоследствии откроются, и говорил: «Да хоть бы они и все храмы закрыли — потом быстрее откроют».

Предсказывал батюшка, что Россию разделят на четыре части. «Некоторые достанутся к хорошим, — говорил он, — им будет хорошо жить. А другим будет тяжело — над ними станут издеваться. Не дай Бог, если кто попадет в ту часть страны, которая достанется Китаю».

Многое было открыто батюшке, он как мог, старался донести это до людей.

В Ячейке жила раба Божия Раиса, которая всегда помогала храму. Однажды батюшка вывел ее на улицу и сказал: «Раиса, запомни: на этом месте будет собор».

А будучи на том кладбище, где сейчас находится его могилка, батюшка произнес: «На этом кладбище со временем откроется трое мощей», — но не сказал, чьих. Местные жители предполагают, что это иерей Петр, человек праведной жизни, на могилу которого ходит много людей; блаженный Ванюшка и сам батюшка. Так или не так — покажет время.

Всю жизнь свою руководствуясь правилом — жить ради людей, отец Серафим спасал и избавлял от погибели многих, умело наставлял на путь спасения, давал надежду в минуты отчаяния... Он всегда помнил о том, что мы должны быть безмерно благодарны Господу за дарование нам этой тихой радости — дышать и жить. За это мы обязаны каждый день благодарить Бога. «Не теряйте мужества, имейте стойкую веру и уповайте непрестанно на Промысел Божий, доверяйте ему — и все будет у вас хорошо. Все будет хорошо», — любил повторять мудрый старец.

Выпало на долю рабы Божией Марии испытание: дома случился пожар. Через год умер муж. Осталось семеро детей. Бедность была страшная: есть нечего, надеть нечего. Сама

сердечница. Хотела она руки на себя наложить, но пришел батюшка с послушником, утешил, упрекнул за помыслы, помог материально и сказал, чтобы не скорбела: Господь не оставит, все будет хорошо, и дети вырастут примерные. Так и сбылось.

Обладая совершенной нестяжательностью, батюшка Серафим все, что ему приносили духовные дети, раздавал малоимущим, сиротам, вдовам. Одевался чрезвычайно бедно, а на милостыню был очень щедр, делал все это втайне, пряча свои добрые дела от людского глаза. Духовным детям своим непрестанно напоминал, что даже малой милостыней можно оправдаться перед Богом, коль нет возможности делать много больших добрых дел. «Воистину, тот оправдается перед Богом, кто дает не много, а дает последнее», — так учил и так поступал сам батюшка Серафим. Не упускал батюшка случая помогать бедным и своею молитвою.

Жила в соседнем селе раба Божия Мария с мужем Степаном. Родился у них первый ребенок — сын, второй ребенок — тоже мальчик, также и третий... Мария пригорюнилась: «Неужели у меня девочек не будет?» А батюшка пришел к ним и говорит: «У моей тетки 12 человек и все мальчишки... Маня, ты не скорби — еще будут завидовать на твоих детей!» А всего у них родилось восемь мальчиков, и все были послушными.

Отец Серафим очень любил их семью и часто бывал у них в гостях. Дети называли его «папой Симой». Приходит однажды, а Мария наварила пшена и стала угощать любимого батюшку. Отец Серафим знал, что они сами живут впроголодь, и стал отказываться, но его уговорили. Тогда он взял крупу и перекрестил со словами: «Да умножит вам Господь. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь». Прошло много времени, а пшено в их семье все не кончалось. Супруги осознали тогда, что это произошло по молитве отца Серафима явное чудо и возблагодарили Бога за такую к ним милость.

Одна семья в Эртиле решила построить себе домишко. Пришли за благословением к старцу: «Батюшка, где благословите строиться?» А он отвечает: «Где совесть позволит, там и стройтесь». Они выстроили хатку, а сами переживают, душа болит: «Батюшка ведь не благословил нас — как же

мы будем здесь жить?» Пригласили отца Серафима на освящение дома. Он пришел из Ячейки и говорит: «Не скорбите — на деревянненький смените». И через десять лет они, и вправду, купили себе деревянный домик, переехав из старого.

Их родственникам за много лет до того, как в Эртиле построили храм, батюшка принес крест и жертвенник, сказав: «Будут строить церковь — отнесете туда». В то время никто и не предполагал, что в Эртиле будет строиться храм. А теперь их там два: во имя Иверской иконы Божией Матери и в честь преподобного Серафима Саровского.

Батюшка часто навещал своих духовных чад, живущих не только в Ячейке, но и в соседних селах. Скажет, бывало: «Пойду к ним. Что-то у них неладно». После его прихода на душе оставалась радость, а все скорби и невзгоды быстро проходили.

Отец Серафим был очень любвеобилен и прост, но вместе с тем бывал строгим: некоторым духовным чадам не благословлял даже улыбаться. Иногда он специально рассказывал смешные истории: испытывал своих послушников и послушниц.

Однажды, идя на требы со своим послушником, батюшка сказал: «Какая сейчас девушка прошла: косая, кривая!» Послушник тут же откликнулся: «Да нет, батюшка, она не кривая!» Тогда отец Серафим спрашивает: «А зачем ты на нее смотрел, а?! Вот вернемся домой — на поклоны».

Но очень сурово батюшка не наказывал, даже наоборот — жалел, как только родная мать умеет жалеть своих детей. Все, кто приезжал к нему, замечали, что он почти не спит ночью: поправляет лампадки, молится, кладет земные поклоны... и — укрывает тех, кто во сне разделся, поправляет им одеяла!

Чутко заботился отец Серафим о своих послушниках, радел о спасении их душ. Одну из своих келейниц батюшка как-то спросил: «Кто там приехал?» Она ответила: «Кажется, Николай». Тот вошел, а оказалось — Виктор. Батюшка ей и говорит: «Что ж ты не видишь, не разбираешься, кто пришел?» А она отвечает: «Батюшка, да они мне оба одинаковые!» Он сказал: «Так и нужно поступать», — это было назидание для всех, кто при этом присутствовал.

Когда батюшка предлагал послушникам постриг — отказываться ни в коем случае нельзя: если отец Серафим решил, значит, была на то воля Божия. Но одна из сестер, Анна, вздумала отнекиваться, говоря, что недостойна. Правда, осознав свою оплошность, она потом пожалела и просила у батюшки постричь ее, но он сделал это только через три года, тем самым давая ей понять, что она согрешила, предпочтя свою волю воле Божией[13]. После старшие сестры приводили этот случай в пример младшим, говоря: «Смотри, если батюшка предложит постриг — ты не отказывайся! А то Нюра вон потом три года бегала за ним».

Рассказывает схимонахиня Феодорита:

«Бывали и такие случаи. Я была хорошо знакома с матушкой Афанасией — потом она уже у меня свой век доживала. Она была постоянной спутницей старицы Митрофании (впоследствии схимонахини Михаилы) в ее

[13] Когда Анна отказалась от пострига, матушка Михаила молилась за нее три года (Анна была послушницей м. Михаилы) и заповедовала ей: с кем из духовных будешь встречаться, кланяйся им в ноги, что Анна и исполняла в течение трех лет. А батюшка Серафим сказал Анне, что за непослушание отошла благодать.

странствиях. Вот однажды матушка Афанасия подходит к отцу Серафиму и говорит: "Батюшка, а что если мне схиму принять?" А старец наш ей и отвечает: "Бог благословил", — перекрестил ее, и она пошла домой, чтобы помолиться перед предстоящим постригом. Жила она тогда в Талицком Чамлыке при старице Митрофании. А у мать Митрофании была прозорливость необыкновенная: та, как увидела матушку Афанасию, и говорит ей: "Ой! Да на тебе схима одета! Ты что, мать, схиму вздумала принимать?" — и давай шуметь: "А с кем я тогда буду ходить, как же я буду ходить одна? Ведь ты схимницей станешь — тебе дома надо будет сидеть, из келии не отлучаться. Неужели ты меня одну оставишь?" Та ей в ответ: "Матушка! Да прости ты меня, грешную! Я батюшке скажу — пусть он подождет меня в схиму постригать. Как же я тебя брошу? Про это ведь я не подумала!" Так и сделала: пошла к отцу Серафиму, рассказала ему про разговор. Тот ее перекрестил, благословил и говорит: "Все. Схимы на тебе нет!" Вот такие старцы у нас были — они мантии да схимы не просто так надевали на ум Лазаря, а надевали своими молитвами, своими трудами, своими заботами.

Помню еще и такое. Вот постригает батюшка когонибудь, а ему после пострига говорят: "Да ты бы не это имя, а другое какое-нибудь дал!" А он в ответ: "Нельзя было так назвать — с ним Ангел пошел вот тот"... После пострига по три дня находились в церкви, молились. Есть не давали. Причащали без исповеди»

У батюшки были свои методы воспитания духовных чад. Он благословлял сестрам, которые всегда ходили к нему вместе, советоваться друг с другом по разным духовным вопросам, взаимно подсказывать, если кто-то поступал неправильно. А когда уж они не слушали сестринского вразумления — рассказывать батюшке.

Отец Серафим по-отечески ревностно относился к делу послушания. Требовал от духовных детей, чтобы они на все брали благословение. Часто за послушание батюшка благословлял некоторых сестер браться за те дела, кото-

рые они раньше никогда не делали — и все получалось хорошо.

Отец Серафим любил сам шить и вышивать облачения и впоследствии начал учить этому послушницу Марию. Сначала она недоумевала: «Как же я, батюшка, буду это делать? Я же ничего не знаю». Он ответил: «Ничего. Потихонечку». И за послушание она начала учиться. Сначала дал вышить поясочек петельчатым швом, потом поручи, епитрахиль... Мария очень радовалась, что ей поручают вышивать священнические облачения, ведь делается это все для храма, для службы Божией! Постепенно батюшка стал давать задания более сложные, но с Божией помощью, по молитвам старца и стараниями самой Марии, у нее почти всегда все получалось. Так она научилась шить, вышивать и кроить. Она рассказывала, как батюшка учил ее шить подрясник: «Распори мой подрясничек и по нему шей. Так и научишься». А так как со стороны других сестер была и ревность, и зависть (ведь все люди подвержены страстям), то батюшка наставлял свою послушницу: «Ты знаешь как — делай потихонечку...». Вот так «потихонечку», т. е. скрытно, не вызывая ревность и зависть у других духовных чад, она и несла свое нелегкое послушание. После отец Серафим благословил Марию учиться петь на клиросе. «За его молитвы я и пела. Так постепенно все послушания проходила», — вспоминала она потом.

Как-то начала Мария вышивать покровцы — работа мелкая, кропотливая. По какой-то причине не выходило в тот раз ничего, руки словно не хотели работать. Батюшка увидел, что дело не спорится, подошел:

— А чей это материал?

— Матушка дала.

— А она у кого взяла?

— Ой, батюшка, а я и не спросила у нее...

— Как же это? Надо спрашивать, разбирать, от кого берешь, какой человек дает тебе. Ведь помыслы у него могут быть разными. И в следующий раз без благословения не бери. А то кто-то принес, чтоб пошить, матушка и взяла, а у кого она спросила благословения?.. Все расшей. Все, Маня, надо делать с молитовкой... — и вот: такая мелкая работа

— а пришлось Марии расшивать, распарывать и делать все заново!

Строго, но по-отечески, с любовью, отцом Серафимом порицалось непослушание духовных чад.

Одной молодой женщине сильно хотелось получить образование, но она боялась, что батюшка не позволит ей поступить в вуз, и не стала спрашивать его разрешения. Доучившись до 4-го курса, она вздумала перейти в другой институт. Приехав домой, решила, что хорошо бы взять на это благословение, рассудив, что отец Серафим, наверно, теперь не будет возражать против учения, раз она уже на 4-м курсе. Но батюшка отнесся к этому очень строго: «А кто тебя благословлял учиться?! У кого ты брала на это благословение?! Как это так?! Нет тебе благословения учиться! Это все на пагубу твоей души». Сестра подумала: может, старица Михаила ее на это дело благословит, но от нее получила еще более строгий ответ: «Нет благословения! На погибель!» — стучала посохом о пол матушка. Старцы были единодушны. Пришлось оставить учебу.

Отец Серафим старался воспитать и воспитывал в своих келейниках безпрекословное послушание. Пришли как-то фотографировать, а он велит своей послушнице Марии:

— На тебе мой посох — иди, фотографируйся.

Она удивляется:

— Батюшка, с Вашим посохом? В мирском платье и с посохом?

— Раз я тебя благословляю, то так и иди!

Одной из своих духовных дочерей батюшка благословил носить на работе фуфайку наизнанку. Год она так и проходила. А в результате все женихи от нее отстали, да и она сама, духовно окрепнув, поняла свою жизненное предназначение и избрала монашеский путь.

К тем из сестер, кто был уже постарше, батюшка относился строже, больше требовал, старался, чтобы они учились изживать даже малейшие свои страсти. Однажды одна из них легла отдыхать на печку, а отец Серафим очень не любил, чтоб нежились — он и намазал ей губы горчицей. Она проснулась и не поймет, что с ней: «Ой, да что же это такое?!» А батюшка улыбается и спрашивает: «Матушка, что там с то-

бой?» Она в ответ: «Да никак понять не могу!» А отец Серафим говорит: «Ты спать спишь, а молиться-то не молишься — вот тебе, видно, и приключилось».

Часто батюшка Серафим говаривал своим послушникам, если кто не радел о непрестанной молитве: «Лучше молиться стоя — чем сидя, лучше молиться сидя — чем лежа, лучше молиться лежа — чем никак».

Около него спасалось много старших матушек, которые раньше жили в монастырях, и он называл их «девчата»: «Ну, вот и девчата мои идут!» А эти «девчата»: одна на одну сторону хромает, другая — на другую перегибается.

Когда к нему поступал новый послушник или послушница, батюшке Промыслом Божиим было сразу все открыто, что из них получится. Например, скажет: «Этот Иван ни людям, ни нам», — значит, не будет от этого человека толку.

Однажды только пришел батюшка со службы, как три женщины привели к нему парня, по имени Иван: «Батюшка, прими его в послушники. Он девственник у нас. Мы хотим, чтобы он монашество принял», — это были мать и две тетки Ивана. Но батюшка сказал им: «Ему уже в армию пора — вот вы его отправьте да скажите, чтобы он *писался* там. А когда его из армии выпроводят, вот тогда посмотрим, куда его. Будем молиться Матери Божией, чтобы Она указала ему путь». На следующий раз они пришли уже чуть ли не с требованием: «Принимай парня!» — сделали земной поклон, как положено. Батюшка отказывался: «Нет, нет, нет! Я сейчас не буду его в послушники принимать!»

Но они настояли: «Как хочешь, но оставляй его у себя!» Недаром отец Серафим не хотел принимать Ивана в послушники: через год тот нашел себе женщину и даже думать перестал о монашестве.

Однажды, когда Иван еще был у отца Серафима, тот взял его с собой на требы. Батюшка шел и помахивал вправо-влево хворостиночкой, что была у него в руках. Иван удивился: «Батюшка, чего это ты так делаешь?» А он ему отвечает: «Это твоя жизнь такой будет — вилять станешь». Батюшкины слова оказались пророческими.

Отец Серафим никогда не пренебрегал советами других старцев. Однажды рано утром батюшка пошел к матушке Михаиле — она жила в 25-ти километрах от Ячейки. Пришел, конечно, уставший, ведь все пешком. Матушка его встретила, напоила чаем, они поговорили. А потом матушка Михаила взяла игрушечного мишку-пищалку и начала на него нажимать. Игрушка: «Пи-пи! Пи-пи!» Батюшка понял, что это неспроста, и спрашивает:

— Матушка, что говорит мишка?

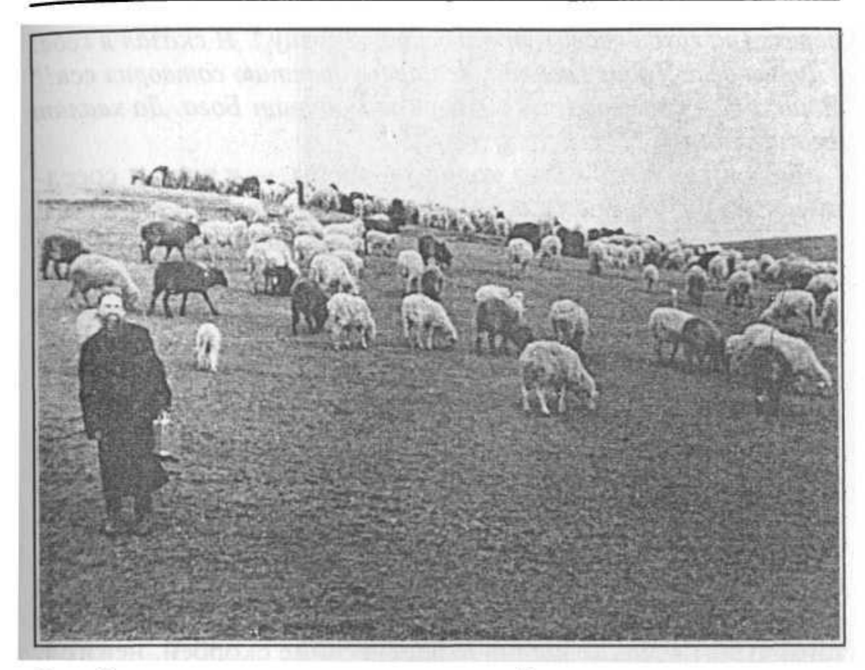
— Да мишка говорит: «Попу пора собираться домой».

— Как так, матушка? Я устал. Я же с ночевкой к тебе пришел — день уже клонился к вечеру.

— Ничего не знаю. Вот мишка говорит: «Попу пора собираться домой», — а сама все нажимает и нажимает.

И батюшка за послушание отправился в обратную дорогу. Пришел домой поздней ночью... А наутро в 7 семь часов к нему неожиданно приехал протоиерей Михаил по какому-то очень важному вопросу — он был секретарем в епархии и благочинным округа. Каждый священник не имеет права куда-либо отлучаться со своего прихода без благословения благочинного, и в то время спрашивали за это очень строго. Если бы батюшки не оказалось на месте, у него могли бы быть большие неприятности. Он был очень благодарен матушке Михаиле за то, что она проводила его домой...

Много чудесных случаев сохранила людская память. Однажды отец Серафим шел с алтарницей матушкой Геронтией по каким-то делам в другое село. Шли они по пшеничному полю, идти было трудно, стебли мешали ногам. Тогда отец

Серафим перекрестил путь, сказав: «Расступитесь», — и пшеница полегла на обе стороны.

В другой раз пошли они с матушкой Геронтией причащать больного. На дороге встретились им гуси, которые нагнули шеи к земле, но не шипели, а выгибали головы, будто кланялись. В ответ на удивление матушки отец Серафим сказал, что гуси поклонились не ему, а Господу, так как он нес на себе Святые Дары.

Вот как сам отец Серафим описывал этот случай: «*Во дни моей приходской службы меня попросили прийти приобщить больного. Я, по обыкновению, взял Святые Дары и отправился. Пройдя километра четыре, вошел в село, мимо которого протекала какая-то речонка. В ней было много гусей. Когда я находился еще в ста метрах от них, гуси вдруг вышли из реки на берег и закричали, увидев мое шествие по дороге. Приближаюсь к ним — они все быстро сошли с дороги и, пригнувшись своими головами, отдали почтение. Когда я прошел, они, поднявшись на ноги, снова начали кричать. Я был крайне удивлен этому. Тут же мне пришло на ум: “Это не тебе воздают хвалу или благодарение, а Тому, Кого ты несешь на*

персях (на груди своей), т.е. Господу Творцу". И сказал я себе: "Дивны дела Твои, Господи, вся премудростию сотворил еси!" Я никогда не замечал, но и тварь благодарит Бога. Да хвалят Его и птицы».

Батюшка очень часто ходил на требы — в свое и соседние села. Всегда брал с собой кирзовую сумочку и клал туда, помимо необходимого, еще чеснок и лук. Если у кого-то должны быть в скором времени какие-либо скорби, он приходил к ним, выкладывал на стол чеснок, лук и отправлялся дальше. Люди, уже зная, к чему это, говорили ему: «Батюшка, да не надо, не надо». А он в ответ: «Без этого не живут». Или: «Витамины! Их тоже есть надо!»

Таким образом, батюшка Серафим постоянно старался вразумить и приучить людей к мысли, что через скорби и страдания лежит путь ко спасению душ наших, что лишь тесными вратами надлежит нам войти в Царствие Небесное, и иных путей спасения для человека практически нет. Ни счастья, ни материальных благ не желал батюшка людям, а того, чтобы через терпеливое перенесение скорбей, невзгод, через истинное осознание своей греховности, через нелицемерное покаяние люди примирились с Богом.

Батюшка поучал: «В возникшем недоумении можно спрашивать у детей совета. Не забывайте о том, что «устами младенца глаголет истина». Однажды ему надо было причастить двух больных, которые жили в противоположных концах села. Один из них был пожилой мужчина, а другой — мальчик двенадцати лет. Не зная, куда сначала направить свой путь, батюшка, помолившись Господу, спросил сидевших при дороге малышей: «Деточки, куда мне идти? В эту сторону или в ту?» Дети ответили: «Дедушка, туда не ходи, а иди туда», — и показали в ту сторону, где жил мальчик. Отец Серафим пошел, куда указали дети, пособоровал, причастил мальчика, и тот тут же умер. Пойди батюшка в другую сторону — мальчик умер бы, не причастившись Святых Таин.

Где-то в конце 50-х годов состоялась встреча отца Серафима с отцом Власием, будущим схиархимандритом Макарием (Болотовым). Нам достоверно известно, что произошла первая встреча отца Серафима с отцом Власием в Почаеве,

Отец Серафим и отец Власий (Болотов)

куда батюшка приезжал помолиться. После того, как на Почаевскую Лавру обрушились гонения, отец Власий ездил к Глинским старцам, и те благословили его отправиться в Ячейку к отцу Серафиму, говоря, что и Глинскую пустынь вскоре ожидает такая же участь, что и Почаев. Через некоторое время и Глинскую братию тоже разогнали. А отец Власий вскоре появился на приходе у отца Серафима. Он уже был в сане иеродиакона. Служил он, по сути, нелегально, но батюшка его очень любил. Вспоминают, что любимый батюшкой духовный кант «Из пустыни старец», — они очень хорошо пели вместе: две строчки каждого куплета солировали, а потом подхватывал хор. Отца Власия старцы приняли в общение сразу: и матушка Серафима, и отец Иоасаф, и матушка Михаила. Вместе с о. Власием одновременно выгнали из Поча-

евского монастыря и о. Евгения. Они часто пели службы втроем — отец Власий, отец Евгений и схимонах Иоасаф (у него был чудный голос, молитвенный, слова песнопений до сердца доходили!). Как пели! Многие вспоминают, что ощущали себя в этот момент как на небе. Как-то отец Власий сказал матушкам из хора: «Давайте мы будем петь одни — чтобы одни только мужские голоса». Матушки вначале посопротивлялись, но в день памяти великомученика Никиты (батюшкин день Ангела) все же уступили. И эта служба многим запомнилась как необыкновенная — все было строго и по-особенному торжественно. В Ячейке отец Власий пробыл недолго — скоро отца Серафима перевели на приход в село Девицы, а о. Власия почти сразу же после этого рукоположили во священника и дали приход в Задонске. Батюшка часто к нему туда ездил.

Однажды, в праздник Богоявления, отец Серафим приехал к отцу Власию в Задонск. Его духовная дочь Анастасия, зная, что батюшка в Задонске, тоже приехала с сестрами сюда. Отец Серафим, поговорив с ними, велел им до вечерней службы из храма не отлучаться и не ходить к нему толпой, чтобы это не вызвало ни у кого из властей подозрений. Но после Божественной Литургии церковь закрыли на уборку, и вместо того, чтобы постоять рядом и дождаться, когда храм откроют, они стали бродить по Задонску, останавливались в магазинах погреться, а сами очень боялись того, что батюшка увидит их, шатающихся по магазинам. Приходят вечером в храм, а он им говорит: «Девчата, как я устал — целый день гулял по городу! Да все думал, как бы архиерей не увидел — что скажет?»

Протоиерей Николай Засыпкин вспоминает, что однажды произошел такой случай. Поздней осенью, уже в стужу, возвращались откуда-то отец Серафим с отцом Власием и что-то по дороге горячо обсуждали. Впереди была речушка, а через нее был перекинут хлипкий мосток с шатающимися досками. Отец Власий пошел вперед, а батюшка Серафим стал вдруг прыгать на досках, из-за чего они сильно раскачались. Отец Власий не удержал равновесия, свалился в воду, зацепил за ногу отца Серафима и стащил его в речку за собой. Так они оба и искупались. А потом, смеясь, побежали

домой, чтоб обогреться. Расстояние было неблизкое, но никто из них не заболел.

Еще раньше, когда батюшка еще ездил в Почаев, он предсказал отцу Власию, что ему Богом предназначено постричь отца Серафима в Великую схиму. Так и произошло — перед смертью о. Власий постриг батюшку в схиму с именем Митрофан. Тогда же, перед самой своей кончиной, отец Серафим утешал своего духовного сына: «Ты, Вася (так он иногда его в шутку называл), не горься. Ты будешь под святительским покровом. Батюшка умер, и отец Власий стал ездить к владыке Зиновию в Грузию. Общался там с Глинскими старцами. Владыка и сам частенько приезжал в Бурдино, где впоследствии служил о. Власий и где он организовал с архиерейского благословения настоящую тайную монашескую общину. Ни одного слова не было сказано отцом Серафимом впустую, на ветер...

Вообще, надо отметить, что батюшка часто открывал грехи людей через шутку, через самообличение и самоосуждение. Например, пришел однажды отец Серафим к рабе Божией Зинаиде, а у той в гостях сидит соседка Ольга. Батюшка внимательно поглядел на Ольгу, быстрым суетливым шагом походил туда, сюда и говорит: «Ой, какой же я есть! Как иду на работу — выпью стаканчик самогоночки, тогда только иду!» — снова поглядел на Ольгу и опять также быстро вышагивает. Зина не поняла, что это батюшка говорит. А потом, когда он ушел, Ольга чистосердечно призналась: «Зина, ведь это про меня батюшка говорил! Как соберусь на работу или даже в храм — стаканчик самогоночки выпью и иду!»

Отец Серафим очень любил петь песнопение «Из пустыни старец». Пришла как-то к батюшке раба Божия Мария — он тут же запел свое любимое песнопение, а сам смотрит на нее — будто бы для нее поет. А в песне повествуется о том, что такое послушание духовному отцу и как нужно его проходить. «А я думаю, — рассказывала после Мария, — что это батюшка ко мне обращается». Через некоторое время старица схимонахиня Антония благословила ее поступить к батюшке — так Мария стала его послушницей.

Жила она у отца Серафима в одной келье с Раисой — его племянницей, которую он взял к себе в Ячейку еще совсем молоденькой, она заканчивала только 7-й класс. Племянница зачастую ревновала: ей казалось, что ее меньше, чем Марию, жалеют, меньше любят. На этой почве у них нередко происходили ссоры, но все свои размолвки они, конечно, старались тщательно скрывать от батюшки. Однажды приходят из сарая, где в очередной раз поругались, а отец Серафим и говорит: «Ой, какая туча находила! Какая грозная туча здесь была! Но дождик-то не пошел, не пошел...» — он имел в виду, что до крупной обиды, до слез дело не дошло. А после сказал духовной дочери: «Вот вы там поцапались, повздорили немножко, а потом надо просить прощения друг у друга, пока солнце не зашло, а на ночь, перед тем как спать, нужно молиться за обидевших вас и крестик целовать».

Своей племяннице батюшка за много лет предсказал, что у нее будет ребенок. Показывает она как-то ему кем-то принесенные полотенца, а батюшка ей: «Да ты прибереги себе — может, на пеленки пригодятся»...

Однажды приехала за отцом Серафимом на телеге раба Божия Анна — везти его к себе по какой-то требе. Едут они мимо одной хаты, а на пороге сидит девушка. Батюшка Анне говорит: «Нюр, смотри: монашка сидит». Та в ответ: «Какая монашка?! Разнаряженная, да учится!» Батюшка ей: «Ну, вот посмотришь». Много лет спустя эта девушка и вправду стала монахиней.

А о том, что ее ожидает постриг, старец и сам ей потом предсказал лично.

Пришла она к родственникам, а у них в то время обедал о. Серафим. Девушка тоже потихоньку присела за стол. Вдруг лицо батюшки преобразилось, от него пошли лучи, глаза засверкали, и он заговорил, указывая рукой в ее сторону: «Что *загорилась*? Не *горься*[14] — Матерь Божия тебя не оставит, утешит...» — тут одна из матушек что-то сказала, не зная, видимо, что нельзя перебивать старцев. Батюшка замолчал и стал кушать. Потом все повторилось, он снова заговорил: «...не горься — ты будешь монахиней. Да великой». Девушка подумала: «Какая из меня великая монахиня?» Она сидела без косынки и в платье с коротким рукавом. Но впоследствии в постриге ей было дано имя преподобного Антония Великого.

Стала она приезжать в Ячейку к батюшке. Как-то он велел научить ее вязать четки своей послушнице: «Мария, научи ее четочки вязать. А ты садись и за вязаньем читай Иисусову молитву. Пока узелочек свяжешь, раз 15 молитву скажешь». Девушка в ответ: «Да что Вы, батюшка, я и больше скажу — я ж медленно буду вязать!» Матушки потом попеняли ей: «Надо было не так, а «батюшка, благословите, помолитесь».

У этой матушки Антонии отец Серафим как-то спросил:

— Вот видишь стакан с водой: если бросить туда пшено, будет видно?

— Да, — ответила она.

— Так вот и я вижу сердце человека, и что в сердце, — сказал батюшка. Почти то же самое он говорил и схимонахине Евстратии.

---

[14] Не горюй, не печалься

Мать Антония в молодости писала стихи. Батюшка одобрял: «Пиши-пиши! И везде ходи с карандашом и бумажкой. Если по дороге сочинишь — останавливайся и записывай, если перед сном — вставай с кровати и пиши. А больше пиши из Евангелия, учти, что не сама сочиняешь, а Господь тебе это благословляет...» А потом спрашивает, как бы между прочим: «...а ты житие-то еще не пишешь?» Она не поняла. А много лет спустя после смерти батюшки стала записывать в отдельную тетрадь случаи из его жизни, свидетельницей которых была она сама или кто-либо из батюшкиных чад...

Одна из духовных дочерей старца рассказала нам однажды вот что:

> «Отправились мы как-то по святым местам, по благословению отца Серафима, с родным братом и еще двумя рабами Божиими, а в Россию в то время приехал Патриарх из Иерусалима. В конце службы стал он давать крест — началась давка, все вперед полезли: всем хочется у него благословение взять! Мы захотели подойти поближе: хоть издалека посмотреть на иерусалимского Патриарха. А народу было много — вдруг меня толпой подхватило и к Патриарху вынесло. Смотрю: прямо перед ним стою! Я руки сложила и думаю: "Господи, хоть бы он и меня благословил, и отца Серафима нашего!", а Патриарх перекрестил меня и тут же второй раз перекрестил. Я так рада была! Ну как же: и меня благословил, и батюшку! Тут меня кто-то сзади подтолкнул — я и упала. А Патриарх наклонился и сам меня приподнял. Потом в алтаре заметили, что давка увеличивается, оттуда вышел священник и стал давать крест, а Патриарх зашел в алтарь...
>
> Служба кончилась, я выхожу из церкви и от радости не вижу никого и ничего. Только и думаю о том, как Патриарх меня два раза благословил. Тут подходит мой брат и те рабы Божии, которые с нами ехали, и говорят: "Надо же, мы ведь все вместе были, а под благословение одна ты попала!" — а их, оказывается, толпа, наоборот, в сторону оттиснула.

Вернулись мы домой, я прихожу и отцу Серафиму, радостно рассказываю:

— Вы знаете, мы ведь у Патриарха благословение брали! А я про себя попросила: "Господи, хоть бы Патриарх благословил и меня, и нашего батюшку!" И Патриарх меня два раза благословил!

Батюшка заплакал...»

Отец Серафим всегда говорил о том, что плоть человеческая немощна и ленива, что надо закалять непрестанно свой дух, за труды и подвиги эти дана была ему от Господа сильная и благодатная молитва. Нам рассказывали такой случай: в каком-то городе спасались вместе три схимонахини — Херувима, Серафима и Ангелина. Батюшку они никогда не видели, но знали о нем и всегда за него молились. И он за них. Так вот они говорили, что молитва батюшки, как огненный столп, от земли до Неба. Так им было это открыто.

Люди верили и знали, что по молитвам батюшки получат просимое, и шли к нему с горем и радостью. Как-то матушка Ксения ехала к отцу Серафиму со скорбью: когда сестра дежурила на переезде, произошел несчастный случай. Идет Ксения к отцу Серафиму, а он еще издали кричит: «Ничего сестре не будет: шофер пьяный был». Состоявшийся суд сестру оправдал.

Приехали как-то к батюшке в Ячейку духовные чада из Курбатова со скорбью: бригадир, который до этого к ним хорошо относился и даже на церковные праздники в храм отпускал, вдруг возненавидел их до того, что как-то сказал своей жене: «Я этих девчат загоню в Сибирь! Хоть за горсть ячменя, но загоню!» Но батюшка утешил девушек: «Его самого поймают с ячменем, и он уедет в Сибирь». Возвращаются сестры домой, а мать одной из них встречает их со словами: «Настя, бригадира-то вашего поймали с ворованным хлебом — с ячменем. Хотели судить. Но он откупился от тюрьмы и сам уехал в Сибирь — к своему дяде».

Раб Божий Иван раньше работал в шахте, как-то раз батюшка дал ему мешочек, а в нем ленточки, ниточки, и сказал: «Срочно уходи с работы, иначе останешься навсегда под землей — произойдет обвал шахты. Вот тебе мешочек — ты бу-

дешь работать в швейной мастерской да еще научишься шить облачения. Станешь многих снабжать». И бывший шахтер со своими домашними, действительно, впоследствии обшивал священство.

Иногда, когда кто-нибудь собирался к батюшке приехать, он прозревал это и говорил келейницам: «Вот такие-то (назовет фамилию) едут. Они сейчас там-то (укажет деревню или село, которые они проезжают). Скоро уже будут», — и скажет, к какому часу они приедут, и сколько будет человек. А потом приезжают эти самые рабы Божии, и именно столько человек, и как раз к тому времени, какое указал батюшка.

Протоиерей Николай Засыпкин рассказывал, как он впервые встретился с отцом Серафимом:

> «Отца Митрофана я узнал в 1954 году Рождественским постом. Он был тогда еще иеромонахом Серафимом. А произошло это так. Наша семья переехала в Мордово, и тетя моей супруги, уже к тому времени знавшая батюшку, предложила мне съездить к нему в Ячейку, где он тогда служил. Из Мордово до Эртиля мы ехали поездом. Прибыли поздно вечером, а до Ячейки еще около 25 километров. Тетя говорит:
>
> — Я была уже там — я знаю, как добраться: отправимся пешком — к утру как раз и придем.
>
> Я спрашиваю:
>
> — Ты хорошо дорогу знаешь?
>
> Она отвечает:
>
> — Хорошо, — и мы с ней пошли...
>
> Снег. Темно. Идем уже довольно-таки продолжительное время, но у меня почему-то смутное подозрение, что движемся мы не в том направлении. Спрашиваю:
>
> — Мария Федоровна, вспомните хорошенько: туда ли мы идем?
>
> — Туда, туда....
>
> Попадается нам на пути какая-то деревушка. В одном из домов горит огонек. Я постучался, спрашиваю:
>
> — Как до Ячейки дойти?
>
> — А вы откуда?
>
> — С Эртиля.

— Да вы в противоположную сторону идете! — женщина вышла, показала нам нужное направление. Снова пешком — ночью, по снегу, без дороги, без следа. Наконец вышли на какую-то дорожку...

В храм вошли, когда было уже светло. Но служба еще не начиналась — батюшка исповедовал. Он посмотрел в нашу сторону, и у меня возникло такое ощущение, будто меня насквозь пронизал его взгляд!

Мария Федоровна только подошла к нему, еще ничего не успела сказать — он ей сразу:

— Путлюха! Куда ж ты малого-то завела?

— Батюшка, простите!

— Что "простите"? "Простите"...

— Батюшка, Вы его поисповедаете?

— Нет, пусть стоит молится — после литургии поисповедую.

Вряд ли я когда-нибудь так до этого молился, как в тот раз — в таком страхе я был, в таком трепете. Даже на волосы мне случайно наступили, когда я земной поклон делал: боль была сильная, но я сразу о ней забыл — так меня захватила литургия...

Потом батюшка вынес из алтаря тетрадочку — перечень грехов, поисповедовал меня, и мы причастились. Кончилась служба, все подошли ко кресту, отстояли молебен... Можно было бы брать благословение и уходить, но я вдруг произнес: "Батюшка, а можно зайти в Вашу келью?" До сих пор не знаю, как и почему у меня тогда дерзновения на это хватило. Он разрешил. Побежал вперед нас, и когда мы подошли к его келье, он вышел нам навстречу с иконочкой святителя Николая и благословил меня ею. Небольшая икона, писаная — она до сих пор у меня хранится...

О чем мы после этого говорили с батюшкой, я уже не могу вспомнить, хотя беседа наша была довольно-таки продолжительной. Но с того времени я стал к нему ездить, и виделись мы с ним частенько. Приезжал я и один, и с семьей. Бывал неоднократно и батюшка у нас в Мордово. Иногда я провожал его в тот же день на поезд, когда ему надо было ехать в Киев, но случалось, что он оставался у нас ночевать.

Отец Серафим на порожках храма в с. Мордово Тамбовской области

Батюшка ведь часто ездил в Киев, желая напитаться духовной благодатью Лавры, и его там многие знали. Бывало, на поездку туда благословлял кого-нибудь из своих чад. Однажды он благословил и меня. Я в то время еще аптекарем работал в Мордово.

— Батюшка, но ведь я ни разу в Киеве не был и никого там не знаю.

Отец Серафим дал мне адрес одной старушки, у которой сам всегда останавливался — Елены Григорьевны.

— А как же я по городу? Я ведь город совершенно не знаю.

— А тебе там будет путеводитель.

Конечно, все так и получилось — и дорогу подсказали, и святыни Киева показали: когда я пришел к Елене Григорьевне, там оказался мой знакомый — дедушка Даниил из Челябинска, который часто приезжал к батюшке. Он и стал моим "путеводителем" по Киеву. "Поездка прошла замечательно, и молитвами батюшки я благополучно вернулся домой очень довольный"».

Простые бытовые воспоминания о батюшке Серафиме достаточно емко и выразительно характеризуют внутреннее духовное устроение этого человека.

В Ячейке при батюшке жили сестры — монахини и послушницы: матушка Паисия, которая находилась при батюшке постоянно, матушки Мефодия и Апполинария, жившие в д. Пады, матушка Досифея (она жила в своем маленьком домике в с. Самовец), монахиня Серафима (в схиме Сергия), жившая в своем доме в с. Гнилуши, которые приходили в Ячейку к каждому празднику. Матушки эти ранее спасались в разных монастырях и на приходе в Ячейке они составляли отдельный (монашеский) клирос, обладали очень хорошими голосами и пели так умилительно, что во время службы у многих на лицах можно было заметить слезы.

Как-то отец Серафим благословил поехать в Киев и Почаев нескольких своих келейниц. Стали они собираться, а матушка Досифея, бывшая уставщица монастыря, решила: «И я с ними поеду!» Батюшка ее не отпустил: «Нет, ты не поедешь». Она дерзко ответила: «Как не поеду?! А ты меня не постригал!» — дескать, и запретить не можешь. Тогда он ей строго сказал: «За непослушание — Господь попустит, — ослепнешь!» Но она все равно отправилась с сестрами. Приехали они в Киев, пришли в Лавру. Начали спускаться в пещерки — вдруг матушка Досифея зарыдала, заплакала и говорит: «Я не вижу. Ведите меня». До конца жизни матушка не видела и горячо каялась за свой ропот и непослушание.

Через некоторое время сестры вернулись из Почаева, и жизнь пошла своим чередом. Как-то раз батюшка отправился на требы, а матушки принялись печь просфоры: скоро должен был наступить какой-то праздник и просфор требовалось напечь немало, ведь на праздники обычно приезжало много народа. В это время пришла женщина, которая раньше была на том приходе просфорницей (за какую-то провинность ей было отказано в месте и она очень досадовала на это). Принесла картошки. Когда она ушла, то просфорки перестали получаться. Отец Серафим приехал, а сестры ему говорят: «Батюшка, простите, у нас почему-то просфорки не получаются! Мы уже целый мешок напекли — и ничего не выходит!» А он им в ответ: «Прораззявили! Кого пустили-

то?» Тут сестры вспомнили, кто к ним приходил. Батюшка специально отслужил молебен, и только после этого просфорки снова стали получаться. Отец Серафим сказал: «Когда печете просфоры, всегда просите помощи преподобных Сергия, Никодима и Спиридона — преподобный Сергий пек хлеб, а Никодим и Спиридон были просфорниками».

Батюшка Серафим очень строго смотрел за тем, чтобы никто не смел, как это нередко делают просфорницы на других приходах, съедать неудавшиеся просфорки с чаем. Он говорил, что такие просфоры хотя и не освящены, а все равно их надо вкушать как святыню — только натощак, так как, когда сестры пекли просфорки, добавляли святую воду и, накладывая головочку, называли имена: за упокой или о здравии.

Как-то раз отец Серафим перед отъездом сказал своим келейницам: «Ничего сегодня не делайте, не надо». А матушка Паисия ему: «Езжай — мы без тебя тут знаем, что делать!» Он посмотрел на нее и ничего не сказал. Батюшка уехал — матушка говорит: «Давайте стирать». А послушница Мария напоминает: «Матушка, ведь батюшка нам не благословил. А если чего-нибудь случится?» Мать Паисия говорит: «Да что может случиться? Ничего! Он это просто так сказал». По-

стирали они покрывала на подсвечники — церковь была бедная, и подсвечники внизу закрывали белым материалом и перевязывали ленточкой, чтобы палка не торчала. Повесили сушиться... — и ветром все на полосочки порвало! Матушка Паисия как увидела — зарыдала: «Что мы теперь будем делать?! Да лучше бы я тебя послушала!» А Мария ей отвечает: «Матушка, да ты не горься — мы выйдем из положения: белые шторки с окон снимем и на подсвечники привяжем. А на окна чего-нибудь повесим». Матушка ободрилась: «Ну, слава Богу! Ты меня успокоила».

Когда сестры стирали и гладили белье, то батюшкины вещи всегда лежали отдельно, потому что он монах и священник. Стирала и гладила ему матушка Паисия, так как она была самая старшая, а остальным к его белью не велели прикасаться. Для батюшкиных вещей у матушки даже было отдельное корыто.

Свою собственную нетребовательность к пище батюшка Серафим старался привить и своим послушникам.

Рыба появлялась на столе только по праздникам, а в простые дни питались скромно — картошка, помидоры, огурцы, изредка хлеб и чай. Да и тот заваривали чаще всего из трав. Во всем была скромность и строгость. Без благословения иные боялись даже воды попить, не то чтоб самочинно чаю заварить и напиться! Но та великая благодать, которую имел старец, покрывала все: «А мы и не замечали, что у нас на столе», — вспоминали келейницы.

Из спиртного батюшка вообще ничего не пил. Никогда. Но по праздникам, бывало, благословлял матушкам и работникам по стопочке красного вина. Однажды мать Паисия возмутилась: «Я за одним столом с мужиками пить не буду!», а батюшка ей говорит: «Да где же ты мужиков здесь увидела? Одни ребята».

В другой раз молодой человек спрашивает батюшку: «Ну почему же нельзя позволить себе иногда в праздник выпить, ведь сказано же в Псалтири: "*И вино веселит сердце человека... и хлеб сердце человека укрепит*" (Пс. 103)?» А отец Серафим ему на это ответил: «О каком вине и о каком хлебе здесь идет речь? Здесь Дух Божий через пророка Давида говорит о таинстве Евхаристии».

По воспоминаниям рабы Божией Екатерины, батюшка Серафим был большим постником. Она рассказывает:

«Бывало, все уже пообедают, а он с нами и за стол не сядет, можно сказать, батюшка Серафим одними сухариками питался и водичкой. Ну, если придет к нам в гости, так мы его спросим, чего, батюшка, благословите приготовить? Он и говорит: "Картошки пожарить, и только на постном масле", а еще любил картошку в мундире, и у него все питание это и было, досыта он никогда не ел, а съест одну картошку и хорошо, ел всегда чрезвычайно медленно, чувствовалось, что вкушал с непрестанной молитвой Иисусовой. Часто говорил, когда приглашали к столу: "Я дома сытно пообедал, поэтому есть не хочу". А бывало, скажет: "Желудок у меня сильно болит, не могу есть". И тогда знаешь, жди точно, у кого-то обязательно желудок заболит.

На Пасху батюшка позволял съесть себе одно яичко и все, а вот молочко, сметанку, творог — батюшка даже на Пасху не позволял себе вкушать. Вот, бывало, в Пасхальные дни ходил он с иконами по селу, ну кто-нибудь из нас с ним ходил, — так вот он в первый день съест одно яичко, а все остальное время только сухарики. Вот и все питание. А уж последнее время у него зубов не было. Конечно, не спросишь, выпали ли они, или в тюрьме их ему повыбивали, да он и не скажет, так вот он простой воды зачерпнет и пьет. Ему говоришь: "Батюшка, давайте хоть я вам сахарку в воду добавлю, все вкуснее", а он в ответ: "Я не люблю, я с детства золотушный, не хочу". Был батюшка Серафим великим подвижником. Щи постные любил, ну и овощи вареные кушал, но немного. Вот, бывало, племянница его сварит борщ и зовет его есть: "Батюшка, хоть один половничек, скушай". А он отказывается. Бывало, на Пасху приносят прихожане ему мясо, сало, он, конечно, чтоб не обидеть людей, не отказывался от их приношений. И все эти подарки — это сало и мясо — вдовам, сиротам, прочим нуждающимся раздавал».

Как-то мать Досифея — та самая, которая ослепла, — возгордилась. Говорит: «Я мяса не ем и ничего такого не

употребляю!» А батюшка велит одной из своих келейниц: «Неси борща скоромного». Для работников иногда специально варили. Мать Досифея начала есть и удивляется: «Ой, как пахнет: как будто борщ с мясом!» А батюшка ей: «Да ты ешь, ешь, матушка. Кто же с мясом тут наварит?» А когда она покушала, отец Серафим говорит: «Ну вот — ты хвалишься: "Мяса не ем!", а сама мяса и налопалась!» Так батюшка ее смирял.

С тех пор, как она ослепла, она прослужила в церкви еще около 40 лет. Службу знала отлично, голос был хороший, пела... А в каких условиях она жила! — в хате было холодно, все черно, с потолка текло!.. Ей предлагали хорошее место, но она отказалась, и так до конца жизни претерпевала лишения Христа ради.

Однажды батюшка благословил свою келейницу Марию, которая к тому времени была уже в постриге, съездить в Почаев. Собралась она в поездку и думает: «Возьму облачение с собой и там в нем похожу — дома ведь нельзя, а в Почаеве все так ходят». Положила подрясник, апостольник, закрыла сумку, а батюшка идет мимо и спрашивает: «Мать, что это там у тебя в сумке?» Она отвечает: «Подрясник и

апостольник». Батюшка приказывает: «Вынь, оставь. Господь знает, кто ты. И будешь причащаться — говори свое мирское имя». Она послушалась, вынула облачение и отправилась в Почаев, как простая мирянка. А когда приехала, ее забрали в милицию и никак не хотели отпускать. Потом с трудом все же выпустили. А если бы узнали, что монахиня, могли бы задержать надолго.

Еще один случай прозорливости отца Серафима рассказал протоиерей Николай Засыпкин:

«Однажды батюшка, приехав к нам в Мордово, вышел во двор и стал его метлой подметать: предсказал, что нас "выметут" оттуда. Это было глубокой осенью, а уже в декабре нам предложили уехать (т. к. знали, что мы верующие) в другой район — в Шехмань. Мы тогда очень волновались, ведь Мордово, можно сказать, наша родина. И все же пришлось нам в 30-градусный мороз переезжать с 4-мя детьми и всеми пожитками на расстояние 70 с лишним километров по бездорожью. Но по молитвам батюшки Митрофана и матушки Серафимы (Мичуринской) доехали мы благополучно, никто не заболел, все перевезли, и почти ничего не померзло: ни заготовки, которые мы сделали на зиму, ни даже комнатные цветы.

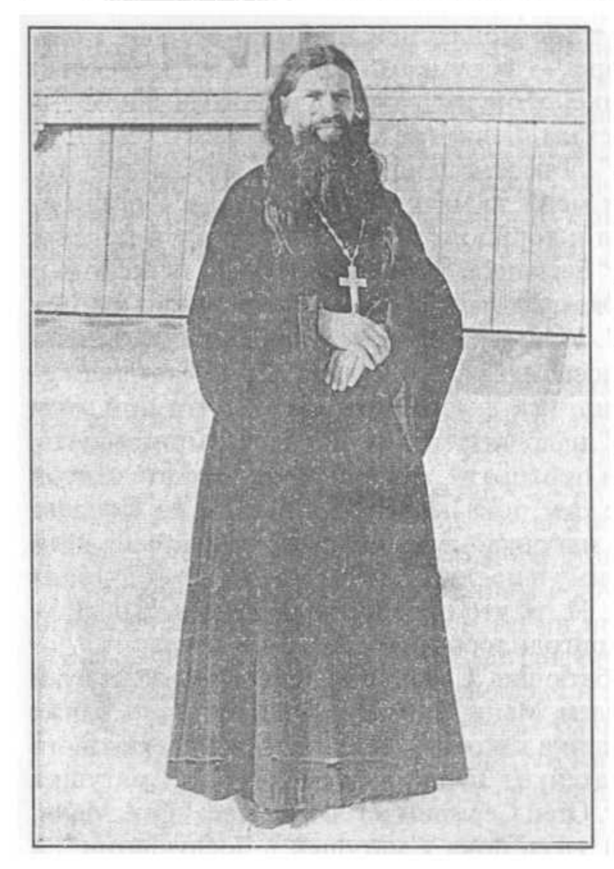
И батюшка, и матушка Серафима говорили: "Хорошо бы, чтобы вы там как можно дольше пожили", — по их молитвам мы в Шехмани прожили 26 лет. И все эти годы — как под покровом: в селе все знали, что мы верующие, но никто никогда не пенял нам этим. И даже сейчас иногда приезжают шехманские — не теряют связи со мной»...

Схимонахиня Евстратия однажды рассказывала:

«Как-то с батюшкиного благословения собрались некоторые наши матушки поехать помолиться в Почаев, ну и меня взяли. Полные сумки сухарей набрали в дорогу. А матушки эти знали хорошо отца Кукшу. Ну вот, приехали мы в Почаев, пришли в корпус, где батюшка Кукша жил. Сами матушки пошли к старцу, а

меня (я еще тогда монахиней не была) оставили стоять в коридоре — за сумками приглядывать. Заходят они к батюшке, а он им говорит: "С вами еще одна матушка приехала. Ведите ее". Они отвечают: "Да нет с нами никого". Так как я еще не была монахиней, то, конечно, они меня за матушку не считали. Тогда батюшка вышел в коридор, взял меня за руку и повел к себе. Я ему: "Батюшка, а как же сумки?" А он мне и говорит: "Да кому ж здесь нужны твои сумки — в них одни сухари". И провел он меня к себе, час или больше все мне рассказывал, спрашивал, а тем матушкам — ни слова. Учил, как лампадки зажигать, что при этом "Богородицу" надо читать, как фитилечки поправлять, как иконочки протирать, как в чистоте держать святой уголок — все сам показывал. А когда мы из Почаева вернулись, то матушка Антония благословила меня идти к отцу Серафиму в послушание, и так я стала одной из его келейниц. И то, что отец Кукша мне показывал, — все тогда и пригодилось...

Однажды батюшка Серафим берет меня за руку и говорит: "Пойдем, Маня, со мною". Шли мы долго, ближе к вечеру пришли в какое-то село. Подходим к какой-то неказистой хатенке. Зашли — там какая-то матушка больная сидит. Отец Серафим и говорит мне: "Вот, Маня, поживешь ты здесь пока у матушек в послушании", а сам дальше куда-то пошел. Матушка одна в хате по болезни находилась, она шила хорошо, а вторая в поле ушла — собирала оставшиеся после уборки колоски. Матушки эти монастырские были. Много лет вместе прожили. Вот и говорит мне та, которая больная: "Сходи, детка, в колодец, принеси воды". Я взяла ведро, дошла до ближайшего колодца, набрала воды и принесла матушке. Та кружкой зачерпнула, отпила, да как грохнет ведром — вся вода на пол и вылилась. "Нет! — говорит. — Это плохая вода. Ты сходи в другой колодец. Там вода лучше". Пошла туда, куда она сказала. Это уже намного дальше. Принесла ведро, она опять зачерпнула, отпила и опять всю воду вылила. "Иди за село. Там еще один колодец есть". Я и пошла. Подхожу... Ох, страсть

какая! Колодезная яма огромная, камнями обложена, а камни стоят как-то неустойчиво. Думаю, да как же я воду отсюда наберу? Помолилась, кое-как зачерпнула. Несу назад. Тут уж матушка попила и стала меня нахваливать: "Ох, какая вода! Ох, какая вода вкусная!"

Пришла вечером домой вторая матушка, уставшая. Говорит мне: "Дочка, напои меня кипяточком". Я воду согрела, дала ей. Она попила и спать легла. Тут вторая из-за стенки кричит: "Маня! Принеси мне чайник". Я принесла, она и спрашивает: "А кто всю воду выпил? Она? — и кивает в сторону спящей матушки. — Ты ей ничего не давай!" Я и думаю: "Ох, страсть какая! Да как же можно воды не дать?" Ей же говорю: "Это я сама всю воду и попила". Та отвечает: "Тебе можно, а ей не давай". Я взмолилась: "Батюшка! На кого ты меня оставил? Куда привел? Забери меня отсюда". Утром батюшка вернулся и говорит: "Да уж слыхал я тебя, Мань, ладно, пойдем обратно". Та матушка, которой я воду носила, запричитала: "Ой! Зачем ты ее забираешь? Где мы себе такую послушную найдем?" Но батюшка ответил строго: "Она и мне нужна". Идем по дороге, мимо

того колодца страшного, я батюшке все рассказываю, а он смехом заливается: “Вот ведь, Маня, как бывает”. Уже потом поняла я, что это батюшка с матушками меня испытывали.

А чуть позже батюшка постриг мою сестру Фросю в мантию (теперь схимонахиня Филарета). А наутро мне говорит: “Мань! Ты дай мне ту шубу старую. Мы Фросю сейчас будем одевать идти в церковь молиться”. Принесла я шубу! А она — ужас! Вся свалявшаяся, грязная. Он ее на Фросю надел, подпоясал какой-то белой веревкой. А на голову повязал пять платков — один поверх другого. Причем все друг из-под друга торчали. Я посмотрела и еле от смеха удержалась. Пошла Фрося в церковь — молится, а батюшка из алтаря выйдет, посмотрит и только рот рукой прикрывает, чтоб никто его улыбки не заметил. Глаза только так радостно смеются.

Фрося и говорит потом: “Да я и не чувствовала ничего. Мне после пострига так страшно было и одновременно так радостно! Я только стояла и молилась, и не замечала вокруг ничего...”

А потом я эту шубу с нее сняла и понесла класть, где она лежала. Про себя думаю: “Никогда не надела бы...” А батюшке мой помысел открыт был, он в этот момент и говорит мне: “Да! Второй такой Фроси у меня уже не будет”.

Меня батюшка постриг в мантию после Рождества, на Святках, и шубу Фросину на меня не надевал...»

Отец Серафим в быту одевался очень бедно, умел довольствоваться немногим и не стремился иметь большего, во всем проявлялась его особая нестяжательность, но священнические облачения у него были очень красивые, особенно красное, вышитое колосками. На Пасху он менял их несколько раз — на каждой песне пасхального канона он выходил в облачениях разного цвета. Во время пасхальной службы будто летал. Глядя на него, люди радовались. Благодать касалась всех, чувствовалось благоухание. «Если здесь, на земле, такая радость, — говорил он со слезами на глазах, — то какая же она на Небе?»

Матушка Варвара вспоминала, как собиралась идти в Ячейку на службу и перед этим ночью во сне услышала чей-то голос: «Матушка, ты пойдешь в церковь не в Ячейку, а в Иерусалим»... Это место святое, там до сих пор легко дышится.

Праздник Успения в Ячейке всегда отмечали особенно — очень торжественно и умилительно. Из Грязей приезжал отец Иоасаф, обладавший красивым и сильным голосом, и канонаршил. Над Плащаницей по благословению батюшки сооружали особый «балдахин»: ставили его на гробничку и над ним прибивали деревянную дугу, которую обвивали ветками с цветами и плодами — яблочками и виноградом — расположенными симметрично. (Когда после праздника «балдахин» над Матерью Божией разбирали, каждый считал за счастье, если ему доставалось что-либо из украшения: цветочек, яблочко или веточка.) Как на саму Плащаницу, так и на дугу водружали венок, вокруг Плащаницы располагали вазочки с цветами, по бокам от нее ставили подсвечники. Получалось, что Матерь Божия утопала в цветах, плодах и свечах. Над Плащаницей на дугу вешали три неугасимые лампадочки. Батюшка весь сиял, народу было очень много, и от радости у всех текли слезы... Те из духовных чад отца Серафима, которые еще живы, до сих пор не могут забыть батюшкиных служб...

Конечно, все это не нравилось врагу нашего спасения — и тот воздвигал на отца Серафима сильную брань. Кто-то однажды спросил у отца Серафима: «Батюшка, а ты был на войне?» Он ответил: «Я и сейчас на войне», — имея в виду войну духовную. Находились люди, которые, по наущению диавола, оскорбляли отца Серафима, говорили о нем плохо, писали на него анонимные письма архиерею. Много скорбей от людей претерпел батюшка за 11 лет своего служения в Ячейке. Но смиренно и кротко, как долготерпеливый пастырь, прощал человеческие слабости. Он был чрезвычайно кроток, а ему наносили обиды, укоры, разные скорби, всячески клеветали на него: то он с девчатами... то он из церкви крадет... но отец Серафим все переносил, ибо *«многими скорбями предстоит нам войти в Царствие Небесное»*.

Духовные чада батюшки Серафима жили во всех концах страны. Были они и среди монахов в Киеве и Почаеве. Однажды батюшка приехал в Почаев, зашел в храм и стал в уголочке помолиться. Один брат заметил его, пошел к другому и говорит: «Слушай, там какой-то странник, мне кажется, что он непростой: он так молится, так молится!» Второй монах отправился с первым посмотреть на странника. А батюшка, зная, что его горячая молитва была замечена, снял свой пиджак, бросил его куда-то под стол и лег. Братия приходят, а он валяется под столом. Тут второй монах засмеялся и сказал: «Да это же мой духовный отец!» Батюшка сел и говорит: «Скоро вас всех отсюда выгонят». Вскоре так и случилось — Почаевскую Лавру закрыли.

Перед закрытием обители тот брат, который заметил, как батюшка молится, приехал к нему в Ячейку. Погостил и незадолго до отъезда говорит: «Батюшка, благослови меня в дорогу». А тот отвечает: «Езжай, а через год приедешь». Брат возражает: «Батюшка, нас из монастыря только раз в три года отпускают!» А отец Серафим снова: «Через год прилетишь! Приедешь, а меня не будет тут». Лавру закрыли, и брат, действительно, приехал со всеми вещами в Ячейку. Но батюшку уже к тому времени перевели в Девицу...

Раб Божий Иван рассказывал, что, погостив у отца Серафима, он всегда спрашивал благословение в день отъезда: «Батюшка, благословите — мне домой ехать надо». Бывали случаи, что батюшка делал вид, что не слышит. Иван начинал переживать: на работу нужно было попасть вовремя — в советское время спрашивали очень строго, наказывали даже за опоздание на пять минут. Батюшка же спокойно ходил по дому, занимаясь своими делами. Оставалось очень мало времени до проходящего поезда. А ведь надо было еще добраться от Ячейки до Анны, где находилась станция. Иван начинал все сильнее переживать: «Батюшка, может, я поеду?» — батюшка снова ничего не отвечал. И вдруг в какой-то момент говорит: «Бог благословит — езжай». И стоило Ивану выйти на дорогу — тут же подворачивается попутная машина. А как добрался до станции, сразу сел в поезд — даже десяти минут не пришлось ждать! Так батюшка воспитывал в своих чадах послушание. И те, кто его слушал, никогда не

были оставлены Богом без утешения. Иван рассказывал: «Я уже знал это и не волновался: как батюшка благословит — сразу уедешь».

Но были люди, которые поступали наперекор или тем паче назло отцу Серафиму. Они всегда имели после этого большие скорби. Господь тут же заступался за Своего избранника.

В Ячейке у батюшки был молодой послушник, которого одна женщина решила женить на своей дочери и всячески этого добивалась, прилагая немалые усилия. Батюшка очень сокрушался, видя, что она преуспевает в своем намерении, а потом как-то не выдержал — встретил ее и со скорбью сказал: «Что же ты делаешь?! Что ты делаешь — ты же парня губишь!» Женщина ответила ему бранью: «Ты сам живешь монахом, без жены — жизни хорошей не знаешь! И хочешь, чтобы другие так же мучились?! Паразит ты!» Батюшка строго посмотрел на нее и сказал: «Я тебе это оскорбление лично прощаю, но кроме меня ты оскорбила священнический сан, а, следовательно, через это и Бога. Паразит, говоришь? Смотри, а то тебя Господь поразит». В этот же день женщина погибла: когда вешала сушить белье на провода, ее ударило током. Брат же этой женщины начал писать жалобы на батюшку, и отца Серафима вскоре перевели на другой приход.

Случилось это так. В Ячейке болела старенькая раба Божия Варвара. Старец часто навещал ее, а в день смерти пришел, пособоровал и причастил умирающую. После совершения таинства он спросил: «Мать Варвара, ты будешь молиться за меня?» Та ответила: «Буду». Отец Серафим сказал: «И я за тебя буду молиться. А ты за меня там молись», и ушел в храм служить всенощную. Варвара в тот же вечер умерла.

В советское время не разрешалось, чтобы покойника в последний путь на кладбище открыто провожал священник, но батюшка все совершил, как велело сердце, и на него донесли. На 20-й день батюшка замыслил отслужить по Варваре панихиду. Родные покойной стали усердно отговаривать его: «Батюшка, да на 40 дней отслужим!» Но отец Серафим был непреклонен и категоричен: «Нет, се-

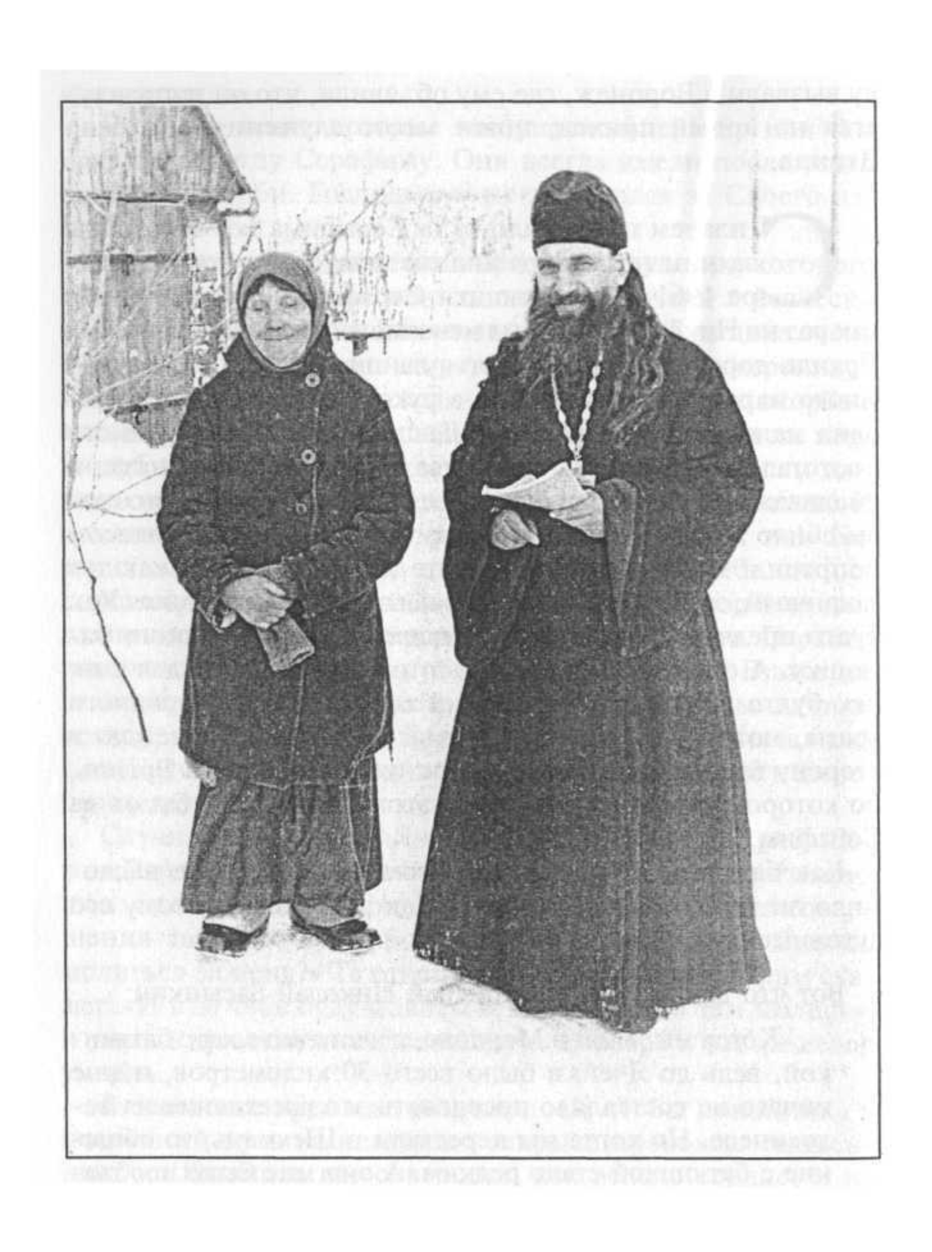
годня отслужим. А то вдруг на 40-й день меня здесь не будет». Панихиду отслужили, а на следующий день батюшку вызвали в Воронеж, где ему объявили, что он направляется на новый приход, новое место служения — в село Девица.

С плачем провожало отца Серафима все село, шли за ним несколько километров. Было это в декабре 1961 года. Батюшка Серафим покидал Ячейку как раз на Николу, холод был невозможный, ветер, мороз, на Эртиль дороги не было, снег чуть ли не по пояс, вышло много народа провожать его, в руках его была всего лишь одна маленькая сумочка. Он шел впереди, народ немного поотстал, изредка он останавливался, оглядывался назад и смахивал с глаз наворачивающиеся слезы, скуфию с его главы сбило ветром, и он срывающимся от волнения голосом попросил: «Матушки, поголосите по мне». А они как тут закричали, заголосили. Плакали навзрыд, во весь голос. Как будто предчувствовали, что больше не увидят родного батюшку. А один мальчик перед этим дня за три видел сон: как будто весь народ ячеевский собрался вокруг родного храма, потому что крест с церкви вдруг упал на землю в сторону востока, и именно на восток вела дорога в Эртиль, по которой через три дня после этого сна уходил батюшка Серафим.

Как батюшка сам отнесся к этому переводу? Не надломило ли это событие его силы? Как отнеслись к этому его духовные чада?

Вот что вспоминает протоиерей Николай Засыпкин:

«Когда мы жили в Мордово, я часто виделся с батюшкой, ведь до Ячейки было всего 30 километров, и мне ничего не составляло преодолеть это расстояние на велосипеде. Но когда мы переехали в Шехмань, то общение с батюшкой стало редким. А оно мне было необходимо. И вот я написал ему плачевное письмо, в котором сетовал на то, что мне очень плохо и не хватает общения с ним. Батюшка прислал мне ответ, он написал примерно следующее:

— Тебе плохо потому, что ты забываешь, что ты с Богом. А с Богом везде хорошо. Вспомни мои рассказы, как я был в ссылке: мне тоже было вначале очень плохо, а потом я сказал сам себе: "А чего ты унываешь? — Ты в монастыре: начальник лагеря — это игумен, а все заключенные — это братья, насельники монастыря. Сигнал на работу — братия пошла на послушания, сигнал на обед — братия в трапезную пошла". И мне стало совсем хорошо.

Это письмо до сих пор где-то лежит в моих "архивах".

Но один раз и батюшка приехал к нам в Шехмань — радость была неописуемая!

Батюшка Серафим очень часто говорил: «Будь всегда с Богом, и Бог будет с тобой. А когда вас двое, кто вам соперник?!» Безусловно, что все эти невзгоды не сломили дух доброго пастыря, и духовные чада не оставили отца Серафима. Особенно много к нему приезжало прихожан из Ячейки, которые за 11 лет успели привыкнуть к батюшке и полюбить его. Транспорт ходил плохо, приходилось добираться пешком много километров, но любовь к батюшке была сильнее всех этих трудностей и неурядиц.

Когда батюшку перевели из Ячейки, на его место назначили нового иерея. В церкви тогда стояла икона Матери Божией «Взыскание погибших» — копия той, что находится в московском Богоявленском соборе. Богородица на ней была изображена с непокрытой головой, поэтому новый священник накрыл икону полотном, чтобы потом куда-нибудь убрать, сказав, что она «какая-то неправильная». Когда духовные чада рассказали отцу Серафиму, что новый священник за ненадобностью завесил икону, батюшка произнес: «Раз он закрыл Матери Божией лик, то и его Матерь Божия самого прикроет». Спустя некоторое время священник этот разбился на мотоцикле.

Рабе Божией Марии (монахине Миропии) батюшка предсказал закрытие Ячейской церкви во имя Архангела Михаила: «Машутка, ты сходи в Ячейку, помолись в тамошней церкви — она скоро ведь закроется», — через два-три года храм, действительно, закрыли.

Прихожане еще долго писали правящему архиерею — владыке Сергию (Петрову) письма с просьбой вернуть им дорогого батюшку. Вот одно из многих писем, «осевших» в архивах Воронежской епархии (всего их в деле не менее 20-ти):

Прошение.

Мы, приходской причт, церковный совет и двадцатка Михайло-Архангельской церкви с. Ячейка, желаем, чтобы у нас остался бывший настоятель нашего храма о. Серафим (Мякинин).

Припадаем к Вашим святительским стопам. Не откажите нашей просьбе. Кроме того, хотим отметить: к нашему настоятелю Мякинину о.Серафиму в течение 11 лет в связи с Богослужением в Михайло-Архангельской церкви замечаний не имели и не имеем до сего времени.

До его прихода в нашем храме было много недостатков во всем. В течение этого времени о. Серафим (Мякинин) многое в нашем храме сделал хорошего и полезного. Он восстановил наш храм и приукрасил. Еще хотим отметить, что наш настоятель вполне удовлетворяет нас в проведении Богослужений и в пастырском наставлении.

Членов двадцатки и всех верующих прихожан, собственноручно подписавшихся, 328 (триста двадцать восемь) человек. Подписи.

Однако все эти письма остались без внимания. Как мы уже говорили выше, владыка Сергий недолюбливал отца Серафима. Поэтому он не очень-то и хотел вникать в суть происходящих событий, более доверяя мнению своего окружения (как часто бывает!), чем письмам прихожан. Ответом на письма верующих была череда перемещений батюшки на разные приходы епархии, что подорвало его и так слабое здоровье.

Когда его перевели служить в Михайло-Архангельскую(!) церковь села Девицы, у него сразу же возникли проблемы с местным церковным причтом. Это понятно: как только батюшку перевели из Ячейки на новый приход, то за ним по-

тянулись многие из близких ему духовных чад — ведь они не мыслили свою жизнь в разлуке с любимым старцем. Все это вызывало ревность у местных прихожан. Пошли жалобы наверх. От секретаря Воронежской епархии на имя отца Серафима поступило такое письмо:

> *«В Епархиальном Управлении имеются сведения, что Вы с момента назначения на приход села Девицы приглашаете в обслугу церкви разных лиц не из местных жителей. В числе таких приглашенных лиц состоит неизвестный монах Власий, просфорня и другие лица.*
>
> *На этой почве у Вас создаются недоразумения с местным населением (верующими).*
>
> *По Благословению Управляющего Воронежской епархией, Преосвященнейшего Епископа Сергия, прошу дать на имя Владыки объяснения по существу изложенного».*
>
> *18.04.1962 г.*

Видимо, при личной встрече объяснения были даны. На время произошло смягчение ситуации. 8 июня 1962 года иеромонах Серафим во время Божественной литургии в Покровском кафедральном соборе г. Воронежа был возведен правящим архиереем в сан игумена.

Однако сам батюшка предсказывал своим духовным чадам, что и на новом месте они долго не задержатся.

О своих посещениях батюшки в это время вспоминает схимонахиня Феодорита:

«Когда я к нему приехала в Девицы, у меня слезы лились не переставая: "Батюшка, что со мною происходит? У меня Вас *нет*. Я ведь куда ни ходила — Вы везде со мной были. А сейчас Вас со мной нет. Кругом пустота". А он мне положил руку на голову и говорит: "Я ведь не Ангел, я ведь тоже человек. Все пройдет. Матерь Божия тебя не оставит. Ты вот всегда думала, как будешь жить одна, больная, кому ты такая нужна? А ты не горься. Все тебе Бог будет давать, ты не будешь никуда ходить, а тебе все принесут и привезут. Ищи, прежде всего, Царства Небесного, а остальное все у тебя будет".

Перед тем, как нам расставаться, батюшка отдал мне стихотворение, как бы предупреждая нас о грядущих скор-

бях. Он многим его раздавал перед концом. Говорили мне, что это стихотворение он сам написал, но я точно не скажу. Вот оно:

Не унывай

Будут минуты тоской убиты —
Отрады в душе не найдешь.
Ужасное уныние тобой овладеет —
В болезнь тяжелую впадешь.
Скорби житейского моря как волны —
Одна за другой побегут,
И страшным волненьем в отчаянье влекут!
Близкие и родные восстанут борьбой
И скажут тебе в утешенье:
«Оставь ты все это. И будет приятный покой».
Злобные мечтания быстро возгорятся,
Печалью ужасной не с кем поделиться.
Тогда ты вспомни, любезный, о мне,
Когда говорили о благом бытие.
Слезы умиления польются из глаз,
Не раз вспомни, дитя, ты о нас.
Молитву сердечную к Господу вознесешь,
Сладчайшаго Иисуса на помощь призовешь:
«Отец мой желанный, упавшего спаси!
Волны страстные во мне укроти!» —
Быстро канет на сердце роса,
В мгновение исчезнет нечистая волна.
Бодрствуй, молись — в напасть не придешь.
Терпи поношения — покой обретешь!

И вот что еще важно. Перед тем, как меня благословить, батюшка сказал мне следующее: “Ведь нам все видно, что у вас есть, и кто с каким духом приходит. Санька, ведь есть люди — с чем приходят к старцу, с тем и уходят. Нет веры, нет доверия. А если человек пришел с верою и надеждою в старца и его помощь, то тогда милость Божию получали и будете получать”».

Шло время, а из Ячейки в епархию все еще шли письма:

Прошение.

Ваше Высокопреосвященство, много раз к Вам обращались с просьбой, чтобы нам вернули Мякинина о. Серафима, и еще много раз с умилением просим — отдайте нам нашего доброго пастыря и учителя нашего святого храма и народа.

Второй год пошел, и не можем мы его забыть, второй год и скорбь не утоляется.

Ваше Высокопреосвященство, ради Бога и ради спасения нашего скорбящего народа, верните нам Мякинина о. Серафима. И вот только тогда у нас будет мир и любовь и одно благополучие, когда будет служить в нашем уютном храме Мякинин о. Серафим. Умиленно просим, не откажите нашей просьбе.

Подписи.

3 января 1963 года батюшка был направлен служить в село Никольское Аннинского района Воронежской области, а 10 сентября отец Серафим назначен настоятелем Вознесенской церкви села Бурдино Тербунского района Липецкой области. Батюшке было очень трудно здесь служить. Церковь стояла разоренная. Стены толстые, и все были выщерблены. У входа прихожанам пришлось насыпать кучу песка, чтобы большие железные двери, через которые свободно врывался ветер, на службе не ходили ходуном — храм продувался насквозь. Кроме того, что было очень холодно, батюшка еще жаловался на то, что в алтаре на него нападала какая-то тяжесть: «Под престолом будто какая-то нечисть замурована», — пояснял он. Батюшка чувствовал, что алтарь осквернен. Несколько лет спустя, когда на этот приход назначили отца Власия, и он начал восстанавливать бурдинский храм, из-под пола в алтаре вынули чуть ли не машину конского навоза — оказывается, в войну немцы устраивали там конюшню...

Добираясь до храма пешком в дождь, непрестанно служа в холоде, отец Серафим сильно простыл и слег. В это время владыку Сергия перевели в Одессу, но переводы не прекратились и при новом правящем Архиерее.

1 января 1964 года игумен Серафим назначен на должность настоятеля Казанской церкви села Путятино. В этом

храме был второй священник, который сразу же невзлюбил старца — все в нем его не устраивало, от всего коробило. Однажды он в порыве гнева схватил батюшку за грудки и сказал ему: «Ты хоть игумен, да не умен» Батюшка подождал, пока гнев утихнет, и тихонько промолвил: «Я хоть не умен, да игумен. А ты хоть умен, да не игумен!»

Надо сказать, что батюшка учил своих духовных чад никогда не совершать никаких поступков в приступе гнева: «Необходимо ждать, когда гнев утихнет, потом уже с трезвой головой браться за дело. Ведь у гневливого человека можно и прощение попросить за смирение, только он в гневе своем ничего не услышит. И никакого толка от этого не будет».

В Путятино его тоже часто навещали и поддерживали духовные чада. Приехала как-то из Сибири раба Божия Марфа со своей сестрой Екатериной. Побыли они на службе, благословились у батюшки и заспешили на автобус. А батюшка говорит им: «Не спешите. На какой-нибудь машине уедете». Они подумали: «Странно — почему на машине? Ведь скоро должен проехать автобус на Воронеж». Но автобус в тот раз не пошел, и добирались они, действительно, на попутной машине, удивляясь прозорливости батюшки...

Раиса, племянница отца Серафима, рассказывала, как трудно там было жить:

> «Тогда в хрущевские времена в стране были перебои с хлебом. Нам его не давали, ведь мы считались вроде врагов народа. В Путятино жила инвалидка без рук. Я дам ей денег — она пойдет, купит кусочек хлебушка и принесет нам, а мы — батюшке. Сами одной картошкой питались, хлеба не видели»...

Несмотря ни на какие трудности, на батюшкином лице всегда лучилась добрая улыбка. Но он мог иногда как бы пронизать человека взглядом, обличить при всех. Особенно во время Богослужения.

Схимонахиня Евгения вспоминает о последних встречах с батюшкой:

> «Стоим у батюшки на службе. Только мысль в голову посторонняя пришла — батюшка как глянет на тебя

Пасхальный крестный ход в с. Путятино

грозно из алтаря! Все! Как присохла к полу. И когда к нему люди шли — лужи около каждого стояли. А сейчас такого нет. Засохло сердце, ожестело, как камень.

Когда он в Путятино уже служил, перед своей болезнью, пришел он к матушке Михаиле (мы тогда все жили у монахини Мелании в Чамлыке). Заходит он в избу, а там лампадка такая большая висела! Он подошел, дунул — потушил. "Батюшка, кому-то умереть время пришло?" — спрашиваем. "Больше никогда не будет гореть!" — отвечает и больше ничего не прибавил. Мы тогда не поняли ничего. Уходя, всем нам сказал: "Скоро будет духовный голод", — и после этого мы его живым уже больше не видели».

«О батюшке можно было бы рассказывать очень много, но трудно все вспомнить, — пишет протоиерей Николай Засыпкин. — Я сейчас очень жалею о том, что по своей оплошности не делал никаких записей о нем, а ведь была

прекраснейшая возможность хотя бы какие-то заметочки оставлять после каждой поездки. Но в то время казалось, что все будет держаться в памяти и в записях нет никакой нужды. А сейчас уже очень многое стерлось: и даты, и факты.

Помню, очень любил батюшка кататься зимой на санках с горки. Очень! Любил играть в лапту. Но этого я сам уже не видел — это он при случае рассказывал...

Был он молитвенником великим — это я испытал на себе. И годы официального безбожия в нашей стране — трудные, с одной стороны — для меня были в то же время очень благодатными, потому что общение с такими людьми облегчало все трудности. Приедешь, бывало, к нему — вопросов столько! А уезжаешь облегченный: все по полочкам разложит. Все делаешь, как благословит — и всегда все было хорошо».

Достоверно известно, что по милости Божией, батюшке было открыто время его кончины. Однажды отец Серафим сказал своим чадам: «Скоро два столба упадут». А наедине пояснил одной из сестер: «Меня не будет и отца Кукши (Одесского)».

Когда матушка Серафима (Мичуринская) узнала, что батюшку перевели в Путятино, она вслух предсказала: «Батек, это последний твой приход».

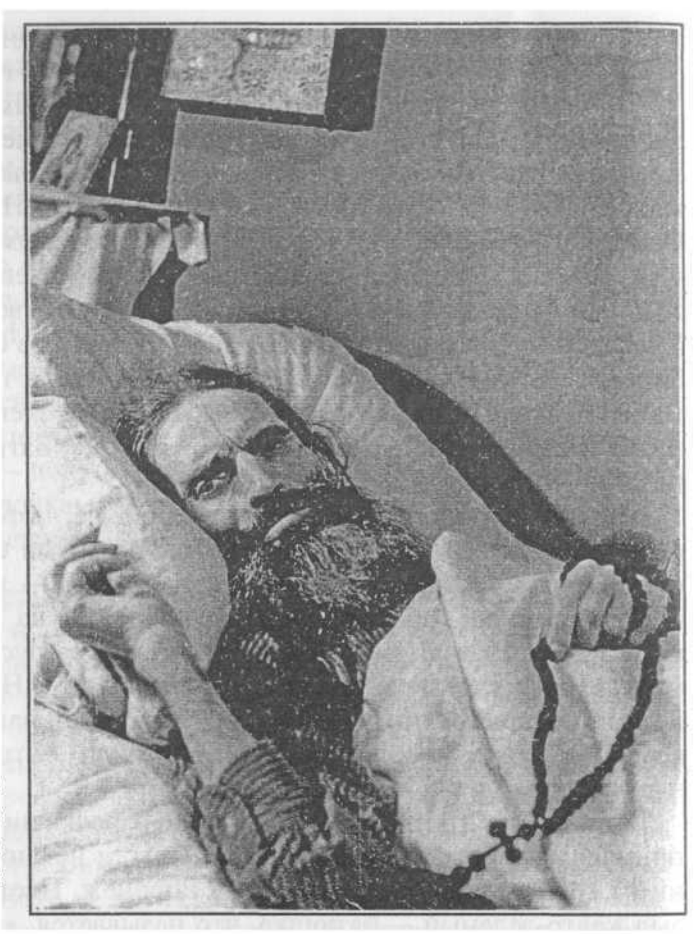
Отец Серафим и сам знал, что жить ему оставалось совсем немного — за год до своей смерти он шел по улице с послушником Иваном и вдруг, прервав разговор, немного помолчал и произнес: «Ванюшка, я через год отойду. Но ты не скорби — я и там буду помнить и молиться за вас. А вещи мои тогда раздайте...» На Ивана напал такой страх, такая скорбь, что он остановился, как вкопанный, не зная, что сказать. Батюшка, заметив это, сделал вид, что «заговаривается»: «Ой, да что ж это у меня так с головой плохо стало? Я не могу: так кружится!.. Ты не обращай внимания — это я просто так сказал... Ой, да что ж это у меня такое с головой?!» Умер батюшка ровно через год после своего предсказания.

Перед смертью батюшка заболел. Последнюю службу в Путятино он служил 25 июля 1964 года. Причастившись, вышел в тот день со Святыми Дарами на амвон, но причащать людей уже не смог и ушел обратно в алтарь. Чада повезли его в Елец — к отцу Николаю Овчинникову. Тот был в это время уже иеромонахом Нектарием. Осмотрев больного, отец Нектарий сказал бодрым голосом: «Ну, батюшка, ничего — живи, сколько проживешь!» А потом, чтобы сказать чадам истинное положение вещей, под благовидным предлогом вывел отца Серафима из своего кабинета: «Вы бы с матушкой моей поговорили, а то она немного больная — падает все время». Батюшка слегка усмехнулся и вышел. Отец Нектарий произнес: «У Батюшки рак печени. Жить ему осталось 2-3 месяца».

Сначала батюшка находился в Воронеже, потом на короткое время его увезли в Пады. Там во время болезни к отцу Серафиму приходили и приезжали чада — проведать его. Раз пришли рабы Божии Анна и Пелагея из Тишановки, а Раиса, племянница батюшки, не хотела пускать их к нему: «Нюра, батюшке тяжело...» — начала она. Но батюшке было открыто, что у них будут гости, и он закричал из комнаты: «Рая, ко мне тишанские пришли — ты открой, пусть они зайдут».

Батюшка почти ничего не ел, только изредка пил молоко, приносимое заботливой соседкой... Спустя немного времени из Падов его снова перевезли в Воронеж. Цвет его лица был желто-зеленый — батюшка, что называется, «доходил». Приехав навестить отца Серафима и застав его в таком состоянии, раба Божия Екатерина не выдержала — подошла к большой Иверской иконе Матери Божией и заплакала. Батюшка, увидев это, сказал ей: «Не плачь, не скорби — Матерь Божия вас не оставит: будут у вас молитвенники выше меня». После смерти батюшки семья Екатерины узнала владыку Зиновия (Мажугу), владыку Исидора, владыку Курского Ювеналия, владыку Тверского Алексия... Господь и Матерь Божия, действительно, послали им молитвенников.

Отец Николай Засыпкин так описывает свои последние встречи с отцом Серафимом:

Батюшка Серафим на одре болезни

«Больного мы его навещали дважды. В первый раз мы с дочерью, супругой и ее тетей приезжали на Успение в Задонск, здесь служил отец Власий. Там в то время гостила матушка Серафима из Мичуринска, и она благословила нас оттуда поехать навестить батюшку. Он весьма слабенький тогда был, но встретил нас очень приветливо. Мы переночевали у него и отправились домой.

А во второй раз я посетил батюшку во время его болезни 14 октября 1964 года — на Покров. Ездил я один. Батюшка в то время уже лежал — совсем ослабел. Это была моя последняя встреча с ним. Он подарил мне тогда ма-

ленькую иконочку, частицы от гроба равноапостольной Нины и какую-то святыньку от Алексия, человека Божиего: “Пусть это будет на освящение всей вашей жизни”. По его благословению я вделал эти частички в деревянный крестик и залил воском. Они и сейчас хранятся у нас...

За двадцать с лишним лет он предсказал, что я буду священником, хотя я в то время даже и не помышлял об этом. Мне было тогда (в 1964-м) 34 года. Батюшка произнес: “На склоне лет, но совершится”. И вот в 1987 году 19 декабря я принял сан священника — сбылись его слова...»

Больного отца Серафима навещали и другие его духовные чада. Одной из своих духовных дочерей он сказал: «Никто за вас здесь так молиться не будет. Но как здесь я за вас молился, так и там молиться буду». Семье, которая окормлялась у него, предрек: «Как мне вас жалко: будете бегать из угла в угол, а утешения не будете иметь, — а сам плакал. — Но если я обрету милость у Господа, то не оставлю вас». И после смерти батюшки эти чада долго не могли выбрать духовного наставника, не зная, кому отдать предпочтение: тому священнику или другому... как и предсказывал батюшка — бегали из угла в угол.

Одной рабе Божией незадолго до смерти он рассказал: «Скоро я умру. Приходила Пречистая с тремя спутниками, — с кем — не сказал, — и спросила: “Ну, как ты хочешь, отец Серафим? Еще пожить или забрать тебя?” От страха я молчал. Сказать: “Оставить пожить” — вдруг не ко спасению, попросить смерти — страшно. Сказал: “Матерь Божия, на волю Божию полагаюсь, как Сам Господь управит”. И видение исчезло».

Одна женщина спрашивала батюшку, на кого он их оставит. Он, не задумываясь, отвечал: «На Царицу Небесную — Царице Небесной вас поручаю».

А когда ей уезжать надо было, он дал ей три рубля, а она и говорит ему: «Батюшка, батюшка, да зачем ты мне даешь три рубля денег?» Ну, делать нечего, взяла она эти три рубля, приехала с ними домой и спрятала их, сама потом забыла, куда положила. Когда же пришло время и батюшка умер, прислали ей об этом телеграмму, а у нее денег ну совсем нет. Она чуть не в крик, а потом нашла эти три рубля, достала их и вспомнила, как батюшка сказал ей: «Они тебе еще пригодятся». И

на эти три рубля она и поехала. Вспомнился и последний разговор с батюшкой. Она говорит: «Вот помрешь, батюшка, мы тебя и не поглядим, ты ж монах, тебя сразу закроют, и все». А он ей в ответ и говорит: «Эх, девка, на все Божия воля»... И вот когда вынесли гроб, ветерок как дунул, и открылся весь батюшка, и мы все духовные чада его и видели. Вот так батюшка все предсказал... Этот момент хорошо виден на одной из фотографий, сделанных при батюшкином погребении.

Когда Батюшка тяжело заболел, многие надеялись, что он еще выздоровеет. Но приехала матушка Серафима, взяла метлу и начала мести со словами: «Батьку дорожку разметаю! А коса-то уже висит!»

Духовные дети искренно и сердечно любили своего старца, постоянно старались хоть чем-то, пусть самым малым, его порадовать, обласкать и услужить ему. Раба Божия Наталья сделала для него маленький коврик из кусочков драпа и принесла, тихо положила у кровати отца Серафима. Стоявшая рядом сестра сказала ей: «Наташ, ну зачем это уже батюшке?» Та ответила: «Пусть, пусть хоть раз на мой коверчик встанет!» И тихо заплакала...

За несколько дней перед батюшкиной смертью пошла навестить его раба Божия Александра. Он в это время сказал своим келейницам: «Вымойте мне руки — я буду благословлять. Ко мне идет одна матушка». Проходит немного времени, и вот заходит... Александра! Все засмеялись: ожидали, что какая-то важная матушка придет. А батюшка, еще не видя, кто пришел, уже зовет ее по имени: «Иди сюда, Александра! Я ждал тебя». Благословил ее и много говорил для спасения души. Предсказал также, что ей будут завидовать, будут укорять за то, что ее будто больше всех любят. «А ты отвечай им: “И вас любят. А больше ничего не говори”». Все сбылось в свое время. «Будут тебе большие искушения и скорби, — продолжал отец Серафим, — а ты переноси и говори: “*Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое*”». Александра заплакала: «Батюшка, как же мы будем без тебя?! Кто нас будет духовно окормлять?!» Он ответил: «Мой куст не будет пуст. Матерь Божия не оставит чад своих»...

Когда отец Серафим, прощаясь, благословлял всех в последний раз, то велел своей келейнице матери Паисии раздать

И вот когда вынесли гроб, ветерок как дунул, и открылся весь батюшка, и мы все духовные чада его и видели. Вот так батюшка все предсказал…

все его вещи, все до последней, какие она только сможет найти, но вещей почти никаких не оказалось. Да и то, что отыскали, было простенькое, скромное, даже шерстяной одежды не обнаружили — рубчиковый подрясник да рубчиковая ряса.

Когда батюшка благословлял матушку Серафиму, приехавшую с ним попрощаться, то при этом слегка придержал ее руку. А она сказала ему в ответ: «Подожди, батёк, не бери меня — я еще нужна». Батюшка ничего на это не ответил и только закрыл глаза.

Перед смертью отец Серафим принял схиму с именем Митрофан в честь святителя Митрофана Воронежского. Кончина батюшки наступила 25 декабря 1964 года в 6 часов утра. Он ушел на 62-м году жизни. В ночь, когда батюшка умер, его племянница Раиса видела во сне, как он возносился на небо в полном облачении. Она глядела вслед ему, пока он не скрылся. Проснулась со слезами: «Оставил ты меня!..»

Замечательно, что отец Серафим и отец Кукша, имея сильную духовную любовь друг ко другу, еще до войны договорились отойти к Богу в один год. На самом же деле так и произошло. Преподобный Кукша преставился в 2 часа ночи 24 декабря 1964 года, а батюшка Серафим утром 25 декабря — в день памяти святителя Спиридона Тримифунтского.

Отпевали батюшку в Покровском кафедральном соборе в Воронеже, при стечении большого количества народа. Гроб, обитый черным материалом, всю ночь стоял в церкви, где непрестанно служились панихиды. Все время была живая очередь, чтобы подойти ко гробу, проститься. Те, кто не знал батюшку, недоумевали: «Да хоть он и священник, но ведь все умирают!.. Почему же все так плачут? И людей так много! Что же был это за человек?» Отпевали батюшку настоятель собора отец Михаил и диакон отец Петр. Настоятель умилялся необычайной искренности и самозабвенной любви народа к батюшке, а ведь при жизни отца Серафима отец Михаил подсмеивался над ним, считая его за человека недалекого.

Протоиерей Николай Засыпкин вспоминает:

«И вот пришла печальная весть. Приехал я в Воронеж, пришел на квартиру, где жил батюшка, — сказали, что его уже перевезли в Покровский храм. Я отправился туда. На-

роду в храме было очень много. Приехали батюшкины чада из разных мест, в том числе и из Мордово, матушка Серафима из Мичуринска, приехал отец Александр Бородин и отец Николай Овчинников — он тогда уже был в сане.

Всю ночь продолжались панихиды. На второй день мы получили известие, что отец Кукша тоже скончался.

Затем было отпевание очень торжественное и печальное. Потом батюшку повезли на место захоронения, но матушка Серафима не благословила меня ехать с телом до Михайловки, и я отправился домой.

Помню, ехал через Грязи — встретились мне там знакомые: “Николай Иванович, вы что — больны?!” — я несколько дней никак не мог прийти в себя. Не верилось, что батюшки нет, ведь ему было всего 62. Мне казалось, что я никогда не смогу уже быть в нормальном настроении, солнце больше светить для меня по-прежнему не будет — эта печаль и скорбь навсегда останутся в моем сердце.

Они и остались, но время лечит — все немножко забылось, затушевалось, стерлось, может быть, по молитвам батюшки, потому что в ТАКОМ состоянии, в котором я находился тогда, жить просто невозможно.

За свою жизнь батюшка сделал очень много: одних привел к Господу, других наставил на истинный путь, третьи приняли по его благословению священный сан... Мне кажется, молитва о нем идет постоянно, потому что те, кто его знал, кто видел его хотя бы один раз, никогда его не забудут. Это был человек особенный. Живые глаза, светлое лицо, быстрые движения, весь — энергия».

Похоронили батюшку по его завещанию в селе Михайловка, недалеко от церкви. Схимонахиня Евстратия рассказывала, что когда еще отец Серафим служил на приходе в Ячейке, приехали однажды к нему племянник и племянница. Собрались они с батюшкой ехать в родную деревню — Марьевку. Отец Серафим благословил отправиться с ними и матушку Евстратию.

«Приезжаем мы в Михайловку, — рассказывала матушка, — идем по кладбищу — по тому, где сейчас батюшка похоронен. А он и говорит племяннику:

— Вася, ты меня будешь хоронить вот здесь, — и воткнул на том месте палочку, хворостиночку.

Потом мы пошли в деревню, побыли там, а на обратном пути снова зашли на кладбище. Батюшка нам рассказал, где его отец и мать похоронены, где бабушка с дедушкой. Потом показал:

— А вот тут лежит блаженный Ваня. Я в детстве к нему часто бегал. Он мне говорил: "Никитушка-Никитушка, когда мы с тобой помрем, таких больше не будет"»...

Прошло много лет, батюшка умер. А когда приехали в Михайловку копать могилку, хворостинка, поставленная им, стояла на том же самом месте нетронутой!»

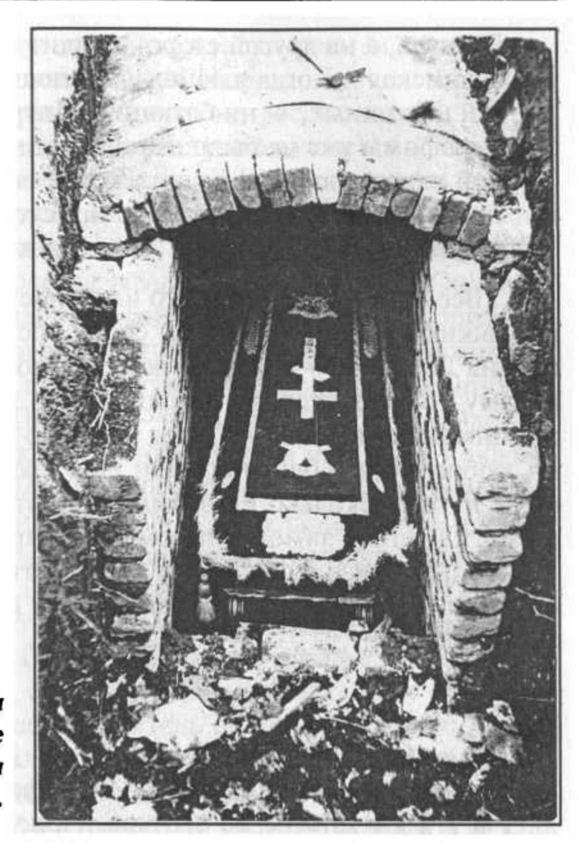
Могилу батюшки сделали в виде склепа, выложили кирпичом — тоже по его завещанию.

На сороковой день после смерти схиигумена Митрофана старице Михаиле было видение: открылось небо, и оттуда спустились отец Митрофан и отец Кукша. Поклонились ей до земли: «Матушка, мы пришли тебя проведать. Ты нас поминаешь — мы и пришли. Но долго мы с тобой не пробудем, нам некогда — двести домов надо посетить», — это означало, что поминальная молитва творилась за них в тот день не менее чем в двухстах домах.

Схимонахиня Алексия, будучи духовной дочерью батюшки, очень почитала его и всегда поминала, исправно внося его имя в заупокойные записки. Но однажды она подумала: «Мы батюшку и так без конца поминаем — не запишу его в этот раз: он и так во святых, ему на том свете хорошо. А запишу-ка я своих родных, какие с грехом жили...» И той же ночью является ей во сне батюшка со словами: «Что же ты меня не записала? Ведь я жду. Тут все — даже праведники ждут, когда их помянут, и радуются, когда их в записочках поминают». С тех пор она до самой своей смерти неопустительно писала имя батюшки в заупокойных записках.

Раба Божия Анастасия рассказывала, как на ее постриге, совершившемся спустя 10 лет после смерти отца Митрофана, присутствовал сам старец:

«Как-то мы с духовными сестрами приехали к отцу Власию в Бурдино, а он и говорит: "Вам нужно принять

Могилу батюшки сделали в виде склепа, выложили кирпичом...

постриг", — и начал нас готовить. Я думаю: "Живу с папой, мамой, приезжают к нам мои сестры с детьми — с ними ни молитвы, ни поста, ни креста! Какой тут постриг?" И мысленно прошу: "Батюшка Серафим, что мне делать?" — а он уже 10 лет, как умер. Перед постригом отец Власий говорит: "Берите благословение у всех". Я стала по очереди подходить к присутствующим для благословения и вдруг увидела, что среди них сидит батюшка Митрофан! Думаю: "Что делать?! У батюшки ведь тоже благословение надо взять!" — вся загорелась, забезпокоилась. А он машет мне рукой: мол, не подходи. Начался постриг. Священник говорит: "Ползи". Я вдруг так испугалась, заволновалась, руки затряслись. Ползу и вижу, что батюшка Митрофан машет мне рукой — зовет к нему.

Глянула, а на другой стороне сидит мать Серафима Мичуринская... Когда я доползла и священник сказал: "Подай ножницы", — ни батюшки Митрофана, ни матушки Серафимы уже не было. Какие молитвенники из загробной жизни явились! Когда уже все совершилось, то отец Власий сказал: "На постриге присутствовали отец Митрофан и мать Серафима", — он тоже их видел...»

«...Все шли к нему, зная его искусное врачевание немощствующих душою, — пишет в своих воспоминаниях схимонахиня Леонтия. — Сколько любви было у него ко всем, шли к нему со всех сторон, находя у него мудрый ответ; всех принимал сердобольно. Перед смертью я посетила его. Как он любил Бога и ближнего! Он шел с юности ровным царским путем. Сколько слез было пролито при расставании; на могилу его и зимой и летом идет народ.

...Годы изглаживают следы молодости на лице человека, но души не касаются. Это потому, что дух безсмертен и не знает старости».

Заключение

Могилку схиигумена Митрофана сейчас посещают многие из его чад. Приезжают и те, кто не знали батюшку при жизни, но, услышав о нем от других, с верой просят его святых молитв на могилке и получают помощь. Раба Божия Александра однажды добиралась до Михайловки «на попутных». Остановилась машина, в которой сидели мужчина с женщиной. Узнав, куда Александра едет, супруги обрадовались и попросили рассказать им что-нибудь о схиигумене Митрофане, потому что, как они сами признались: «Мы часто к нему ездим, но не знаем, к кому — знаем, что старец, и все. Просим его святых молитв»...

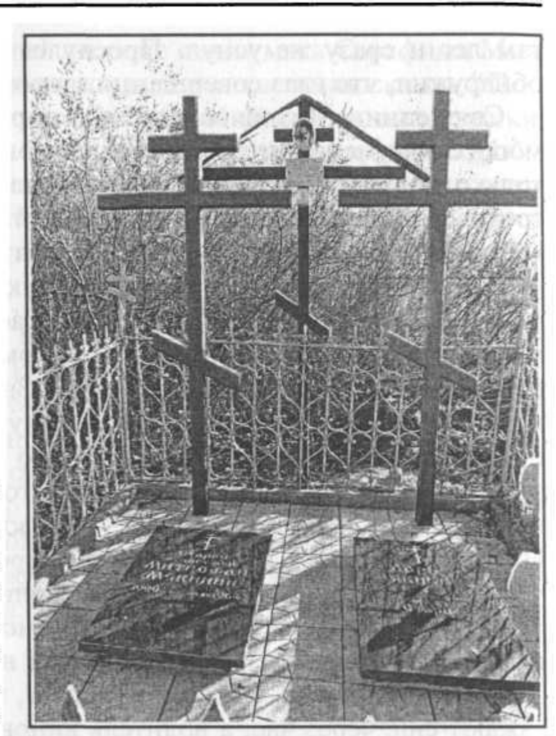
У певчего Михайловского храма, возле которого находится кладбище, где похоронен батюшка, как-то заболел глаз. Он поехал в больницу, а после зашел на могилку схиигумена Митрофана, которого очень чтил, помолился батюшке, попросил его об исцелении, сорвал какой-то листик с его могилки, приложил к больному глазу и отправился домой. А

там лег и сразу же уснул. Проснулся утром и с радостью обнаружил, что глаз совершенно здоров.

Священник Михайловского храма рассказывает, что помощь схиигумена Митрофана реально ощущается. Например, только подумал: «Хорошо бы храм покрасить, а то он уже трехцветный стал после мытья стен от копоти», — и вдруг «сваливаются как будто с неба» безплатно две бочки краски.

Тот же батюшка рассказывал вот какой случай. Однажды зимой звонит ему благочинный отец Василий и говорит, что минут через сорок они приедут с задонскими монахами на батюшкину могилку, пускай встречает. Звонок застал батюшку в районном центре Панино — это минут 20 до Михайловки, опять же, к встрече купить что-то надо в магазине, пока назад приедешь, пока матушки обед приготовят для гостей... А тут еще снег обильный выпал — на кладбище не пройти. Надо брать лопату и идти дорожку прочищать. Ничего не успеваешь! Батюшка в сердцах помолился: «Отец Митрофан! Ради тебя все это! Ты уж Богу помолись, чтоб все управилось как лучше». Приехал батюшка назад в Михайловку, дорожку прочистил, обед приготовили, гостей все нет. Приезжают еще через час, а водитель виновато говорит: «С машиной что-то случилось, не едет быстрее, чем 40 км/в час. Думали быстро доедем, а ползли, как черепахи...» В тот раз батюшка благочинному ничего об этом не сказал, а то стал бы еще сердиться: «Ты чего, отец, молишься за то, чтоб нам медленно ездить. Мы тоже своим временем дорожим...» После того, как отслужили панихиду на могилке — машина заработала как обычно, как будто ничего с ней и не было.

Сейчас на могиле схиигумена Митрофана установлены гранитные плиты, поставлен новый крест. Молодой человек из Тамбова не знал, как ему поступить: или избрать путь монашества, или семейную жизнь. Он принимал прямое участие в обустройстве могилки отца Митрофана. И вот однажды поехали на могилку, чтобы привести ее в порядок. Этот раб Божий был тоже там и во время работы нашел в ограде, около могилки батюшки, параманный крест! Его духовный отец сказал, что это прямое благословение батюшки Митрофана на монашество: ведь сколько людей перебывало на могилке, но крестик попал именно этому молодому человеку.

Могила схиигумена Митрофана, справа положена надгробная плита с могилы его матери — Дарьи Мякининой. Фото 2004 г.

Еще один юноша из Тамбова обвенчался с девушкой, которая пела на клиросе в храме, где он нес послушание. Врачи сказали, что детей у них не будет. Он дважды проходил этот тест. Однажды они по дороге из Воронежа в Тамбов заехали к старцу на могилку попросить его молитв и помощи в жизни и взяли с нее отросточки какого-то цветочка. Когда приехали домой, то посадили цветок в горшочек, и он прижился. Молодая женщина болела хроническим гастритом в тяжелой форме, и однажды у нее случился «приступ». Вызвали скорую, повезли в больницу на обследование, а чуть позже врач говорит ей: «А у вас не гастрит. Вы беременны». Когда муж пришел в больницу, она ему чуть оплеуху при всех не закатила: «Безплодный!» Она очень боялась рожать при такой своей болезни. Но родилась чудная девочка, и никаких осложнений при этом не было.

Как-то весной поехали на могилку к батюшке прихожане Петропавловского храма города Тамбова. С ними был один

заштатный священник. Стали служить панихиду, а петь некому — голоса слабые. И тут прилетела целая стая птиц, уселась рядом на кустике, и началось пение! Панихида была отслужена, как положено, а пение — необыкновенное. Эту прекрасную службу с участием птичьего хора часто вспоминают все, кто там присутствовал.

Некоторое время спустя прихожане Петропавловского храма ездили в Воронеж по делам, были у мощей свт. Митрофана Воронежского и уже ночью заехали на могилку к схиигумену Митрофану. Потом рассказывали: «Ощущение — необыкновенное! Кладбище. Ночь. Фары у машины включены — освещение такое... Чувство было необычайное — это выразить словами невозможно!»

В октябре 2006 года, перед праздником Покрова Божией Матери, группа паломников посетила могилку отца Митрофана. Перед тем как отслужить панихиду, осмотрелись вокруг и увидели, что куст сирени на батюшкиной могилке расцвел!!! Надо отметить, что это кладбище сильно заросло дикой сиренью, но ни на одном из других кустов цветов не было.

И вот совсем поразительный случай.

Пишет раба Божия Надежда, фельдшер Чернавского медицинского пункта:

> «На моем участке, который я обслуживаю, был больной Иван, 1976 г.р. Он страдал эпилепсией после травмы, полученной в детстве. Мама его, верующая женщина, очень много через это перетерпела. Ездила с сыном и по больницам, и по святым местам. У нас в селе своего храма нет, и нам приходится ездить на службы в соседние села. А эта женщина была и в Задонске, и в Загорске, и во многих других местах, молилась там о выздоровлении своего сына. Ваня тянулся к храму, постился, часто причащался и соборовался. Но последние годы приступы были все чаще и чаще. Ваня очень страдал, что он для матери такая обуза. Однажды мама, взяв сына, поехала на службу в Михайловку. Это было в июле 2005 года. Там она услышала от прихожан, что у них есть почитаемая могилка старца схиигумена Митрофана, на которой многие получают исцеления и благодать. Мать рассказала об

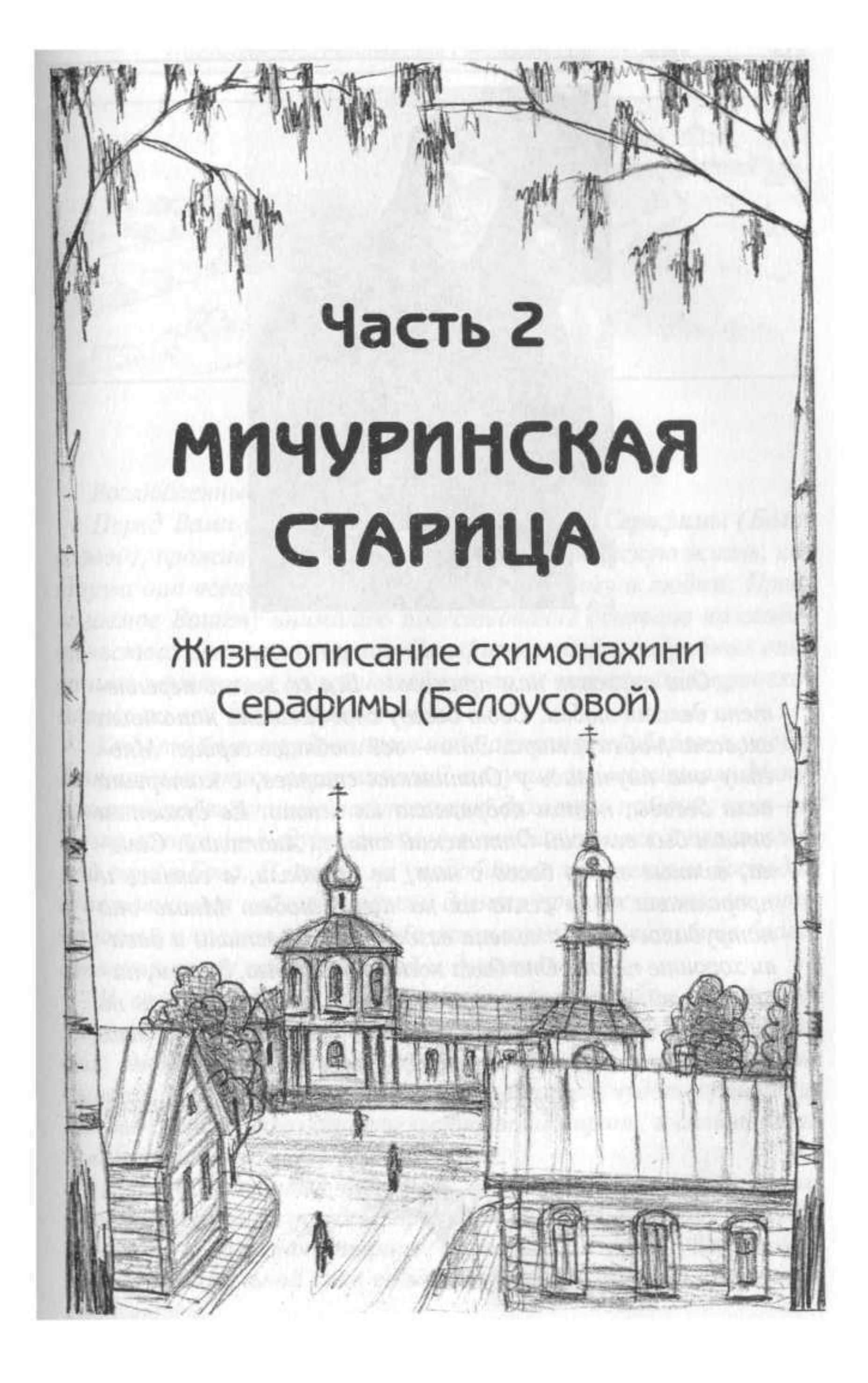
этом Ване — тот возгорелся желанием пойти помолиться на могилку. Причастившись святых Христовых Таин, отслужив молебен, они отправились на кладбище. Мать начала слезно молиться, прося старца об исцелении сына. Она сказала Ване: "Проси и ты батюшку Митрофана, чтобы по его молитвам ты выздоровел!" Он помолился, повернул голову к матери и сказал, что *не хочет быть здоровым*. Мать удивилась. Сорвали листики сирени с могилы для чая и поехали домой. Мать, между прочим, просила старца, чтобы он подкрепил ее нести этот крест, данный Богом, и чтобы Господь даровал ей силы и здоровья доходить за сыном, пока она жива. Ведь если она умрет первой, то его некуда будет пристроить — только в дом инвалидов, т.к. жили они вдвоем.

Через два дня после их возвращения домой у сына случился приступ, и, пролежав несколько дней в коме, он тихо отошел ко Господу. Вот так отец Митрофан о нем позаботился — избавил его от тяжких мучений, которые ему было просто не под силу вынести. Мать уверена, что это удивительное чудо произошло за молитвы старца».

Схиигумен Митрофан — батюшка Серафим — был истинный светильник, освещающий во тьме наших суетных дней тернистый путь к Царствию Божию. Именно таким помнят его духовные дети. Он рано ушел из жизни: «Сгорел», — как сказал про него один батюшка. Но этот свет озаряет путь не только тех, кто знал его при жизни, но и тех, кто о батюшке знает только понаслышке. У батюшкиных духовных детей есть уже свои духовные дети, которые с великим благоговением хранят память о схиигумене Митрофане. Пусть эта преемственность не прекратится. Сейчас в Воронежской епархии по благословению правящего митрополита Сергия создана комиссия, собирающая материалы для канонизации схиигумена Митрофана.

Будем же просить молитвенной помощи батюшки:

Отче схиигумене Митрофане, моли Бога о нас!

Часть 2

МИЧУРИНСКАЯ СТАРИЦА

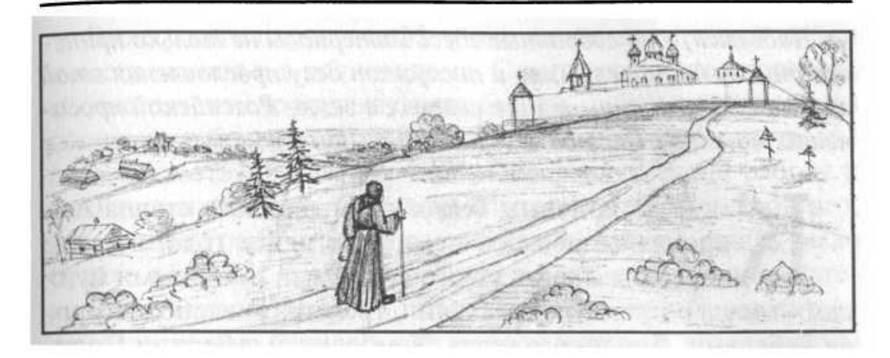
Жизнеописание схимонахини Серафимы (Белоусовой)

...Она служила нам примером. Вся ее жизнь переплетена делами любви. Свою беседу с людьми она наполняла словами любви и мира. Это— всё любящее сердце. Многому она научилась у Оптинских старцев, с которыми вела беседы, потом подражала их жизни. Ее духовным отцом был великий Оптинский старец Анатолий. Семена, взятые ею из бесед с ним, не погибали, а сеялись и прорастали. Она сеяла их на почве любви. Много она потрудилась: сеяла семена везде, они возрастали и давали хорошие плоды. Она была женою, матерью, другом, наставницей. Как мать, она простирала свою любовь не только к духовным чадам, но и ко всему миру. За всех плакала, плакала непрестанно, молясь за весь мир...

Иеросхимонах Нектарий (Овчинников)

Возлюбленный о Господе читатель!

Перед Вами жизнеописание схимонахини Серафимы (Белоусовой), прожившей многотрудную подвижническую жизнь, которую она всецело посвятила служению Богу и людям. Предлагаемое Вашему вниманию повествование основано на свидетельствах знавших старицу Серафиму людей и подробных описаниях некоторых из происшедших по ее молитвам и происходящих по сей день Божиих чудес.

Кто-то из потрудившихся над написанием, сбором и упорядочиванием этих воспоминаний получил по молитвам Мичуринской подвижницы спасительную духовную помощь, кто-то — исцеление от недуга, а кто-то вообще пришел к сознательной вере в Бога. И чтобы не уподобиться исцеленным Господом и оставшимся неблагодарными девяти прокаженным, мы приступили к составлению этого жизнеописания, испросив благословения своих архипастырей и духовников.

И сегодня, спустя сорок лет после ее кончины, матушку Серафиму поминают и любят в разных странах, весях и городах, знают и там, где она при своей земной жизни никогда не бывала. О ней как о великой молитвеннице и чудотворице одинаково благоговейно свидетельствуют и миряне, и священники, и епископат.

И Вы, боголюбивый читатель, ознакомившись с этим скромным, но искренним трудом, призывая на помощь в своих нуждах, немощах и болезнях старицу Серафиму, и сами удостоверитесь в целительной силе ее молитвенной помощи и христианской любви.

Надеемся, что собранные здесь материалы не только принесут пользу читателям, но и послужат делу прославления этой великой подвижницы в лике святых в земле Российской просиявших во славу Святой и Живоначальной Троицы.

Когда до кончины великого оптинского старца Амвросия оставалось немногим менее года, в семье часто бывавших у него со своими духовными нуждами государственных крестьян Стрелецкой слободы города Лебедяни, Липецкого уезда, Тамбовской губернии Поликарпа Васильева и Екатерины Максимовой Зайцевых 1/14 ноября 1890 года родился восьмой по счету ребенок — на этот раз дочка, которую из-за свирепствовавшей тогда эпидемии холеры тут же и окрестили с именем Матрона. Таинство святого Крещения над однодневным младенцем совершил священник Христорождественского храма Иоанн Златоверховников, а восприемниками будущей великой подвижницы стали государственные крестьяне Покровской слободы Петр Васильев Коновалов и Стрелецкой слободы Анна Тимофеева Дубинина[1].

Имея обыкновение брать с собой к преподобному Амвросию кого-либо из детей, привезли Поликарп и Екатерина к нему в Шамордино под благословение и свою девятимесячную Матронушку. Прозорливый старец взял ее на руки и предсказал, что сначала она поживет в благочестивом браке, а затем примет монашество ***и вся Оптина в ней будет***. Последнее из этих пророчеств подразумевало то, что Матрона станет духовной дочерью последних Оптинских старцев и глубоко впитает в себя их заветы и преемственно сложившийся в Оптине благодатный старческий дух.

Пришло время, и духовным отцом Матроны Зайцевой стал ученик святого Амвросия преподобный оптинский старец иеросхимонах Анатолий (Потапов). Под его мудрым отеческим руководством и возрастала будущая схимница и старица.

---

[1] Государственный Архив Липецкой обл. Ф. № 273. Опись № 5. Дело № 167. Л. № 118-119.

Было у кого поучиться Матроне самоотверженной любви и состраданию и в родном доме. С раннего детства довелось ей много и тяжело трудиться, чтобы чем-нибудь помочь своим родителям, братьям и сестрам. Для этого ей часто приходилось вставать ни свет ни заря и отправляться на работу к зажиточным людям. Однажды Матрона проснулась оттого, что на нее упала горячая слеза матери, которой жаль было будить дочку. И чтобы впредь не терзать ее любящее материнское сердце, Матрона старалась с тех пор просыпаться самостоятельно. Училась она у своей матери и драгоценным в очах Божиих смирению и терпению. Нередко приходилось ей трудиться целый день почти что даром. Так, отработав однажды у неблагодарных людей с раннего утра до позднего вечера, Матронушка принесла домой одни лишь желтые переспевшие огурцы как нищенскую плату за свой тяжелый труд. Придя домой, она села и расплакалась от досады, усталости и обиды. А Екатерина Максимовна утешала ее, говоря: «Не плачь, дочка, сначала тебе дали такие огурцы, а затем увидят, как ты хорошо работаешь — лучше дадут».

При всем трудолюбии дружной и многодетной семьи Зайцевых еда в их доме была самая простая и постная — пустой кулеш на воде.

С детства выделялась Матрона в среде своих сверстников. Духовная дочь матушки Серафимы вспоминает, как та ей рассказывала: «Когда я была еще девчонкой, мальчишки кричали мне вослед: «Монашка, монашка!» и бросали в меня камни. Я остановлюсь, спою им песню, спляшу, но они все равно меня дразнили». Старец Анатолий на это говорил, что когда Господь ставит на человеке печать Своего избранничества, враг внушает злым людям, показывает им, кто есть кто, и всячески через них истинным рабам Божиим досаждает.

Единственным утешением Матроны были посещения Оптиной пустыни и постоянные горячие молитвы.

Когда ей исполнилось двенадцать лет, Господь явил в Своей чистой сердцем рабе благодатный дар прозорливости. Открылось это, когда Матрона находилась на улице вместе с подругами и неожиданно для всех обратилась к бывшей с ними некрасивой восемнадцатилетней девушке: «Ты тут с нами бегаешь, а к тебе свататься жених из Москвы приехал».

Удивленная девица пошла домой, и то, что сказала ей отроковица, оказалось правдой.

Как и было ей предсказано преподобным Амвросием, в 19-летнем возрасте Матрона вышла замуж за глубоко верующего и горячо полюбившего ее 19-летнего крестьянина Стрелецкой слободы Кирилла Петровича Белоусова. Случилось это 10/23 февраля 1910 года. Благословил их под венец старец Анатолий, а венчал священник Христорождественского храма Владимир Бредихин с причтом[2].

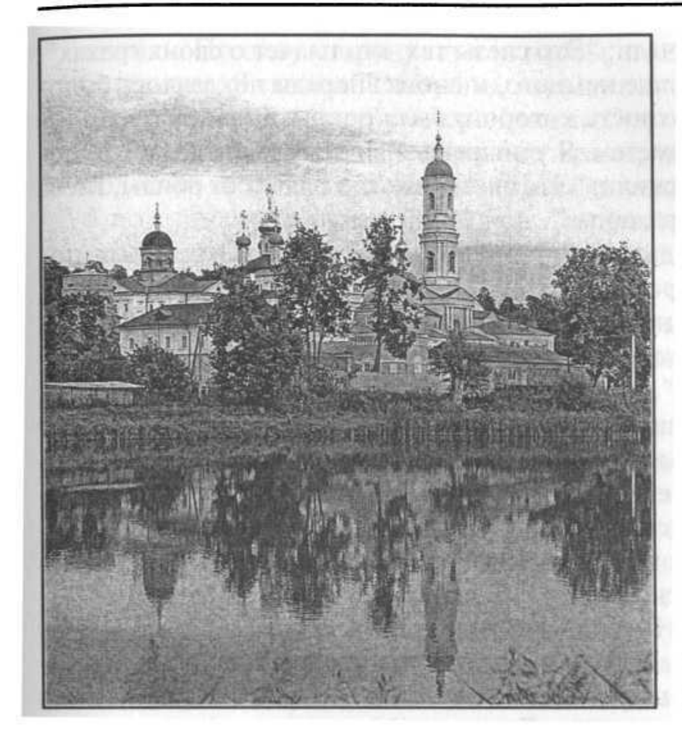
В семье Кирилла и Матроны Белоусовых всегда царили единодушие, мир и лад. В 1910 году Господь благословил их брак рождением первенца Александра, а еще через два года у них появилась дочь Ольга. Перед трагическими для России событиями 1917 года все они переезжают в Козлов. И теперь в их хлебосольном доме часто останавливаются дорогие их сердцу монахи Оптиной пустыни, привозившие на продажу в Козлов труды своих рук. Любовь Матроны к Оптине была так велика, что она однажды вышла проводить монахов-гостей и, не предупредив домашних, отправилась к старцу Анатолию и пробыла здесь довольно продолжительное время, исполняя различные послушания. И это из ряда вон выходящее событие хотя и заставило волноваться ее супруга, нисколько не омрачило их подлинно христианской, жертвенной взаимной любви.

Именно в то свое пребывание в Оптинской обители матушка за послушание своему преподобному старцу сподобилась продолжительного чудесного видения и таинственного духовного рождения, о чем сама поведала своей верной сподвижнице и послушнице Валерии следующее:

> «Это было летом 1920 года. Я была в Оптиной пустыни у отца Анатолия. Пробыла там неделю и попросила батюшку исповедовать меня перед причастием, но он возразил: “Ты еще не готова”. При этом присутствовала одна незнакомая *мне* монахиня, сказавшая: “Проси исповеди, ты будешь умирать”. Я снова стала просить ис-

---

[2] Государственный Архив Липецкой обл. Ф. № 273. Опись № 5. Дело № 326. Л. № 113.

Оптина пустынь

поведи. На что отец Анатолий отвечал: "Ну, хорошо, посылаю тебя в Шамординский монастырь[3]". Я сказала, что не знаю туда дороги, но отец Анатолий ободрил: "Пошлю с тобой Николая Стяжкина (блаженного)". С ним мы и отправились в путь.

Недалеко от *Оптинской* обители увидели двух чудных юношей. Волосы у них были распущены, одеяния светлые, на груди — перевязь крестообразно (как у иподиакона), сзади — крылья. Они пошли рядом, по обе стороны от меня...

На пути мы видели луга с растущими на них очень красивыми голубыми цветами. Идем *дальше,* а кругом — сухая земля. Вдруг впереди я увидела болото. Спросила юношей: "Откуда здесь болото, ведь земля такая сухая?"

[3] Он был основан великим преподобным старцем Амвросием для ищущих спасения жен в 12 верстах от Оптиной пустыни, и в годы своего расцвета насчитывал до 1000 насельниц.

Они отвечали: “Это слезы тех, кто плачет о своих грехах”. Прошли еще немного, и снова впереди показалось болото, поверхность которого *была* покрыта *как* будто *бы* гусиным пометом. Я удивилась: “Почему такая вода?” Юноши разъяснили: “Это слезы тех, кто плачет от обиды, гнева или раздражения”.

Идем дальше. Подошли к месту, где земля *была* покрыта огромными трещинами. Но дивные юноши шли так, словно трещин и не было. Я опять задала вопрос: “Отчего же земля такая?” — “Это от скверных и бранных слов”, — сказали они. Через некоторое время перед нами показались стоящие вдоль дороги черные, точно сожженные молнией, обугленные деревья. “Почему здесь такие деревья?” — спросила я снова. “Все вокруг опалено от людской брани”, — отвечали дивные юноши. Между тем мы подошли к ржаному полю, где рожь была выше человеческого роста. Посреди поля мои спутники и блаженный Николай вдруг *стали невидимы*. Не зная, куда идти дальше и что делать, я заплакала. Тут снова появились чудные юноши со словами: “Так мы отходим, когда человек согрешает. Стоим поодаль и плачем”. Дальше *мы* пошли опять вместе. Показалась обитель. Мы вошли в ее ограду, потом — в домик, стоящий неподалеку. *В нем* посреди комнаты *находилась* большая купель, а вокруг нее — поющие ангелы. Здесь дивные юноши оставили меня и больше не появлялись. Возле купели я увидела свою покойную мать. Она произнесла: “Что ты, доченька, такая стала?” И я спросила ее: “Сколько же мне еще грешить в миру?” “Сейчас тебя будут крестить, доченька”, — отвечала мама. Я услышала чудесное ангельское пение, и меня стали крестить, но плохо помню, как это было. От купели меня приняла одна Матушка, *Которая* и вывела *меня из дома* наружу. *А там* прямо по земле было постлано множество ковров до самого храма. Я спросила *Матушку:* “Что же это? Верно, владыку будут встречать”. — “Нет. Встречать будут тебя”, — отвечала Она.

Из храма навстречу *нам* вышли монахини с большими свечами в руках. *Все* они пели. *Мы* поднялись по ступеням храма, вошли вовнутрь. В храме монахини разде-

лились. По одну сторону стояли вдовы, по другую — *все* остальные. Я сказала: “Матушка, я пойду к вдовам”. “Пойдешь со Мной в паре”, — произнесла Она.

Все пошли парами к середине храма, где стоял небольшой столик. За столиком сидел священнослужитель с ножницами в руках. Матушка повернулась *ко мне и сказала:* “Сейчас будет *твое* пострижение”. После этих слов я наклонилась, и у меня выстригли прядь волос. *Затем* все стали по очереди прикладываться к кресту. Мне же батюшка дал поцеловать крест крепко, и я подумала: “Вот как *сильно* я оскорбляла Бога”.

Две матушки повели меня под святые иконы в келью. *Я* слышала, *как они говорили:* “Сейчас будет умирать”. Когда *я возлегла* на ложе, то почувствовала, как немеет *мое* тело. *Мне* подали чашу с горьким питием, я выпила его. *И* после этого вдруг очутилась в чудном храме, окруженная девами в белых одеждах. Меня тоже одели во все белое. Вижу, что из тела моего вынимают душу и, завернув ее в кружевное тюлевое одеяние, несут в алтарь. Когда вернули душу, тело вновь ожило. Матушка, с Которой я шла, позвала *меня:* “Идем со Мной”.

Мы вышли из обители, стали от нее удаляться. Вскоре подошли к пропасти. Внизу *нее была* трясина, где *копошились* людские тела *и были* слышны страшные крики. Тут подбежали бесы с хартиями. Они вопили, обращаясь к Матушке: “Ну, плати за нее”. Матушка заплатила. Когда прошли через мост, *пролегающий над пропастью,* бесы злобно завопили: “Прошла этот мост!” Впереди показался еще один мост, но вода *под ним,* где *тоже кишмя кишели* люди, была уже светлее. Бесы снова подскочили с воплями и хартиями. *И* им было заплачено и на этот раз.

После этого мы подошли к реке со светлой водой, людей там уже не было. *Но* через реку была перекинута *очень* узкая *досточка.* Матушка позвала: “Идем”, а я испугалась и заплакала. “С добрыми делами пойдешь”, — приободрила *меня* Она, но мне *по-прежнему* было страшно. “Ну, пойдем другой дорогой”, — согласилась Матушка.

Мы пошли мимо прекрасного луга. На этом лугу росла высокая, как рожь, трава, на *которой висели капли воды,*

подобные виноградинам. И было удивительно, откуда же вода на травке, ведь солнышко светит. “Это слезы покаяния. У Господа не пропадает ни одной слезы, все сочтены”, — *разъяснила мне Матушка.*

Подошли к тому месту, где стояли черные обугленные деревья. Они были выкорчеваны, а земля *была* словно вспахана. *Я* поразилась: “Почему так скоро? Ведь совсем недавно деревья еще стояли”. — “Когда человек покается, Господь его грехи истребляет с корнем и ни одного *раскаянного* греха не *попомнит”,* — услышала я *в ответ.* Перед нами снова показалась река с мостом. *И снова* с шумом, песнями и плясками навстречу *нам* выскочили бесы с гармонями *и* погремушками. Я ужаснулась, зная, что любила петь и плясать. Бесы подошли к мосту *и* завопили: “Давай выкуп за нее, она нас веселила”. Матушка заплатила. Мы поднялись на паром, бесы — за нами. Когда переправились, *мы* пошли вправо, к обители. Бесы же пошли влево, и все кричали: “Что же Ты блудницу поведешь в Царство Небесное?” “Все кающиеся Моими будут”, — промолвила Матушка. *И* бесы с воплями *отошли.*

У ворот чудной обители я увидела икону *молящейся на воздусе* преподобной Марии Египетской. Матушка указала на нее *и сказала:* “Мария Египетская была блудницей, а теперь, *как видишь,* стоит на три аршина от земли и молится за весь мир”.

Мы вошли в храм. *И тут же* открылись царские врата, и *раздался возглас:* “Со страхом Божиим и верою приступите”. Однако людей вокруг *нас* не было. “Кого же станут причащать?” — *недоумевала* я. “Тебя будут причащать”, — *пояснила* Матушка.

После причастия мы *посетили все* кельи, а потом *вошли в отведенное мне* жилище. Здесь Матушка *вручила* мне икону преподобного Серафима со словами: “Возьми, *чтобы* он тебе открыл *духовные* очи”.

Потом помазала мне в наказание уста чем-то черным и сказала: “Это за то, что *ты* в молодости *бранилась”.* Уста *мои* погорели, но недолго. Матушка позвала: “Пойдем, покажу тебе *воздаяние за* добрые дела”. *И я* увидела безконечно длинные столы, и на них — подаяния. За *од-*

ним из столов сидела моя сестра. Матушка предложила мне сесть с ней рядом и *угоститься.* Когда возвратились в келью, Матушка сказала: "Опять пойду на землю мир спасать, а Меня отовсюду будут *выдворять".*

После этого к нам вошел преподобный Серафим. И Матушка велела ему *сопроводить* меня *обратно* на землю. *Глядя на меня,* он произнес: "Как жаль мне провожать тебя в мир". Услышав это, я заплакала, а преподобный утешил: "Не плачь, *еще* будешь петь с нами".

После *этих* его слов я снова чудесным образом оказалась в Оптиной пустыни. Пошла к отцу Анатолию. Он стал *поздравлять меня с тем, что я сподобилась такой благодати, подал небольшую икону* Крещения Господня и сказал: "Ты прости меня, что я *тогда* тебя не утешил. Иначе бы ты ничего этого не получила". От батюшки Анатолия я пошла к отцу Нектарию. Он благословил *меня* и вместе с *другими* ввел в келью. Там на меня надели новый подрясник. Отец Нектарий посадил всех за стол (примерно 20 человек) и дал одной из монахинь книгу для чтения. При этом *он* сказал: "Сейчас будет видение". И действительно, по келье разнеслось благоухание, будто от ладана, и сами *собой* открылись входные двери.

Вошла Матерь Божия во славе *вместе* с девами и святым Иоанном Крестителем[4], с преподобным Серафимом, Ангелами. В руках у Ангелов были *райские ветви.* Когда я увидела Божию Матерь в сиянии, то *прослезилась* и низко Ей поклонилась. Царица Небесная тоже всем поклонилась и вышла. Я негромко сказала сестре, сидящей рядом: "Божия Матерь вошла с девами и всем поклонилась". Но сестра отвечала: "Ты что? Умом тронулась что ли?" *Оказалось, что* никто ничего не видел. Я попросила у сестры прощения и почувствовала, что стала умом, как малое дитя. Батюшка Нектарий повел меня в келью отца Амвросия, где я ради послушания легла отдохнуть на его

[4] Хибарка преподобного Амвросия Оптинского, которую по праву духовного преемства занимал преподобный Нектарий, прилегает к Иоанно-Предтеченскому скиту Оптиной пустыни, где в основном жили и подвизались святые Оптинские старцы.

коечке. После всего мною увиденного и пережитого я чувствовала себя совершенно без сил.

Некоторое время я *прожила* в Оптиной пустыни, исполняя послушания у батюшки Нектария: толкла *целый* большой рундук соли в маленькой ступе, сеяла муку, чтобы *она* не слеживалась. Когда снова увидела старца Анатолия, услышала *такое* напутствие: "Ну, чадушко мое милое, теперь поезжай домой. *Ведь* у тебя есть муж и дети". *А я действительно* словно бы ничего земного не помнила и сокрушалась: "Батюшка, как *же* я вас оставлю?" Но он настаивал. *Тогда* я взяла у *него* благословение и вся в слезах пошла на станцию. Вижу, *что* ищут меня там бесы, а сами сожалеют: "Ее перекрестили, теперь и не найдешь ее, и не узнаешь". А сами — кто с чем, некоторые — с ножами. Мне стало очень страшно, но никто из них в *мой* поезд не сел.

Домой я приехала в Великую Пятницу. Вижу: моя маленькая дочка ставит с отцом куличи. Мне все обрадовались, но я ничего не могла делать по дому и плакала. Родные утешали: "Не плачь, побудь с нами. Опять будешь ездить в Оптину".

Еще долгое время я чувствовала себя, как дитя. Когда приходила в храм, то плакала и не могла понять: почему всех детей подносят к Причастию, а меня — нет. Образ преподобного Серафима, данный мне Матушкой, хранится мной до сих пор. Когда я была в Оптиной пустыни, батюшка Анатолий написал моему мужу: "Дорогой раб Божий, твоя супруга находится в духовной больнице, ты о ней не безпокойся"[5].

Как отмечает послушница Зоя (Афанасьева)[6], в этом повествовании старицы как бы совмещаются два плана: перед ее отверзшимся духовным взором предстают картины и события неземного мира; и вместе с тем просвечивают вполне

[5] Описание обоих видений было записано послушницей Валерией со слов самой старицы Серафимы.

[6] Оптина пустынь в жизни старицы Серафимы // Газета «Тамбовская жизнь» от 30.01.2001 г.

узнаваемые местные «оптинско-шамординские» реалии. Сначала это дивные оптинские луга «с растущими на них очень красивыми голубыми цветами», болотистые трясинки и «черные, обугленные (от лесных пожаров) деревья» в окрестностях Оптиной. А затем и предшамординские поля («где рожь была выше человеческого роста»), и «пропасть» (Шамордино расположено так, что спуск к реке, действительно, кажется обрывающимся в бездну), и сама река «со светлой водой» — прозрачная Серена. А обратный путь в Оптину на самом деле пролегал через сохранившийся до открытия возрожденной ныне обители монастырский паром...

Обращает на себя внимание и то, что сопровождавшая Матрону во время основной части видения Матушка запечатлела ее внимание на двух святых: Марии Египетской и Серафиме Саровском. И именно их имена через много лет будут даны старице при ее монашеском и схимническом постригах. Заметим и то, что после возвращения в Оптину Матрона была одета в подрясник послушницы в стенах хибарки преподобного старца Амвросия, сподобилась там особого посещения Богородицы, после чего на длительное время стала младенцем по духу и исполняла продолжительные тяжелые монастырские послушания под непосредственным духовным попечением преподобного старца Нектария, отличавшегося целомудренной детскостью и какой-то особой младенческой чистотой. Особенностью его духовничества было то, что он не столько утешал приходящих к нему людей, сколько указывал им путь подвига, закалял человека перед ожидавшими его духовными трудностями, веря в великую силу благодати, помогающей тем, кто решительно ищет Правду и желает спастись.

В ночь на 30 июля/12 августа 1922 года преподобный Анатолий Оптинский Младший почил о Господе. При всей напряженности тогдашней обстановки, непрекращающихся гонениях, притеснениях, издевательствах и угрозах его скоропостижная кончина оказалась неожиданной как для гонителей, так и для почитателей этого святого мужа. Тем ценнее то, что Матрона Поликарповна сподобилась получить его последнее благословение. Щадя ее как свое любимое духовное чадо, прозорливый старец Анатолий за неделю до

своего преставления отправил ее, говоря: «Поезжай, поезжай домой, мы с тобой еще увидимся». Она не хотела оставлять его в болезненном состоянии и сказала: «Батюшка, да вы ведь очень слабенький». «Ничего, — отвечал преподобный, — вот тебе письмо, прочитай его через неделю». Приехав домой и выждав назначенный им срок, она прочла: «Если бы ты была при моей смерти, то ты не вынесла бы этого. Матерь Божия вас не оставит, вся Оптина к вам переедет».

Осиротев духовно, будущая великая старица искала общения с другими подвижниками, но таковых на свободе и в живых оставалось все меньше и меньше. В 1928 году почил в ссылке преподобный Нектарий Оптинский, был сослан в заточение и в 1936 году встретил свою кончину в далекой Сибири преподобный Оптинский старец Исаакий, к которым Матрона обращалась по благословению старца Анатолия еще при его жизни.

Подвижница очень скорбела по этому поводу, пока не произошло чудесное и знаменательное событие, о котором поведал в 1973 году матушкиным духовным чадам хорошо знавший и глубоко почитавший ее иеросхимонах Нектарий (Овчинников). Было это в 1932 году. Матрона Поликарповна посетила один из монастырей, чтобы повидать старца, но к нему не попала, и тогда стала изливать скорбь перед иконой Божией Матери. Во время молитвы ее Кто-то тронул за плечо. Это была Дивная Жена, с Которой они пошли по монастырскому коридору. Им явился преподобный Сергий Радонежский. Обращаясь к шедшей рядом с матушкой Богородице, он произнес:

— Матерь Божия, спаси Россию! Она отвечала:

— Нет, Россия не спасется.

Прошли еще немного, и им явился преподобный Серафим Саровский. Он обратился к ее Дивной Спутнице с той же просьбой.

— Нет, — услышала будущая схимница Серафима, — Россия не спасется.

В третий раз перед ними явился святой Александр Невский, взывая: «Матерь Божия, благослови русское оружие и русских воинов!»

В ответ на что прозвучало:

— Русские еще будут побеждать. И потом, обращаясь к Матроне, Пречистая сказала:

— В монастыри Я все даю, но не все получают. За отступление от веры монастыри закроются. Если монахи покаются, то их откроют через два года, если нет, то монастыри откроются лишь перед Вторым Пришествием.

Должного покаяния так и не произошло. Поэтому Господь попустил Церкви скорби. Стали закрываться монастыри. Усилились гонения. Пострадали многие из монахов, а некоторые из них ушли в мир. Из рядов тех, кто не радел о своем спасении, появились предатели, отступники и обновленцы. А многие из тех, кто жили по заповедям Божиим, стали исповедниками и мучениками. В годы войны сбылись и слова, сказанные Богородицей победоносному святому благоверному князю Александру Невскому: несмотря на понесенные тяжелейшие потери и испытания, русское оружие по молитвам великого множества древних и новых, прославленных и безвестных отечественных подвижников и святых победило. Все это явилось подтверждением истинности данного Матроне откровения.

В 1926 году в уже зрелом тридцатишестилетнем возрасте у Матроны Поликарповны и Кирилла Петровича рождается сын Михаил. Прошло еще восемь лет, и их первенец Александр оканчивает строительный техникум, а в 1934 году Белоусовы переезжают в Воронеж.

Проживая в Воронеже, Матрона Поликарповна знакомится и с тех пор постоянно духовно общается с находившимся тогда в затворе иеромонахом Серафимом (Мякининым), без преувеличения отличавшимся святой и многоподвижнической жизнью. До самой его кончины он был матушкиным духовником, и, скорее всего, от его рук она приняла свой монашеский постриг. А незадолго до смерти примет схиму от руки их общего духовного сына — приснопамятного схиархимандрита Макария (Болотова), постриженника митрополита Зиновия (Мажуги).

По воспоминаниям духовника Тамбовской епархии протоиерея Николая Засыпкина, отец Серафим был чудесным человеком, истинным монахом и добрым пастырем. Невзирая на сложность времени, к нему шли и ехали из разных

городов и весей люди со своими житейскими и духовными вопросами и нуждами. И он умел всех утешить, всем давал добрые и полезные советы. Так что после беседы с ним наступали покой и умиротворение, и возникшие сложности казались не такими уж неразрешимыми.

Вокруг подвижника-игумена образовалась небольшая община монахинь из закрытых монастырей, а также из новопостриженных тайных монахинь. Община существовала, конечно, нелегально, но жизнь в ней протекала строго по монастырскому уставу.

Когда началась Великая Отечественная война, Матрона Поликарповна, по свидетельству хорошо знавшего ее игумена Варсонофия, ободряла и подкрепляла страждущих людей. Он вспоминал случай, что, когда нигде не было воды, матушка из одного чайника чудесно напоила множество наших воинов.

Перед началом немецкой оккупации Воронежа Матрона Поликарповна вместе с мужем, дочерью Ольгой и тремя внуками спешно покинули город и стали беженцами. Ничего лишнего они с собой не брали. Кирилл Петрович вез салазки с детьми, а матушка несла в руках литографическую икону Скорбящей Божией Матери. Выбившись из сил, они остановились в одном из деревенских домов у самой линии фронта. Внуки плакали от голода, но накормить их было нечем. Матушка успокаивала их, говоря: «Сейчас, сейчас, ребята, мы вас накормим». Взяв в руки икону Богородицы, она вышла помолиться и, упав перед образом Царицы Небесной, со слезами просила Ее о заступлении и милости.

И молитва эта была столь пламенна, что от крыши дома до неба образовался яркий, как огонь, столп, который заметил оказавшийся неподалеку милиционер. Заподозрив, что кто-то подает сигнал немцам, он вбежал в дом, но, увидев слезно молящуюся сияющую матушку, вышел из приютившего ее дома в изумлении. В ответ на эту молитву вскоре же нашлись добрые люди, которые принесли шестерым изможденным путникам распаренный овес и квашеную капусту. А матушка, вспоминая об этом, говорила: «Молитва, приносимая от чистого сердца, проходит сквозь небеса прямо к Престолу Божиему».

Матрона Поликарповна необыкновенно почитала Царицу Небесную и часто повторяла: «Как же Матерь Божия всех нас любит!» Особенно тронули ее слова Царицы Небесной, сказанные Матроне во время самого первого из Ее чудесных посещений: «Иду мир спасать, а Меня отовсюду выбра-

сывают» (выносят из домов на поругание Ее святые иконы). «Все кающиеся Мои будут», — говорила ей Богородица, поэтому матушка наставляла: «Никогда не надо отчаиваться. Надо иметь надежду, и Матерь Божия нас не оставит». Она особенно часто читала молитву: «Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим». И свидетельствовала, что бесы, не вынося этой молитвы, мстили ей и как будто сверлили ее поднимаемую для крестного знамения руку.

Муж матушки, Кирилл Петрович, каждый день читал акафист Тихвинской иконе Божией Матери. Много и усердно молилась и сама матушка. Иногда кто-нибудь из близких, по-человечески жалея ее, говорил: «Матушка, ну сколько же можно молиться?» — «Сейчас, сейчас... Вот теперь уже можно... Бог поможет», — произносила она. И действительно, велика была сила матушкиной молитвы, которая всегда была действенна.

Внучка Матроны Поликарповны Юлия рассказывала о случае, происшедшем с ее отцом Александром (матушкиным сыном), когда он был на фронте. Однажды во время очень тяжелого и кровопролитного боя он все время видел перед собой как бы изображение своей матери по грудь. Пули свистели безпрестанно, погибло много солдат, но он остался цел и невредим.

Как только немцы оставили Воронеж, Белоусовы возвратились домой.

30 августа/12 сентября 1943 года, в день памяти небесного покровителя Русской земли, святого князя Александра Невского, в Богоявленском кафедральном соборе города Москвы состоялась интронизация Сергия (Страгородского), избранного Патриархом Московским и всея Руси на специально собравшемся для этого 8 сентября архиерейском Соборе. В первый же день своего избрания Патриарх Сергий обратился ко всей российской пастве с посланием, где главным образом сосредоточил свое внимание на настроениях и болезненных язвах церковной жизни, возникавших от крайне ненормальных условий, в которые была поставлена Церковь, и явившихся следствием жестоких гонений на нее. Приведем выдержку из этого послания: «В “Православном ис-

поведании Восточных Патриархов" указано, что хранителем православной веры у нас является не епископат, не духовенство, а сам верующий народ. Значит, каждый член данной православной общины обязан участвовать в охранении православной веры, содержимой этой общиной». Искренне верующих мирян Патриарх призывал к бдительности, к наблюдению за деятельностью приходских советов, которые уже решительно отличались от беззаветно преданных Церкви двадцаток 20-30-х гг., теперь они, как правило, были подобраны инстанциями, контролировавшими церковную жизнь: «Если приходской совет общины, например, принимает священника с сомнительной хиротонией, никто из рядовых членов общины не может молчать. На нем лежит ответственность охранять веру, и он будет отвечать перед Богом, если со своей стороны не предупредит ее нарушения. Если бы мы всегда помнили эту нашу обязанность, по-настоящему дорожили бы своей верой и благосостоянием святой Церкви, очень многих из ошибок и злоупотреблений, засоряющих теперь нашу церковную практику, не было бы. *Рожденный от Бога,* как говорит апостол, *хранит себя, и лукавый не прикасается к нему* (1 Ин. 5, 18)»[7].

По милости Божией Церковь получила возможность назначать епископов на вакантные кафедры и открывать новые приходы. В конце 1943 года епископат Русской Православной Церкви уже состоял не из 19, как это было в сентябре, а из 25 правящих архиереев, а в марте 1944 года, за два месяца до кончины Патриарха Сергия, насчитывалось уже 29 архипастырей. В их числе 19 марта этого года на вдовствующую Воронежскую кафедру был хиротонисан и возведен епископ Иона (Орлов).

28 ноября 1943 года было принято постановление Совнаркома № 1325 «О порядке открытия церквей». Согласно этому постановлению, ходатайство верующих о регистрации религиозной общины и предоставлении храма сначала должно было рассматриваться в местных органах власти. Затем они должны были направлять материалы в Совет по делам Русской Православной Церкви. Совет по рассмотре-

[7] Журнал Московской Патриархии. 1943. № 2. С. 3-5.

нии всех обстоятельств выносил предварительное решение по ходатайству верующих, которое окончательно утверждалось уже Совнаркомом. Столь сложная процедура, конечно, призвана была притормаживать процесс возвращения Церкви ее разоренных храмов, но самому процессу все-таки дан был ход. Назначенные на кафедры епархиальные архиереи прилагали усилия для возвращения церквей, занятых под склады или клубы[8].

В связи со всем вышесказанным, весной 1944 года по благословению новорукоположенного правящего архиерея Воронежской и Задонской епархии епископа Ионы[9] Матрона Поликарповна Белоусова становится членом двадцатки и возглавляет исполнительный орган возобновляющей свою деятельность общины Свято-Никольского кафедрального собора города Воронежа, полагая тем самым начало новому для себя самоотверженному ктиторскому подвигу. 14/27 мая 1944 года в исполнительный комитет Центрального районного совета депутатов трудящихся города Воронежа поступило заявление «группы верующих, желающих добровольно объединиться для совершения религиозных обрядов по православному вероисповеданию» с письменным ходатайством «о регистрации религиозной общины при Никольском соборе» города Воронежа, расположенном по улице Таранченко, 19-а, «и о передаче» им «в безсрочное, безплатное использование молитвенного здания, находящейся при нем сторожки и культового имущества». К заявлению были приложены списки членов двадцатки, исполнительного органа, Ревизионной комиссии, анкета на служителей культа, инвентарная опись и договор. Под заявлением стоит двадцать подписей, цент-

---

[8] Цыпин Владислав, прот. История Русской Церкви 1917-1997. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. — С. 305.

[9] Иона (Орлов) 19.03.1944 хирот. во еп. Воронежского; с февр. 1945 г. архиеп. Воронежский и Острогожский. См. Справочно-библиографические материалы «Архиереи Русской Православной Церкви» к книге прот. Владислава Цыпина. История Русской Церкви 1917-1997. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. — С. 743.

ральное место из которых принадлежит Матроне Поликарповне Белоусовой[10]. Действительность подписей заверена благочинным православных церквей Воронежской епархии, протоиереем Ал. Образцовым и секретарем исполкома А. Я. Галчинской[11].

ТИПОВОЙ ДОГОВОР гласил: «Мы, нижеподписавшиеся граждане г. Воронежа, заключили с исполнительным комитетом Центрального райсовета депутатов трудящихся в лице его полномочного представителя А. Я. Галчинской, секретаря исполкома, в том, что 27 числа мая месяца 1944 г. приняли от Исполкома Центрального Совета депутатов Трудящихся в безсрочное безплатное пользование находящееся в г. Воронеже, ул. Таранченко, 19-а одноэтажное каменное церковное здание с находящейся при нем сторожкой и богослужебными предметами по особой нами подписанной описи на нижеследующих условиях:

1. Мы, нижеподписавшиеся граждане, обязуемся беречь переданное нам церковное здание и прочее имущество и пользоваться им исключительно соответственно его назначению, принимая на себя всю ответственность за целость и сохранность врученного нам имущества, а также за соблюдение лежащих на нас по этому договору других обязательств.

2. Храмом и находящимися в нем богослужебными предметами мы обязуемся пользоваться и представлять их в пользование всем нашим единоверцам исключительно для удовлетворения религиозных потребностей.

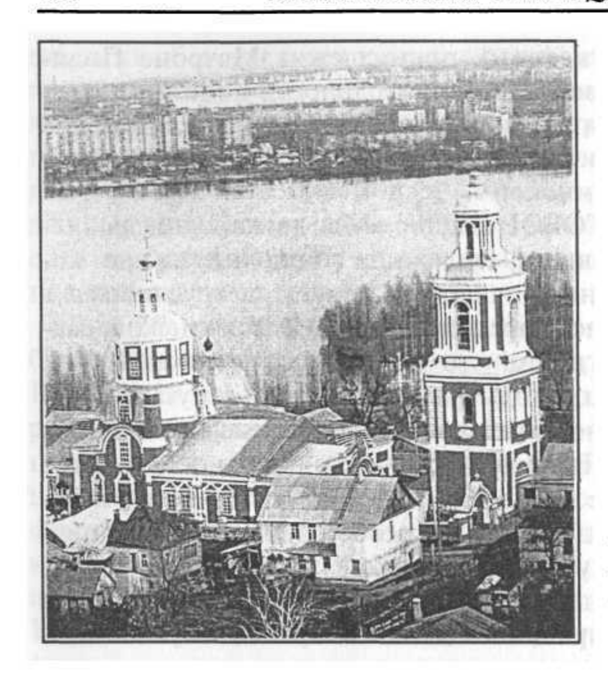
3. Мы обязуемся принять все меры к тому, чтобы врученное нам имущество не было использовано для целей, не соответствующих ст.ст. 1 и 2 настоящего договора.

4. Мы обязуемся из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию церковного здания и сторожки при нем, а также и находящихся в нем предметов, как то: по ремонту, отоплению, страхованию, охранению, по оплате долгов, налогов, местных обложений и т. п.

---

[10] Государственный Архив Воронежской обл. Ф. № 967. Опись № 3. Дело № 1. Л. № 9-9об.

[11] Государственный Архив Воронежской обл. Ф. № 967. Опись № 3. Дело № 1. Л. № 9об.

Никольская церковь г. Воронежа, современное фото

5. Мы обязуемся иметь у себя инвентарную опись всего богослужебного имущества, в которую должны вносить все вновь поступающие (путем пожертвований, передач из других храмов и т. д.) предметы религиозного культа, не представляющие частной собственности отдельных граждан.

6. Мы обязуемся допускать безпрепятственно, во вне-богослужебное время, представителей Центрального Совета депутатов трудящихся и Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при СНК Республики, или облисполкоме к периодической проверке и осмотру имущества.

7. За пропажу или порчу переданных нам предметов мы несем материальную ответственность солидарно, в пределах ущерба, нанесенного имуществу.

8. Мы обязуемся в случае сдачи принятого нами имущества возвратить его в том самом виде, в каком оно было принято нами в пользование и на хранение.

9. За непринятие всех зависящих от нас мер к выполнению обязанностей, вытекающих из сего договора, или же за прямое его нарушение мы подвергаемся уголовной ответ-

ственности, причем настоящий договор в таком случае может быть расторгнут.

10. В случае желания нашего прекратить действие договора мы обязаны довести о том письменно до сведения исполкома Центрального Совета депутатов трудящихся, причем в течение недельного срока со дня подачи такого заявления мы продолжаем оставаться обязанными этим договором и нести всю ответственность по его выполнению, а также обязуемся сдать в этот период времени принятое нами имущество.

11. Каждый из нас, подписавший договор, может выбыть из числа участников договора, подав о том письменное заявление исполкому Центрального Совета депутатов трудящихся, что, однако, не освобождает выбывшее лицо от ответственности за ущерб, нанесенный церковному зданию и прочему принятому имуществу в период участия выбывшего в пользовании и управлении имуществом до подачи указанного заявления.

12. Никто из нас и мы все вместе не имеем право отказа кому бы то ни было из граждан, принадлежащих к нашему вероисповеданию и не опороченных по суду, подписать позднее сего числа настоящий договор и принимать участие в управлении упомянутых в сем договоре имуществом на общих основаниях со всеми его подписавшими».

Договор скреплен и заверен теми же подписями и печатями, что и заявление[12].

Что же передали общине полуразрушенного кафедрального собора богоборческие власти? Ознакомимся с описью переданного в руки старосты храма и девятнадцати ее сподвижников имущества, составленной беглым, но каллиграфическим почерком отца благочинного, и увидим, что все, что было возвращено верующим воронежцам, было либо ветхим и изношенным, либо настолько «простой работы», что не привлекло хищного внимания разорявших ставшую теперь кафедральным собором Свято-Никольскую церковь, сильно поврежденную за год и два месяца до этого — в марте 1943 года — во время бомбежки.

---

[12] Государственный Архив Воронежской обл. Ф. № 967. Опись № 3. Дело № 1. Л. № 11-11об.

Инвентарная опись Культоваго и Обиходнаго имущества Никольской церкви г. Воронежа:

В списке «Членов Религиозной Общины Никольского собора г. Воронежа (Таранченко, № 19-а)» пятидесятитрехлетняя домохозяйка Матрона Поликарповна Белоусова значится под номером один, а ее верный и надежный помощник и спутник жизни Кирилл Петрович, трудившийся тогда на фармацевтическом заводе рабочим, стоит четвертым. В столбце «Судимость» у них отмечено, что они не судимы, а в графе «Местожительство» значится, что жили они по адресу: Конно-стрелецкая улица, 15.

Возглавляет Матрона Поликарповна и список Исполнительного органа религиозной общины Никольского Собора г. Воронежа, состоящий из трех человек, представленный властям 27 мая 1944 года[13]. Интересно то, что названный исполнительный орган был зарегистрирован «уполномоченным Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР по В/О В. Гостевым» лишь через полгода — 14 ноября 1944 г.[14], в день матушкиного пятидесятичетырехлетия. Когда будущая старица Серафима взялась восстанавливать разрушенный Никольский храм, у нее было всего пять рублей. Инокиня Н. вспоминает, что слышала в Мичуринске рассказ схимонахини Марии, жительницы города Воронежа, бывшей келейницы матушки, о том, что Матрона Поликарповна стояла на молитве всю ночь, пол стал мокрым от ее слез. И уже на следующий день самые разные люди стали предлагать ей свою посильную помощь. И помощь эта по ее святым молитвам всегда приходила вовремя.

Монахиня М. вспоминает: «Собралась я как-то к матушке в Воронеж, где она в то время восстанавливала храм святителя Николая. Узнав это, люди стали приносить для нее продукты с просьбой помолиться об их нуждах. Еду я, а сама думаю: "Вот везу молящейся за всех нас матушке чужие грехи". Подходя к храму, от таких мыслей я даже заплакала. Ког-

[13] Государственный Архив Воронежской обл. Ф. № 967. Опись № 3. Дело № 1. Л. № 15.

[14] Государственный Архив Воронежской обл. Ф. № 967. Опись №3. Дело № 1. Л. № 51.

да матушка меня встретила, я ей с горечью сказала: "Вот чужие грехи тебе привезла". А она мне в ответ: "Давай все скорее сюда, мне как раз рабочих кормить нечем"».

На праздник Крещения Господня 1945 года верующие воронежцы числом до пяти тысяч человек шли крестным ходом с иконами и хоругвями из Свято-Никольского кафедрального собора на Иордань. Шел с ними и Воронежский владыка Иона. Когда люди ступили на речной лед, послышался треск, сквозь образовавшиеся во льду трещины выступила вода. Матрона Поликарповна, по своему обыкновению, шла с богородичной иконой «Взыскание погибших» и громко просила Владычицу не дать погибнуть ни одной душе. Милосердием и заступничеством Царицы Небесной находившиеся на треснувшем льду люди были спасены, никто из них не провалился, не промок и не пострадал. После крестного хода все с благоговением прикладывались к матушкиной иконе Божией Матери. Целовали святой образ Царицы Небесной и милиционеры, очень удивленные происшедшим.

Однажды матушка пустила в сторожку храма попросившуюся переночевать Странницу. «Матушка, Меня никто не увидит», — говорила Она. Когда следом за Ней в сторожку вошел сторож, он действительно никого там не увидел и на вопрос своей старосты: «Есть ли там кто?» — ответил: «Там никого нет». Матрона по уже знакомому ей особому сердечному чувству признала в Той, ставшей невидимой Посетительнице, Матерь Божию.

Когда пришло время покрывать крышу церкви, по молитвам матушки ей снова явилась Богородица и указала, где именно можно раздобыть понадобившееся кровельное железо.

Соборный храм во имя святителя Христова Николая был почти полностью восстановлен менее чем за год. 15 февраля 1945 года управляющий Воронежской епархией епископ Иона (Орлов) преподает Матроне Поликарповне Белоусовой свое архипастырское благословение и грамоту «за усердные труды на пользу святой Божией Православной Церкви в приходе Никольскаго кафедральнаго собора г. Воронежа». А став архиепископом, дарит ей выпущенную в 1942 году Московской Патриархией книгу «Правда о религии в Рос-

сии» со следующей собственноручной надписью: *«Ктитору св. храма Божия во имя святителя и чудотворца Николая, Матроне Поликарповой Белоусовой, проходящей свою должность с благоговением, усердием и примерной честностью, на добрую память и молитвенное воспоминание»*. Под этим теплым посвящением стоит подпись владыки и дата *20.IV.1945 г.* Прошло чуть больше месяца, и глубоко почитавший матушку Воронежский архиепископ Иона почил о Господе. Незадолго до этого к матушке подошел седовласый Старец и, показав ей бутылку с водой, сказал: «Вот как в этой бутылке недостает воды, так и ты полностью не достроишь храм». Так и случилось. Вскоре после этого Матрона снова сподобилась видеть Богородицу, Которая, явившись много потрудившейся Своей угоднице, призвала ее к сугубому смирению и терпению и предсказала ей имевшую продлиться целый год болезнь. В связи с действительно начавшимся недугом будущая старица Серафима отошла от дел и в 1946 году вместе с семьей возвратилась в Мичуринск, до переименования называвшийся Козловом.

Поселившись в Мичуринске, жила она неприметно. Неопустительно ходила в церковь. Непрестанно молилась и дома. Была великой постницей: даже на Пасху позволяла себе съесть только половину яйца. Никогда не видели, чтобы она отдыхала.

Многие из знавших матушку даже и не догадывались о том, кем была эта простая русская женщина, избравшая в своей земной жизни нелегкую стезю послушания семье. Любовь и молитва — вот чем служила матушка Богу и ближним. Все, что она говорила, всегда звучало очень просто и убедительно, с ней можно было молча побыть рядом, и уйти при этом, словно окрыленной.

Н. В. вспоминает, как однажды пришла к матушке и принесла ей в подарок два платка. У одного платка была по краю широкая полоса, а у другого — множество тонких. Матушка сказала: «Вот смотри, так и в жизни: одна дорога широкая, а на другой много дорожек — надо угодить и мужу, и свекрови, и детям». Так высоко ставила матушка послушание семье. Она говорила, что для замужних женщин семья должна быть на первом месте. И за нее надо будет от-

Семья старицы у гроба Кирилла Петровича

вечать перед Богом: «Сначала за семью спросится, а потом за все остальное».

В семейной жизни матушка придерживалась строгости, крайне редко внешне проявляя свои сердечные чувства. Когда умирающий Кирилл Петрович протянул матушке на прощание руку, она, хотя и любила его всей душей, но, будучи уже тайно постриженной схимонахиней, на его рукопожатие не ответила. А когда он умер[15], долгое время ни с кем не разговаривала и непрестанно молилась. Все, кто к ней тогда приходил, молча сидели возле подвижницы и все равно уходили утешенными переполнявшей ее благодатью.

Рассказывают, что отличавшийся особым великодушием Кирилл Петрович даже в голодные военные годы кормил птиц вареными очистками от картофеля и другими остатками скудной домашней пищи. При его похоронах случилось чудо: стаи птиц провожали гроб своего кормильца до самого кладбища.

Приняв тайное пострижение в мантию с именем Мария, а затем и великий ангельский образ в честь преподобного Серафима, матушка стала теплой молитвенницей и настоящей печальницей нашей земли, дни и ночи проводила в непрестанных слезных молитвах перед своей келейной иконой Пресвятой Богородицы «Взыскание погибших».

---

[15] Кирилл Петрович почил в 1961 году.

Никогда не стремившаяся к богатству, живя в браке, она в совершенстве исполняла заповедь нестяжания, приняв монашество. Схиархимандрит Макарий вспоминал: «Бывало так, что, идя в храм, матушка брала с собой по четыре подрясника[16] и по дороге все раздавала нищим».

О необычайной, по-настоящему христианской, душевной щедрости и любви матушки Серафимы к ближним не раз рассказывал благочинному Мичуринского округа протоиерею Александру Филимонову покойный протоиерей Георгий Плужников.

«Очень доброй была и покойная сестра матушки — Ксения. Неудачное замужество подорвало ее здоровье, и она рано умерла. После ее смерти матушке приснился чудесный сон: апостолы Петр и Павел переправляют ее сестру на лодке через широкую реку, а дна у лодки не видно — оно было сплошь покрыто узелками с подаяниями, которые Ксения во время своей короткой земной жизни щедро подавала неимущим», — вспоминает Л. В.

К уже полученным матушкой свыше дарам молитвы, смирения и любви Господь еще более углубил уже проявлявшийся в ней ранее благодатный дар прозорливости. Задолго предсказала она открытие Тамбовского Преображенского и Мичуринского Боголюбского соборов, Задонского Богородицкого монастыря, что уже исполнилось, а также открытие и расцвет Богородице-Знаменского Сухотинского женского монастыря, чему еще предстоит свершиться. Заранее был ей известен и день окончания Великой Отечественной войны. Всегда предвидя приезд в Мичуринск своего духовного чада — будущего схиархимандрита Макария, матушка посылала его встречать, точно указывая номер поезда и вагона.

По рассказам самого отца Макария, мать Серафима была удивительным человеком. Всегда она говорила житийным языком, цитировала святых отцов, хотя толком и не училась. Все открывалось ей по благодати Божией.

Когда матушка стала старчествовать, знали об этом поначалу только духовно близкие ее чада: из Ельца, Грязей и

---

[16] Женский монашеский подрясник по своему покрою напоминает обычное строгое платье.

других мест. Матушка встречала всех с такой любовью и милостью, что от нее выходили духовно обновленными. По дару прозорливости она обличала и тайные греховные мысли.

Как-то одна из пришедших к ней тамбовских монахинь подумала: «А может, она в прелести?» Провидя ее мысли, матушка сказала: «Да не в прелести я!»

В Мичуринске жила сестра матушки Наталия Поликарпова, ставшая монахиней Серафимой, которую старица очень любила. Она сподобилась видения, когда молилась у матушкиного образа Богородицы «Взыскание погибших». Икона как будто бы ожила, и молящейся монахине прямо из нее явилась Пречистая Дева. И матушка Серафима, и ее монахиня-сестра особо почитали этот образ, как явленный и чудотворный. Сейчас он украшает собой восстановленную старицей в Воронеже Никольскую церковь.

О том, как именно наша старица молилась Божией Матери, Л. В. вспоминает:

«Как-то я приехала к матушке, побыла у нее некоторое время и стала собираться в дорогу. В келье у матушки, на угольнике, под святыми образами, стояла еще одна небольшая икона Божией Матери "Взыскание погибших", которой она благословляла духовных чад. Желая меня благословить, матушка попросила подать ей эту икону. Я направилась к угольнику, но икону не увидела: "Матушка, а ее нет". "Ну, принеси какую-нибудь другую", — ответила она. Я подала икону Благовещения и сказала: "Можно и этой благословить". Но матушка возвратила эту икону со словами: "Нет, поставь ее на место и принеси мне ту". Подхожу снова к угольнику и вдруг вижу образ "Взыскание погибших". Обернулась к матушке: "А она тут. Как же я ее не увидела?" Матушка сказала: "Чтобы видеть, надо просить: «Матерь Божия, не дай моей душе погибнуть», а ты не просишь"».

Л. П. отмечает в старице особый дар душепопечительства и ее ревность о спасении ближних:

«К матушке нередко обращались люди, ищущие материальную помощь. Когда одна женщина попросила:

"Матушка, помолись, чтобы мне пристройку сделать", старица со скорбью сказала: "Души человеческие погибают. О каких же пристройках молиться?"»

Схимонахиня Евстратия вспоминает:

«Приехала я как-то к матушке в новом подряснике. Испытывая меня, она сказала: "Какой красивый на тебе подрясник, а мой совсем поизносился. Подаришь мне?" Я с радостью согласилась, только просила дать мне что-нибудь взамен, чтобы доехать до дома. Мы его распороли, высушили, кое-где подкроили, подрубили, погладили. Потом я все части заново сшила, примерили — все было впору по матушке. Старица мне и говорит: "Машутка, вот сколько хлопот с одеждой, а с человеком ведь еще труднее — где немножко подкроишь, где немножко убережь, а нужно, чтоб душа кристально чистой и опрятной предстала пред Господом..."»

Однажды дочь схимонахини Серафимы Ольга завела в доме радио. Как только его включали, матушка начинала что-то такое плавное вытанцовывать по комнате. «Мама! Что ты делаешь?» — возмущалась Ольга. «Дочка, ну раз радио завели, так ведь и плясать надо», — отвечала матушка. Так и пришлось им от радио отказаться.

Н. В. матушка говорила: «Человеку за послушание даже соломинку трудно поднять».

О том, как осторожно вела ее старица по стезе духовной жизни, вспоминает ее послушница Евдокия (ставшая впоследствии схимонахиней Иегудиилой):

«Матушка меня как-то спросила: "Дунятка, ты молишься?" "Молюсь, матушка, молюсь", — сказала я. "А я вот, Дунятка, еще и не начинала".

Как-то пошли мы с матушкой в храм. У дверей стояли нищие. Я подумала: "Кому тут подавать? Пьяные". Только подумала, а матушка мне: "Дунятка, давай не разбирать"».

Схимонахиня Питирима (в миру Мария Никитична Мурзина) впервые встретилась с матушкой в 1950 году в поселке

Мордово в доме знакомого ей по Мичуринску диакона Иоанна. Она вспоминает:

«Однажды, когда мы приехали с моей сестрой Клавой в Мордово и зашли к отцу Иоанну в дом, он пригласил к себе матушку Марию и, приготавливая нас к встрече, сказал: "Сейчас к нам придет великая старица".

Пришла матушка, познакомилась с нами, а потом посмотрела на нас внимательно и строго и вдруг говорит: "Отрежьте хлеба с медом и солью". В это время у отца Иоанна находился его родной брат Александр. Он отрезал нам по большому ломтю хлеба, намазал медом и посыпал солью. Мы с сестрой с удивлением посмотрели друг на друга: "Как же есть столько меда вместе с солью?"

А матушка сказала: "Вы удивляетесь, сколько вам меда и соли положили? Мед — чтобы вам было сладко, а соль — чтобы у вас была любовь между собою". Прошло время, и мы стали матушкиными духовными чадами.

В 1955 году знакомая нам бывшая монахиня Сухотинского монастыря матушка Порфирия поехала к преподобному старцу схиархимандриту Севастиану. Я передала с ней письмо, в котором просила батюшку благословить меня съездить куда-нибудь в святые места или к нему в Караганду. Батюшка благословил приехать к нему. Я сказала об этом тете Акилине, которая напут-

ствовала меня такими словами: "Святые места должны быть в сердце, а благословение старца дается на всю жизнь".

Перед тем, как отправиться к отцу Севастиану, я поехала к матушке, и она за меня порадовалась: "Ой, Машутка, я у него была в Оптиной пустыне, он тогда был еще келейником. Обязательно поезжай".

Сестра очень за меня волновалась, ведь ехать надо было целых пять суток. "Клаша, не волнуйся, за его молитвы все будет хорошо", — успокоила ее матушка.

Перед поездкой наш Мордовский батюшка отец Василий и тетя Акилина отслужили молебен, и я поехала. С собой везла гостинцы от матушки. Когда прибыла, отдала их старцу Севастиану со словами: "Это от матушки Марии".

— Какой матушки Марии?

— Вы ее знаете, она в Оптиной бывала часто.

Он задумался и позвал блаженную Настеньку, которая у него жила. Спросил о матушке.

— Да ведь это Матрёнка, какая с Натальюшкой всегда приезжала, — сказала блаженная.

А тетя Акилина послала отцу Севастиану просфору и носки. Я их тоже отдала и сказала: "Это раба Божия Акилина из Большой Липовицы вам прислала. Оттуда родом старец Амвросий".

Мы тогда собирались переехать в город и хотели тетю взять с собой, ведь она была старенькая, и ей тяжело было ходить в церковь в Мордово за много километров. Но отец Севастиан не благословил: "Из деревни в город. Из города в деревню. Я у нее беру эту просфорочку, а ты обратно ей передай".

А мне задал вопрос:

— Скажи, куда из кадила идет дым?

— Вверх, батюшка.

— Вот так и ее молитвы.

— А скажи, как корабль держится, чтобы стоять и не качаться?

— Якорь пускает в море.

— Вот такая у нее вера и такая молитва.

Давно еще отец Амвросий Оптинский говорил, что в Большой Липовице будет большой столп. И мне не раз приходила такая мысль, что это тетя Куля, ведь она была прозорливой.

Я месяц прожила в Караганде и молитвами матушки Марии получила большое утешение от отца Севастиана и блаженной Анастасии, которая просила: "Батюшка, да уж оставь эту Марью у нас", но он возразил: "Да нет, у нее там сестра. Она ее не отпустит, вдвоем будут жить".

Когда вернулась, поблагодарила матушку: "За ваши молитвы я получила такое утешение".

В 1956 году я собралась съездить в Киев или в Почаев. Отец Рафаил из Вышенской пустыни, у которого я попросила благословения, сказал: "В Киев и Почаев тебе дорога набита гвоздями, а вот в Загорск езжай. Тебя преподобный Сергий давно ждет".

И матушка благословила: "Поезжай, поезжай, Машутка, обязательно". И я поехала вместе с еще двумя сестричками под Троицу — престольный праздник обители преподобного Сергия — в переименованный тогда в Загорск Сергиев Посад. И там я сподобилась большого утешения. Перед поездкой Мордовский отец Василий отслужил молебен и сказал мне: "Ты причащайся не на Троицу, а на Духов День". Почему он так сказал — я не знаю. Приехали к преподобному. Мои спутницы причащались на Троицу, а я на День Святого Духа. В Лавре есть Духовская церковь, где отмечается этот престольный праздник.

В день Святой Троицы я ждала своих сестер в храме. Все ушли, а я осталась. Вдруг из алтаря вышел батюшка и стал тихонечко подвигаться к боковой двери церкви напротив академии. Меня как будто толкнула какая-то сила, и я побежала вслед за ним брать благословение. На батюшке был ветхий подрясник, простой крест, а глаза настолько впавшие, словно он только что вышел из своего затвора ради совершающегося в обители великого праздника.

Я и как раз вовремя подоспевшие сестрички взяли у него благословение, после чего нас охватила такая

необыкновенная радость, описать которую просто невозможно.

Когда я приехала к матушке и все это рассказала, она произнесла: “Не сомневайся. Вас благословил сам преподобный Сергий”.

Надо еще сказать то, что моя мама, Царство ей Небесное, всегда заказывала преподобному молебны, и, глядя на нее, я и сама молилась ему с детских лет с особенной любовью.

Я работала учительницей в районе и жила с сестрой в селе Большая Липовица Тамбовской области в старом, ветхом родительском домике, а потом мы его продали и купили себе вместе с матушкой Порфирией общее жилье в Тамбове. Кухня у нас была совместная, а комнатки отдельные. Перед переездом в Тамбов наша тетя старица Акилина нам сказала: “Два года покатаетесь и в свою развалюшку вернетесь”. Так и произошло. Через два года сестра стала настаивать на возвращении в родительский дом, по которому она очень тосковала, и захотела выкупить его обратно. Я отговаривала ее: “Стыдно будет переезжать опять на свою улицу”. Но она настаивала на своем, и мы решили вернуться.

Матушка Порфирия, когда узнала, что мы уезжаем, расплакалась и сказала: “Я вас очень полюбила”. А в том, как поступить с нашей частью тамбовского дома, нас вразумила наша умершая мама. Я увидела сон: летит утка, ее подстрелили и она падает прямо мне в руки. Мне жалко ее бросить — можно же съесть, и я бегу к маме (к этому времени она уже умерла) и спрашиваю, что с этой уткой делать. Она сказала: “Отдай Петру” — так звали нашего брата. Он жил с женой и детьми через стенку от нас, и им действительно было тесно. И мы отдали наше жилье семье брата, а он был по профессии плотником и взялся помочь нам отремонтировать ветхий родительский домишко.

Когда я поехала за благословением к матушке Серафиме, она сказала: “Девчонки, начинайте ремонтировать. Займите у батюшек. Одну зарплату будете за дом отдавать, а на другую жить. Будет у вас все на вашей улице”.

А ведь у нас в тот момент были только венцы и немного бревен, но по молитвам матушки дела стали продвигаться. Однажды утром идут рабочие по нашей улице и спрашивают:

— Вам наличники нужны?

— Нужны.

— А дранка нужна?

— Нужна.

— Рамы?

— Нужны.

И все было так, как матушка сказала: мы полностью отремонтировали наш домик, он и сейчас стоит.

В 1958 году, когда мы еще жили в Тамбове, матушка приехала к нам из Мичуринска и говорит: "Машутка, завтра пойдем в Петропавловскую церковь на кладбище и там причастимся".

Я заколебалась: "Матушка, как же я пойду? Я работаю в школе, а в церковь родители ходят и меня увидят. Ведь учителям в церковь ходить нельзя". — "Никто тебя не увидит, — успокоила она, — мы отца Василия попросим, и он нас исповедует на клиросе и причастит, когда все уйдут".

Мы пришли в церковь, я встала за боковую дверь и простояла там всю Литургию. После того как все вышли, батюшка нас поисповедовал, причастил, утешил, и мы пошли домой. На полпути остановились, перед нами был мост через железную дорогу и виден был весь Тамбов. Матушка достала из-за пазухи батистовый платок и покрыла меня со словами: "Матерь Божия тебя покрывает. Береги платок и помни этот день". А был тогда праздник Тихвинской иконы Божией Матери.

Прошло три года, и я познакомилась в Сергиевом Посаде с архимандритом Тихоном (Агриковым). Пять лет ездила к нему исповедоваться, и он наблюдал за моей духовной жизнью. А потом дал мне параман и при этом произнес: "Как будешь приезжать, привози его с собой".

Я как всегда заезжаю к старице и спрашиваю: "Матушка, а что это батюшка мне дал?" — "О, Машутка, —

сказала она, — это он тебя оденет. Бери его всегда с собой, когда в Лавру едешь".

Наступил 1961 год. Отец Тихон неожиданно надел на меня параман, и это произошло на праздник Тихвинской Божией Матери. Пророческие слова матушки сбылись. Я вся трепетала, а она меня утешала: "Ничего, ничего. Так Господу угодно".

А до этого в 1959 году по благословению матушки Серафимы и отца Тихона мы с матушкой Порфирией поехали по святым местам: в Киев, Почаев, Сергиев Посад и Глинскую пустынь, где, по их словам, нас ждало духовное утешение. Перед отъездом матушка Серафима дала мне черную сатиновую рубаху и сказала: "Увидишь там старчика, передай ему от меня эту рубашку".

Когда приехали в Глинскую пустынь, я встала в очередь на исповедь к батюшке, которого тогда еще не знала. Вдруг он вызывает меня: "Иди сюда. Иди сюда". Оказалось, что это великий старец схиархимандрит Андроник (Лукаш).

Я решила отдать матушкину рубашку именно этому старцу, спросила, где его келья и пошла к нему. Батюшка меня принял и духовно утешил.

В Киеве, по молитвам матушки, произошел еще один удивительный случай. Мы приехали во Введенский монастырь, который на другой день должен был закрываться. Вдруг одна матушка подзывает монахиню Порфирию и спрашивает ее:

— Ты с кем приехала?

— Да вот с одной рабой Божией. Она учительницей работает. Мы с ней рядом живем.

— Ну, пойдемте со мной. Я вас накормлю борщецом.

Мы зашли к ней, она и говорит: "Вот сейчас я вас пригласила, а у меня даже булочки нет". А потом сложила ручки и попросила: "Матерь Божия, пошли мне когонибудь, чтобы булочку принесли". И тут открывается дверь, входит одна раба Божия и дает ей булку и хлебушек.

"Матерь Божия, спасибо, что Ты меня утешила", — возблагодарила Пречистую Деву матушка Евфросиния (так ее звали). Потом позвала меня: "Приложись к Кре-

сту, я с ним была у Гроба Господня и усердно помолись. Что тебе будет! Смотри, деточка, не откажись от Господа". Я отдала ей записку: "Матушка, на завтрашний день о здравии монахини Марии с духовными чадами".

Когда окончилась Литургия, матушка Евфросиния и говорит: "Детка, а ваша матушка Мария в схиме". Я удивилась этому.

"Что же мне подарить вашей матушке? — задумалась она, а потом нашла ветхий апостольничек, весь в заплатках. — Передай ей от меня на память. Я в нем молилась у Гроба Господня в Иерусалиме. А она ведь в схиме, с именем Серафима".

Возвратившись из святых мест, мы заехали к матушке Серафиме и все ей рассказали.

"Как хорошо, что вы побывали у такого старца и такой матушки! Да, я уже в схиме, Серафима", — подтвердила она.

В Покровском соборе города Тамбова в то время служил отец Николай Степанов, которого все любили. И тут по какой-то причине его решили от нас перевести. Я рассказала все матушке Серафиме. Она вспомнила, что видела этого батюшку, и ей очень понравилось, как он служит. Матушка попросила меня подойти к нему и сказать, чтобы он молился святителю Питириму, но не велела себя называть, пока жива.

Я так и сделала. Слова матушки передала отцу Николаю. Вскоре все устроилось, и батюшку вернули в Покровский собор, где он настоятельствует и по сей день. После кончины матушки я просила его молиться о схимонахине Серафиме.

"Помню, помню, поминаю матушку", — встречая меня, говорит отец Николай.

В 1961 году осенью я приехала к матушке Серафиме. Я вообще часто ездила причащаться в Мичуринск, ведь в Тамбове я работала учительницей, и многие меня знали.

Матушка говорит: "Машутка, сейчас приедет отец Власий (впоследствии схиархимандрит Макарий). Упади к нему в ножки и возьми благословение". Когда он при-

ехал, то спросил: “А это чье чадо?” — “Мое чадо, — ответила матушка. — Это Мария Никитична, учительница”.

“Она не учительница, а монахиня. А почему ты ее отдала?” — спросил ее отец Власий. Матушка отвечала: “Так нужно. Она будет моим и твоим чадом”. Так и случилось.

В 1972 году батюшка постриг меня в схиму. Матушка это провидела.

Однажды мы приехали к матушке, а у нее был отец Власий. Сначала он говорил с нами весело, а затем, видя, что мы много смеемся, строго. От такой внезапной перемены мы стали плакать навзрыд и не могли остановиться. Тут матушка открывает дверь своей кельи и говорит: “Ну, хватит тебе. Девчонки устали, надорвались от слез. Не надо с ними так строго”.

“Ну, хорошо, матушка, ладно”, — сказал отец Власий, а потом стал подносить всем в утешение воду, а меня обошел. Рядом со мной стояла одна матушка из села Мордово. Она это заметила и говорит: “Я сейчас скажу, что тебе батюшка не дал водички”. Я остановила: “Нельзя, нельзя. Не говори, значит так нужно”.

Батюшка спрашивает: “Ну, всех я напоил?” Я промолчала. А она опять: “Сейчас скажу”. Я просила: “Нет, нет, Маня, не говори. Нельзя. Значит я не его чадо”. В это время матушки Серафимы с нами не было. И тут открылась дверь ее кельи, и послышался ее голос: “А ты ведь не всех напоил водичкой, одну овечку пропустил, а ведь она тоже наша. Напои и ее”. А батюшка: “Кого?”

— Машутку тамбовскую.

Он повернулся ко мне: “Разве тебе не дал?” А сам улыбается. Я молчу. Тогда он напоил и меня.

Ездили мы к матушке часто. А Кирилл Петрович говорил: “Матрона, приехали твои блаженные тамбовские, — так он нас называл. — Ты сейчас будешь с ними говорить, а сначала надо покормить, ведь они с работы”. Матушка просила: “Ну вот и приготовь им чего-нибудь”. Нас покормят, а потом матушка расстилает на пол одеяло и беседует с нами почти всю ночь.

Однажды сидели мы так после полуночи, и я очень захотела пить, но не смела сказать: “Матушка, благосло-

ви попить водички". Тогда она сама обратилась ко мне: "Машутка, ну что ты стесняешься, ведь пить хочешь, а молчишь".

Я сказала: "Матушка, мне стыдно. Время уже второй час ночи".

А она отвечает: "Иди, напейся, ничего".

Сама старица Серафима ела чрезвычайно мало. А когда ее близкие настаивали, чтобы матушка все же подкрепилась, она обращалась к своей добровольной послушнице Евдокии: "Дунятка, ну ставь на стол". Та подавала картошку и квас. Матушка несколько раз подносила ложку к устам, затем клала ее на стол и говорила: "Дунятка, ну теперь убирай все".

К чужой помощи она прибегала крайне редко, и больше старалась сама услужить всем — подать, поднести, накормить. И делала это с неизменным смирением и любовью.

Матушка однажды спросила: "Машутка, а ты ребятишек из класса выгоняешь?" Я ответила: "Бывает, если разбалуются".

— Никогда не выпроваживай из класса, а то вдруг Господь и перед тобой закроет дверь, не надо.

— А по столу ты стучишь?

— Бывает, и стукну.

— Нельзя...

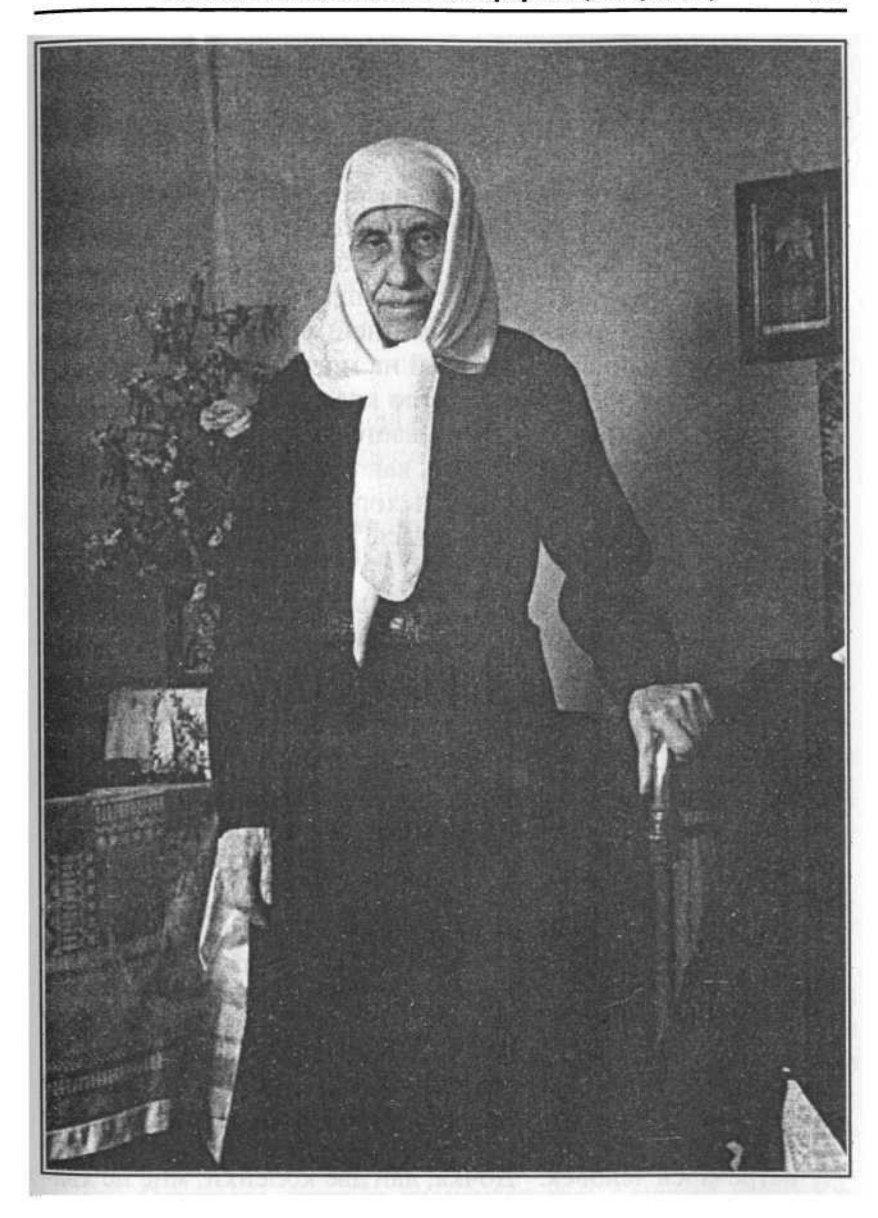
— А как же быть? Иногда мальчишки девчонок за косы дергают или колют пером в спину.

— А ты подойди потихоньку, поцелуй его в голову, он и присмиреет. К детям надо относиться с лаской и любовью.

Я старалась выполнять наказы матушки. Как-то на перемене мальчишки подрались, а я подошла, поцеловала одного и другого, они удивились и успокоились.

И когда директор однажды спросил учеников: "А кого вы из учителей больше любите?" — они ответили: "Марию Никитичну, она с нами ласкова и к вам никогда не водит".

А еще матушка говорила: "Машутка, надо покрытой ходить".

— Да как же я на урок приду покрытой?

— А ты умудрись. Когда женщина с непокрытой головой — от нее Ангелы отходят. Матерь Божия так никогда не ходила.

Я попросила у директора разрешить мне ходить с покрытой головой, сославшись на то, что у меня часто болят зубы. И по молитвам матушки он разрешил.

Когда матушкин супруг Кирилл Петрович умер, прошло сорок, а может, больше дней, и я увидела сон. Как будто иду я со своей сестрой на могилку к маме. Приходим. Сестра становится около креста, а я сзади. И вдруг могила открывается, открывается гроб, мама садится в нем, а я спрашиваю: "Мама, как там тебе?" Мама ответила: "Хорошо. И очень-очень хорошо Кириллу Петровичу. Ведь он никогда не смеялся".

— А разве грех смеяться?

— Грех. Надо больше плакать о грехах.

Когда я рассказала о своем сне матушке, то она произнесла: "Вот чего, Машутка, твоя мама удостоилась. То не сон был, а откровение". Господь открыл, каким подвижником Кирилл Петрович был.

По матушкиному благословению я привозила кого-нибудь к ней, а она говорила: "Вот, Машутка, ты их везешь, а на мне все их грехи отражаются, от тяжести некоторых даже болею".

Но все равно матушка принимала всех с любовью и радостью. И все были несказанно этому рады, утешены ею и наставлены.

Однажды она сказала: "Вот, Машутка, спросит нищий копеечку — надо давать. Если есть — дай, а нет, не выражая неудовольствия, пройди мимо. Любое доброе дело записывается". На обратном пути от матушки (она ведь жила недалеко от железнодорожного вокзала) мне повстречался человек: "Дочка, дай две копейки, мне не хватает похмелиться". Вспомнив матушкины слова, я подала ему с сочувствием, жалостью и любовью.

Когда матушка была в Лавре преподобного Сергия, отцы Марк и Матфей позвали ее на исповедь к отцу Тихону (Агрикову). Он ее вечером исповедовал. После

чего матушка говорила: “Как же отец Тихон исповедовал! Я словно побывала у Оптинских старцев, у своего старца Анатолия”. А сам отец Тихон потом дивился: “Ну, Манюшка, и матушка была у меня! Не знаю, кто из нас исповедовался: она у меня или я у нее”.

Когда отец Тихон меня постригал, то предостерегал: “Никому об этом не говори, даже сестре не рассказывай: все сохрани в тайне до времени”.

Но я сказала: “Я тайну сохраню, но от одного человека не скрою”.

— А кто это?

— Матушка Серафима.

И как только я приехала, она сразу же, не дожидаясь моих слов, у дверей, поздравила меня с постригом.

Перед моим отъездом в Сергиев Посад матушка надела на меня свой пыльничек. Я протестовала: “Матушка, неудобно”. Она сказала: “Так надо”. Именно в этот раз отец Тихон и одел меня в мантию. Так все ей было открыто.

Подарила мне матушка на Пасху крашеное пасхальное яйцо и сказала: “Машутка, поставь его в свой святой уголок, и пусть оно там у тебя лежит”. Прошло много лет. Я прибиралась к Пасхе и переложила яйцо в горку, боясь, что оно скатится и расколется, а потом о нем забыла.

Приезжаю я как-то к матушке на пасхальной неделе, похристосовались, а она спрашивает: “Машутка, а где мое яйцо, в святом углу его что-то не видно?”

Она так меня тогда удивила, что я заплакала и стала просить прощения. “Поставь его на прежнее место. Это яйцо не простое, а пасхальное и памятное”, — ответила она.

Больше 35 лет я храню это яйцо. И оно по сей день цело, хотя уже высохло внутри и стало, как камушек.

Однажды матушка познакомилась с нашей тетей Кулей (Акилиной). И какая это была встреча! Они поклонились друг другу в ножки. Матушка произнесла: “Ну, раба Божия Акилина, хватит тебе скрываться. Пора и людей утешать, а то ты все в сторонку, да в сторонку”.

— Матушка, я неграмотная, ничего не могу.

— Все ты знаешь. Все ты видишь. Утешай людей, принимай.

— Стара я, матушка, ведь мне под восемьдесят.

Они долго беседовали наедине, и это было для меня радостно, ведь мы с тетей были вместе с детства. И этот случай еще раз подтвердил то, какой великой прозорливицей была матушка Серафима. Она в первый раз увидела мою родственницу, а ей уже было открыто, кто она такая.

Пришло время, и я была вынуждена оставить работу учителя. Мне предложили уйти, так как проведали, что дома у меня есть иконы. Я не знала, как поступить, и приехала к матушке.

"Машутка, уходи, — сказала она, — напиши заявление по собственному желанию и уходи, ведь так они тебя не имеют права уволить. Для мира ты уже поработала, теперь поработай для Бога".

В 1963 году я ушла с работы, и матушка для утешения сказала: "Старец Анатолий (Потапов) часто мне говорил: "Матронушка, сходи к отцу Нектарию — там медку хлебни. Сходи к отцу Исаакию — там немножко хлебни". Чтобы утешить, матушка меня и еще одну сестру послала к схиигумену Митрофану (Мякинину). Мы тут же собрались и поехали. Приезжаем. Там была мать Ксения, которая как увидела меня, так и говорит: "Какая радость, батюшка, кто приехал! Вы давно хотели ее видеть".

Я увидела отца Митрофана и заплакала. А он все провидел: "Что ты плачешь? Не скорби, Господь тебя утешит: Матери Божией будешь служить". Я еще больше расплакалась:

— Батюшка, где же я буду Матери Божией служить?

— А Господь тебе укажет.

От отца Митрофана поехала я к матушке.

"Ну что, Машутка, утешилась?" — обратилась она ко мне. Я благодарила матушку, пересказала ей батюшкины слова. В то время церковь была в Тамбове только одна, и матушка благословила меня и мою сестру трудиться в

Покровском соборе. Я устроилась в просфорню, а через два года меня перевели в ризницу. Сестра двадцать лет проработала в Покровском соборе, а я — двадцать семь. И это все за молитвы матушки и близких ей по духу старцев.

Матушка говорила: "Когда откроется в Мичуринске Боголюбский собор, спешите там хоть пол подмести. Откроется и Преображенский собор святителя Питирима в Тамбове". Мы удивлялись: "Неужели доживем?"

— Доживете, доживете.

В начале 1966 года, когда я работала в ризнице, к нам зашла подруга моей родной сестры и спросила: "Мань, а у вас ветхие иконы сжигают?"

— Бывает, что сжигают.

— У меня икона есть, на которой ничего не заметно, темная, никакого образа нет. Можно ее принести? Я тебе отдам, а когда будут сжигать — сожги.

— Приноси. Владыка объявит, когда будут сжигать.

Она принесла икону, я ее протерла, но на сжигание отдать побоялась, решила попросить благословения у матушки. Матушка сказала: "Нет, Машутка, не давай на сжигание. Этой иконой я тебя благословлю. Поставь ее в красный угол и молись. Со временем увидишь, какой образ на иконе. Когда откроется обитель, отдай ее туда, она чудотворная".

Дома я молилась перед этой иконой, читала акафист Спасителю и Матери Божией, и вот она начала обновляться. Сначала появился крестик, а потом образ Спасителя-Богомладенца. Когда обновилась дальше, то появился образ Матери Божией Вышенской. Это очень редкая икона. Я стала перед ней читать акафист Казанской Матери Божией (Вышенской иконе читается этот акафист). Теперь она полностью обновилась.

Однажды мы с сестрой приехали к матушке, она обрадовалась, встретила нас со словами: "Сейчас ко мне придет драгоценная Матушка, великая Странница. Она ходит везде — и по больным, и по тюрьмам. Может, Господь сподобит, и вы Ее увидите". Прошло немного времени. Заходит Странница в ветхой одежде, ботинки в

пыли, на голове — белый платочек. Матушка подвела нас к Ней: “Драгоценная Ты моя Матушка, хоть Ты и устала, благослови вот этих девчонок”. Странница нас благословила. Потом матушка Серафима сказала: “Вы уж, девчонки, не обижайтесь, Она устала, и я положу Ее отдохнуть”. И положила Ее прямо на свою неразобранную белую постель. Странница, как нам показалось, сразу уснула, а матушка тем временем пошла в сад и сорвала там для Гостьи самую красивую розу. Прошло некоторое время, и Она пробудилась. “Ты, Машутка, оставайся тут, а Клашутку я возьму с собой — с ней Матушка поговорит”, — сказала мне матушка Серафима. Кто была Та Странница, мы так и не узнали, но от встречи с Ней мы ощутили никогда до этого не испытываемую неизреченную и невместимую радость.

Одна сестра хотела поехать с нами к матушке и все спрашивала: “Когда же вы меня возьмете с собой?” Я просила у матушки благословения на то, чтобы привезти ее, но она возразила: “Нет, я уже стара людей принимать”.

Вернувшись, я рассказала обо всем этом сестре, она расплакалась: “Что же мне, погибать? Ведь сколько я в церковь хожу, никогда старцев не видела”.

Когда я снова приехала к матушке, то все это ей поведала. Она и говорит: “Я пошла в церковь и поделилась с отцом Георгием: рассказала о твоей просьбе и о том, что я отказала. Отец Георгий со мной не согласился: “Пока рыбка ловится, лови. Всем хочется услышать наставление”. Так что привези ее, Машутка, и пусть молит она об этом Матерь Божию”. Я так и передала сестре.

— Как же я буду просить Матерь Божию, и как Она мне даст ответ?

— Проси с усердием. Матерь Божия покажет.

И сестра молилась перед Казанской иконой Божией Матери. Вдруг на другой день она приезжает: “Маня, вези меня к матушке! Я просила Матерь Божию, как могла, и вдруг Она повернула Свой лик в сторону Ми-

чуринска. Я вскакиваю и лечу к тебе. Вези, как хочешь". И вот привезла я ее к матушке. Была зима. Я сама вошла в дом, а сестру оставила в саду. Матушка собиралась топить печь. "А, это ты, Машутка, небось, привезла эту Марьюшку, а где же она сама?"

— Я ее в саду оставила.

— Ну, ступай, зови. Пусть проходит.

Мы из сада зашли на кухню, а там полным-полно дыму. Матушка: "Господи, помилуй, что же это такое? Никогда столько дыма не было". А Ма́рия, услыхав это, упала матушке в ноги, разрыдалась — не остановить: "Это я вся в дыму, прокоптилась. Никто ничего мне не подскажет, одна я". "Ну, садись, Машутка, садись, — приласкала ее матушка, — сейчас я тебя утешу". И стала Мария матушкиным чадом.

Некоторое время спустя благословила меня матушка везти Марию в Задонск: "Вези ее, ей батюшка иночество даст". И она стала инокиней.

Еще была одна Клавочка. Окончила школу и не знала, куда пойти учиться. Детей в семье у них много, а средств на их учебу не было. Мать Клавы обратилась ко мне за советом, как быть? Я сказала: "Завтра придет ко мне матушка, приходите". И они пришли, стали у матушки спрашивать благословение, куда пойти учиться. А матушка: "Ой, никуда ей не надо. Благословляю только на портниху учиться. Будешь хорошая-хорошая портниха". А потом повезла ее к отцу Власию. Там она помогала шить ризы и многое другое. Батюшка сказал: "Ну вот, Клавдия, ты будешь портниха, да еще какая! Архиерейская портниха!" Что и сбылось.»

Протоиерей Николай Засыпкин впервые услышал о матушке в начале 1950-х от протоиерея Иоанна (иеромонаха Серафима (Засыпкина)). А затем по прошествии нескольких лет и лично познакомился с ней у игумена Серафима (Мякинина), с которым он тесно духовно общался, пока этот старец, уже постриженный в великую схиму с именем в честь святителя Митрофана Воронежского, не преставился 25 декабря 1964 года ко Господу.

Протоиерей Николай Засыпкин, духовник тамбовской епархии, фото 2004 г.

Отец Николай вспоминает:

«Однажды летом я приехал к нему на велосипеде (проделав путь около 40 км) и увидел незнакомую мне матушку с лучистыми глазами и тихой, плавной речью. Батюшка меня с ней познакомил, сказав: “Это матушка Мария (тогда она не была еще в схиме) из Мичуринска”. Так я впервые увидел матушку. В это время за батюшкой приехали из соседнего села, чтобы пособоровать и причастить больного. Уезжая батюшка сказал матушке, чтобы она со мной побеседовала. Уже наслышанный о матушкиной прозорливости, я очень волновался, но своей беседой матушка сразу меня успокоила. Более двух часов слушал матушку. Она ни о чем меня не спра-

шивала. Она все время рассказывала. Я слушал с большим интересом, но не все из сказанного мне было понятно, а переспрашивать постеснялся.

Вернулся батюшка, была еще общая беседа, подробностей которой уже не помню. На второй день, попрощавшись с матушкой и взяв благословение у батюшки, отправился на своем велосипеде домой. Ветер был встречный и довольно сильный, но я как-то не замечал этого. Всю дорогу в мыслях воспроизводил вчерашнюю беседу с матушкой и с удивлением понял, что из ее уст услышал историю всей своей жизни и много советов на будущее, которые потом очень пригодились. Меня поразила мудрость и прозорливость матушки.

В конце 1959 года, по независящим от нас причинам, нашей семье предстояло переезжать из одного района в другой. Дали возможность выбора — предложили три места, и одно из них — Юрловка (тогда еще райцентр). Съездив туда и подумав, я отказался. 30 ноября поехал посмотреть еще один пункт — Шехмань (до 1959 года — райцентр, а после ликвидации Шехманского района — большое село Петровского района).

На обратном пути через Мичуринск заехал к матушке Серафиме просить благословения на переезд. Погода стояла теплая. Матушка благословила и сказала: “Я буду молить Царицу Небесную, чтобы вы там прожили как можно дольше. Вам там будет хорошо”. (По молитвам матушки мы прожили в Шехмани 26 лет до переезда в Тамбов и нам там, действительно, было хорошо). Переезд намечался на воскресенье 6 декабря. Я стал говорить матушке о трудностях переезда, ведь мы сделали все заготовки на зиму, у нас четверо детей, а младшему — всего три месяца, опасался, что похолодает. Она успокоила, сказав, что все перевезем, и нас Царица Небесная согреет.

Первого декабря, вернувшись в Мордово, рассказал о своих впечатлениях и о том, что матушка благословила переезжать. Мы стали готовиться к переезду. В автотранспортном хозяйстве выписали две грузовые машины, в райпотребсоюзе пошли нам навстречу и дали для детей с женой легковую. И вот в канун намеченного дня отъезда,

в субботу 5 декабря, в ночь на 6 декабря, стукнул мороз. Именно стукнул — 30 градусов по Цельсию. Но деваться некуда, откладывать день отъезда нельзя. Рано утром пошел в автохозяйство уточнить время погрузки, и по дороге мне чуть не перехватило дыхание от мороза, а в голове мысль: "А матушка говорила, что нас Царица Небесная согреет; вот так согрела".

Подошли машины, погрузили все, что нужно везти: картофель в мешках — на солому в открытый кузов, соленья и все заготовки в кадках и банках, также кур и гусей в клетках... И еще было жаль оставлять большой фикус и пальму хамеропс, погрузили и их в платяной шкаф, жена с детьми и бабушкой сели в "Газик", но по дороге испортилась обогревательная система, и они ехали 70 с лишним километров в необогреваемой машине. Доехали благополучно, только куры немножко обморозили гребешки, но дети не замерзли, картошка тоже не померзла, и даже фикус и пальма остались неповрежденными. Это для нас было настоящим чудом, и все — по молитвам матушки. И сколько было случаев в нашей жизни, подтверждающих силу молитв незабвенной матушки Серафимы!

Моя младшая сестра оформила гражданский брак с молодым человеком, с которым была знакома несколько лет, а вот венчание и свадьбу отложили на 1,5 или 2 месяца. Жених уехал в Тамбов, где он жил на квартире и работал, а сестра осталась с мамой в деревне. И надо же такому случиться — за ней стал ухаживать молодой человек, родителям которого очень хотелось видеть мою сестру своей снохой. Они стали "атаковать" сестру так, что она растерялась. Мама прислала письмо с просьбой помочь в сложившейся ситуации. Первой моей мыслью было: поехать к отцу Митрофану, взяв с собой сестру, но такой возможности в это время не представлялось. Вскоре у нас появилась необходимость ехать с женой в Тамбов, в поликлинику. Ехать нужно было поездом через Мичуринск. И тогда я написал маме письмо с просьбой, чтобы сестра приехала к нам для совместной поездки в Тамбов, а по пути мы заедем в Мичуринск к матушке Серафиме.

Сестра приехала к нам, и мы втроем отправились в путь. В Мичуринске зашли к матушке (сестра первый раз). Зашли сразу все вместе. Матушка о нашем приезде *предупреждена не была,* и по какому поводу мы к ней зашли, *знать не могла.* Она, как всегда, приветливо встретила и произнесла, обращаясь к сестре: "А вот и невеста приехала, уже просваталась, а теперь колеблется". И стала говорить о том, что оформление гражданского брака — это уже обещание и его нужно выполнить, и что молодой человек, добивающийся того, чтобы она вышла за него, имеет в своем характере и образе жизни много недостатков, которые будут помехой в семейной жизни. А венчаться и создавать семью нужно с тем, с которым расписалась, человек он хороший. Матушка дала сестре небольшую иконку (литографию) Почаевской Божией Матери, с которой сестра не расстается до сих пор, и еще дала пирог и сказала, чтобы пригласили жениха сестры на квартиру, где остановимся, и вместе с ним поужинали, угостив этим пирогом, что мы и сделали. Весной наши молодые повенчались и мирно живут вот уже более тридцати лет.

В 1964 году День Светлого Христова Воскресения приходился на 3 мая. Таким образом, было три свободных от работы дня. Мы с супругой решили поехать на Празд-

ник Пасхи к отцу Митрофану в село Путятино Липецкой области, где он тогда служил в храме вторым священником. Это было последнее место службы батюшки. В Путятине мы ни разу не были. В Великую Пятницу 1 мая отправились в путь. Как всегда, приехали к матушке в Мичуринск за благословением. Мы не знали, как из Липецка доехать до Путятина. И матушка пригласила своего зятя Василия Васильевича, подробно рассказавшего, как добраться до этого села. Она благословила нас в дорогу, дала кулич и просила передать его отцу Власию (впоследствии — схиархимандрит Макарий), который в это время служил в городе Задонске вторым священником в Успенском храме. По дороге в Липецк мы с супругой недоумевали: почему кулич надо передать отцу Власию, если мы едем не в Задонск, а в Путятино, а у матушки об этом спросить постеснялись. Потом мы решили, что, наверное, отец Власий будет на Пасху у отца Митрофана, потому что они часто общались.

Доехав до Липецка, городским транспортом добрались до автовокзала, от которого автобусом можно было доехать до Путятина. Когда хотели приобрести билет на автобус, нам объяснили, что рейс до Путятина отменяется в связи с бездорожьем. Ничего не оставалось делать, как возвращаться домой, а для этого нужно было переехать на другой автовокзал. Огорченные приехали на автовокзал, но не успели взять билет до станции Грязи, как объявили посадку на автобус Липецк-Москва, следовавший через Задонск. В автобусе оказались свободные места, и мы доехали до Задонска. К отцу Власию на квартиру пришли уже глубокой ночью и сразу же пошли на ночную службу (Утреню Великой Субботы).

Таким образом, праздник Пасхи встретили в Задонском храме, разговлялись за трапезой у отца Власия и действительно передали ему из рук в руки матушкин кулич.

Однажды я приехал к матушке в Мичуринск, по пути купил конфет. Как всегда, матушка встретила радушно, накормила. Пришла мысль: дать матушке еще рублей пять денег, а следом — другая: а с чем в следующий раз при-

еду? Жили мы небогато. Конечно, я знал, что эти рубли матушка отдаст кому-то из нуждающихся. Но все-таки вторая мысль взяла верх — пятерку я не дал. Побыл у матушки, насладился ее беседой, взял благословение на дорогу. Пожелала она мне счастливого пути и при этом слегка улыбнулась. Я не спеша пошел на вокзал к электричке, почему-то решив, что электричка на Грязи отправляется не в 15 часов 15 минут, а в 15 часов 45 минут. Подходя к вокзалу, услышал объявление об отправлении моей электрички. Бросился бежать со всех ног и, запыхавшись, в последний момент вскочил в вагон. Подумал, что сейчас, немного отдышавшись, пройду в головной вагон и куплю проездной билет. Но как только тронулся поезд, подошел контролер с проводницей и потребовал предъявить билет. Я пытался оправдаться: мол, опаздывал, не успел купить билет в кассе, думал, что возьму в вагоне. Проводница решила защищать меня, но контролер был непреклонен: "Плати штраф!" Так и пришлось отдать ту самую пятерочку сверх стоимости проезда. Через небольшой промежуток времени я опять приехал к матушке. Она все так же приветливо встретила меня и спросила: "Ну, как, голубчик, в прошлый раз доехал?" Ответил: "Слава Богу, матушка, хорошо". Она и говорит: "А ты всегда старайся держать руку не так (сжала все пять пальцев в кулак), а вот так (широко раскрыла ладонь)". Я ничего не говорил матушке о том, что меня оштрафовали в прошлую поездку. И это было сказано мне в назидание — обличение в скупости и напоминание, что "рука дающего не оскудевает". Так незабвенная матушка обличала нас в пороках.

Перед началом весенней распутицы в сельскую аптеку, где я работал заведующим, разрешили в виде исключения на время весенне-полевых работ завезти аптечки первой медицинской помощи, перевязочные материалы и медикаменты с Тамбовского центрального аптечного склада, хотя мы были прикреплены на снабжение к Мичуринскому межрайонному складу. Я заказал в местном автотранспортном предприятии грузовую машину, и рано утром по морозцу мы выехали из села. Можно было ехать

прямо на Тамбов, но эта дорога хотя и была короче, была хуже, поэтому решили ехать через Мичуринск. От села до Мичуринска дорога была грунтовая, без покрытия, а от Мичуринска до Тамбова (бетонки тогда еще не было) дорога была вся разбита. Доехав до Заворонежского (в пригороде Мичуринска), я оставил шофера с машиной у столовой, чтобы он позавтракал, а сам городским транспортом поехал к матушке за благословением.

Она, как всегда, приветливо встретила. Я рассказал о цели своего визита, высказал свои опасения, потому что дорога была трудной. Но матушка благословила и сказала, чтобы я не волновался: все будет хорошо, и мы доедем благополучно.

До Тамбова доехали нормально, потому что еще было морозно. На складе по своему заказу все получили, погрузили на машину, закрыли груз оказавшимся дырявым брезентом, но в ночь в обратный путь выезжать не решились, думая, что будет лучше выехать рано утром по морозцу. Машину оставили на территории склада под открытым небом. Только в ночь мороза не было, а пошел сильный дождь. Я совсем не спал, переживал за свой товар, ведь брезент тот был укрытием ненадежным, а дождь прошел очень сильный. Рано утром выехали и уже за городом увидели, что дорогу развезло, на ней стоит вереница машин, и проехать по ней кажется невозможно.

Однако шофер спокойно, хотя и медленно, но уверенно повел машину вперед, объезжая буксующие или стоящие машины. В пути мы были очень долго, потому что ехали, что называется, “куриным шагом”. Однако нигде не буксовали. Иногда казалось, что дальше ехать невозможно, но все-таки потихоньку продвигались вперед. Шофер был совершенно спокоен. Поздно вечером, а вернее ночью, благополучно добрались домой. И теперь уже волнение было о том, как сохранился груз.

Разгрузили машину, проверили наличие товара по счетам: все было на месте, и хотя некоторые картонные коробки подмокли, испорченного товара не оказалось. Это было настоящим чудом. Только по молитвам матушки

без приключений доехали по такой дороге, и все медикаменты и наборы аптечек оказались невредимыми.

Заболела раба Божия Мария, которая часто навещала матушку Серафиму. Врачи поставили страшный диагноз, направили в Тамбовский областной онкодиспансер. Надежды на выздоровление не было, проведенная хирургическая операция лишь только это подтвердила. Приехав из Мичуринска в Тамбов, матушка Серафима направилась в больницу. Вошла в палату, взяла больную за руку и сказала: "Вставай, Манька, нечего лежать!" Больная вскоре выписалась, вернулась домой и стала поправляться. Затем она приняла монашество с именем Гермогена и еще прожила после операции более тридцати лет.

На Пасху 1996 года она сказала своим близким: "Все, это моя последняя Пасха на земле. Матушка Серафима во время моей болезни сказала, что я умру тогда, когда откажут ноги. Ноги отказывают..." Матушка Гермогена

умерла в июне 1996 года, через 29 с лишним лет после кончины схимонахини Серафимы.

Однажды отец Макарий благословил меня на покупку фотоаппарата, сказав при этом, что мне будет поручено одно дело, которое еще никому не поручалось. Я купил фотоаппарат ФЭД, все необходимое для фотосъемки и печатания. До этого я никогда и не помышлял, что мне когда-нибудь придется фотографировать. Хотя когда я в первый раз в начале 1956 года приехал к отцу Митрофану, то услышал в храме за своей спиной: "Фотограф приехал". Фотоаппарат я купил где-то в 1965 году. И вот батюшка благословляет поехать к матушке и сфотографировать ее. Как сейчас помню, приехал в Мичуринск ранним апрельским утром, пришел в келью. Матушка была там со своей келейницей. Я сказал о цели моего приезда, и хотя она не любила фотографироваться, меня благословила. Неопытный фотограф с великим волнением приступил к своему делу: сделал несколько кадров и уехал.

Дома сразу же приступил к проявлению пленки и печатанию снимков на фотобумаге. Хотя фотографии и были, может быть, не совсем удачными, но если учитывать, что это был мой первый опыт, то, конечно, то, что они вообще получились, тоже было чудом.

И вот через несколько дней моя супруга поехала к матушке. Я послал с ней по нескольку фотографий разных видов. Матушка просмотрела их и сказала: "А еще нет одной карточки, где я в черном платочке". Действительно, я почему-то не отпечатал эту фотографию. Сделав и ее, через некоторое время поехал к матушке. Она мне сказала: "Мало карточек-то, все раздала". А я в ответ: "Матушка, еще сделаю — побольше". И уехал.

И вот в следующий выходной день, а он у нас тогда был в четверг, приготовился печатать матушкины фотографии. Все для этого было готово, и я был уверен, что теперь-то у меня дело пойдет быстро. Закрылся в темной комнате с красным фонарем и начал работать. К моему удивлению, первый отпечаток при проявлении был как бы покрыт туманом. Почему-то решив, что все дело в

температуре проявителя (мне показалось, что он слишком холодный), слегка подогрел раствор и сделал еще один отпечаток — результат тот же самый. Тогда решил, что перегрел раствор, и охладил его. Никаких изменений. И тут меня осенило: ведь я сказал матушке, что "еще побольше сделаю", а благословение на это дело и не подумал попросить! Тут же мысленно попросил прощения и благословения. И все сразу наладилось[17].»

Л. В. рассказывает:

«Однажды к матушке приехал иеромонах Василий из Почаева. Когда пришло время ему уезжать, матушка подала ему хлеб, приговаривая: "Возьми, возьми, пригодится". Он возражал: "До Москвы недолго", — но, уступая матушкиной просьбе, хлеб взял. В пути по каким-то причинам поезд стоял восемь часов. Матушкин-то хлеб и пригодился.

В 1964 году при погребении старца схиигумена Митрофана в городе Воронеже присутствовал настоятель Михаило-Архангельской церкви поселка Мордово протоиерей Александр Бородин со своей матушкой Агриппиной. К нему подошла находящаяся там матушка Серафима и сказала: "Примите монашество". Мысленно отец Александр усомнился в услышанном: "Какое же монашество? Матушка, дети..." В ответ на его мысли схимонахиня уточнила: "Не сейчас, а в 60 лет".

О пророческих словах матушки отец Александр помнил всегда, а в возрасте 57 лет серьезно задумался над тем, что же может привести к монашеству: смерть матушки, кого-то из детей или собственное болезненное состояние? Примерно в том же возрасте он тяжело заболел. Слова схимонахини Серафимы о принятии монашества были подтверждены и другими старцами. После тяжелой операции он принял схиму с именем святителя

[17] Фотографий в общей сложности было сделано много, и все они разошлись по осиротевшим многочисленным матушкиным чадам и получившим ее молитвенную помощь не знавшим ее при жизни почитателям после ее кончины.

Питирима, после чего прожил еще несколько месяцев и упокоился. Вскоре приняла схимнический постриг и овдовевшая матушка Агриппина.»

Л. П. вспоминает:

«У нас дома случилось несчастье. Мою младшую сестру увезли на "скорой" в больницу. Что с ней было, мы не знали и волновались, ведь сестра ждала ребенка. Утром я побежала к матушке — та лежала с перевязанным животом, всю ночь мучаясь от боли. Увидев меня, сказала келейнице: "Дунятка, развязывай меня". Евдокия размотала полотенце, а матушка спросила: "Что у вас случилось?" Я рассказала. Матушка повернулась к святым образам: "Будем молиться". — "Мы хотим, чтобы ребенок был", — просила я. Матушка снова посмотрела на иконы, а потом повернулась ко мне: "Нет, уже делают чистку". Примерно в это время в больнице сестре делали "чистку".

Как-то, когда я — еще молоденькая девушка — очень поздно возвращалась от матушки, меня окружили ребята. Они пересвистывались, толкались со словами: "Вот ты какая стала, в школе не такая была". Мне стало очень страшно, и я в ужасе взмолилась: "Матушка, помоги! Матушка, помоги!" Когда они наконец-то отстали, я облегченно вздохнула и поспешила домой. Утром матушка встретила меня словами: "Что вчера с тобой было? Ты мне всю душу вымотала". И я ей обо всем рассказала.

В другой раз я возвращалась от матушки ночью и в парке мне встретился мужчина во всем черном. Его одежду я приняла за монашескую. Остановилась от удивления: "Ой, монах!" А он размахнулся и со злостью ударил меня по лицу, а потом ушел. Матушка на другой день сказала: "Если бы я не молилась за тебя, то не то бы было".

Я год не ела мяса, но об этом ничего не говорила матушке. Однажды у нас на работе (в цехе консервного завода) стали делать свиную тушенку. Мясо было душистое, вкусное, и женщины соблазнили меня попробовать. Прихожу к матушке, а она говорит: "Знаешь, как люди мясо едят? Даже жир по рукам течет". Я после этих слов повинилась: "Матушка, ведь это я так ела".

Ехала я однажды в автобусе и обратила внимание на красивого молодого мужчину со спутницей. Все глядела на него и думала: "Ах, какой красивый, а женщина некрасивая". Когда пришла к матушке, она сразу сказала: "Ой, ой, как керосином-то пахнет. Где это ты побывала? Возле какой бочки?"

У нас на заводе стал работать молодой человек, который оказывал мне внимание. Я рассказала обо всем матушке. "Он тебе не нужен", — сказала она. "Ну что же мне делать? Ведь он рядом со мной работает?" — спрашивала я. "Мы его в командировку пошлем", — уверила матушка. Я засомневалась: "Так ведь у нас не посылают в командировку!" "А мы пошлем", — подтвердила она.

К моему удивлению, вскоре молодого человека послали в командировку. Прошло еще немного времени, и он уехал из нашего города навсегда.

Матушка рассказывала о видении, открывающем важное значение милосердных поступков для спасающихся в миру: Божия Матерь показала ей две дороги: одну — широкую, освещенную фонарями, а другую — узкую. "Какой дорогой пойдешь?" — спросила ее Пречистая. "Мне мама говорила — идти узкой", — отвечала подвижница. "С добрыми делами и широкой можно идти — фонарики горят", — сказала ей Богородица.

Матушка при жизни не раз сподоблялась чудесных посещений.

На улице Коммунистической и сейчас стоит дом, в котором размещалось гинекологическое отделение. Старица говорила: "Если бы вы знали, сколько тут загублено душ!" — и рассказывала, как однажды, проходя мимо этого дома, увидела некую Матушку, которая что-то высматривала во дворе этого дома. "Матушка, — обратилась она к Ней, — что Ты здесь ищешь?"

"Если бы люди знали, сколько здесь загублено душ", — ответила Она со скорбью и стала невидима.

Однажды матушка Серафима шла из храма вместе с незнакомой нам Матушкой. "Побудь со мной", — обратилась она к своей Спутнице. "Меня ждет женщина в

больнице. Просит оставить в живых. У нее четверо детей", — отвечала Она и дальше пошла одна.

В январе 1956 года в дом к матушке постучал благолепный Старец. Она отворила ему и услышала: "Я из Куйбышева. Помоги тебе Господи! Помоги тебе Господи! Помоги тебе Господи!" Матушка подала ему, что могла, и, возвратившись в дом, увидела внука, который засовывал гвоздь в розетку. Она окликнула несмышленыша, и молитвами святителя и чудотворца Николая несчастье было предотвращено. А в Куйбышеве тогда заживо окаменела девушка в наказание за непочтительное отношение к образу Николая Угодника.

Когда матушка вместе с послушницей Марией поехала в Троице-Сергиеву Лавру, как она говорила, "к преподобному Сергию", после службы они вместе с другими паломниками и богомольцами остались ночевать в церкви. Ночью матушка и послушница увидели Старца, который, как безтелесный, перемещался по церкви сквозь стоящие на Его пути стулья. Приблизившись, он обратился к матушке:

— Ты матушка Серафима?

— Да.

— Какое же твое питание?

— Семье послушание.

— Ты ведь как раз на Скоропослушницу родилась?

— На Скоропослушницу[18].

---

[18] По церковным метрическим записям матушка родилась 1 ноября старого стиля. В тот же день ее и крестили. Празднование иконе Божией Матери «Скоропослушница», прославившейся на Святой горе Афон в X веке, совершается на восьмой день после дня рождения старицы — 9 ноября. На этот же день приходится память преподобной Матроны (ок. 492 г.). Память мученицы Матроны (святой III века) совершается 6 ноября. А на 1 ноября приходится память святых мучениц Кириены и Иулиании (305-311 гг.), в честь которых матушку почему-то не назвали. Обдумывая все это, логично было бы предположить, что ее крестили в честь святой, память которой приходилась на 8-й по рождении день, принятый Святой Церковью для того, чтобы «назнаменовати отроча, приемлющее имя во осьмый день рождения своего», что должно совершаться в Божием храме. А может быть, ее крестили в этот самый день, если крещение ее произошло не на дому, а в церкви. Да и в паспорте матушки днем ее рождения значилось 22 ноября гражданского стиля.

— А живешь на что?

— Пенсию получаю.

— Да ты с нее ни копеечки не берешь... Слышавшая их беседу послушница Мария обратилась к преподобному: "Батюшка, помолись за меня".

"Тебя ведь немощи одолевают", — сказал он ей милостиво и стал невидим.

И еще Л. П. вспоминает:

— Моя старшая сестра, окончив педагогический институт, вышла замуж. После переезда к мужу в Тулу она никак не могла найти работу. Матушка Серафима сказала: "Она будет работать воспитателем". Ее слова сбылись: сестра устроилась воспитателем и проработала в этой должности 37 лет.

Мы жили в бедности, и я мечтала купить себе часы. Когда мне было примерно лет двадцать, моя мечта сбылась. Через каждые десять минут я на них любовалась, а матушке ничего ни говорила. Как-то прихожу к ней, а она мне: "Я вот все гляжу, что это люди рукав подымают, смотрят и смотрят?"

Я опустила глаза: "Матушка, прости". Она взяла меня за руку: "Да ты с часами! Зачем они тебе?"

Имея дар исцеления, матушка из сочувствия к стражлущим многим помогала, но по своему истинно христианскому смирению тщательно это скрывала.

Ради нужды она и меня вылечила, когда со мной случилось несчастье. По пути на работу я поскользнулась и ударилась коленом о рельсу. Оно стало распухать и болеть. Когда я пришла к матушке, она спросила: "Что с тобой?" "Матушка, у меня коленка болит", — отвечала я. Матушка повернулась к дочери: "Оля, что в таких случаях надо делать?" Оля ответила: "Надо сделать согревающий компресс".

Матушка выслушала дочь, а потом подозвала меня к себе, перекрестила колено, и оно меня больше не безпокоило.

Приехал как-то к матушке гонимый властями отец Антоний. Он был родом с Кавказа, молодой, видный и

очень кроткого нрава. Провидя его приезд, старица встретила его у ворот и, едва взглянув на него, сказала: "Батюшка, хожу я по саду — райские птички летают, а их ребятишки из рогаток стреляют и стреляют". Зашли с батюшкой в дом. Там матушка указала на часы: "Вот — ходики. Я их пускаю и пускаю, а они останавливаются и останавливаются". Потрясенный ее словами, отец Антоний заплакал и сквозь слезы произнес: "Матушка, ведь это вы все обо мне говорите".

Он стал просить совета, как ему быть, куда поехать. "Езжай в Сергиев Посад", — сказала матушка. "Как же я без документов поеду?" — сокрушался батюшка. Но получил утешительный ответ: "Их тебе вышлют".

Все так и вышло, как матушка сказала.

Про одну женщину говорили, что она бегает за батюшкой. Как-то раз, направляясь к матушке, я увидела эту женщину напротив батюшкиного дома и невольно подумала: "Наверное, люди и правду говорят, все-таки она бегает за батюшкой".

Не успела войти, а матушка уже с порога спрашивает: "А если бы я была батюшкой, ты бы за мной бегала?" Я растерялась. А она продолжала: "Вот как ты бегаешь за мной, так и она за батюшкой".

Помню еще один удивительный случай: я и матушка находились в келье, но ее самочувствие было неважным. Постоянные приступообразные боли в животе усиливались, становились невыносимыми. Зашла матушкина дочь Ольга и с тревогой в голосе сказала: "Мама, у тебя самый настоящий аппендицит, давай вызывать «скорую»". "Подожди, Оля, подожди еще немного", — попросила матушка. И похоже было, что она сама чего-то ждала... Прошло немного времени, и в дом вошла послушница отца Власия Ксения. "Ксюша, что у вас случилось?" — сразу спросила матушка. "Батюшке операцию сделали по случаю аппендицита, он меня к вам послал", — ответила она.

После кончины схиигумена Митрофана с 1964 года духовником старицы Серафимы стал именно отец Власий. Она его очень любила и нас наставляла: "Девчонки, если бы вы знали, какой это батюшка!" Когда он

долго не приезжал, она нам говорила: “Давайте батюшку позовем”.

— А как?

— В трубу покричим: “Приезжай!” И он сразу приезжал.

Пока Ильинскую церковь не закрыли и не превратили в краеведческий музей, мы с матушкой часто ходили в нее на богослужение. Помню, как однажды по дороге туда матушка остановилась, повернулась в сторону Боголюбского храма и, перекрестившись, со слезами на глазах произнесла: “Пройдет 30-40 лет, но старческие слова не пройдут даром. В Боголюбской будут служить”.»

Н. В. рассказывает:

«Вместе с напарницей я возвращалась со смены очень поздно. Одно время на нас напал нешуточный страх: в одном и том же месте, с истошным криком, прямо под ноги бросалась черная кошка. Моя попутчица просила меня: “Я не знаю ни одной молитвы. Ты молись, а я буду за тобой повторять”. Так продолжалось три дня. Захожу я к матушке, а она встречает меня словами: “Как ты ходишь с работы?” Я рассказала про кошку. “Да это не кошка, а бесяка, — отвечала она. — Ну ничего, ходите спокойно. Больше такого не будет”. С этого дня мы с напарницей возвращались без происшествий.

Меня из города перевели в совхоз Мичурина, где я продолжала работать швеей. Возвращаться домой, по этой причине, мне приходилось очень поздно. Когда я зашла после работы к матушке, она спросила: “Почему ты так поздно?” Я все объяснила. “Нет, так не годится. Будем писать заявление в “небесную канцелярию” о переводе”, — сказала она. Я улыбнулась: “Матушка, кто же меня переведет?”

На следующий день, к моему великому удивлению, заведующая швейной мастерской объявила на планерке, что я могу снова работать в городе.

После работы я поспешила поделиться этой радостью с моей молитвенницей: “Матушка, а ведь меня перевели”. “Это тебе для веры”, — ответила она.

У матушки Серафимы была сноха Неля, которая преподавала в пединституте. Матушка просила ее не ставить двоек — лучше точку. Неля часто приносила ей цветы. И в келье старицы, как правило, стояло много цветочных букетов.

Одна женщина сильно болела и уже не вставала с постели от слабости. Как-то к матушке пришла родственница болящей. На вопрос схимницы о самочувствии сестры она сказала, что надежды нет. Тогда матушка подала цветы этой женщине и просила отвезти болящей. Та подержала букет в руках и стала поправляться.»

Известны случаи, когда старица Серафима видимым образом являлась во время операции работавшим тогда врачами — иеросхимонаху Нектарию (Овчинникову) и монахине Марии, всегда безошибочно предсказывая скорое исцеление тех или иных больных, и благословляла им в связи с этим отменить уже ненужное хирургическое вмешательство.

М. Н. рассказывала: «В Тамбове одной учительнице удалили зуб. После этого ей стало плохо: щека стала болеть, лицо опухло. Врачи говорили, что она не выживет. Муж учительницы грозился убить женщину-врача, которая так неудачно этот зуб удалила. Опасаясь мести, она прибежала ко мне и просила срочно ехать в Мичуринск. “Поможет мне одна только матушка Серафима”, — говорила она. Как только я приехала и все передала старице, она встала перед иконами на колени и долго молилась. А когда поднялась, уверила, что все будет хорошо. Попросила только сказать всем в Тамбове, кому только можно, чтобы читали акафист святителю Питириму. Позже врач и ее пациентка приехали к матушке, чтобы поблагодарить ее за исцеление».

Благословение старицы помогло молодой матери, обреченной на смерть из-за рака легких. По просьбе больной ее прямо из больницы отвезли к матушке Серафиме в маленький домик на улице Станционной.

Измученная болезнью женщина не могла ходить, но старица, взяв ее под руку, провела в дом, напоила чаем и тихим голосом увещевала: «Не время тебе умирать, Раиса, детей надо воспитывать, не пришел еще твой час».

Вскоре тяжкий недуг отступил, а врачи недоумевали о причинах выздоровления, казалось, уже безнадежной больной.

Е. рассказывает: «Раба Божия Раиса пришла к матушке с сыном, который был болен. Ему предстояла операция. Матушка утешала мальчика: “Колюшка, не страшись. Я буду с тобой”. Раиса после операции спрашивала сына: “Ты не боялся врачей?” Он отвечал: “Матушка стояла рядом со мной. Мне не было больно”».

Один мужчина болел раком. Его выписали из больницы как безнадежного: он уже не вставал с постели, ничего не ел и не пил. Матушка пришла проведать больного. Предложила хозяйке: «Давай мы с ним чайку попьем». Та отвечала: «Он уже ничего не ест и не пьет». А матушка снова: «Давай мы выпьем с ним по стаканчику». Хозяйка подала чай. Матушка попила с больным чай и ушла. Тот уснул, а наутро попросил есть и с того времени стал быстро поправляться.

Когда одну многодетную мать, тоже болевшую раком, выписали из больницы без лечения, так как врачи ничего уже не могли для нее сделать, старец схиигумен Митрофан попросил матушку Серафиму: «Матушка, давай молиться, чтобы она осталась жива. Ребятишек жалко». Она согласилась. И по их молитвам та женщина прожила еще 20 лет.

Как-то к матушке приехал монах. Она с ним побеседовала, а потом, посмотрев на часы, произнесла: «Вот какие у меня часы-бегунки: то туда, то сюда». Монах понял, что эти слова о нем, и признался: «Мне хочется то в один монастырь, то в другой». А матушка, показывая, чем ему руководствоваться в борьбе с этими искушениями, сказала: «Я ничего не знаю, только всех люблю».

Та же Е. рассказывает:

> «Беседуя с пришедшими к ней людьми, матушка несколько раз сказала: “А я, как Псалтырь читать, так мертвых осуждать”. Я поняла, что матушкины слова относились не к ним, а ко мне. И когда все ушли, попросила разъяснить мне их смысл. Матушка спросила: “А крестного ты своего поминаешь?” Я призналась: “А мне сказали, что коммунистов поминать нельзя” (дядя был коммунистом и погиб на войне). “Бумага она и есть бумага,

— сказала матушка (имея в виду партбилет), — а он наш". С тех пор я поминаю об упокоении и своего крестного.

Матушка однажды меня спросила: "Как там твой брат Петруша?" Брат жил на Сахалине, живет и сейчас. Я ответила, махнув рукой: "Матушка, уехал он. Живет себе, да и только". На что она сказала: "Глупая ты у меня, Дунятка. Душа-то наша. Я тоже на Сахалине бываю".

Матушка Людмила Медведева говорит:

— В 1963 году старица Серафима предсказала, что мой ныне покойный муж, служивший тогда в Воздвиженской церкви (в Крестах, Ярославской области), будет восстанавливать в Мичуринске после закрытия и длительного бездействия Боголюбскую церковь. Это случилось за 37 лет до начала восстановительных работ и казалось тогда нереальным.

Отца Виктора неоднократно пытались склонить к сотрудничеству со спецслужбами: его допрашивали, запугивали, стреляли в него, грозились снять сан, но я его поддерживала: "Пусть снимут сан, но веры не предавай".

На слова матушки об открытии Боголюбского собора я говорила:

— Почва-то не наша, они злые.

— Будет твой отец Виктор Боголюбскую церковь открывать, будет, — утверждала она, — а уж почешут-то вас, помоют. Очиститесь, как золото в горниле. Только и жить-то вам останется чуть-чуть, — и показала это чуть-чуть, соединив на руке указательный и большой пальцы.

— И как нельзя пронести два ведра на коромысле, не расплескав воды, так один из вас должен будет вперед уйти.

Спустя многие годы я поняла, что этими словами прозорливая матушка предсказала мне вдовство по смерти мужа.

За два года до рождения сына я приехала к матушке одна. Она сидела в своей келье под иконостасом за столом, была задумчивой, подпирала голову рукой. В разговоре мы коснулись семейной темы, стали говорить о моих дочерях.

— Мне этих двух хватает, куда же мне еще рожать? — говорила я. Но она возразила:

— Даже у неверующих есть дети, а у вас они должны быть и подавно. Папа будет академист и сын академист.

В год, когда родился Павел, отец Виктор поступил в Московскую духовную академию. Годы спустя ее закончил и Павел. (Ныне отец Павел — настоятель Ильинского храма в городе Мичуринске).

За полгода до своей смерти матушка Серафима дала мне кисет: небольшой, пошитый из бордового сатина, со светлой подкладкой изнутри. Сверху он стягивался темной тесемкой.

На кисете вышивка крестом: желтыми нитками — крест, переплетенный с веточкой. Веточка выполнена простым стебельчатым швом, зелеными нитками. На веточке — белые цветочки в виде звездочек или ромашек.

— Даю тебе кисетик от великого батюшки, — сказала она, — не скоро, не скоро, но вы с ним познакомитесь. Видишь, крестик обвит цветочками. Желаю вам обоим (мне и отцу Виктору) крестик-то нести, но цвести.

Через пять лет после ее кончины, на Пасхальной неделе, прямо с могилки матушки зашел к нам отец Макарий (тот самый батюшка, о котором говорила нам старица). Шесть часов мы с ним беседовали. Кисет этот когда-то принадлежал ему, а теперь хранится у меня.

В праздник Благовещения Пресвятой Богородицы после службы в церкви я пришла к матушке. Прошла в келью и вдруг слышу ее голос: "А я сегодня платочек-то махрила, махрила". И снова это повторила. Я удивленно: "Матушка, какие же в праздник платочки?"

Но тут поняла, что она меня обличила. Иногда даже в праздники я шила ризы для священнослужителей.

У одной из моих дочек на руке появился лишай. Он становился все больше и больше. Я пошла к матушке и попросила у нее масла из горящей лампады перед иконостасом.

— А веруешь? — спросила она.

— Верую, — отвечала я.

Несколько раз помазала дочке больную руку маслицем. Лишай безследно прошел через несколько дней. Я

знала, что по молитвам матушки люди исцелялись. А теперь уверилась в этом и сама.

Протоиерей А. вспоминает:

— В начале 70-х (1973 год) я прислуживал отцу Виктору Медведеву в Старосеславинской церкви Первомайского района Тамбовской области и, как и многие другие верующие люди, тайно приезжал на годовщину матушкиной кончины в Мичуринск, где в доме старицы на Станционной улице под покровом ночи собиралось около пятидесяти человек. Среди них были монахи, схимницы, известная подвижница схимонахиня Валерия, монахиня Мария из Тамбова, отец Николай Засыпкин из Шехмани, который тогда еще работал заведующим аптекой. Туда приезжал бывший врач-хирург из Ельца, известный особо благочестивой жизнью протоиерей Николай Овчинников, ставший впоследствии иеросхимонахом Нектарием. Он передавал, что матушка предсказывала прославление новых святых, возвращение мощей святителя Питирима, пророчествовала, что “Боголюбский собор будет славиться на всю Россию”.

А принявшая монашество дочь матушки Серафимы Ольга Кирилловна дала мне мелочь образца 1962 года, полученную ею от матери, и сказала: “Восстановится храм, и будут у вас много добрых людей и всегда необходимые средства. Я все четки стерла, прошу об этом Матерь Божию. Принимай Собор”.

На священство меня благословил при всех иконой из кельи матушки отец Власий (ставший затем схиархимандритом Макарием). Это было на день ее памяти, с 4 на 5 октября. В то время я еще работал на заводе “Прогресс” инженером — технологом.

Монахиня М. рассказывает:

— Мне нужно было получить паспорт, но в паспортном столе со мной обошлись очень грубо. Выйдя на улицу, я прислонилась к столбу и заплакала. Потом стала просить о помощи матушку. А когда к ней пришла, она

уже все знала и успокаивала меня, говоря: "Не плачь, не плачь, все будет хорошо".

В следующий раз в паспортном столе встретили меня приветливо и быстро оформили документы.

В доме, где жила наша семья, была очень ветхая крыша, но не было ни материала, ни денег. Я рассказала матушке о своей нужде. "Все будет хорошо, — сказала она, — только попроси блаженного Илюшу". Я пошла к тому месту, где он сидел, и подала последний рубль с просьбой о помощи. Илюша произнес: "Все будет как надо". "Но как это возможно?" — не удержалась я. "Матерь Божия придет, постучит молоточком: тук, тук..." — ответил блаженный. И, правда, вскоре нашлись деньги, материалы и работники.

Отец Макарий собирался к матушке Серафиме и меня позвал с собой. Моей сестре, с которой мы жили под одной крышей, тоже захотелось поехать, но кто-то из нас должен был остаться. Сестра придумала причину, по которой ей необходимо было ехать, я же решила смириться и остаться. Пошла провожать сестру и батюшку к поезду и тут, буквально в последнюю минуту, отец Макарий втолкнул меня в вагон со словами: "Едем с нами, а то матушка будет о тебе спрашивать".

Приехали втроем. Сестра чувствовала себя очень неловко и старалась не попадаться матушке на глаза. "Почему это так дует, кто не затворил форточку?" — вдруг спросила она. Все стали искать открытую форточку, но не нашли, а старица не переставала повторять: "Откуда так дует?" Тогда сестра поняла, что речь идет о ней, точнее, о придуманном поводе для приезда, и во всем повинилась матушке.

Инокиня Н. вспоминает:

— Моя сестра инокиня Минодора (в миру Елена) была художницей и писала иконы. Она была слаба здоровьем: болела белокровием. Незадолго до смерти сестра получила посылку из Мичуринска от отца Макария (в то время еще отца Власия). В ней были свечи, апостольник и письмо, в котором отец Макарий просил: "Леночка, когда поправишься, напиши картину «Переход евреев в Обетованную землю»". Сестра задумалась: "Тяже-

ло ее будет написать". И решила: "Когда начну работать, сокращу количество лиц на картине".

Но и этому ее замыслу уже не суждено было осуществиться, так как вскоре она умерла. Тогда-то и стало ясно, к чему ей говорилось о переходе в Богом Обетованную землю.

В то время мы жили с матушкой Архелаей (впоследствии схимонахиней Митрофанией) на Кубани.

После сороковин (через 40 дней после смерти моей сестры) мы с матерью Архелаей собирались ехать в Воронеж к батюшке Макарию, служившему тогда в Задонске. В Воронеже у нас состоялся следующий разговор. Отец Макарий сел рядом с нами и, глядя в окно, указал на противоположную сторону улицы и сказал: "Вот тут вы будете жить". Его слова нас очень удивили, ведь мы не собирались переезжать. То, что мы переедем в Воронеж, чуть позже подтвердила и матушка Серафима. Батюшка обратился к келейнице Ксении: "Поедете в Сергиев Посад, а оттуда заедете в Мичуринск к матушке". По дороге в Сергиев Посад в поезде мне приснилось, что с неба ко мне в неземном сиянии нисходила Матерь Божия, отчего я в благоговейном страхе опустилась на колени и стала молиться, взывая: "Величит душа моя Господа..." Когда я проснулась, на меня напал трепет перед предстоящей встречей с матушкой Серафимой, я остро переживала свое недостоинство.

Приехали в Мичуринск, нашли нужный дом. Матушка была в своей келье. "Я вас уже три дня жду", — такими словами встретила она нас и назвала по именам. Потом обратилась ко мне: "Нина, иди, садись ко мне поближе". Пораженная тем, что услышала, я в страхе ответила: "Матушка, я великая грешница, как же я могу сесть около вас?" Она успокоила: "Ну, какая же ты великая грешница? Немножечко напылила. Ведь ты будешь жить в Воронеже, петь в Никольском храме, а это мой храм. Я там трудилась с 44 по 46-ой годы. Была ктитором, восстанавливала этот храм. Там сейчас находится моя келейная икона Божией Матери «Взыскание погибших».

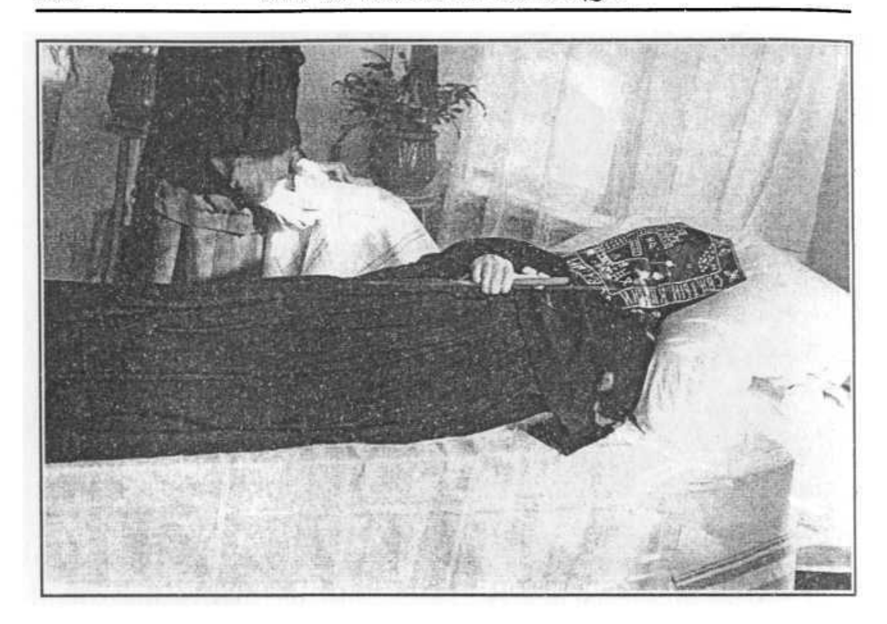

Тебя в храме будут недолюбливать", — продолжала она. "А за что ее будут недолюбливать?" — спросила матушка Е. из Грязей. "За то, что она будет петь ради Бога, а не ради денег", — сказала матушка. И, действительно, впоследствии я стала петь в Никольском храме, и меня упрекали: "Ты, как монашка", — несмотря на то, что деньги я все-таки получала.

Божиим промыслом в Воронеж мы переехали через полгода, а уже через два месяца выехали в Мичуринск на похороны матушки Серафимы.

По воспоминаниям Л. П., перед кончиной у матушки наступило сужение пищевода. Терпеливо перенося его мучительные последствия, старица просила: «Господи, накажи меня, только помилуй мир». И говоря о характере своих страданий, поясняла: «Лежу, как на костре, живот опух, хоть бы каплю воды пропустить».

Примерно в это же время матушка рассказывала схимонахине Питириме, как однажды, когда сильно заболела ее совсем еще маленькая дочь Ольга (не спала ночами и даже не могла разговаривать и свободно дышать из-за ангины), она решилась отправиться с ней из Козлова в Там-

бов к мощам святителя Питирима. Приехала, а народу столько, что и в храм не войти. И вот стояла она у входа с плачущей дочерью на руках, как вдруг из храма вышел Старец, взял матушку под руку и безпрепятственно провел внутрь церкви к самой раке Святителя. Он приложил девочку к мощам, помазал маслицем ее горлышко, и она тут же успокоилась.

Преставилась матушка в среду 5 октября 1966 года в 13 часов. В самый момент ее упокоения некоторые из находившихся на улице людей видели необыкновенный огненный столп, исходящий из дома старицы, и даже подумали, что у Журавлевых (фамилия матушкиной дочери в замужестве) случился пожар. Но это Господь показал, что праведная душа схимонахини Серафимы, всегда стремившаяся к Богу, вознеслась к своему Творцу. В самой же келье при старице находился лишь горячо молящийся о ней схиархимандрит Макарий.

До самого ее погребения руки усопшей были мягкими и теплыми, а лицо, по словам очевидцев, сияло.

Старица-схимонахиня Серафима почила о Господе, немного не дожив до 76 лет.

Перед погребением старицы ее духовный сын иеросхимонах Нектарий (Овчинников) сказал следующее надгробное слово:

«День 5 октября будет памятен вечно. Вечная память сохранится в наших сердцах о дорогой, всеми любимой матушке Серафиме.

Уже глубокая ночь, все уставшие, но никто не хочет отойти от гроба, всем дорогого. Много нас собралось здесь, все мы хотим провести последние часы возле дорогой матушки, попрощаться с ней. Нас привела сюда ее великая любовь ко всем нам. Невольно вспоминается евангельский факт, когда по преставлении Царицы Небесной было сретение апостолов на воздушных облацех.

Достоверно и вполне верно то, что и мы слетелись ко гробу матушки на облацех любви. Это великая ее любовь к людям привела нас сюда. Она служила нам примером. Вся ее жизнь переплетена делами любви. Свою беседу с людьми она наполняла словами любви и мира. Это— всё любящее сердце. Многому она научилась у оптинских старцев, с которыми вела беседы, потом подражала их жизни. Ее духовным отцом был великий оптинский старец Анатолий. Семена, взятые ею из бесед с ним, не погибали, а сеялись и прорастали. Она сеяла их на почве любви. Много она потрудилась: сеяла семена везде, они возрастали и давали хорошие плоды. Она была женою, матерью, другом, наставницей. Как мать, она простирала свою любовь не только к духовным чадам, но и ко всему миру. За всех плакала, плакала непрестанно, молясь за весь мир. Матушка была великой постницей, постилась много, может быть, даже в ущерб своему здоровью.

Как нам не плакать у ее гроба, когда она вела такие подвиги ради нас. Она наставляла своих чад любить друг друга. Ее последними словами были— мир и любовь. Всех, кто здесь, и тех, кого нет по какой-либо причине, объемлет ее великая любовь. Это сердце любви лежит во гробе. Все мы плачем сейчас и рыдаем, ибо знаем, что не будет больше у нас такой матери. Какая это была мать! Трудно ей было жить в миру. Ведь раньше люди искали уединенные уголки в пустынях, горах, чтобы избежать суеты мира и вполне предаться служе-

Погребение матушки Серафимы

нию Богу, ныне же нет таких мест, где не ступала нога человека.

Но наша матушка и здесь находила уголки пустынные, она была великой старицей. По обстоятельствам времени нелегко ей было, не все люди благоприятствуют верующему человеку. Однако она всем сердцем служила Богу и Пречистой Матери Божией.

Любила она образы Божией Матери "Взыскание погибших", "Тихвинской", всегда молилась и просила помощи Царицы Небесной.

Теперь Матерь Божия будет ей Спутницей ко Престолу Божию.

Будем и мы молиться за нашу матушку. Все мы сейчас стояли на коленях и со слезами молились во время пения "Богородицу и Матерь Света..." О чем мы молились? О чем плакали? О том, чтобы Матерь Божия не оставила нас сиротами. А теперь последнее слово к матушке: "Прости нас!"

Прости нас, дорогая матушка, ты ведь нас слышишь. Мы верим, что ты нас слышишь. Прости нас! Прости, ибо мы многим обязаны тебе. Много мы должны сделать, но не сделали и сотой доли того. Все мы обращаемся к тебе и просим: "Про-

сти нас". Ты нас никогда не оставляла. Живя в миру, всем подавала совет, помощь. Мы надеемся, что ты нас не оставишь. По времени мы не могли тебя часто посещать, но ко гробу твоему прилетели и просим тебя— наша мать и любовь: не оставь нас во святых своих молитвах, если будешь иметь дерзновение ко Господу! Прости».

Посмертные явления приснопамятной Мичуринской старицы Серафимы, исцеления и чудеса

Духовник Тамбовской епархии, протоиерей Николай Засыпкин, от лица всех духовных чад старицы свидетельствует: «После блаженной кончины матушки все, кто знал ее, осиротели в прямом смысле этого слова. И только обещание матушки, что она и после смерти не забудет нас, если мы будем к ней обращаться, вселяет в сердца надежду, что это так и есть. Многочисленные чудеса, совершаемые на ее могилке после усердной молитвы, подтверждают это».

Матушкина послушница Е. вспоминает:

«Сразу после смерти матушки (в 1966 году) ее дочь Ольга, часто приходившая на могилку, стала замечать, что вокруг, не решаясь подойти, ходил какой-то мужчина. Однажды, увидев ее, он не выдержал, подошел и резко спросил: "Ну, чего ты тут сидишь? Кто она тебе?" "Это моя мать, — ответила Ольга, — а вот ты что тут делаешь?" Смягчившись, мужчина рассказал, что, приходя на матушкину могилку, он исцелился от сильных головных болей, а теперь ходит сюда, чтобы исцелились его больные ноги.»

Сам же отец Николай описывает следующий случай:

«4 октября 1967 года, накануне первой годовщины со дня кончины матушки Серафимы, мы поехали с супру-

гой в Мичуринск. Побывали на вечернем Богослужении в кладбищенском Скорбященском храме, на могилке у матушки, где протоиерей Георгий Плужников (ныне покойный) совершил панихиду, поклонились могилке, приложились к кресту, ну а потом — в келью к матушке, где также была совершена панихида, затем поминальная трапеза и непрерывное чтение Псалтири. Утром пошел сильный дождь. Постояв на литургии в Скорбященском храме, помолившись на могилке матушки, пошли на автовокзал (рядом с кладбищем), чтобы взять билеты на автобус. И тут объявили, что все рейсы по грунтовым дорогам отменяются в связи с бездорожьем. До Шехмани, куда нам нужно было ехать, дорога тогда тоже была без твердого покрытия. И все-таки я подошел к кассе и попросил два билета. Билеты мне кассир выдала, не сказав ни слова. Объявили посадку на наш автобус, мы пошли на посадку, и оказалось, что пассажиров только двое — я и моя супруга. Автобус вышел в рейс по расписанию, и, таким образом, мы с женой благополучно доехали до дома. Всю дорогу волновались, что автобус забуксует, и шофер вернется назад. Но, по молитвам матушки, этого не случилось, и мы прибыли домой почти по расписанию. Это было явным чудом — всего двух пассажиров везли по бездорожью за 50 километров.»

Но просят матушку о помощи и те, кто лично не знал ее во время ее земной жизни, тропа к могиле старицы Серафимы не зарастает, и многие, приходя сюда, получают по ее молитвам благодатную помощь и исцеление.

По благословению епископа Тамбовского и Мичуринского Феодосия в 2004 году была создана комиссия по канонизации подвижницы, а при храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» города Мичуринска, в котором любила молиться матушка и рядом с которым без малого сорок лет покоятся ее честные останки, продолжается сбор свидетельств о чудесах и исцелениях по молитвам старицы, начатый еще по благословению покойного архиепископа Евгения.

Вот некоторые из них.

— Уроженка Мичуринска, находясь в сложных житейских обстоятельствах, решила поехать в Санкт-Петербург на могилку особо чтимой ею блаженной Ксении. Накануне отъезда во сне ей явилась сама Блаженная и обратилась к девушке со словами: «Тебе не надо ехать так далеко. Разыщи у себя в городе могилу схимонахини Серафимы и по молитвам ее получишь от Бога милость». Сразу после посещения могилки матушки Серафимы сложная жизненная ситуация молодой богомолки благополучно разрешилась.

К. рассказывает: «Моя дочь ушибла ногу. От удара образовалась шишка с куриное яйцо. Хирург сказал, что ничего не надо делать. Два года шишка не проходила, и тогда моя жена, по совету знакомой, пошла на могилку к матушке Серафиме. Два месяца мы заказывали по ней панихиды, брали песок с ее могилки и прикладывали к больному месту. Наконец из шишки вытекла черная жидкость, и дочка поправилась».

Как-то Н. А. зашла к матушке на могилку, приложилась к кресту, постояла. Там была женщина и еще люди. Женщина заговорила: «Приходите на могилку, обязательно получите помощь от матушки». Н. А. извинилась и спросила: «Вы, наверное, часто тут бываете? Что-нибудь знаете о матушке?» Она стала рассказывать: «Я всегда хожу в храм в честь иконы Божией Матери “Всех скорбящих радость”, рядом с которым находится могилка матушки Серафимы. Однажды я увидела чудесный сон: Скорбященская церковь без купола, а я вместе с матушкой нахожусь наверху, как бы на крыше. В церкви шла служба, оттуда доносилось пение и чувствовалась неописуемая благодать. Матушка спросила: “Хочешь туда?” Я ответила утвердительно и уже без страха решилась шагнуть вниз, но она удержала меня. И тут я вижу, как вниз шагнула моя маленькая внучка, и я пробудилась. Через некоторое время девочка заболела и умерла, и я поняла, что перед ее смертью получила от Господа и Богородицы молитвами Их угодницы и избранницы через этот чудесный сон утешение.»

Л. В. рассказывает следующее:

«На могилку к матушке зашли две женщины, приехавшие из Тамбова. Одна из них была дочерью священ-

ника. Подходя к могилке, они уже издалека увидели небольшой столбик огня, который можно было принять за огонь большой свечи. Когда подошли ближе, то свечи не оказалось: столбик огня исходил прямо из земли. Одна из женщин не удержалась и захотела коснуться огня рукой, но он стал невидим.

Жена внука матушки Серафимы преподавала в Мичуринском педагогическом институте. Часто перед каким-нибудь ответственным делом на работе она просила: "Бабушка Мотя, помолись за меня", а потом неизменно приходила благодарить с букетом цветов. Матушка молилась за всех с любовью.

Уже после смерти схимонахини Серафимы Неля пришла в ее дом на Станционной улице, но в келью войти так и не смогла. Она с удивлением говорила: "Не могу войти. Меня как током бьет. Словно кто-то мне в этом препятствует".

Позже выяснилось, что Неля увлеклась одним из модных ложных религиозных учений. После этого случая она серьезно задумалась над своим отступничеством от Православной веры.

На Рождество Иоанна Предтечи Э. П. прочла акафист в келье у матушки (в доме на ул. Станционной) и села за стол в кухне. Пили чай и беседовали. При этом она сидела лицом к двери в келью и к дверям в другие комнаты. Вдруг Э. П. приподнялась со своего места и удивленно вскрикнула, указывая на дверь, ведущую в комнаты: "Там женщина в черном!" Ее потрясение было вызвано тем, что в явившейся ей женщине она узнала матушку Серафиму, которую знала только по фотографии.»

Г. вспоминает:

«В детстве я несколько раз видела один и тот же сон и очень ясно его запомнила. Видела я Боголюбскую церковь, а возле нее сидящую женщину в черном. Она показывала мне рукой на храм. Когда церковь открылась для богослужений, я зашла в нее и тут в первый раз вспомнила свой сон. Только не знала, кто та женщина, которая мне снилась.

Однажды через своего знакомого я пришла в келью схимонахини Серафимы и, взглянув на фотографию матушки, сразу узнала в ней ту, которую видела во сне.

В марте 2002 года я уехала в Никольский санаторий и очень скорбела, что перед поездкой не зашла к матушке на могилку за благословением. В санатории вижу сон: подхожу к могилке и хочу положить на нее конфеты, но вместо могилы увидела двухметровый сияющий крест. Я рассмотрела, что он был деревянный. Перед крестом прямо на верхушке появилась сначала одна икона, а потом другая. Первую я не разглядела, а вот на второй увидела преподобного Серафима Саровского. Ближе к церкви "Всех Скорбящих Радость" стояла красивая золоченая рака с мощами матушки. Я удивилась: "Когда это матушку успели прославить?" Подошла к раке и попросила: "Матушка, благослови". После чего почувствовала необычайное тепло в груди.»

Священник отец С. дал В. В. фотографию матушки Серафимы в схиме. «Есть свидетельства одной девушки, что эта фотография благоухает», — сказал он. «А как она благоухает?» — спросила В. В. «Источает аромат роз», — уточнил он.

Далее В. В. рассказывает:

«Уходя из дома, я прикладывалась к образу матушки, брала у нее благословение на свои дела, не раз молитвенно просила матушку за брата, который не знал Бога.

Вдруг брат предложил мне сходить с ним на родительскую субботу в храм. Мы побыли в церкви недолго, но и за это я не переставала благодарить матушку. Дома, когда я хотела приложиться к ее фотографии, почувствовала необыкновенный аромат роз. Это благоухал портрет старицы Серафимы.

У моих знакомых погибла дочь О. Они не хотели читать Псалтирь по усопшей, и тогда я решила читать ее по ней сама, думая, что это можно каждому мирянину. По неопытности я не взяла на это благословение священника. Ночью, во время чтения Псалтири, я почувствовала холод, шедший ко мне со спины. Потом на меня напал безотчетный страх. Появилось желание убежать из этой квартиры.

Тогда я вынула из сумки фотографию матушки Серафимы и стала просить: "Матушка, укрепи". Страх пропал, и я легла отдохнуть на диване прямо рядом с гробом. Поспала немного, а потом снова стала читать Псалтирь. На следующий день под утро во сне мне явилась улыбающаяся О. Она благодарно кивала мне головой.

Я долго ходила по организациям, не могла трудоустроиться. В нашем городе трудно получить хорошую работу. Пошла на могилку к матушке со своей скорбью: "Матушка, что мне делать?" В этот же день решила зайти в редакцию газеты, где подрабатывала в течение года внештатником, чтобы попрощаться и рассказать, что хочу устроиться работать продавцом.

Вдруг редактор объявил, что берет меня на работу, и подготовил бумаги для принятия меня в Союз журналистов. Я, очень удивленная, согласилась. Ведь мест в редакции не было.

Два года назад я познакомилась с немцем-лютеранином, который приезжал в Мичуринск. После отъезда он стал писать мне письма о своих чувствах. Он был жена-

тым человеком, но стремился снова приехать в Россию, чтобы увидеть меня. Я просила матушку Серафиму о помощи: чтобы немец этот больше не приезжал в Мичуринск. Он уже готовил визу для въезда в Россию, но неожиданно поехал в Америку и прекратил переписку.

Несколько лет тому назад заболел редактор православной газеты и попросил меня временно его заместить. Настоятель Боголюбского собора отец Анатолий меня благословил, но я очень переживала, так как считала себя недостойной по своим грехам заниматься православной газетой.

Примерно в это же время я со своей знакомой шла мимо ограды кладбища, где похоронена матушка Серафима. От кладбищенской ограды до могилки — метров сто или сто пятьдесят. Я мысленно попросила матушку меня благословить и вдруг почувствовала необыкновенное благоухание. Был вечер, темно, слева — шоссе, кругом снег, но благоухание стояло довольно сильное. Я спросила свою приятельницу, не чувствует ли она благоухания. Та ответила отрицательно. Верно, матушка так меня благословила.

Одна знакомая говорила мне, что давала на могиле матушки обет вести благочестивый образ жизни. Но когда развелась с мужем, стала встречаться с женатым человеком. Однажды, когда она пришла в келью матушки Серафимы (на улице Станционной), решила приложиться к ее фотографии. Вдруг мысленно она услышала: "Не прикасайся, нечестивая". После этого она серьезно задумалась и раскаялась, попросила матушку о помощи, чтобы ее не преследовал этот человек. Она стала чаще ходить в храм, исповедоваться и причащаться.»

У Л. Н. пятеро детей. Последняя дочка Надя родилась недоношенной, сильно отставала в развитии. В полгода у девочки отсутствовала речь (она даже не агукала), и еще она не сидела. Врачи ставили диагноз — детский церебральный паралич, микроцефалия. «Однажды я пришла с Надей на могилку к матушке Серафиме, — вспоминает она. — Уже возле могилки девочка вдруг замерла, стала смотреть в сторону креста не отрываясь. Я никогда не видела ее такой сосредоточенной, казалось, она

видит что-то, чего не вижу я. С этого дня у ребенка взгляд стал осмысленным, она начала играть в ладушки, агукать и развивалась гораздо лучше. Это было в 1998 году, а сейчас Наде 5,5 лет, и ее болезнь протекает не так тяжело, как бывает при подобном диагнозе. Я беру ее с собой в храм. Она читает и считает».

Т. В. рассказывает:

«В 2001 году наша дочь Настя заболела: у нее образовалось уплотнение в области груди. В то время ей было четыре годика. Врачи ставили диагноз: реактивный мастит. Ежемесячно мы возили дочку в областной центр — Тамбов. Врачи наблюдали, как поведет себя опухоль. В случае необходимости ей могли сделать операцию.

Могилка матушки Серафимы находится на кладбище рядом со Скорбященской церковью, возле которой расположен автовокзал. Отправляясь в Тамбов, мы с мужем и Настей сначала заходили к матушке. Молились, просили об исцелении дочки, брали землю с могилки и прикладывали к опухоли, лекарства не давали.

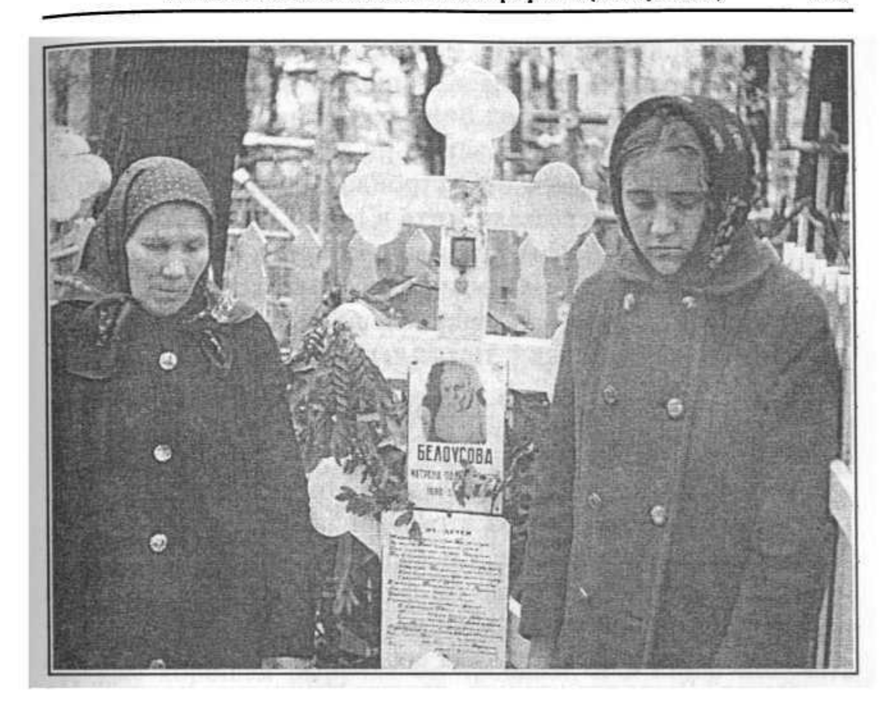
С Божией помощью, святыми молитвами матушки Настя выздоровела.»

В июле 2002 года после ссоры с родителями А. К. остался без работы и, фактически, без средств к существованию. Он говорит: «Я решил пойти на могилку матушки Серафимы и просить ее заступничества. В этот же день мне предложили работу в магазине "Панда" и еще в одном месте, а через некоторое время я помирился с родителями, и все нормализовалось.

Я также просил матушку помочь мне в получении работы по специальности — фельдшером. Уже в ноябре 2002 года мне предложили должность фельдшера в локомотивном депо, и это несмотря на то, что в Мичуринске есть медицинское училище, и у нас много нетрудоустроенных медиков. Уверен в том, что мне помогла матушка Серафима».

Г. свидетельствует:

«Один наш родственник сильно пил. Его знакомый посоветовал ему обратиться за помощью к матушке Серафиме, и они вместе пошли к ней на могилку. Родствен-

ник просил матушку о помощи. После чего он перестал пить и устроился на работу.

Мой муж В. был серьезно болен, и его должны были оперировать в Москве. За операцию надо было заплатить большие деньги. Я просила матушку на могилке о помощи. По ее молитвам операция прошла успешно, мы оплатили только операцию, а за проживание с нас денег не взяли.»

Н. Л. рассказывает:

«В 2000 году муж моей дочери Сергей (он военный летчик) пошел на пенсию и должен был получить сертификат (ордер на жилье). Но не тут-то было, начались трудности: целых два года были проволочки. Сергей просил предоставить ему квартиру в городе Старый Оскол, что в Белгородской области, из-за того, что там жил его родственник. Но тот неожиданно умер, и зять был в растерянности. С просьбой помочь семье моей дочери я обратилась к матушке Серафиме, ходила к ней на могилку.

Ордер на квартиру зятю наконец-то дали, а при его выдаче секретарь ошиблась: записала вместо “Белгородская область” — “город Воронеж”. Она очень испугалась и даже побледнела, но зять и не думал ее ругать, и даже обрадовался. Теперь все устроилось лучшим образом, и семья дочери переехала жить в город Воронеж.

А в январе 2002 года у меня заболела нога. Рожистое воспаление никак не проходило. Я заказала панихиду на могиле у матушки и прикладывала к больному месту песочек с ее могилки, после чего получила исцеление.»

М. В. с благодарностью вспоминает:

«У моего 24-летнего сына Сергея не складывалась семейная жизнь, и он приехал из Москвы в Мичуринск. Очень переживая из-за этого, он заходил после работы на могилку к матушке Серафиме, после чего успокаивался. Однажды осенью он подобрал воробья, который не подавал признаков жизни, и решил нести его на могилку к матушке. Я ругала его, говоря: “Ты чего, с ума сошел? Разве это хорошо, дохлую птицу туда нести?” Но сын засунул воробья за пазуху и пошел. Он положил безжизненного воробья на могилку и со слезами стал просить: “Матушка, благослови, ведь это невинное существо”. Вдруг птичка, которая не шевелилась, вспорхнула, едва не задев его лица. Села на ветку и громко зачирикала. Сын благодарил матушку и всем рассказывал об этом чуде.

В 1997 году я вместе с дочкой поехала в Иоанно-Богословский монастырь. Перед поездкой дочка нечаянно упала, но этому значения не придала. А оказалось, что у нее сломана ключица, и после возвращения домой ей стало плохо. Позже дочке пришлось сделать три операции в течение полугода, чтобы восстановить ключицу. А я после поездки (через три дня) заболела желтухой, а это 27 дней больничного режима. Всю жизнь я избегала больниц и знала, что не выдержу и трех дней госпитализации, буду переживать за близких: маленького сына и инвалида-мужа — как там они без меня? Я стала молиться и очень просила матушку Серафиму меня укрепить.

В инфекционном отделении, где я лежала, были наркоманы, но мне не мешали ни шум, ни грязь, безпокойство ушло, и я смогла вылечиться. Эти дни я вспоминаю с удивлением, ведь я прекрасно себя чувствовала, как на настоящем курорте — у меня не было ни тени нервозности или дискомфорта.

Такое могло быть только по молитвам матушки.

В декабре 1998 года я осталась без работы, и наша семья стала терпеть нужду. Муж у меня инвалид, и от него помощи не было, а младшему сыну всего три года. Как-то пошла я на автовокзал вместе с дочкой, чтобы проводить ее на автобус до села Юрловка, и на обратном пути зашла на могилку к матушке и со слезами просила помочь мне в устройстве на работу. На следующий день я была в Троицком храме. Вдруг ко мне подошел настоятель отец Георгий и предложил продавать от храма иконы. Я стала работать в надежде, что хоть иногда батюшка даст мне из храма хлеба. Но через неделю у меня была уже хорошая выручка от продажи, и я стала получать зарплату.

В 2000 году мы с братом Виктором Д. заказали на могиле у матушки Серафимы панихиду. Молились ей о своих нуждах и здоровье матери. Маме 65 лет, и у нее очень болели ноги, распухали колени, она почти не ходила в течение двух лет. После панихиды мы взяли песочек с могилки, чтобы прикладывать к ее больным ножкам. Вскоре маме стало гораздо лучше, и она начала ходить.»

Н. В. рассказывает: «У отца В. жена родила ребенка, но молока у нее не было. Тогда он отслужил на могиле матушки Серафимы панихиду и поставил на могилку бутылочку с молоком. И как только его жена коснулась бутылочки, почувствовала, как у нее появилось молоко».

Т. И. свидетельствует:

«Примерно весной 2002 года я переболела гриппом. Одно ухо у меня не слышало уже давно, на второе я оглохла после болезни: не слышала звонков в дверь, телефонных звонков. Врачи сказали: "У тебя ничего нет.

Патологии не наблюдается”. Но я чувствовала, что слух теряю все больше и больше. Однажды на проповеди отца Николая (настоятеля церкви Петра и Павла города Тамбова) я расслышала, что на могилке матушки Серафимы в Мичуринске исцеляются люди, и решила поехать туда вместе с больной 11-летней внучкой Аней, которую вожу на инвалидной коляске. Аня в это время начала говорить некоторые слова, но я их не слышала, видела только, как шевелятся ее губы. На могилке матушки Серафимы я прочитала акафист “Слава Богу за все”, а потом упала на колени и заплакала: “Матушка, помоги мне, как же я буду ходить за Аней, ведь я ничего не слышу. Помоги мне во имя всего святого, молись обо мне”. Потом я взяла ватку, приложила ее к могилке, на ней осталась земличка и песочек, а потом вложила ватку в ухо, и ко мне в этот же момент вернулся слух. Я стала слышать все звуки и то, что говорила внучка».

А. Х. рассказывает:

«Моя дочь Таня под Страстную седмицу видела сон: идет она по кладбищу у Скорбященской церкви, сворачивает на тропинку в сторону могилки, где много народа, — там батюшка служит панихиду. После панихиды священник ушел, а люди стали подходить по одному к матушке, чтобы попрощаться. Когда Таня подошла, то увидела, что матушка лежит в монашеской одежде поверх могилки: головой к кресту, глаза ее закрыты, но она живая. Таня подумала: “Вот бы спросить у матушки, что меня ожидает?” (она была не замужем и долго не могла устроиться на работу). И тут видит, как матушка постепенно открывает глаза, смотрит на нее и говорит: “Глаза я для тебя открыла, спрашивай”. Таня спросила: “Какая меня ждет доля?” Матушка протянула в ее сторону правую руку, а левой (жестом) показала, что все будет хорошо. Тут у Тани мелькнула мысль: “Почему же матушка не говорит, а показывает все на руках?” И вдруг мысленно услышала: “Он будет небольшого чина, но умный”. После этого матушкины губы зашевелились, и она произнесла: “Купи пять свечей”. Когда Таня рассказала мне

сон, мы купили пять свечей, отслужили пять панихид на могилке. После этого по молитвам матушки Серафимы для Тани нашлась работа. В этой организации она познакомилась со своей будущей свекровью, а потом и с ее сыном — будущим своим мужем. Таня вышла замуж, родила ребенка.

Однажды я пришла на могилку к матушке и увидела там состоятельную (по внешнему виду) женщину, спросившую меня: "Скажите, как мне молиться?" Я ответила: "Молитесь, как можете". Мы разговорились, женщина рассказала, что у нее есть подруга, очень почитающая матушку. У этой женщины начались несчастья, но она не переставала ходить на могилку и просить святых молитв Мичуринской старицы схимонахини Серафимы. В это же время ей приснилась добрая старица, одетая во все черное. "Я знаю, что у тебя все плохо, — сказала она. — Но ты не скорби, ходи ко мне на могилку. Завтра положи там свое серебряное кольцо на маленькую проталинку и все у тебя будет хорошо". Когда на другой день подруга пришла на могилку, то подумала: "Какая же проталинка? Мороз минус восемнадцать градусов!" — но проталинку все же увидела и сделала так, как сказала ей во сне матушка. После этого у нее все нормализовалось.

Моя знакомая, отчаявшись, задумала наложить на себя руки. В таком состоянии и с такими мыслями, вся в слезах она заснула и увидела сон. Ее подводят к глубокой пропасти, и она понимает, что падение неминуемо, но вдруг рядом появляется одетая во все черное старица и обращается к ней: "Надя, а разве ты безплодная?" Эти слова она повторила еще раз. После этого Надежда пробудилась и поспешила к своей дочери Елене, чтобы рассказать сон, а потом пришла ко мне. Я напомнила Наде о том, что когда-то она ходила на могилку и просила матушку исцелить ее от безплодия, после чего у нее родились две дочери. Когда Надя увидела фотографию матушки, то подтвердила: "Да, это она являлась мне во сне". У Нади появились слезы раскаяния, и она оставила мысль о самоубийстве.»

Ч. говорит: «Мой муж В. после инсульта день и ночь смотрел телевизор, я очень опасалась ухудшения его состояния из-за отрицательного воздействия телевизора, но он меня не слушал. Я пошла на могилу к матушке Серафиме и просила ее святых молитв. Вдруг прилетела стая голубей, и птицы стали кружиться вокруг меня. Это продолжалось довольно долго и показалось мне необычным. Когда я пришла домой, то телевизор был выключен. Муж не включал его целые сутки. С этого дня он смотрит телевизор гораздо реже».

Протоиерей Николай поведал о том, что к нему подошла женщина после того, как отслужили панихиду по матушке, и сказала: «Вот дочь говорит мне: “Мама, опять будешь хвалиться”. А я не могу молчать. И хочу рассказать вот что: после травмы у меня сильно болела голова, я просила у матушки помощи, приходила к ней на могилку. И спустя некоторое время она мне приснилась. Подошла ко мне молча, улыбнулась и провела рукой от головы к спине. После этой ночи боли меня не безпокоят».

Бывшая послушница старицы Серафимы Е. говорит:

«Недавно вижу сон: вхожу в храм, а в притворе большие свечи горят, стоят хоругви и гроб. Понимаю, что торжество, а какое — не знаю. Тут подходит ко мне отец Макарий (покойный схиархимандрит) и, показывая на гроб, говорит: “Иди, приложись, ведь это матушка”. Я приложилась, а она повернула голову: “Дунятка, ты?” Сердце мое так и зашлось от радости. Я воскликнула: “Чудеса-то какие!” А отец Макарий сказал: “И были, и будут”».

В апреле 2003 года двадцатилетняя Алексадра К. рассказала:

«В 2000 году я обратилась за помощью к матушке Серафиме из-за того, что мой муж Андрей пристрастился к наркотикам. Мы с ним ходили в храм и на могилку к матушке, молились об избавлении от этой напасти. Я просила Бога, чтобы молитвами матушки жизнь наша изменилась в лучшую сторону. Андрея осудили на один год, и за решеткой он не принимал наркотиков. Раньше его увозили в больницу и с помощью капельницы сни-

мали интоксикацию. Теперь он живет нормальной жизнью, у нас скоро будет ребенок. Похожая история произошла с моей подругой, и ей тоже помогла матушка Серафима. Ее муж перестал принимать наркотики».

Валентина А. утверждает, что матушка Серафима помогла ей поправить здоровье: «Я онкологически больна уже 21 год. Лежала в онкологии областного центра, где мне делали операцию. Постоянно заказываю по матушке панихиды, прошу молитвенно о помощи и чувствую себя хорошо».

В апреле 2003 года Нина П. сообщила следующее:

«Я очень хотела причаститься на Пасхальной неделе. Но сильно болел желудок. Принимала таблетки, но ничего не помогало. Тогда я стала готовить отвар из сушеных цветочков, взятых с могилки матушки, и желудок перестал болеть. Я смогла, как положено, подготовиться и причаститься Святых Христовых Таин».

Елена Г. из Мичуринска свидетельствует:

«У меня есть фотография матушки Серафимы. Я молюсь перед ней, прошу помощи во всех своих житейских делах. В июле этого года я заметила, что фотография изменилась: одежда матушки стала как бы светлее. Рассмотрев фотографию ближе, увидела на ней капельки. Я отнесла фотографию матушки Серафимы в храм и показала ее настоятелю Боголюбского собора отцу Анатолию Солопову. И он подтвердил факт мироточения.

Весной 2003 года я зашла в келью матушки Серафимы, где в это время шла уборка. Неожиданно для себя я стала чувствовать благоухание, но никому ничего не сказала, так как усомнилась, думая, не кажется ли мне это. В келье была Лидия из Кочетовки. Она спросила, не чувствую ли я благоухания. И подтвердила, что благоухание это чувствуется в келье уже с полчаса».

Людмила Д. рассказывает:

«Я очень полная, хожу с трудом и однажды поскользнулась, упала и ударилась головой. В общей сложности у

меня уже было три сильнейших сотрясения мозга. После последнего случая начались дикие головные боли. Иногда казалось, что в голове кипяток. У меня и так масса всяких заболеваний, а тут еще к голове нельзя прикоснуться. От болей я не могла спать и засыпала часа в два ночи. И вот я заснула и увидела сон: на пригорке цветы и скамеечка. На ней — матушка Серафима, которой я постоянно молилась. Натруженные руки матушки лежали у нее на коленях. Я упала перед ней на колени и уткнулась головой прямо в руки с мольбою: "Матушка, помоги!" Матушка стала гладить меня по левой больной стороне головы, а потом по спине. После этого чудесного сна боли прошли и уже не возвращались.

У меня была знакомая, ныне покойная Ивахненко Тамара Борисовна, которая болела раком. Я ей много рассказывала о матушке Серафиме, и она стала просить Бога дать ей возможность побывать на ее могилке.

Мы обсуждали то, как ей лучше это сделать. У Тамары была одна нога очень отечная, и она думала, что на нее надеть. "Носок шерстяной даже не налезет", — сокрушалась она. И вот на другое утро после нашего разговора она меня позвала, показала огромный носок и сказала: "Ты не поверишь: проснулась, а рядом один маленький носок, а другой в три раза больше".

Так Господь дал ей возможность побывать на месте упокоения матушки Серафимы. И она, хотя и не исцелилась, все равно укрепилась в вере и умерла утешенной.»

Матушка Иоасафа из женского Алексеевского Акатова монастыря города Воронежа (в миру Мария М.) поделилась воспоминаниями:

«Шесть лет я не ходила из-за того, что у меня болели ноги. Эти страдания привели меня к вере, и, несколько окрепнув, я стала посещать храм, молиться. И еще я полюбила нищих, жалела и плакала, глядя на них. Была у нас в то время одна бездомная женщина с больными ногами — ее не все пускали ночевать, так как у нее на ногах сильно гноились язвы, а я не гнушалась и даже спала рядом с ней на сеновале. Бывало, скажут мне: "Как ты так можешь?" А

дело все в том, что я запахи не различала: мне что духи, что керосин.

Ходила я обычно в храм в Мордово. Туда приезжали отец Виталий (схиархимандрит Виталий (Сидоренко)) и отец Власий (схиархимандрит Макарий (Болотов)), и здесь была особая духовная атмосфера.

Однажды я видела Мичуринскую матушку — схимонахиню Серафиму. Она шла по храму со стороны клироса. Очень строгая и, как мне показалось, очень высокая. Покрыта она была большим платком, заколотым под подбородком, а под ним, наверное, был апостольник. Я тогда еще не знала, что есть тайные монахини. А тут догадалась, что Мичуринская матушка — монахиня. Это было незадолго до ее кончины.

Знакомые мне девчата постоянно ездили в Мичуринск к матушке, и она, бывало, к ним приезжала, но мне ничего об этом не говорили. Спросишь их: "Кто это был?" Они всегда отвечали: "Не знаем". А после матушкиной кончины дали мне фотокарточку с погребения: "Вот, гляди". Посмотрела я, а они все там. Но я на них не в обиде...

В Мордовском храме я шесть лет проработала сторожем. Бывало, даже не прикорну. Псалтирь с собой брала, но только открою: ребятишки в ограду лезут, тогда я их вразумляю: "Нельзя. Это храм". Но однажды я все же задремала и увидела сон: открываются двери храма, и народ идет на службу. Я испугалась: "Как это могло случиться? Или я проспала, или замок сбили? Ключ-то только у меня". Вижу, что по левую сторону от входа в храм на паперти стоит странница вся в черном. Она спрашивает у меня: "Ты не знаешь матушку Матрону? Поищи ее". Я очень расстроенная раздраженно ответила: "Не знаю я никакую матушку Матрону". А она подала фотокарточку и говорит: "Посмотри, может узнаешь?" Я взяла фотокарточку, посмотрела: "Это матушка Мичурин... — не договорив, подняла на нее глаза и продолжила — ...ская". И тут же ее узнала. Я улыбнулась, и она мне тоже. Я видела ее в эту минуту в одежде схимонахини.

Когда я пробудилась ото сна, то все о нем думала. По дороге домой поделилась с работавшей в храме Марией

Ивановной: “Сестричка, угадай, кого я сегодня видела во сне, может, мой сон имеет какое-то значение?” Рассказала ей обо всем. А она даже ногой топнула и говорит: “Сестра, ты меня удивила. Сегодня годовщина матушки. Ее ведь звали Матрона Поликарповна”.

Вот так матушка во сне открыла мне свое первое имя и то, что она в схиме.»

Л. В. И. из Тамбова рассказывает:

«Я — бывшая учительница, сейчас на пенсии. От одной знакомой, которая часто бывает в Мичуринске, узнала о матушке Серафиме.

У меня очень заболела нога, я ее буквально тащила за собой и думала, что придется покупать бадик. Стала просить Божией помощи у матушки. Решила поехать в Мичуринск, к ней на могилку. Когда приехала, взяла с могилки песочек и насыпала прямо в колготки, несмотря на то, что была зима. Взяла еще песок с собой и дома растирала им ногу. Это было в 1999 году, и с тех пор нога меня не безпокоит».

А. И. А. тоже делится воспоминаниями:

«Примерно в 2000 году моя сестра Светлана искала работу, но не могла найти. Ходила по организациям, но безрезультатно. В то время и я была без работы, а отец у нас инвалид, средств на существование не было.

Сестра как-то возвратилась после поисков работы и обнаружила, что все документы потеряны. Мы искали дома, но, очевидно, сестра их где-то потеряла. Я пошла на могилку матушки Серафимы и стала со слезами просить помощи. Ходила туда несколько раз, молилась, плакала. Через две недели отец решил пойти за хлебом (обычно просил знакомых ребятишек) и стал спускаться по лестнице. На окне лестничной площадки увидел сверток, а в нем документы Светланы. Это было настоящее чудо. Вскоре сестра устроилась на работу, а через некоторое время и я. Раньше меня брали продавцом на уличных лотках, другой работы не было. А в этот раз взяли в магазин, и все меня устраивало — и время работы, и зарплата».

Л. П. Д. рассказала следующее:

«У меня умер муж, и я не знала, как избавиться от уныния. У меня сын и дочь. Дочь сошлась с одним человеком, который меня не признавал, выгонял, если я приходила к дочери, а мне было жалко ее за то, что она очень много, прямо-таки рабски, на него работала.

Однажды, когда я пришла к дочери, он меня грубо выгнал, и я ушла в слезах. Я знала о могилке матушки Серафимы и пошла туда в большой скорби. Плакала и просила, чтобы матушка помогла. По молитвам матушки дочь его оставила. И теперь мы живем мирно».

Анастасия П. попросила матушку Серафиму о том, чтобы сбылась ее мечта: учиться музыке и петь в храме. И в тот же день к ней подошла регент Скорбященской церкви и предложила петь на клиросе.

А другая жительница Мичуринска Е. В. П. поведала такую поразительную историю:

«Со своим будущим мужем я познакомилась в ЦГЛ. Он приехал учиться в аспирантуру с Дальнего Востока. Я тоже там училась, мы познакомились. Свадьбу сыграли в Мичуринске, и на ней я узнала от свекра, что его отец (то есть дед моего мужа) — колдун и что, умирая, передал все свекру. Этому я тогда не придала значения. В Бога верила, но не знала, что на брак надо брать благословение, венчаться.

Мы жили с моими родителями. Муж носил всегда с собой карты, гадая, предсказывал будущее, это меня пугало и смущало. Муж говорил даже, что я куплю — какие туфли, одежду, рассказывал мне о моем прошлом.

Он хотел снова уехать на Дальний Восток и звал нас с сыном, но я не соглашалась. Потом переехал от нас в общежитие, чтобы никто не мешал его учебе. За неделю до Вербного воскресения мы с сыном Петей гуляли возле реки. Когда шли по перекидному мосту, муж подозвал его к самому краю моста и сказал: "Давай будем в воде рыбок смотреть". Он наклонил сына к воде. Я испугалась и стала читать вслух "Отче наш". И тут увидела

шедших по мосту двух мужчин, один из которых оказался знакомым. Муж отпустил сына, и мы вернулись домой. Я успокоилась.

На Вербное воскресение мы опять пошли гулять к реке, на молодежный пляж. По воде плыли льдины, а мы сели на лавочку недалеко от реки. Муж встал и пошел к краю берега и стал звать к себе сына: "Иди сюда". На меня нашло какое-то оцепенение. В это время к лавочке подошла старушка. Она села рядом с нами, назвала меня и сына по именам, а потом обняла его со словами: "Ты, Петя, к нему не ходи, сиди здесь". Петя (ему было тогда три года) отвечал: "Но ведь папа зовет". А она тем временем стала указывать ему на кнопочки нашего магнитофона и спрашивать, какая из них для чего. Петя отвечал. Муж очень разозлился и нагрубил этой старушке. Я его слов не помню, но тогда подумала: "Как это он может с пожилым человеком так обращаться". А она на мои мысли вслух ответила: "Ничего, ничего. Я с ним справлюсь". А потом мужу: "Ничего, не с такими справлялась. Слажу". Несмотря на то, что было холодно, она была легко одета — кофта, юбка ниже колен, белая косынка, на ногах простые чулки и тапочки. Сама — худенькая, ножки и ручки тоненькие, бледная, под глазами круги. А на муже была куртка.

Потом муж сказал ей слова, значение которых я не поняла тогда: "Она не справится". "Справится, она сильная", — отвечала бабушка. "Это она-то?" — муж пренебрежительно усмехнулся. А старушка говорит ему: "Ты уезжай, а она пусть остается". И, обращаясь ко мне и Пете, сказала: "Вы идите, вас уже ждут. Никуда не заходите, я за вами буду смотреть".

Меня напутствовала так: "Тебе предстоит пройти трудный путь, но Господь будет тебе помогать. Думай только о хорошем, и у вас с Петей все будет хорошо". Мы пошли домой. Вскоре муж уехал, а уезжая, сказал: "Вас спасла местная святая". Я это запомнила.

Прошло несколько лет. Один человек из Боголюбского храма дал мне текст песнопения, сложенного о матушке Серафиме. Я его прочитала и прослезилась. Впервые

я узнала об этой козловской (Мичуринск до революции именовался Козловом) святой из газеты "Мичуринская правда", там было написано об открытии часовни на ее могиле.

Пришла на могилку как к родной: "Матушка, вот я и пришла". На фотографии, приклеенной к кресту, я без труда узнала ту самую старушку, которая сидела с нами у реки 9 лет назад, в 1994 году. А ведь скончалась матушка в 1966-м...»

Протоиерей Николай Засыпкин рассказывает:

«После смерти матушки, с первых же дней начались чудеса. Их было очень много.

И одно из них, которое совершилось совершенно недавно — это исцеление мальчика, которому предстояла операция в связи с сужением сосудов головного мозга. Он лежал в нашей тамбовской больнице, затем в московской клинике. Родителям посоветовали съездить на могилку матушки. Они съездили один раз, затем второй. Мальчик видел сон перед второй поездкой, — что едут они на машине, а в машине с ними сидит женщина в темном и говорит: "Поедете вы в Москву, поездка ваша будет благодатная. Будете там четыре дня, а операцию делать не надо". А когда пришли на могилку, этот мальчик, до этого не видевший портретов матушки, увидел портрет и говорит: "Вот тетя, которая с нами ехала". Ну они и поехали в Москву. Сделали зондирование, и оказалось, что диагноз не подтвердился, хотя до этого его дважды подтверждали обследования в Тамбове и в Москве. После этого они съездили в Троице-Сергиеву Лавру, поблагодарили преподобного Сергия и счастливые вернулись восвояси. Я был свидетелем их радости. У меня до сих пор эта радость вот здесь — в сердце. На их лицах было торжество.

А вот что совсем недавно мне рассказывал о. Алексей Гирич, который сейчас является председателем приходского совета Скорбященского храма, рядом с которым находится могилка матушки Серафимы. Одна женщина лежала в больнице — предстояла операция по удалению кисты на почке. Делали УЗИ неоднократно. Перед опера-

цией она пришла на могилку, слезно просила матушку о помощи. Сделали еще одно обследование — никаких признаков болезни не оказалось.

У другого пациента после многократных обследований тоже была обнаружена киста на правой почке. Уролог сказал, что необходимо ложиться на операционный стол. А пациент говорит:

— Не лягу.

— А на что Вы надеетесь? — удивляется врач.

— Да рассосется — отвечает больной.

— Она не может рассосаться.

— Это у Вас не может, а у нас рассосется.

Он просил молитвенной помощи у матушки Серафимы. Слава Богу, уже три года прошло — этот пациент все еще жив, хоть не совсем здоров, но живой.

Еще один случай. Один молодой мужчина никак не мог найти работу. Вот поехал он к матушке на могилку, попросил ее, и тут же после этого, на второй день, ему предложили работу».

Со дня блаженной кончины Мичуринской старицы прошло без малого 40 лет, однако имя ее хорошо знают люди, родившиеся после ее смерти и никогда не бывавшие в Мичуринске. Не иссякают чудеса и исцеления на месте упокоения матушки, растет и ее почитание в народе. Благодарные мичуринцы замостили дорожку от церкви до самой матушкиной могилки, над которой с 1998 года стоит надгробная часовня, устроенная стараниями бывшего тогда благочинным храмов Мичуринского округа Тамбовской епархии протоиерея Александра Филимонова.

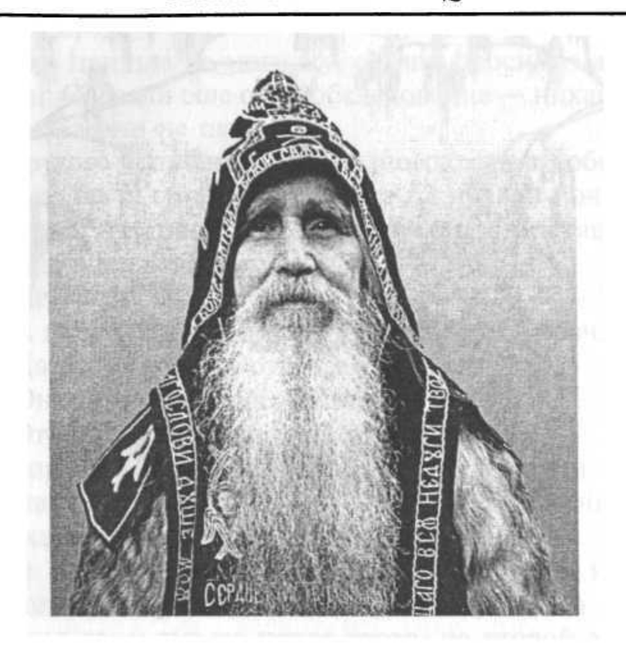
Хочется верить, что канонизация мичуринской подвижницы уже не за горами, и Господь сподобит нас с вами великой радости воспеть со всей церковной полнотой: «Преподобная мати Серафима, моли Бога о нас!»

Часть 3

ОПТИНСКИЙ СТАРЕЦ

Жизнеописание схимонаха Иоасафа (Моисеева)

Жизнь преподобного Иоасафа, дивного угодника Божия, есть свидетельство той утешительной истины, что земля Русская никогда не оскудевала великими молитвенниками, проводившими свою подвижническую жизнь в безвестности, в потаенных местах, и своей молитвой сдерживавшими натиск темных сил, стремящихся духовно низложить и уничтожить Россию.

Иеромонах Нестор (Кумыш)

В память вечную будет праведник

Предисловие

Жизнь одного из последних Оптинских старцев преподобного Иоасафа (Моисеева), скончавшегося 7 апреля 1976 года, практически неизвестна православным христианам наших дней. Жил он в затворе, в провинциальном городке Грязи Липецкой области. Сохранившиеся и опубликованные сведения о нем настолько скудны, что из них трудно получить представление об этом подвижнике. Но Всеблагий Бог, прославляющий дивных угодников Своих, заботится и о сохранении памяти о них в христианском роде. Память о преподобном Иоасафе не исчезла, несмотря на его сокровенную и скрытую от мира жизнь. Его облик предстает перед нами в воспоминаниях его келейницы, схимонахини Николаи, являющейся ныне насельницей Псковского Снетогорского монастыря. Из ее рассказа можно видеть, какого исключительно высокого духа человек совсем недавно жил среди нас и какие неизвестные миру «работники» есть у Бога. Житие преподобного Иоасафа, дивного угодника Божия, есть свидетельство той утешительной истины, что земля Русская никогда не оскудевала великими молитвенниками, проводившими свою подвижническую жизнь в безвестности, в потаенных местах, и своей молитвой сдерживавшими натиск темных сил, стремящихся духовно низложить и уничтожить Россию.

Иеромонах Нестор (Кумыш)

Представляем рассказ схимонахини Николаи, дополняя его материалами иеромонаха Нестора (Кумыша) из его краткого «Жизнеописания Оптинского схимонаха Иоасафа (Моисеева), исповедника».

Поступление в монастырь

Схимонах Иоасаф, в миру Петр Борисович Моисеев, родился в 1889 году в поселке Митинского чугуно-литейного завода (в настоящее время поселок Песоченский Суворовского района Тульской области). Его отец, Борис Кондратьевич, работал механиком на Митинском заводе, а мать Пелагея была домохозяйкой. Родители будущего подвижника были людьми набожными и благочестивыми и своих детей также старались воспитывать в религиозном духе. Еще до замужества Пелагея отправилась с подружками в Оптину пустынь, чтобы взять благословение у преподобного Амвросия на дальнейший жизненный путь. Старец всех ее подружек отправил в монастырь, а Пелагее назначил оставаться в миру и спасаться скорбями. «О, модница, — сказал он ей и при этом клюшкой по спине постучал, — иди в Скорбященскую обитель: у тебя будет много детей». Действительно, сын Петр был у Пелагеи тринадцатым ребенком, а всего семья Моисеевых насчитывала 15 детей. До революции супруги Борис и Пелагея со своими детьми жили в отдельном доме, держали скотину, имели небольшую кузницу со слесарным оборудованием и инструментом.

До 13-ти лет Петя жил в доме у матери, закончил местную сельскую четырехклассную школу, в приходской церкви пел на клиросе, а потом вот как вышло. Мать как-то, уходя из дома, дала детям задание снопы скошенной ржи собирать в копны, а они его не выполнили. Вместо этого взяли рожь у соседки и перенесли на свой огород. Та, конечно, обнаружив пропажу, пожаловалась Пелагее: «Ивановна, твои ребятишки что сделали: всю мою рожь к тебе перетаскали». Мать, разумеется, за такие дела их всех наказала, побила даже. И Пете попало. Он залез под кровать и давай плакать. Потом подумал: «Что я тут плачу? Пойду в Оптину». Вылез, оделся, никому ничего не сказал и за 30 верст пошел в Оптину. Уже к вечеру

пришел в монастырь и говорит привратнику: «Батюшка, пропусти меня, я в монахи хочу». Привратник отвечает: «Какой из тебя монах? Сколько тебе лет-то?» — «Тринадцать с половиной», — ответил Петя и начал настойчиво упрашивать привратника. Тот видит, что мальчонка не шутит, пошел докладывать настоятелю отцу Мелетию. Настоятель выслушал привратника и велел пропустить. Петю привели к отцу архимандриту, разузнали, кто он, откуда, потом проверили голос. Настоятель духовный был человек и в приходе Пети распознал волю Божию, сразу почувствовал в мальчике что-то особенное и говорит ему: «Тебе сейчас нужно вернуться домой. Ступай, монастырский брат тебя проводит. А потом возвращайся, но с отцом и документами. Тогда мы тебя непременно возьмем».

Пока Петя в Оптину ходил, дома переполох поднялся. Мать в тревоге и слезах, плохо с ней делается, что ребенок пропал. Когда мальчик на пороге показался, она к нему навстречу и с радостью, и с упреками бросилась: «Ох, Петя, что ж ты со мной сделал?» Он ее успокаивает: «Мамочка, мамочка, не плачь, я уже монах, меня в монастырь берут. Мне в рухольной смерили подрясник и сказали, чтоб я пришел с папой». Когда отец, вернувшись с завода, все узнал, то решил: «Пусть идет, хоть один будет монахом, я его провожу». И вот отец повел его в монастырь. Довел до святых врат и остался там ждать, сам в монастырь не пошел. Долго ждал. Прошло порядочно времени, а Петя все не возвращается, чтоб с отцом попрощаться. Тогда отец не выдержал и вызывает его через послушника. Петя выходит из врат и говорит: «Папа, здесь — как в раю, я и забыл, что ты меня ждешь. Иди, я тут остаюсь».

В обители

Поступив в обитель, Петр, обладавший красивым тенором, нес поначалу клиросное послушание. На службу приходилось вставать рано, в три часа ночи. Тишина, все спят, а они молятся. Однажды монахи решили подшутить над новичком. Довелось ему канонаршить. «Изведи из темницы душу мою... Мене ждут праведницы...» — возгласил Петя. А монахи отвечают: «Грешницы тебя ждут». Петя не выдержал и засмеялся. За это его наказали поклона-

ми и лишением обеда. И вот все на трапезу пошли, а он в храме остался поклоны класть. И обидно, и есть хочется, и стыдно в то же время за свой проступок.

Одновременно он обучался в монастырской ремесленной школе слесарному ремеслу. Впоследствии ему, как человеку, приобретшему в доме своего отца и в монастырской школе навыки слесарного производства, приходилось трудиться и на послушаниях, связанных со слесарным делом. Но недолго он пробыл в монастыре. В 1910 году оптинский послушник Петр Моисеев, овладевший в обители приемами ремесленно-слесарного мастерства, был призван в 6-й драгунский Глуховский полк в качестве младшего оружейного подмастерья, где со временем получил звание младшего унтер-офицера. Следует сказать, что военные призывы довольно часто опустошали монастырь. В жизнеописании преподобного Нектария Оптинского говорится: «Года через два по поступлении преподобного Нектария в скит вышло распоряжение властей о высылке из обители всех послушников, подлежащих военному призыву. "И мне, — рассказывал позже отец Нектарий, — вместе с другими объявили о высылке из скита. Но, к счастью моему, по святым молитвам старца Амвросия, опасность эта миновала"» (Преподобные старцы Оптинские. Жития и наставления. Оптина пустынь).

Целых восемь лет пребывал в разлуке с Оптиной послушник Петр. В 1918 году, после окончания первой мировой войны, Петр Моисеев был демобилизован из армии и вернулся к себе на родину, в поселок Митинского завода, и некоторое время, до окончания гражданской войны, проживал в доме родителей.

Восьмилетняя служба в армии, два года кровавой междоусобицы, перемена власти в стране и начавшиеся гонения не внесли изменений в духовную настроенность будущего старца. В 1920 году Петр при первой же открывшейся возможности возвращается в Оптину пустынь и вновь вступает в иноческое братство. Однако и на этот раз его пребывание в обители было недолгим, но теперь уже по другой причине. В 1923 году власти закрыли монастырь, а Петр Моисеев, разделяя участь монастырской братии, в числе оставшихся 75 монахов был отправлен в Калугу, где в течение двух лет вме-

Оптина пустынь.
Послушник Петр Моисеев,
будущий схимонах Иоасаф.
1900-е гг.

сте с другими насельниками обители находился на принудительных работах. С этого момента для него наступает полоса гонений, которая продлится в его жизни 30 лет и закончится для него в 1954 году.

Схимонахиня Николая (Яковлева), келейница отца Иоасафа, вспоминает рассказы старца о том времени:

> «Когда закрывали монастырь, монахам сказали: “Живите, только это будет называться артель, а не монастырь”. Поэтому они уже начали уходить, кто куда. Вольные уже были. Потому что и послушания уже изменились. Власти руководство свое поставили, которое стало свои порядки вводить: “Вот тут нельзя, это нельзя”. И начали они разбредаться. А перед закрытием монастыря батюшка стоит как-то в храме и слышит от иконы Матери Божией голос: «Возьми Меня, а то обдерут Меня». И он взял Казанскую Матерь Божию. Она чтимая была, убранная драгоценными камнями. Но уже описана была властями. Настоятель пропажу заметил и объявляет: “Кто

взял икону, положите ее на могилу отца Амвросия". И тогда о. Иоасаф ее положил на могилку о. Амвросия. И впоследствии все украшения и риза позолоченная на иконе были сняты. Но все-таки батюшка кое-что спас. Монастырь уже был закрыт, а ключи были у одного монаха, и он его пригласил проститься с монастырем. И вот висит схима, предположительно, отца Амвросия, и тот монах отдал ее о. Иоасафу. Потом перед заключением в лагеря он передал эту схиму козельским монахиням на хранение. После ссылок инокини вернули ему схиму. По смерти батюшки она попала ко мне, а я уж отдала ее в Оптину. Поначалу, когда обрели мощи преподобного Амвросия, его останки одели в эту схиму.»

Постриг

Постригали батюшку в мантию на Оптинском подворье в Москве в 1925 году, на Благовещение. При постриге он получил имя Иосиф, в честь святого Иосифа-песнописца. По традиции новопостриженный монах должен пять дней пребывать в храме, но по случаю смерти Святейшего Патриарха Тихона батюшку перевели с подворья Оптиной пустыни в Донской монастырь. Тут он получил послушание: стоять с патриаршим крестом при гробе почившего святителя. У гроба Патриарха батюшке было видение, которое он помнил всю свою жизнь: вдруг отверзлось небо, и он увидел восходящего на небеса Святейшего Патриарха Тихона и убиенную Царскую Семью. Это видение произвело на него очень глубокое действие, и он всегда его помнил.

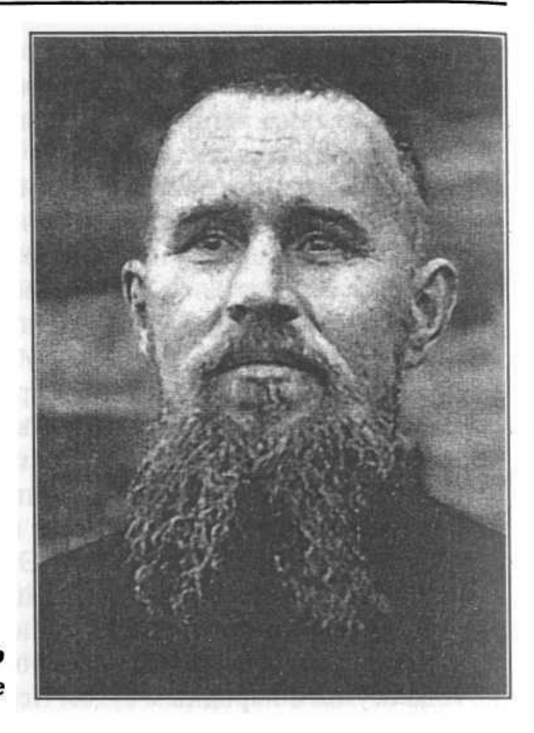
Аресты и лагеря

По окончании срока принудительных работ отец Иосиф, уже как монах, был лишен гражданских прав и отправлен по месту жительства своих родителей, в поселок Митинского завода. Около двух лет он провел в родном доме, а затем, в начале 1928 года, к своему счастью, устроился певчим в один из храмов ликвидиро-

ванного московского Даниловского монастыря, который к тому времени существовал как приходской. Но эта радость оказалась весьма непродолжительной. В 1930 году власти окончательно закрыли обитель, и отцу Иосифу пришлось вернуться обратно в поселок Митинский.

В отцовском доме гонимый монах, лишенный возможности наравне с другими полноправными гражданами зарабатывать себе на хлеб законным путем, занимался кустарной работой: брал у сельчан в починку швейные машинки, часы, металлическую посуду и прочие предметы быта. Вскоре у слесарного мастера, быстро приобретшего в округе известность своей исполнительностью и добросовестностью, образовался излишек материальных средств. На деньги, заработанные кустарным промыслом, отец Иосиф изготовил станок для производства церковных свечей и стал снабжать ими окрестные храмы. Эта нелегальная помощь отца Иосифа приходам, испытывавшим в те времена острую нужду в свечном товаре, стала известна органам власти. 14 августа 1936 года он был арестован и 21 сентября того же года осужден народным судом Черепетского района Московской области по 99-й статье УК РСФСР на один год исправительных работ.

По окончании срока отец Иосиф вернулся к себе домой. Пребывание его на свободе было весьма недолгим. Надвигалась печально знаменитая волна репрессий 1937-1938 годов, уничтожившая практически все духовенство Русской Православной Церкви. 4 октября 1937 года отец Иосиф был арестован вторично по 58-й статье УК РСФСР за антисоветскую деятельность. Через пять дней, 9 октября, он был вызван на допрос, на котором ему было предъявлено стандартное обвинение в антисоветской агитации, а также в организации нелегального собрания с целью сбора средств для ходатайства об открытии местной церкви. Арестованный отверг все возводимые на него обвинения и отказался признать себя виновным в контрреволюционной агитации, не оговорив при этом никого из тех, кого знал. 19 октября 1937 года решением Тройки при Управлении НКВД по Тульской области монах Иосиф, в миру Моисеев Петр Борисович, был приговорен к 10 годам лишения свободы с отбы-

Монах Иосиф (Моисеев) в тюрме

ванием срока наказания в исправительно-трудовом лагере. На следующий день он был отправлен в Ярославскую область, в местность, где находился Волголаг. Во время заключения он проживал на лагерном пункте Морозиха и использовался в лагере в качестве лесоруба. Льгот, поощрений и взысканий за период отбывания срока наказания заключенный Моисеев Петр Борисович не имел.

Несомненно, что тот призыв в армию, который произошел с отцом Иосифом в 1910 году и который он тогда переживал как глубокую душевную драму, оказался впоследствии для него промыслительным и спас ему жизнь в годы гонений. Если бы послушник Петр Моисеев остался в те годы в обители, то к революции был бы уже в сане священнослужителя. И тогда во время так называемого «большого террора» в 1937-1938 годах непременно оказался бы в числе расстрелянных. А так как он не являлся в тот период почти поголовного истребления духовенства ни священником, ни диаконом, то и получил по этой причине другую

меру «социальной защиты» — 10 лет исправительно-трудового лагеря.

Келейница отца Иоасафа вспоминает:

— Монахи после закрытия монастыря возле Оптиной скитаться начали. В Козельске селились, в Мичуринске селились... Отец Иосиф у мать Серафимы (Белоусовой) сначала жил, потом у другой монашки. И вот вскоре их начали забирать. Собрали со всех мест. Батюшку арестовали, а вместе с ним забирают отца Севастиана (Карагандинского, который сейчас во святых), иеромонаха Рафаила, схиигумена Петра (Драчева), схиархимандрита Мелетия, который отца Иосифа при постриге принимал. (Он в Козельске потом схоронен был, на кладбище.) И других монахов.

Присудили батюшке 10 лет лагерей. Когда он первый срок сидел, то работал на лесоповале. Работал с уголовниками, грязными людьми, они издевались над ним, били его. Одному как-то стал помогать, а он его как ударит в щеку. В Евангелии написано, что если в одну дали, так другую подставляй. Батюшка и говорит: «Ну что ж, давай и в другую». Тот и второй раз ударил. И батюшка упал, лежал без памяти. Вот с такими людьми работал...

Он отказывался на других доносить. Некоторые соглашались, так как обещали за это отпустить побыстрей. Но батюшка знал, что доносить — это занятие диавольское. Его еще в камеру когда сажали, то к нему подсадили одного молодого, тоже верующего. Разговорились. «Я вот за что, а ты за что?» — «Да я вот за что». А сам его так обнимает, как будто рад, что встретил. Но батюшке о нем открыто было: глянул на него и увидел его в змеином облике. Сам даже удивился. «Да что же это такое, — говорит, — чего это я тебя таким вижу?» Тогда его товарища перевели в другую камеру.

Непосильный лагерный труд, жестокие условия содержания заключенных довольно скоро истощили силы оптинского монаха. Через пять с небольшим лет пребывания в

лагере его физическое состояние подошло к критической отметке. 19 января 1943 года отец Иосиф по причине серьезного ухудшения здоровья был актирован из Волголага. По освобождении ему было предоставлено право проживания в Брейтовском районе Ярославской области. Три года провел на свободе отец Иосиф. Этот период был для него временем краткой передышки и накопления сил для перенесения очередного испытания: третьего, последнего, срока заключения.

29 января 1946 года отец Иосиф по решению следственного отдела КГБ по Ярославской области был подвергнут очередному, третьему в своей жизни, аресту и препровожден в тюрьму г. Ярославля. Основная причина, по которой он вновь оказался привлеченным к ответственности, заключалась в том, что пребывание в Волголаге нисколько не изменило его религиозных убеждений. Вернувшись на свободу, отец Иосиф незамедлительно возобновил свою церковную деятельность, почему и был назван в донесении оперуполномоченного «активным церковником».

Чтобы иметь возможность участвовать в богослужении, он, невзирая на запрет властей покидать пределы Ярославской области, уходил в храмы Калининской области, а именно: в Чаморовскую, Дубровскую, Николо Реня и Титовскую церкви. В последней отец Иосиф даже некоторое время служил псаломщиком. Таким образом, лагерная жизнь не привнесла никаких изменений в жизненную позицию отца Иосифа. Оказавшись на свободе, он не только продолжал держаться церковного образа жизни, но и старался по мере возможности, с риском вновь оказаться за решеткой, принимать участие в богослужении. Именно за это он и был арестован в 1946-м году, разделив тем самым участь тех репрессированных в эти годы христиан, которые по окончании срока, полученного в 1937 году, и по возвращении на свободу, не пожелали «вписаться» в обычную трудовую жизнь советского общества. Власти рассчитывали, что все те, кто в 1937-1938 годах, по тем или иным причинам избежав расстрела, получили 10-летний срок за веру во Христа, непременно изменят свои взгляды после прохождения суровой и безчеловечной лагерной «обработки». Но среди

выпущенных на свободу оказались и такие, кто сохранил прежний образ жизни. Они-то и подвергались в послевоенные годы повторным арестам и высылкам.

По рассказам схимонахини Николаи:

— Когда батюшку после первого срока выпустили, то он у одной монашки на квартире остановился. А видать, нельзя ему было тут селиться. Но куда ему деваться? Устроился псаломщиком в церкви. Прослужил, может, месяц какой-нибудь, и его опять арестовали. Племянница монахини, у которой он поселился, с простоты пришла в сельсовет и говорит: «Какой монах красивый пришел из заключения». «Какой такой монах?» — спрашивают. «Да у тетушки у моей, у крестной, на квартире», — отвечает. Хоть вот и с простоты, а вот так она его и предала. И все — после этого его забрали сразу. Идет он по деревне, а навстречу ему едут на двух конях. Батюшка говорит: «Это за мной». Подъезжают, и один спрашивает: «Фамилия?» Он говорит: «Моисеев Петр Борисович». И прибавил: «Эх, какая ловля-то у вас». Завезли его, куда следует, и говорят: «Распишись, что ты против колхозов». А он отвечает: «А что это такое? Не имею представления». Тогда начали его бить, сломали ему два пальца, чтоб расписался. Но он все равно свое: «Не буду расписываться. Как веровал, так и верую, как молился, так и буду молиться, я монах, а вы, как хотите, так и поступайте. Надо вам — сажайте. Зачем вы какую-то роспись требуете? Я не знаю, чего вы тут подписывать заставляете». И не расписался. Тогда его увезли и еще 10 лет дали.

Следствие по делу Моисеева Петра Борисовича продолжалось в течение двух месяцев. Вместе с ним арестовали еще четверых человек, но троих потом отпустили. В ходе дознания арестованный Моисеев подвергся трем допросам и нескольким очным ставкам. Его обвиняли и изобличали в антиколхозной агитации и клевете на материальное положение советских граждан. Ни на следствии, ни на суде отец Иосиф виновным себя в предъявленном обвинении не признал и категорически отверг все показания лжесви-

детелей, трое из которых оказались подсаженными в его камеру провокаторами. 20 мая 1946 года судебная коллегия по уголовным делам Ярославского областного суда приговорила Моисеева Петра Борисовича к 10 годам лишения свободы.

— Вторые 10 лет были полегче, чем первые, — рассказывает келейница оптинского старца. — У батюшки в этот раз на зоне была своя кузница. Он очень по железкам был мастер. Мог и часы, например, наладить. В Митином Заводе, где он в детстве жил, там все по железкам работали. И отец его там работал. Он, видать, возле отца крутился и многому от него научился. Лагерное начальство его любило за то, что он умел все делать. Одному начальнику даже пуговицы выковал. Начальник ему говорит: «Если бы меня перевели, я бы тебя с собой взял. Больно ты деловой». А когда лишился части зубов, то вставные зубы себе сделал. После этого его многие зэки стали просить, чтобы он и им такие же сделал. А начальник ему говорит: «Моисеев, в миру и то это не положено, ты чего выдумал-то?» Батюшка отвечает: «Начальничек, ведь хлебушка-то охота». Заключенные чего-нибудь ему давали за работу. «Брось, — начальник говорит, — а то тебе еще тут прибавят». Но ничего, обошлось. Два раза даже за этот второй срок батюшка причаститься смог. Однажды в женской зоне его попросили починить швейную машинку. Он пришел, сидит делает, а во время работы вдруг замечает необыкновенный свет из-под подушки, благоухание. Заключенная приходит, это монашка была, а он ее спрашивает: «Скажи, что у тебя под подушкой? Я вижу неземное, необыкновенное, я вижу свет». Та сначала очень испугалась, а потом открылась и передала ему частицу Даров, которые и были спрятаны под подушкой. И отец Иосиф причастился первый раз за многие годы. Еще однажды они договорились, что батюшка, у которого срок к концу подходил, когда выйдет, то пришлет ему частичку Даров. Тот батюшка, вышедши на свободу, прислал частичку, и все дошло благополучно. Он ее спрятал в хлебе, а хлеб в посылку положил.

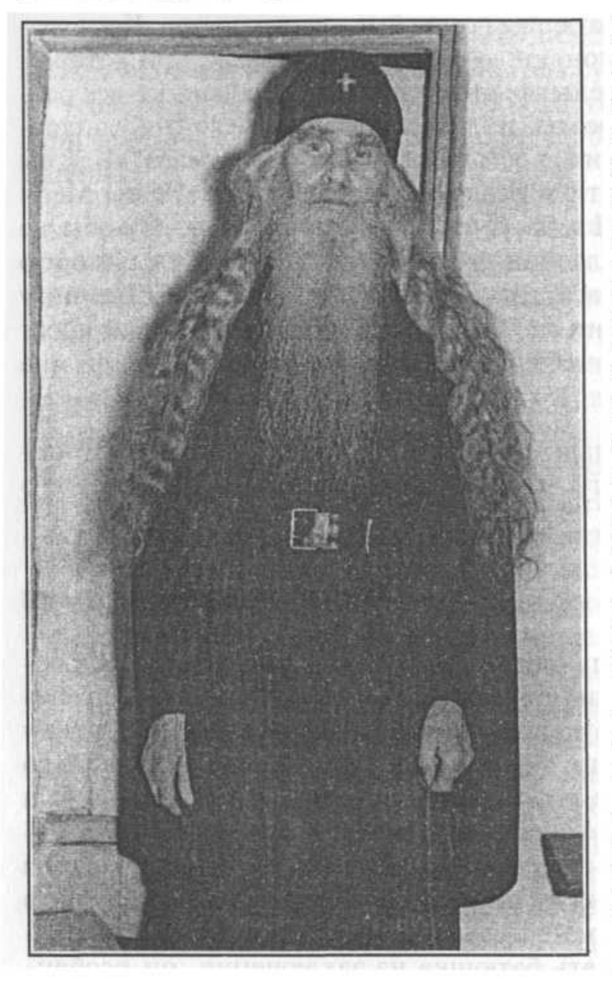
Крест на батюшке всегда был, он его прятал. Как куда-нибудь перегоняют — обязательно обыск, при котором крестики нательные отбирали. Но заключенные все равно делали кресты, из палочек или из чего-нибудь другого. Как-то их перегоняли, а батюшка думает: «Как бы крестик спасти?» И вдруг слышит голос: «Не ты Меня спасаешь, а Я тебя. И еще спасу». И правда, при обыске он крестик в ладони зажал. Руку одну раскрыл, а вторую не сказали раскрыть. В ней-то и был крест. Так он у него и сохранился. Этот серебряный старинный крест сейчас у меня находится. Батюшка когда умирал, то мне его завещал.

О том, как складывалась дальнейшая жизнь отца Иосифа, можно судить по сведениям, которые сообщила его келейница.

После освобождения

В 1954 году отец Иосиф был освобожден из заключения. Он приехал в г. Мичуринск к мать Серафиме (Белоусовой), которая всегда ездила в Оптину и его знала еще по монастырю. Ему больше некуда было ехать. На родине его боялись принять, а монастырь был закрыт. И вот мне сообщают, чтобы я приехала к мать Серафиме. Монахиня Серафима была моя духовная мать, она благословила меня на иночество. Когда отец Иосиф еще в заключении был, мать Серафима мне говорила: «Маша, должен скоро приехать батюшка из заключения, он особенный. Тогда я тебя позову». Вот я приехала и вижу батюшку. В подарок ему я привезла параман и купила палочку. Он взял эту палочку и сказал: «Придется мне на эту палочку опереться».

И вот сели мы обедать. Матушка Серафима у станции жила, и двери всегда закрыты у нее были, чтоб чужие не ходили. Я сижу за столом, батюшка — напротив. И вдруг в закрытых дверях явилась Странница. Такая приятная. А у меня сердце возрадовалось, не передать как. К мать Серафиме всегда какие-нибудь побирушки ходили, а эта особенная какая-то.

И Она говорит: «Я прямо не знала, что здесь такие гости-то хорошие будут, а то Я вся в пыли». И вроде так отряхивается. И прямо около меня села и говорит: «Драгоценная Моя, возьми Моего вот этого драгоценного». И показывает на батюшку. Я говорю: «Да он не пойдет». Тогда Она отвечает: «А Я прикажу. Ты будешь только числиться, а так Я буду вас опекать. Всем обезпечу». А он слышит, батюшка-то. И Ей после этого отвечает: «Матушка, будь мне матерью». Вроде как не хочет ко мне идти. А Она на него строго так сказала: «Разве Я не была тебе Матерью в заключении? Тебе трудно было, а Я тебе помогала. Я к тебе приходила не раз». Потом Она стала собираться и сказала: «Батюшка, Я тебя благословляю к Моей драгоценной переходить, будешь у ней жить». И Она уходит. «Мне нужно еще проведать, — говорит и на тюрьму рукой показывает. — Ведь Я туда каждый раз хожу. А в некоторые камеры Я не вхожу. И надо зайти, человек нуждается, но из-за других, кто с ним вместе сидит, Я не могу.

Тогда Я возле двери постою». Ну вот, Она и уходит. Я выхожу Ее провожать из дома. И когда вышла я ее провожать, Она мне начала все передавать из рук в руки: и хлебушка, и конфеточек, и сахарку, и повидла. И угольки, такие небольшие кусочки. А уголь я как-то не беру. Если во сне увидишь уголь, то это к тяжестям. Это такое простонародное поверье есть. А Она-то мысли мои видит да и успокаивает меня: «Да это Я даю топочку». Ну, тогда я взяла. И Она от меня отошла немножко, но не уходит совсем и так даже приказывает мне: «Не обижай Моего драгоценного». В лицо я как-то не могла на Нее глядеть, а вижу только облик. Среднего Она роста, обыкновенно одета, все на Ней, я бы даже сказала, ветхое такое. Я думаю: «Наверное, надо Ей поклониться. Она ждет от меня этого». А на меня внезапный страх напал. Думаю: «Сейчас заберут». Ведь за поклоны-то при людях могли и забрать тогда. Странно: когда жила с батюшкой, ведь я ничего не боялась, я на все шла. Я его когда брала к себе, так готова была к тому, что меня посадят. И ничего, страху не было. А в этот момент испугалась. Но я Ей все равно поклонилась, а когда распрямилась, Ее уже и нет.

Устройство келии

И вот поехала я домой, в Грязи, где мы жили, а отец Иосиф остался у матушки Серафимы. Стала я искать квартиру, а маме пока ничего не сказала. 10 квартир нашла, но ни к какой квартире я не расположена. Сердце почему-то сжимается. Вроде нашла одну, а сердце все равно сжато. А потом случайно узнала, что в ней через стенку милиционер живет. Вскоре нашла, но не квартиру, а времянку. Она как раз напротив нашего дома расположена была. Стала договариваться, чтобы батюшке там жить. Хозяин подумал и говорит: «Если хорошие люди будут тут жить, так мы ее и продадим». Я сразу и говорю: «Мы купим». Тогда я собралась поехать к матушке Серафиме, чтобы посоветоваться с ней насчет времянки. Но только не доехала, так как Странница опять ко мне пришла и говорит: «Драгоценная моя, не селитесь у чужих. Переходите на огород ваш, перено-

сите туда времянку и стройте из нее келью. Я туда вас благословляю». И откуда-то кружка воды у Нее в руках. Она говорит: «А Меня искупай». Такое слово сказала. И вот я, значит, открыла Ей воротничок и вылила эту кружку воды, но воды нигде не видала. Тогда Она мне говорит: «Ну вот, а теперь ты можешь с батюшкой». Как будто Она от меня что-то отняла дурное.

Вот батюшка приехал из Мичуринска. В декабре месяце это было. Сильная метель на улице, сугробы намело. Глянула я из окна на улицу, вижу, кто-то идет, сгорбившись, в шапочке. И такая меня жалость взяла. Я как по этим сугробам побежала. Падаю, поднимаюсь, бегу. Подбежала, а он говорит: «Я чую, что это ко мне». Так рад был. Всегда помнил про то, как я его тогда встретила. Когда, бывало, его допеку своим непослушанием, он мне скажет: «Ну я б такую дуру прогнал бы. Кто тебя воспитывал? Ведь это подумать надо, приведи мать, я у нее спрошу, как она тебя воспитывала». Потом помолчит и прибавит: «Нет, как вспомню, как ты меня тогда встретила, все вот тебе прощаю». Прошло немного времени, и принялись мы времянку переносить. Но куда там. Батюшка слабенький, ведь двадцать два года в лагерях провел. Тогда старушка одна, соседка наша, пошла по домам на нашей улице и говорит людям: «Тут Маше перенести надо времянку, не поможете ли?» И представьте себе, по одному человеку из каждого дома вышли, даже одна женщина на работу ходила отпрашиваться, чтобы поучаство-

Отец Иоасаф и его келейница Мария (слева) со своей матерью

вать. Так в один час все перенесли. Хозяин времянки в это время уехал покупать железо, а хозяйка его пошла на базар. И в этот момент мы все перенесли. Приехал хозяин, как глянул — нет времянки, а хозяйка стоит и плачет. Я говорю: «Шура, о чем ты плачешь?» — «Я ее, — отвечает, — своими руками строила. Как вы быстро все». Я ее успокаиваю: «Ну что ж, мы ведь вам деньги оставили, будешь теперь помидоры сажать на этой территории».

Вот времянку перенесли, потом стали место на огороде для нее подбирать. А у меня же еще брат, мама, ну и я с батюшкой. Четверо, значит, всех нас. Стали думать, где ее ставить, и заспорили. Батюшка хочет куда-то подальше от дома, мама — рядышком, я — по-своему, брат — иначе. Каждый на своем стоит. Я легла на кровать да за голову схватилась. И тут хозяйка времянки к нам стучится: «Надежда Никитична, я какой сон видела, сейчас вам расскажу. Скорбь к вам пошла, какая-то у вас будет скорбь. Вижу я, будто в нашей бывшей времянке очутилась церковь с крестом. Смотрю внутрь, а там монах стоит в мантии, и около него — какая-то женщина в одежде монашеской, и оба молятся. Потом прямо с ними вместе сдвинулась эта церковь с места и пошла, пока не остановилась». А я в тот момент в другой комнате на кровати лежала. Как вскочу, да и спрашиваю: «Где остановилась?» Она говорит: «Пойдем, я покажу, где остановилась». Я беру брата, маму: «Пойдемте глядеть». Вышли на огород, хозяйка рукой показывает и говорит: «Вот тут эта церковь остановилась». Я спрашиваю своих: «Ну что, отспорили?» — «Да, — говорят, — отспорили». Батюшка вышел, тоже смотрит: «Правда, подходяще, и от дороги в стороне, и от соседей, и от вас». И мы решили тут ставить.

Начали с ним строить келью. Батюшка хоть и слабенький, но сам все делал, никого не пускал. К нам напрашивались подзаработать, но батюшка не соглашался. Стал печку строить, а она дымит. «Давай, — говорю, — печника пригласим, он безплатно сделает». — «Нет, — отвечает, — сам буду». И все-таки добился, печку построил. Потом говорит: «Я их никогда не строил, и спросить мне не у кого». К нам ведь 10 лет никто не ходил, батюшка в затворе был, у него благослове-

ние было. Причащаться только ездили. А затвор ему Странница благословила, он Ей сильно верил. Она сказала: «Батюшка, уходи в уединение, в затвор». А мне сказала: «Никто к вам ходить не будет».

Предсказание

Забыла сказать, что батюшка ведь у нас в Грязях еще раньше был как-то один раз. Дело было так. У батюшки икона была «Взыскание погибших». Когда он срок получил, то отдал ее на хранение в Мичуринск мать Серафиме, и она у нее 20 лет сохранялась. Когда срок к концу подходил, мать Серафима мне говорит: «Мария, придет батюшка, а икона его без рамки. Ты ее сделай, как ты умеешь». Вот я ее взяла к себе, привезла в Грязи, сделала рамку. А когда батюшка пришел из заключения, он ее хотел забрать и прямо ко мне приехал за этой иконой. Но постоял на пороге как-то задумчиво и говорит: «Что-то она ко мне не идет. Пусть у тебя остается». Еще не было разговора, чтобы он тут жил. Так мы икону и оставили. Это Матерь Божия его извещала, что он все равно сюда вернется.

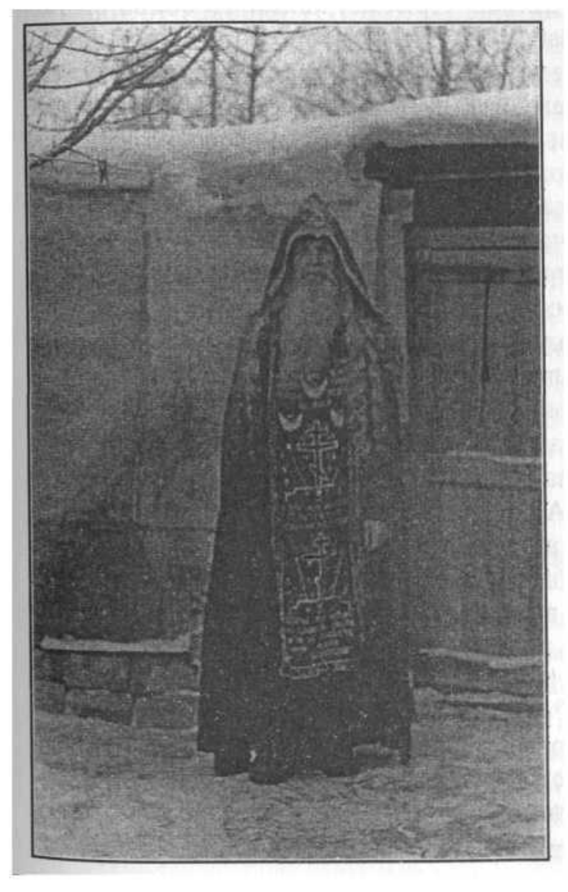
Прописка

Потом я его пошла прописывать. Пришла в паспортный стол и подаю паспорт батюшки на прописку. Начальник взял его в руки, посмотрел и сказал: «Где это ты такого взяла?» И как кинул его на пол. Я подняла паспорт и говорю: «Да родственник он мой, пришел и заболел, слег. Он старенький, скоро умрет, а на кладбище надо, чтоб место дали. Как его без прописки получишь?» И опять подаю ему паспорт. Он опять его кинул. Я говорю: «Да что же вы так волнуетесь? Что он, бандит, что ли? Ведь недвижимый старичок». Он говорит: «Лучше бандита прописать, чем такого: дважды по 58-й статье судим». Ну а я и статьи-то эти не знала. «Ну и что, — спрашиваю, — какие там эти статьи?» Он говорит: «Эти статьи против советской власти». Ну тогда я взяла этот паспорт и ушла. А потом этот начальник уехал в отпуск, и вместо него стала

девица Вера работать, она не только прописала, но и оформила меня как опекуншу.

Уголь и дрова

Когда келью на огороде поставили, то я маме объявляю: «Мама, у нас тут батюшка поселится насовсем и будет жить, а я за ним ухаживать буду». А мама мне и говорит: «Ой, какой ты крест берешь на себя! То как барыня все разъезжаешь: в Киев, в Мичуринск. А ведь этого тебе теперь не будет. Ты еще не понимаешь, какую жизнь трудную берешь. И на нас тоже трудности эти лягут». Тут она, конечно, права была. Вот, например, топка, с

Схимонах Иоасаф около своей кельи

ней тогда очень трудно было. Мы ведь как топились? Брат, бывало, с работы идет, он у меня помощником машиниста работал, так ведро угля несет да дровишек. Как раз мы и протопимся. Так до следующего его дежурства и тянем. А так ему надо будет два ведра угля нести и еще дрова на батюшку. Это ведь и брату крест. А я говорю: «Не безпокойтесь насчет этого. Его будет обезпечивать Матерь Божия». «Ну, посмотрим», — ответила мама недоверчиво. «Нет, нет, — говорю, — о топке у вас забот не будет».

Первую неделю, когда батюшка в келию перебрался, я у брата с мамой потихоньку топочку брала. Они спать лягут, я пойду в дом, дровишек принесу. Можно было, конечно, и так брать, я ведь тоже в доме хозяйка, но так лучше было. А потом вот как получилось. Приехал какой-то большой начальник к нам на работу — я в конторе работала — к директору. Молодой такой. Всех нас собрали в одном месте и велят нам вопросы ему задавать. Вроде как он заботу о нас проявляет. Все стали задавать вопросы, но больше для смеху, для веселья. Молодые все были. До меня очередь доходит. А я на него взглянула и говорю: «Вы не знаете, где угольку купить?» Все замолчали, а одна говорит: «Ох, ну и вопрос задала». Я ей сердито отвечаю: «Да сиди ты, твой вопрос и слушать нечего, такой он у тебя безсовестный. А мой вопрос хороший». Начальник посмотрел на меня в упор, чтоб убедиться, серьезно ли я спрашиваю, и говорит: «Хорошо. В три часа позвони мне и на склад приходи». Прихожу домой, батюшке все рассказываю, а сама сомневаюсь, надо ли на склад идти. Вдруг начальник передумает. Ведь все-таки я простая работница. А батюшка мне говорит: «Нет, нет, иди, иди». Вот я пошла в три часа, подхожу к складу и вижу: нагружают целую машину антрациту. И сам начальник даже пришел. Велел мне в кассу 250 рублей заплатить, а потом людей даже дал для разгрузки угля. Привезли уголь, мама вышла из дома, брат тоже. «Такого даже на паровозе не дают. Откуда же это уголь?» — спрашивает. Когда разгрузили машину, то мама наполняет ведерко углем и хочет отнести его к себе в дом. «Нет, — говорю, — нельзя брать. Это Матерь Божия дала батюшке». — «Да что же, разве я не знаю, что ты у нас брала», — она мне возражает. «У вас, — отвечаю,

— можно, а тут нельзя, это Матерь Божия дала». Разгрузили уголь, батюшка прямо слезой заливается: «Я тебе говорил, что Матерь Божия будет заботиться, что это Она приходила». Я ведь поначалу как-то сомневалась, что Странница — это Матерь Божия была, а батюшка меня все уговаривал.

Ну вот, уголь у нас уже есть, но это еще не все. Теперь дрова нужны. А дрова в то время связками продавали на базаре. В одной связке — 10 килограммов. Прихожу на базар, в очередь встаю. Продавец на вид неказистый, такой горбатенький, и все его зовут Иваном. Я у одной спрашиваю: «Как же его отчество?» Она говорит: «Александрович». Ну, я подхожу и зову его по имени и отчеству: «Иван Александрович!» Он прямо так рад сделался, что его так назвали. Я говорю: «Нельзя ли мне две связки взять? Я с работы отпросилась, не могу ж я каждый день отпрашиваться». Он говорит: «Встань вот тут рядышком». Я встала. Стою, долго стою, уж ноги стали замерзать. Думаю, издевается надо мной этот горбатенький, чтоб я, дура, стояла себе на морозе. Он, поди, забыл про меня. И только хотела я к нему уже подойти и сказать чего-нибудь грубо. Глянула — дрова на машине везут, метровые, березовые. Он ко мне поворачивается: «Так, гражданка, заплати 6 рублей в кассу и поезжай с этими дровами». А народ возмущаться стал, роптать. А он говорит: «Это вашим детям в школу дрова». И все замолчали. Дрова привезли, брат говорит: «Ну, это чудеса просто, дров полно у них, и какой уголь! И в такое время!» Мама ему отвечает: «Наверное, это не просто. Ну ладно, Бог с ними, пусть живут».

Непрошеные гости

В келью к батюшке никто не ходил, кроме меня. Он же затворник был. Нет, вспомнила, один раз все-таки зашел один, но потом наказан был сильно. А дело было так. Когда я на работе была, мама за кельей всегда поглядывала, мало ли что. А тут как-то полезла она в погреб, а в это время зашел участковый и прямо к батюшке стучится. Батюшка вышел, на нем схима была. Как этот участковый дрогнет, не ожидал такого увидеть. «Что такое? Везде,

куда ни зайду, меня боятся, а тут что-то я сам испугался, даже вздрогнул». Батюшка его спрашивает: «А чего ты испугался?» — «Да вы в такой одежде», — отвечает. Прошел он в келью, а батюшка ему: «Снимите головной убор, у меня здесь иконы». А он говорит: «Да я неверующий». — «А почему?» — батюшка спрашивает. «Да я Его, Бога, не видел». — «А ум-то ты свой видел? Рече безумен в сердце своем, несть Бог». И еще ему батюшка чего-то говорил. Потом участковый ушел. Когда я пришла с работы, батюшка мне рассказал об этом случае. Я, конечно, испугалась, начала плакать. «Как же ты его в дом пустил?» — спрашиваю. А он меня успокаивает: «Да не бойся ты, ну и что ж, что он побыл. Вот увидишь, какое будет чудо». Я говорю: «Да, чудо вот такое, что меня заберут, а тебя тут оставят одного и еще к тебе придут». А сама плачу. Батюшка как будто меня не слышит: «И в Грязях-то его даже не будет». — «Да, не будет, не будет», — передразниваю я. Ну, а потом, правда, забрали его. Проезжал какой-то начальник из министерства мимо нашей станции. Сам по себе откуда-то ехал, никто и не знал. И зашел в буфет при станции,

заказал чай с коньяком. Я вообще-то не знала, что так его пьют. И стало ему плохо с сердцем после этого. Тогда он врача зовет. А вместо врача привели милицию, видать, он подозрительным показался. Отвели его в отделение, посадили там, а сами ушли. Дело-то к вечеру было.

Утром другая смена пришла, стали все проверять, а он какой-то начальник оказался. Берет трубку, в военкомат позвонил, куда-то еще позвонил. Машина мчится за ним, прямо по пешеходной дорожке, где нельзя ездить. Я у людей спрашиваю: «Это что такое?» Мне говорят: «Это участковый наш "засыпался", не того у себя продержал». Точно, осудили его потом и выслали. Как батюшка говорил, так и получилось.

Но это не последний раз было, потом еще приходили. Из райисполкома, трое их, наверное, было. Они приходили, как они говорили, обмеры сделать внутри кельи. Может быть, во всех домах они так делали, или предлог им нужен был, не знаю. Батюшка сделал такой замок в двери, чтоб мы могли его сами открывать. Пальчик, бывало, просунешь, подденешь, где надо, и входишь. Первый раз, когда они пришли, мама их не пустила. «Хозяйка постройки, — говорит, — на работе». Они ушли и обещали на следующий день прийти. Я батюшке говорю: «Пусть зайдут, пусть обмеряют, ты лежи только, ничего не говори им». Батюшка отвечает: «Это уж дело мое». Потом книжки его церковные полотенцем накрыла, чтоб они внимание не привлекали, а ему все приказываю: «Батюшка, ну не разговаривай с ними, сделайся дурачком. И мама прирекомендует, что ты больной головой». — «Ну, это дело там покажет», — так он мне отвечает. И вот разрешила я маме их пустить. Они приходят, а маме дверь вдруг не открыть.

Всегда открывала, хоть бы что, а тут не открыть. Они говорят: «Ну что же, мы будем и будем так ходить?» Разозлились. Но все-таки силой не пошли. Постояли, да и повернули обратно. Они еще не вышли со двора, а мама пальчиком попробовала открыть, а там открыто. «Батюшка, зачем же ты закрылся?» — укоряет она его. Он говорит: «Да я и не поднимался, к двери нынче вообще даже не подходил». Так вот вышло. У него же затвор был, Матерь Божия

ему благословила, чужим-то нельзя туда было, вот так и получилось.

Исцеление

Батюшка вообще Матерь Божию очень чтил и Ей всегда молился. Он очень к Ней большое доверие питал. Однажды он заболел сильно, так что надо было срочно операцию делать. Положили его в больницу. Там говорят: «Надо немедленно оперировать, а то до утра не доживет». Собрался консилиум врачей, все приготовили. Пришли за батюшкой, а он на койке лежит и все твердит: «Матерь Божия, Ты мне помоги». Ему говорят: «Если мы тебя сейчас не прооперируем, то никто тебе не поможет». Он, как только эти слова услышал, то так оскорбился за Матерь Божию, что отвечает врачам: «Раз так, то я у вас лечиться не буду. Маша, едем домой». Что делать? С ним не поспоришь. Домой приехали, привела я батюшку в келию и побежала за отцом Андреем. А дело к вечеру уже. «Пойдем, — говорю, — отче, надо батюшку причастить». Он отвечает: «Ну, завтра утром и схожу». — «Да врачи сказали, что не доживет он». — «Доживет», — возражает отец Андрей. И не пошел. Утром он приходит, а батюшка хвалится: «А у меня не болит ничего». И ко мне обращается: «Маша, дай нам поесть чего-нибудь». А потом врачи из больницы приходили узнать про батюшку. Но я их не пустила. «Живой, — говорю, — ничего не болит». — «Дайте нам посмотреть», — просят. «Нет, — отвечаю, — не так это просто». И не открыла им келию.

Молитва и пост

Расскажу, как он меня учил молитве Иисусовой. Когда только пришел из заключения, сразу на первом году поехали мы с ним на родину. И вот мы где-то шли пешком километров 15, дорога была через поле и рожь. Он вперед идет с Иисусовой молитвой, а я сзади, и на уме всякие мысли. И чего-чего на ум не приходило. И вот он только твердил мне: «Читай Иисусову молитву». А я один

раз только, может, скажу, да и больше не говорю, мысли разбегаются. Вот он мне и говорит: «Иди вперед и не оглядывайся». Я иду. Встречаются четыре дороги на перекрестке. Я остановилась, по какой идти, не знаю. Оборачиваюсь, а батюшки нет. Перепугалась не на шутку и за него, и за себя. Что делать? Побежала на бугорок, там была мельница разваленная, влезла на нее и стала смотреть. Увидела вдалеке как бы точечку черную и прямиком туда. Нахожу батюшку, вся в слезах, укоряю его. Он говорит: «Вот слушай: когда человек без молитвы, от него отходит ангел, и он не знает, куда идти. Ты же инокиня, почаще думай о том дне, в который принимала святое пострижение, и помни всегда, в каком состоянии душа в тот момент находилась. Вот я отсидел 20 лет, было тяжело в заключении, но я всегда взывал ко Господу. Надо Господу молиться, носить имя Его в сердце, в уме, в устах; с Господом, с Иисусовой молитвой — спать, жить, ходить, есть, пить. Если нет такого призывания, стекаются плохие мысли, а все плохое отгоняется Иисусовой молитвой».

Батюшка большой молитвенник был. Весь день почти в молитве проводил. Вставал на правило ночью, в три часа. Я на работу утром пойду, а он все продолжает. К обеду возвращаюсь в двенадцать часов, чтоб самой поесть да его покормить, а он все молится. Вот он дообедает, пойдет дрова поколет. Любил очень это занятие, никому не давал. Наработается так, что самому до кельи не дойти. Я его обратно сама тащу. Со стороны кто посмотрел бы, так непременно сказал бы, что я над ним издеваюсь. Чтоб он отдыхал, так я как-то этого не видала. В четыре часа дня опять за правило брался и часов до восьми молился. Перед вечерним правилом всегда чай пил, но после молитвы уже не вкушал больше. Потом после вечерней молитвы сядет книжки свои читать, а когда спать ложился, я того и не знала. Спать пойду к маме, а он все читает еще. Я иногда замечала, что молитва у него самодвижущаяся была. Как-то прихожу к нему за благословением в храм идти, а он сидит и «Богородицу» читает, громко так, четко. Стою, жду, когда он кончит, а он и не думает. Читает одну за другой. Я не вытерпела и окликнула его: «Батюшка!» Он как проснется, от

неожиданности испугался так, что в ногах у него судорога началась. Я ноги ему растираю, а он мне говорит: «Зачем ты меня будила? Я ведь только заснул и так спал крепко. Ты меня в другой раз не буди». — «Как же, — отвечаю, — ты спал? Ты же "Богородицу" читал». В другой раз приду к нему, стану обед готовить, а он так углубится в молитву, что не слышит ничего. Потом я громыхну чем-нибудь, он встрепенется и спросит: «А когда ты пришла?» Пойдет во двор строгать себе столик какой-нибудь, опять молитву про себя читает, ничего кругом не замечает. Мальчонка брата моего начнет у него потихоньку инструмент таскать, батюшка не видит его. Я приду, он мне начнет жаловаться: «Куда у меня весь инструмент пропадает? Кто-то берет, а я не вижу». Всегда он в молитве был. Но она к нему не просто так пришла, а через лагеря. Он, как сам мне говорил, в заключении молитве научился.

Пища у батюшки была самая простая, никаких изысканных блюд он не признавал. Любил он белый хлеб, потому что в заключении его ему не давали. Но и его ел в меру. Бывало, съест лишний кусок, спохватится, забезпокоится, да и укорять себя начинает. А один раз какой-то священник с юга про него узнал и прислал ему маслины, литровую банку. Я приношу их к нему в келию и говорю: «Батюшка, смотри, какие сливы. У нас они большие, сладкие, а эти какие-то маленькие да соленые». Он отвечает: «Маша, да брось их, зачем они? Не нужно их». И я пошла за огород и выкинула всю банку.

Два урока послушания

В конце 50-х годов по благословению митрополита Воронежского и Липецкого Иосифа батюшку постригли в великую схиму с именем Иоасаф, в честь святителя Иоасафа Белгородского. Схиигумен Митрофан (Мякинин) его постригал. Ко мне отец Иоасаф требовательный был, учил меня монашеской жизни, особенно послушанию. Как-то собралась я на день Андрея Первозванного в храм. У отца Андрея, настоятеля нашего, в этот день именины были. А был пост рождественский. Батюшка мне

говорит: «Служба кончится, сразу домой возвращайся, на трапезу не оставайся». Вот служба кончилась, отца Андрея все в храме поздравили, а потом он объявляет: «Сейчас все пойдем на трапезу». А на трапезе я всем руководила: и покупки делала, и готовили все под моим руководством. Как мне уходить? И я осталась. После трапезы только домой пошла. Прихожу в четыре часа, а батюшка уже начал правило читать. Сначала он сам читал, потом меня читать заставил. Я к аналою подхожу, на икону «Взыскание погибших» смотрю, а на ней лик наполовину темный. «Батюшка, — отца Иоасафа спрашиваю, — почему это так?» А он отвечает: «Вот так на именины-то ходить, вот так не иметь послушания-то». В другой раз я его послушалась, не стала работать, и Господь за это нас наградил. По радио в июне месяце объявили мороз, и все вышли с вечера костры жечь, чтобы дымом уберечь посадки от холода. А это канун праздника был. Я пошла на всенощную, прихожу обратно, а

мне соседи говорят: «Мария Яковлевна, нынче мороз обещали, надо ночью костер жечь, а то все померзнет». Батюшка меня предостерегает: «Маша, смотри, под праздник не жги ничего». Я и не стала. Утром возвращаюсь от обедни, у всех посадки поморожены, все кругом черное, а наш огород зеленый.

Причащение

Один раз, когда батюшка причастился на праздник апостолов Петра и Павла (он же в крещении Петр), я его под руку веду, а он мне говорит: «О, да что ж я тебе не показал, глянь, в алтаре стоят угодники». А я говорю: «Я не вижу». «Да хватит тебе, как не видишь? Идем, я тебе покажу. Ну вот, смотри». Ну, а что мне смотреть? Он видит, а я нет. Он даже расстроился, что я ему так отвечаю. Пришли домой. Батюшка вечером правило читает, а я за ним на коленях стою. Двери закрыты были. Вдруг Женщина входит и прямо на пол кладет фрукты. Такие необыкновенные! «Вы только молитесь, Я все вам предоставлю», — говорит. Я зову: «Батюшка!» А он не любил, чтоб его окликали, когда он молится. Но тут повернулся, посмотрел и произнес только: «Ну вот». И читать продолжает. Я обернулась, этой Женщины нету, и фрукты как-то исчезли.

В другой раз вот как было. Пригласила я отца Андрея причастить батюшку. Он часто причащался. Отец Андрей к нам всегда под вечер приходил, после того, как всех обойдет. Он знал, что батюшка терпеливый. Другие не выдержат, возьмут да поедят, а батюшка хоть до завтрашнего дня ждать будет. Я стою, жду отца Андрея на улице, а его нет и нет. Потом пошла в келью погреться. Батюшка мне и говорит: «Маша, я причастился уже, приходил священник — красивый такой, в сопровождении двух диаконов». — «Да нет, — говорю, — отец Андрей не приходил еще, я же на улице стояла». — «Как хочешь, Маша, а меня причастили», — настойчиво так и спокойно он мне отвечает. То же самое он и отцу Андрею рассказал, когда тот пришел. Но отец Андрей его все-таки причастил.

Хранение затвора

Однажды его у меня чуть не выкрали. Дело вот как было. Поехали мы к отцу Севастиану в Караганду проведать его, он же тоже оптинский. Когда приехали, так отец Севастиан начал уговаривать батюшку остаться у него. Но батюшка не соглашался. «Мне, — говорит, — благословлено в затвор». Тогда вот что выдумали. За три километра от Караганды было у них поселение, комбинат какой-то, и там Севастиановы чада жили. Они у него по всей округе селились. Так вот, заманили туда его хитростью, как бы попросили они батюшку станок им наладить для отливки свечей. Батюшка ведь все умел. А мне ничего не сказали. Домой меня выпроваживать стали, чтоб я расчет взяла и обратно приезжала. А как я могу без отца Иоасафа уехать? Стала его искать. Хожу по двору, батюшку не найду. «Что-то, — думаю, — не то, наверное, специально они его спрятали». Но никто мне ничего не отвечает. Все сговорились молчать.

Стою на дворе, слезы у меня льются. Одна монашка стирает белье и вдруг говорит: «Комбинат». Одно слово только сказала. А я переспрашиваю: «Что?» Но она со мной больше не разговаривает. Так, думаю, и на том спасибо. Иду на остановку, а слезы льются. Доехала до комбината. А отец Севастиан в это время тут же был, в одном доме службу проводил. Я туда прихожу, гляжу и думаю: «Кого нет? Нет Глафиры и Раисы. Все остальные тут». Служба кончилась, меня за стол сажают. «Нет, — думаю, — я не за этим сюда приехала». Вот после трапезы отец Севастиан меня в машину посадил и назад в Караганду отправил. Но я опять в комбинат потихоньку вернулась. Приехала, спрашиваю у прохожих: «Где сторож живет?» Мне показали. Прихожу к нему и прошу: «Ты доведи меня до Глафиры и до Раисы. Батюшка Севастиан благословил». Он идет, подходит к их двери, стучится. «Раиса, отец Иоасаф у вас?» — спрашивает. Раиса из-за двери отвечает: «Вот так номер, отец Севастиан велел никому не говорить, а сам же и сказал». А я рядом стою, мне все слышно. «Все ясно, — думаю, — батюшка тут». Раиса дверь сторожу открывает, за ним и я тут же проско-

Иеромонах Власий (Болотов, в схиме Макарий) и схимонах Иоасаф

чила. Батюшка ко мне сразу: «Маша, что ж ты привезла меня в такую даль и бросила? Что ж ты не показываешься? Ты посмотри, как они мною командуют, даже в туалет не выпускают». — «Ладно, — говорю, — батюшка, хоть увидала тебя, теперь ругай меня, сколько хочешь. Ведь они тебя украли, они тебя спрятали». — «Да что ты, что ты?» — батюшка говорит. «Да вот так», — отвечаю. Потом отец Севастиан смирился, отпустил нас.

Так же, помню, и в Печорах было. Мы приехали с ним туда, пошли в храм. Пока я сумки пристраивала, батюшка исчез куда-то. Я перепугалась, давай его искать во дворе. Нет нигде. Возвращаюсь в церковь, слышу, голос какой-то

выделяется, тонкий такой. Прислушалась, да это батюшкин голос. Его прозвище еще в Оптиной было «соловей». У него голос был чистый, высокий, как у девочки. После службы однажды к отцу наместнику подошли и говорят: «Зачем у вас в хоре девочка поет?» Он промолчал, а батюшке сказал: «Погрубей, погрубей пой. А то как девочка». Ну вот, как глянула я: стоит батюшка на клиросе, в середине, а монахи его то обнимают, то волосами его играют, улыбаются, увидели старинного монаха. Наместник, отец Алипий, его к себе в келью забрал и тоже не хотел отпускать.

— В конце его жизни многие обращались к нему за духовным советом, благословением и наставлением, — пишет иеромонах Нестор (Кумыш). — В числе приезжавших к нему людей были схиархимандрит Макарий (Болотов), схиархиандрит Серафим (Мирчук), иеросхимонах Нектарий (Овчинников), игумения Снетогорского монастыря Людмила (Ванина), нынешний Псковский архиепископ Евсевий (Саввин) и многие другие. Владыка Евсевий неоднократно посещал схимонаха Иоасафа с 1969 по 1971 годы. В это время он в сане игумена занимал пост секретаря Воронежского епархиального управления. По словам владыки, все переступавшие порог скромной келии отца Иоасафа испытывали особую благодатность, исходившую от старца, поражались тихостью и умиротворенностью его души. «Часто я заставал его, — рассказывал он, — в молитвенном восторге, при этом меня поражала простота и дерзновенность его молитвенных обращений к Богу и особенно к Богоматери. Отец Иоасаф обладал прекрасным, красивым тенором и с чисто монашеской, почти детской, умиленностью пел песнопения в честь Девы Марии. Разговоры он вел исключительно на духовные темы и не знал, что такое празднословие или пустословие. Ум свой старец держал устремленным к божественному, а духом всегда оставался бодр и свеж. Когда бы я ни приходил к нему, я встречал его в состоянии неизменной радости. Несмотря на свой строгий, почти отшельнический, образ жизни, принимал нас отец Иоасаф с отеческой лас-

кой, теплотой и приветливостью. Он был настоящим затворником, Божиим человеком и земным ангелом, и его высокая, безмолвная, нездешняя жизнь, которую он проводил в безвестности, была для нас предметом постоянного удивления».

Прозорливость

Батюшка много предсказывал. Часто он вздыхал: «Ах, немного я не доживаю, ведь Оптину-то откроют». Мама, бывало, скажет на это: «Хоть нашу бы церковь не закрыли». «А на Россию будут все лезть, будут ее делить», — говорил он. Однажды видел видение, это еще в Митином заводе было. У них там пруд есть, в поселке. Батюшка подходит к пруду, птица плавает на воде. Он спрашивает: «Ты откуда?» А она отвечает человеческим голосом: «Из-за границы». — «Ты зачем сюда?» — «А чтоб людей прельщать и мир возмущать», — отвечает. То есть, ему было открыто, откуда вся грязь в Россию польется. Говорил, что женщина себя обезобразит так, что даже не будет похожа на женщину.

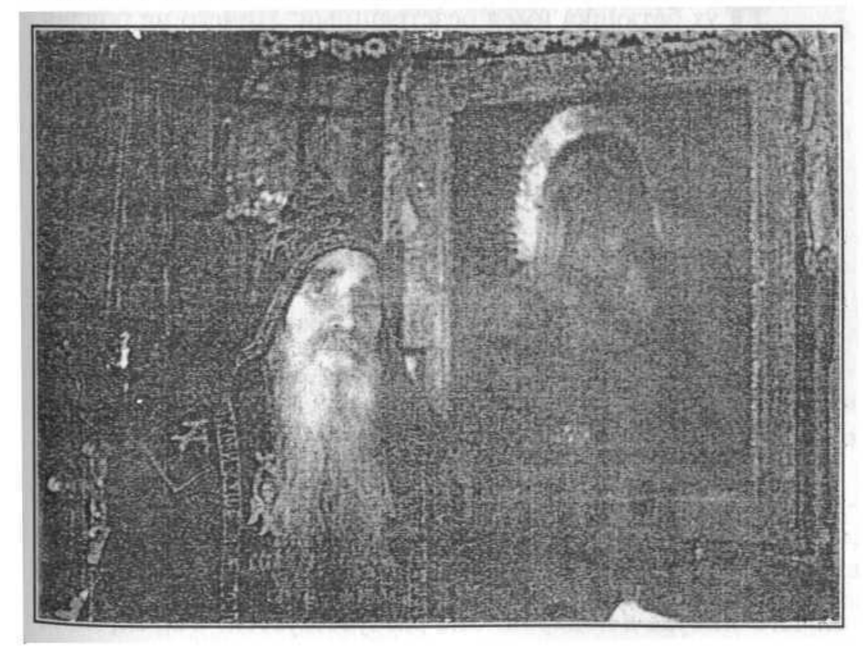
Однажды я принесла в келью батюшки магнитофон с записью одного политического заключенного, который сидел в заключении чуть ли не 50 лет. Батюшка Иоасаф прослушал, сердце его тронулось, так как он сам 20 лет просидел, и с сочувствием сказал, показывая на магнитофон: «О, эта коробочка хорошая». И я понесла магнитофон обратно племяннику. А когда вернулась, то ему Господь другое открыл про магнитофоны, что распространятся эти «коробочки» по всему свету. Даже предсказывал, что видно будет человека, который говорит. Сказал, что в этих «коробочках» много соблазна и разврата будут разносить, и даже духовные будут ими соблазняться.

А мне говорил: «Маша, ты не будешь после моей смерти в моей келье жить». Я думаю: «Как же так, строила сама и не буду?» Помню, когда брат уезжал на жительство в Выборг, то велел нам известить его о кончине старца: «Когда батюшка помирать будет, сообщите, я приеду. Сам на своей голове гроб его понесу». А батюшка ему ответил: «Да нет, я

тебя буду провожать, а не ты меня». К маме повернулся и тоже ей сказал: «Сеню (брата моего) все-таки я провожу». Мама обиделась: «Что же он со мной такие шутки шутит? Я ведь мать, со мной такие шутки не шутят». А батюшка не имел привычки шутить. «Что мне Господь открывает, — отвечает, — то я и говорю». Так и вышло: брат тридцати лет помер от болезни.

На дорогого батюшку Иоанна Кронштадтского сделал венок из фольги и повесил в келье. А я говорю: «Да ведь он еще не прославлен». А он говорит: «А у меня келейно прославлен». Так обиделся за батюшку Иоанна Кронштадтского, что не стал даже кушать, когда я еду принесла. А потом я говорю: «Но венчик-то ему идет!» — «Ну, вот так и надо, — говорит, — давай теперь кушать».

Но прозорливость свою скрывал. Нас, к примеру, навещали архиепископ Евсевий (Саввин), схиархимандрит Серафим (Мирчук), иеросхимонах Нектарий (Овчинников), схиигумен Митрофан (Мякинин). Когда его о чем-нибудь спрашивали, то он возьмет тетрадочку, да и начинает им по тетрадочке говорить. Я спрашиваю: «Батюшка, а почему ты

не скажешь им от себя? Скажи им своими словами, ты же ведь знаешь, что сказать». А он говорит: «Нельзя, Маша, если я себя раскрою, то меня здесь не будет. А меня Матерь Божия благословила в этом месте жить». Потом и я стала говорить на батюшку: «Да у него головка больная». В поезде с ним ездить невозможно было. Сейчас, думаю, какой-нибудь подсядет, а он обязательно ему про Царя скажет: «Царь-то пошел на Небо, я видел». Поэтому, как кто с ним заговорит, я сразу: «Ну, ложись, ложись. Да вы отойдите, я его с больницы везу, а вы разговоры заводите, с ним опять плохо будет. Уходите, уходите». — «Маша, — укорит он меня, — что ты такая грубая, зачем людей гонишь?» А как не гнать? Он прямо сейчас скажет: «А крестик на тебе есть?» А ведь все без крестов, ни у кого нет. «Эк, ведь, сатанище, всех в руки свои взял, все кресты поснимали», — это слово обязательно скажет. За такое слово в то время посадят, хоть бы что.

«Я даже рад, что пострадал»

Дух батюшка имел безстрашный. Ничего не боялся. Один раз было, он сам рассказывал, вылезает из земли крот и прямо человеческим голосом ему говорит: «Два раза я тебя искушал, но ты не соблазнился. Вот в третий-то раз обязательно искушу». А батюшка говорит ему так смело и небоязненно: «Если уж ты два раза меня не искусил, то и третий раз не искусишь».

Как-то выборы у нас были, судей каких-то выбирали. Я предупреждаю его:

— Смотри, никому не открывай, голосование будет.

— Что за голосование?

— Да каких-то судей выбирают.

— Да ну и пусть зайдут.

— А чего ты им скажешь?

— А я отвечу: у меня Судья вон где, — и показывает на небо. — Чего, — говорит, — я не знаю, что ответить?

Ну, думаю, не миновать беде после таких его речей. Тогда я к квартальной схожу, с днем Ангела ее поздравлю, отнесу ей чего-нибудь в подарок. Она расчувствуется: «Ах, ах, меня

никто не поздравляет, а ты, Маша, одна поздравила». Я скажу: «Екатерина, голосование будет, а ведь дедушка-то мой ненормальный». А она: «Да я его вычеркну». Я опять: «И я-то ведь приду в 12 ночи». «Да я и тебя вычеркну», — на том и порешим.

Было ему видение: заходит он в алтарь и видит — лежат подряд младенцы, убиенные за Христа, и себя возле них лежащим видит. И вот он говорит: «Да может, еще придется пострадать». А сам так весело говорит. Я говорю: «Батюшка, хватит, жизни 20 лет отняли». — «Да прошли, Маша, они, как ничего и не было. Я даже рад, что пострадал», — только и ответит.

Рыбья желчь

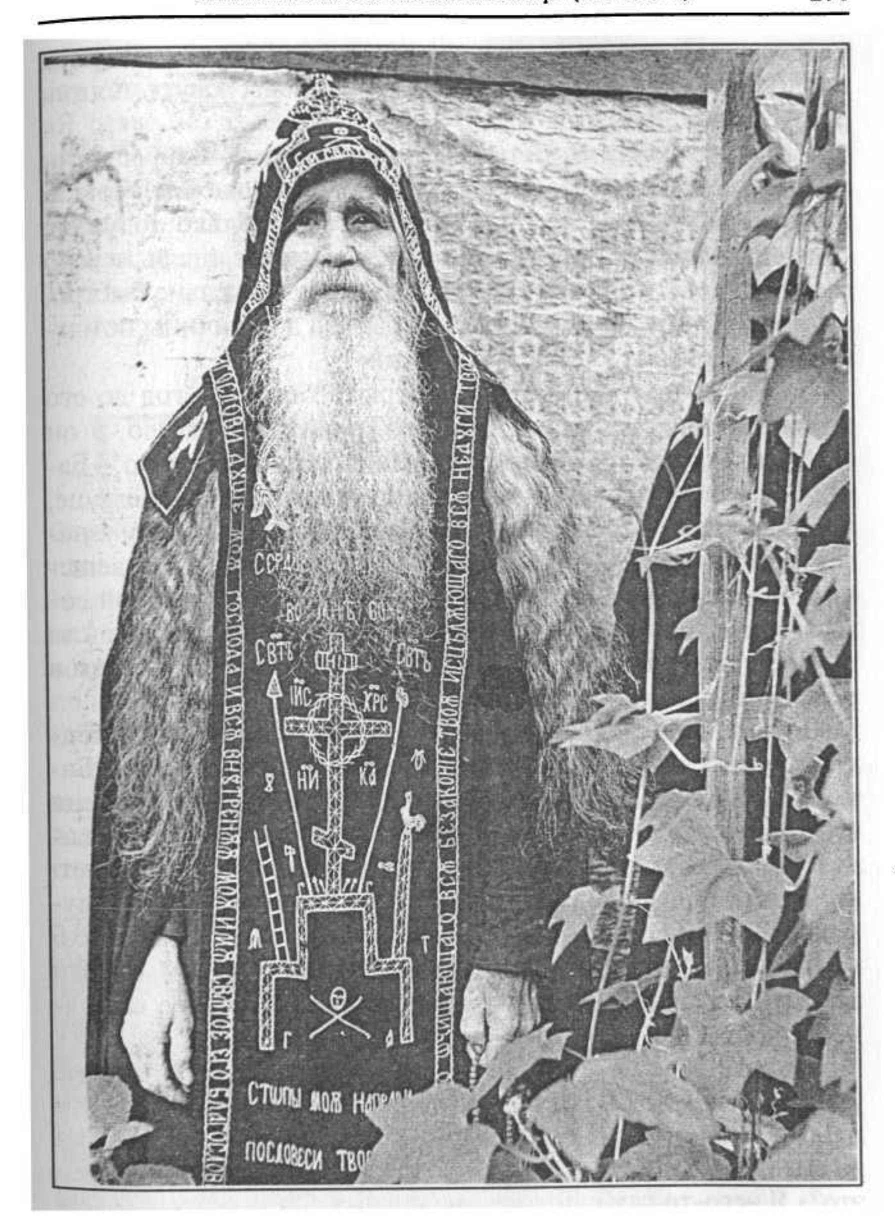
Лет за десять до кончины у батюшки стало падать зрение. Один глаз покрылся пленкой и перестал видеть, и другой почти не видит. Батюшка больше всего за правило переживает: как же он его читать будет? Ведь у него одно развлечение в жизни — его молитвенное правило. А к нам в Грязи раз в месяц приезжал профессор из Воронежа. Я назначаю батюшке день и говорю ему: «Я тебя к врачу свожу». Он согласился. Повела его в поликлинику, села с ним на скамеечку. Сидим, ждем приема. Батюшка видом седоволосый, весь беленький, лет ему много, но на лице морщин нет. Народ стал вокруг нас собираться, батюшку разглядывают. «Никогда такого дедушку не видали. Откуда же это такой дедушка?» — спрашивают. А я возмущаюсь, из себя прямо выхожу: «Да что вам, кино какое показывают? Что вы все подходите?» Наконец идем к врачу. Врач посмотрел его и говорит мне: «Зрения уже не восстановишь, хватит на его век и того зрения, какое у него сейчас есть. Чуть-чуть видит, и хорошо. Я ему сейчас капли выпишу для промывки глаз, чтобы он не сетовал очень, а больше от меня не ждите».

Домой приходим, батюшка капли сколько ни льет, а улучшения никакого. А я-то знаю, в чем дело. «Брось, — говорю, — их, они тебя все равно не вылечат». — «Тогда, — батюшка отвечает, — буду Матерь Божию просить». Стал он молить-

ся, а потом вспомнил, как в Библии рассказывается в книге Товита о снятии бельма с глаза рыбной желчью. Тогда он этой желчи собрал и просит меня закапать в глаз. «Батюшка, — отвечаю, — ты что удумал! Весь глаз вырвет от этой желчи, она же сильная». И я отказалась. Тогда он упросил закапать иеромонаха одного, он из Тамбова к нам приехал. Я с работы прихожу вечером, подхожу к двери кельи и слышу мольбу батюшкину: «Иисусе Сладчайший, Иисусе Сладчайший...» Тогда я догадалась, что отец Варсонофий ему закапал. «Ну, — думаю, — ноги его здесь больше не будет». Дверь сама открываю и спрашиваю: «Батюшка, сильные боли?» Он отвечает: «Больно, но ничего, ничего, будет на пользу». А глаз у него весь красный. Всю ночь батюшка простонал, утром глаз промыл, а потом опять закапал сам себе, потому что я опять отказалась. На следующий день боли не такие сильные были. Через три дня глаз беленьким стал, а был весь посиневший. Батюшка мне и говорит: «Смотри, глаз-то у меня уже лучше стал. Чего же ты охаешь?» И давай во второй глаз капать. Я опять запричитала: «Этот-то, который хоть немного видит, не трогай». Но разве его остановишь? Я только ахаю, а он кряхтит, но капает. Через некоторое время он мне говорит: «Маша, глаз-то у меня, который не видел, теперь зрячий». Я не верю, думаю, что успокаивает меня, чтоб я не зудела. А потом гляжу, он сам правило читает, без ошибки. Так и исцелил себе глаза. До последнего дня читал, и даже без очков. Другие пробовали по этому рецепту лечиться, но ничего не получалось: не выдерживали болей.

Кончина

Вот начался 1976 год, тяжелый для меня. Всегда батюшка был бодрый, жизнерадостный и все время говорил: «*Обновися, яко орля, юность моя*». Но в этом году уже не говорил, ждал своей кончины. Батюшка к смерти легко относился, ждал ее, как хорошего гостя. Скажет мне, бывало: «Монахи приходили с Оптиной. Дескать, браток, ну мы ведь тебя ждем». И начнет мне перечислять: «Варсис приходил, Наркис приходил...» — «Да зачем, — скажу с та-

ким недовольством, — чего им тут делать? Зачем они сюда приходили?» — «А чего? Пусть.., меня, вроде, зовут». А я так расстроюсь...

За год до кончины батюшка стал ласковый в обращении со мной, а до этого был строгим. На правиле, скажем, стою за ним, залюбуюсь, на него глядя, и про себя только подумаю: «Где еще такой батюшка есть?» Он обернется, дверь передо мной откроет и скажет: «Ну-ка, выходи из кельи, быстро, быстро». Делать нечего, выхожу. А за год до кончины помягчел, все звал меня: «Маша, голубчик».

Батюшке про день смерти открыто было. За год до его кончины прихожу из церкви, на Троицу дело было, а он спрашивает: «Сегодня не Благовещение?» Я отвечаю: «Батюшка, да что ты, на Благовещение ручьи текут и снег еще, а сейчас, смотри, уже ветки зеленые». Он говорит: «Ну узнаешь после, что это за день будет». Вот подходит Благовещение. Я в церковь на всенощную не пошла, с батюшкой совсем плохо было. Стала акафист читать. У нас церковь за пять километров была, не близко, пешком ходили, но нам в радость было.

Вдруг слышу голос батюшки: «Мария, подойди». Я подхожу, а он сам весь сияющий, веселый. Я прошу его: «Батюшка, скажи мне что-нибудь». А он отвечает: «Возле меня стоит Спаситель и Матерь Божия». — «Пусть Они тебе скажут, когда Они тебя заберут», — говорю ему. Он отвечает: «Благовещенская Матерь Божия тебе скажет». Я потом думала: «Вот как умно ответил. Напрямую мне не сказал, а то б я разохалась да заголосила, от меня-то тайна его смерти закрыта была. Уже отходил ко Господу, а ум у него вот какой ясный был».

Я после этих слов пошла за раскладушкой, чтоб во сне увидать, как мне Матерь Божия про его смерть скажет. Это в народе такое поверье, что под Благовещенье Матерь Божия во сне всю правду говорит. Батюшка спрашивает: «Ты зачем это?» Я чего-то там схитрила, не помню. Он улыбнулся слегка. Я на раскладушку легла, но разве заснешь? В 2.30 ночи встала, к батюшке подхожу, а он такой веселый, руку мне жмет и что-то так мне говорит быстро-быстро. Думаю: «Батюшке легче стало, видать, выздоравливает». И к маме побе-

жала. Она перед этим была у меня и сказала: «Ты нынче не спи, он умрет». А я как расплакалась, как к ней придралась: «Я разве без тебя не знаю? Чего ты мне такие слова говоришь?» Вот мама приходит к батюшке, я следом иду. Подошла она к нему, а потом говорит мне: «Ну, не теряйся, он уж ушел». А я даже не поняла нисколько. Такой веселый, такой сияющий, улыбается. Так разве умирают? И все свое думаю: «К Пасхе встанет, вот уж стал разговаривать».

Похороны

Племянник в три часа утра пошел, дал телеграммы о кончине батюшки, и уже к обеду приехал с Ельца схиархимадрит Серафим (Мирчук), а к вечеру из Сергиевой Лавры владыка Евсевий (Саввин) прибыл, он тогда там наместником был. Потом приехал иеросхимонах Нектарий с Воронежа. Отпевали его в келии. Владыка Евсевий возглавлял. Он батюшку очень чтил, и батюшка к нему всегда ласков был. А перед кончиной свою полумантию ему подарил, так владыка очень ценит его полумантию. При выносе гроба неизвестно откуда налетели пчелки, начали все от них отмахиваться, но они никого не кусали. Три пчелки, пока к могилке шли, так над головой батюшки все и кружились, не отлетали никуда. Чудно было смотреть. А когда стали опускать гроб в могилку, опять множество пчелок

Прощание со старцем Иоасафом

Возвращение. Оптина пустынь, 30 ноября 2005 года

появилось. Могилку батюшки почитают, и даже исцеления на ней совершаются.

Батюшка еще при жизни меня предупреждал: «Мария, когда я умру, тебя про меня спрашивать будут. Ты много-то не рассказывай». Такое было его желание. Как при жизни его почти не знал никто, так и по смерти хотел оставаться в безвестности. Смиренный был очень батюшка.

А свое «Жизнеописание...» иеромонах Нестор заканчивает словами:

— К жизни схимонаха Иоасафа (Моисеева) приложимы псаломские слова: «*Проидохом сквозе огнь и воду, и извел еси ны в покой*». Действительно, его жизнь была библейским прохождением «сквозь огонь и воду». Двухлетние принудительные работы в Калуге, лишение гражданских и избирательных прав, трехкратное лишение свободы и пятнадцатилетнее пребывание в советских конц-

Схимонах ИОАСАФ
(Моисеев) 1889-25 марта /
/ 7 апр. 1976 г.
Да помянет, схимонаше Иосафе,
Христос Господь кро
и смирение твои,
согретые благодати

лагерях, последующая жизнь в затворе по причине недоброжелательства властей — такова чаша испытаний, выпавшая на его долю. Но все эти скорби, лишения, узы и гонения не в состоянии были сломить крепость его души и нисколько не повредили его высокой духовной настроенности. Он соблюл в своей жизни в неизменности и «правило веры», и «образ кротости». Более того, во всех «сих приключшихся» он достиг христианского совершенства и украсился благодатными дарами Духа Святого. Как и многие верные чада нашей Церкви, прошедшие через испытания XX века, отец Иоасаф оказался одним из тех, кого *«Бог искуси»*, и *«обрете достойным Себе»*, о ком сказал пророк: *«вы Мне свидетели, и Аз Господь Бог»*, кто *«благоугоден Богови бысть»* и в ком *«воцарится Господь во веки»*.

* * *

30 ноября 2005 года в г. Грязи Липецкой области состоялось обретение честных останков схимонаха Иоасафа (Моисеева), которые были отправлены в Свято-Введенскую Оптину пустынь, где начиналась монашеская жизнь незабвенного батюшки. По благословению Святейшего Патриарха Алексия II 1 декабря останки старца, согласно его желанию, были перезахоронены в некрополе Оптиной пустыни. Нам известно, что оптинские монахи трудятся в настоящее время над сбором материалов для составления полного жизнеописания схимонаха Иоасафа. Создана комиссия по его канонизации.

Святый старче Иоасафе, моли Бога о нас.

Часть 4

СТАРИЦА МИХАИЛА

Жизнеописание схимонахини Михаилы (Сарычевой)

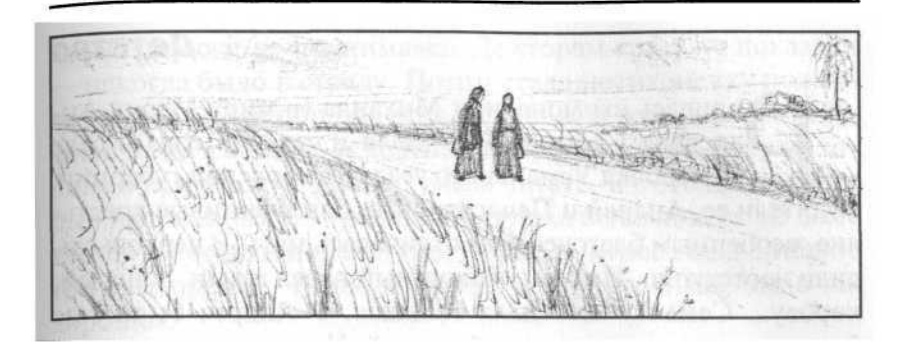

Вспоминая свою жизнь от юности до глубокой старости, я благодарю Бога, что Он по Своему великому милосердию дал мне недостойному возможность знать и общаться с людьми, которых смело можно назвать христианскими подвижниками XX века. Среди них — схимонахиня Михаила (Сарычева). Она была человеком, которому присущи были все христианские добродетели, в то трудное для христиан время, как светильники, освещающие всем путь, ведущий в Царство Небесное. Любовь к Богу и людям, кротость и одновременно строгость, когда это было нужно, незлобие, смирение, неосуждение и всепрощение, милосердие и щедрость по отношению к ближним — все это вольно и невольно помогало всем, общающимся с матушкой, исправляться и духовно совершенствоваться.

Матушка Михаила своей подвижнической жизнью оставила неизгладимый след в душе всех тех, кто с ней общался.

Протоиерей Николай Засыпкин

Среди многих старцев, подвизавшихся в 1930-1970-е годы на территории Воронежско-Липецкой и Тамбовской епархий, схимонахине Михаиле принадлежит исключительное место. Матушка эта никогда не жила долго в одном месте; с юности благословленная на странничество, она вообще не имела собственного жилья. У схимонахини Михаилы было много духовных чад, часто матушка бывала восприемницей на монашеских постригах.

Матушка была необыкновенно требовательна ко всем людям, с которыми была в духовном общении, и имела на это очевидное право, так как, в первую очередь, была требовательна к себе самой. Она могла обличить человека даже в самом тайном и им самим до конца не осознаваемом грехе — этим даром она обладала с самого детства. Но при всей этой строгости — даром молитвы, чувством ответственности перед людьми, с которыми Бог судил ей встретиться и общаться, — скольким она помогла, скольких людей, уже бывших на грани погибели, вывела к свету!.. Многим умершим матушка вымолила у Господа изменения их загробной участи, так как Бог открывал ей, где находится душа человека после смерти и что нужно предпринять, чтобы помочь этим душам... И при всех этих своих дарованиях схимонахиня Михаила всегда держалась как бы в тени, подчиняясь воле старцев, окружавших ее, считая их неизмеримо выше себя по подвигу.

Детство

Родилась схимонахиня Михаила (в миру Мария Андреевна Сарычева) 15 июля н.ст. 1891 года в селе Шмаровка Усманского уезда Тамбовской губернии. Родители ее, Андрей и Пелагия, были благочестивые крестьяне, особенным благочестием отличалась мать. В церковь ходили неотступно. Имели собственный надел земли, лошадей, корову... Семья у них была большая. У Андрея были еще братья, и все они жили одной семьей. Но родители матушки — самые многодетные — имели семеро детей, из них только одного мальчика. За это их недолюбливали, часто им и места за столом не хватало. Матушка потом иногда вспоминала: «Брату моему Михаилу был почет, его с отцом за стол сажали, а мы, девочки, с мамой на полу ели. Мама расстелет ***детничек*** (это маленькая скатерка такая), и так кружком на полу обедали... Девчонки недовольны были, особенно в праздники, всегда возмущались и роптали, говоря: «Мама! Что же мы и в праздник на полу?» А мать смиренная была и им отвечала: «Девчонки! Да ведь я-то с вами. Или же нам плохо? Сидим просторно, а они там за столом теснятся, а еда у всех одинаковая».

Мария была в своей семье вторым ребенком, считалась уже старшей, всегда старалась помочь матери. В семье снохи готовили еду и пекли хлеб по очереди. Матушка вспоминала: «Когда мамин день, я изо всех сил стараюсь помочь. У мамы всегда болела голова, да и дети были еще маленькие, а я ей на хлеб муку сеяла. Мука хранилась в деревянном ларе (такой большой ящик из досок с крышкой), ларь высокий, а я с пола никак не достану. Так я дождусь, чтобы никого не было, залезу в ларь с ногами, муку побыстрее насею и вылезаю вся в муке с головы до ног».

Когда девочка уже подросла, взяли ее работать на ток — рожь молотить. Молотилка у них была своя, она приводилась в движение лошадьми, а все остальное делали вручную. Снопы забрасывали в нее, а потом солому относили на носилках и укладывали в стог. Работа была тяжелая и трудоемкая. Мария день или два сходила туда и надорвалась. Ей стало плохо, привезли ее домой, и она какое-то

время лежала, не поднимаясь. Докторам сразу не показали — некогда было в страду. Потом стала потихонечку подниматься, но с тех пор она осталась на всю жизнь больной — физически работать и ходить быстро не могла. Мария ходила в приходскую школу, умела читать, и в это время у нее было одно занятие — чтение. Матушка вспоминала: «В доме всегда многолюдно, а я уйду в сад и читаю, всю Библию три раза прочла. Читаю... Солнце пригреет. И мне было так хорошо».

Когда ей было лет 10-12, окружающие стали подмечать, что иногда девочка скажет что-нибудь матери о погоде, о каком-либо человеке — и все это потом сбывалось. Стали к ней обращаться взрослые люди со всякими взрослыми вопросами! И она отвечала им, как взрослая. Бывало, придут: «Манюшка, мы хотим коровку заменить — у кого нам купить?» Такая ма-асенькая, а она уже им отвечает, как взрослый человек: «Вот у кого купите. У них можно купить, они хорошие — коровка будет хорошая, и молочка будет много. У них можно покупать». Или другие придут: «Манюшка, как же нам быть? За нашу Нюрку сватается вот кто». А она бегает по полу, притоптывает: «Нет! Нет! Нет! Это не ее жених! У нее жених еще не объявился. Вот как объявится, тогда и выйдет за него замуж. А это не ее жених!» Все потом так и случалось.

Отец Георгий

Родился в 80-х годах XIX века в том же селе Шмаровка мальчик. Как его звали в детстве, никто уже и не помнит. Мальчонка этот был годков на пять-семь постарше матушки Михаилы. Он был очень набожный. Матушка Михаила вспоминала однажды, что когда она была еще маленькой, мальчик пришел к ее бабушке, маминой маме, и говорит: «Бабка Поля, отдай Машку за меня замуж», а бабушка буркнула: «Да какой из тебя жених, тебя уже теперь все монашком кличут». Она и не догадывалась тогда, что подразумевался под замужеством Божий путь, и что многие люди придут в скором времени через этого мальчика к жизни по Богу. Когда он подрос, то поехал на Свя-

тую Гору Афон и его приняли в число братии, подвизавшейся в тамошних русских монастырях и скитах. Через некоторое время он был пострижен в мантию с именем Георгий. Был ли он иеродиаконом или иеромонахом — об этом отец Георгий никогда не рассказывал. На личности этого подвижника мы останавливаемся потому, что он сыграл определяющую роль в жизни и схимонахини Михаилы, и схимонахини Антонии (Овечкиной), указав им обеим путь иноческой жизни, как единственно для них приемлемый. Свидетелей его подвигов почти не осталось, поэтому нам показалось уместным рассказать об этом подвижнике чуть подробнее.

В 1912-1913 годах случились на Афоне печально известные имяславские бунты, когда многие из братии Свято-Пантелеимонова монастыря и особенно Андреевского скита, склонились к принятию новой ереси, содержавшейся в книге схимонаха Илариона «На горах Кавказа» и поддержанной иеросхимонахом Андреевского скита Антонием (Булатовичем). Братия эта, названная «имябожниками», не хотела внимать увещеваниям ни своего игумена, ни епископов, которые писали по этому поводу, ни определению Константинопольского патриарха, который осудил новое учение и открыто назвал его ересью. Хуже всего, что во все эти события были втянуты и монахи-простецы, которым все эти богословские тонкости были просто чужды. В июле 1913 года по определению Святейшего Синода на основании данных, собранных специально созданной для разбирательства обстоятельств дела комиссией, все участники имяславского движения, а вместе с ними и многие иноки, которые просто внушали комиссии какие-либо опасения, были вывезены из Афона в Россию. Среди вывезенных были и будущий преподобный Кукша (Величко), и отец Георгий.

Отец Георгий поселился на родине, в селе Шмаровка, и стал юродствовать. Всех женщин, приходивших к нему, он звал «бабка Маша», а мужчин — «дядя Ваня», какого бы возраста и звания они не были и какое бы имя не носили. Простые же люди тоже зачастую звали старца не отцом Георгием, а просто Егором Ивановичем.

Во времена советских гонений на Церковь старец скрывался от властей. Жил он у верующих в хате, на чердаке. Схимонахиня Евгения вспоминает: «Однажды он приехал к маме и в печке ночевал: прятался. Когда жил у одних рабов Божиих на крыше — разводил там костер, а солома никогда не загоралась! Наши ходили — мама, папа, все мои старшие сестры — и меня брали. Я маленькая была. Старшей сестре Дарье (она у нас красивая была!) сказал: «Бабка Маша, ты будешь по садочку ходить, да в садочке чаек попивать!» — он притчами говорил. Ну и ее муж потом только что печкой не бил». Матушка Михаила тогда жила уже в селе Вязковка и за 15 верст ходила к Егору Ивановичу, носила на себе дрова. Принесет эти дрова, а отец Георгий положит две палочки рядом, на них еще две палочки поперек и на этом всем картошку себе варил. Причем сгорали только две верхние палочки, а нижние оставались целы. Бывало, чугунок, пока картошка варится, держал в руках — и не обжигался. Дивны дела твои, Господи!.. Он, бывало, так и выйдет зимой, сядет поверх соломенной крыши и поет себе: «Дивны дела Твои, Господи!» А матушку Михаилу с матушкой Афанасией он свел. Они потом вместе странствовали. Он их всегда пускал в «келью» (на чердак) и все им открывал...

Матушка Афанасия с его благословения оставила двух детей и пошла странствовать — вот какая любовь к Богу была! Мужа у нее убили в первую германскую войну, и осталось после него два мальчика — Алеша и Георгий. Ей Егор Иванович и говорит: «Бабка Маша! Иди странствовать». А она ему: «Отче Георгие, да ведь у меня два мальчика малолетних, на кого же я их брошу?!» А он ей в ответ: «Ты не переживай. Тебе самой их не поднять, а твоих ребятишек Матерь Божия любит. Ничего с ними плохого не будет! Положись на милость Божию».

Уходила она весной, шла до Шмаровки и молилась: «Господи! Укажи через отца Георгия, как мне жить!» Подходит к хатенке, окно открыто, а старец у окна стоит. Она просит: «Отче Георгие, благослови!», а он ей из окна нараспев: «Пришел инок в монастырь и говорит: “Примите меня в монастырь жить”. А ему отвечают: “У нас голод, у нас холод, у нас болезни, у нас скорби”. Да он и согласился и на голод, и на

холод, и на болезни, и на скорби: “Я останусь в монастыре”». Старец это ей к тому говорил, что ее ожидает монашеский путь, путь отречения от себя. И она странствовала пятьдесят лет. Одежда на ней была из мешка. Питалась тем, что подадут. А были тогда годы голодные, и капустному листу бывала рада. А с детьми вот что вышло. Они утром встали, а матери нет. Пошли к соседке. Та их водила к Егору Ивановичу. И по его молитвам их судьба устроилась. Один, Георгий, правда, погиб в Великую Отечественную войну, но у него были уже жена и сын. А второй, Алексей, жил в Воронеже — он у Николая Овчинникова (знаменитый хирург, в схиме — Нектарий) кладовщиком в больнице работал. Он Божиим был, хорошим. Дети никогда не осуждали мать за ее выбор. Всегда принимали ее и давали ей кров и пропитание. Но она все равно никогда у них долго не задерживалась.

Была у Егора Ивановича какая-то деревянная ложка с Афона. Держал он ее у себя за великую драгоценность. Очень многие вспоминают, что подойдет, бывало, к своим Афонским лампадочкам и как бы зачерпнет огонька с горящего фитилька. Смотрят, а ложка вся полна как будто расплавленным металлом. А он поет себе: «Дивны дела Твои, Господи!» и содержимое из ложки присутствующим по рукам разливает. И никого не обжигало никогда. А потом так легко на душе было. Он перед арестом эту ложку матери Михаиле отдал, а та, в свою очередь, перед смертью, своей послушнице — матери Ксении.

Арестовали старца за несколько лет до войны. Было это зимой. Когда брали — обливали его ледяной водой на морозе! Чего только старцы за веру не терпели! Увезли его из Шмаровки на станцию Оборона (ныне р. п. Мордово), везли мимо огромного Мордовского храма в честь св. Архангела Михаила с удивительным фарфоровым иконостасом. Батюшка встал на колени в кузове машины, перекрестился на храм и сказал (все рядом это слышали): «Стоял и будет стоять, как Иерусалим, до второго Пришествия». Так и вышло, сколько ни пытались в советское время храм разрушить, но по Божией милости — всякий раз ничего у богоборцев не выходило. Когда на станции батюшку посадили в состав, то все, кто знал старца, легли под поезд. Их всех силой разогнали.

Однако несколько раз состав просто не мог сдвинуться с места — как будто в нем находилась непомерная тяжесть. В конце концов, сам арестованный благословил своих конвоиров: «Ну, Бог благословил, езжайте!» — и поезд пошел легко и свободно... Здесь наши сведения об отце Георгии исчерпываются. Известно только, что он принял вскоре мученическую кончину.

Странница

После Октябрьской революции для семьи Сарычевых наступили тяжелые времена. В годы продразверстки, еще до НЭПа, вышел вот какой случай. В это время у крестьян отнимали силой не только излишки продуктов, но, бывало, забирали все подчистую. Однажды отец Марии Андрей решил спрятать в поле мешок зерна, про запас. Закопали неглубоко, поверх засеяли рожью, а место не приметили. Когда рожь взошла — то уже никак нельзя было это место обнаружить. Очень горевали. А Мария сказала: «Не волнуйтесь, мешок цел. Как будете рожь косить, так найдется мешок». Когда стал отец косить рожь, так косой и подцепил кусочек мешковины: мешок нашелся. И зерно было на удивление целехонько.

На селе стали называть ее матушка Мария или сестра Мария. Многие просили советов в трудную минуту, она отвечала, и все сбывалось.

Когда началась коллективизация, их семью причислили к разряду кулаков, хотя у них ничего особенного не было, только большой дом и молотилка. Все у них отобрали, из дома выселили. Бабушка старая стала ходить побираться по селам. Матушка вспоминала: «Она уйдет, а мы боимся, что ее там убьют... У меня от голода живот “прирастал” к спине. Бабушка принесет чего-нибудь — младшим детям отдает. А я-то вроде взрослая — не евши». Затем их отправили в ссылку в Казахстан. Забрали матушкину семью, мамину бабушку Пелагею, дядю Мишу, брата ее отца, у которого к тому времени умерла жена, и он остался один с тремя детьми. Матушка потом вспоминала еще: «Привезли нас на станцию, подошел какой-то поезд, нас всех погрузили в холодный

Матушка Михаила

вагон и повезли, не знаем куда. А я как зашла в поезд, легла на полку и не поднималась, пока не доехали до места. Мама всю дорогу плакала — боялась, что я умру дорогой и меня выбросят, где придется. Доехали мы до места, поместили нас в барак, а я и там все время лежала, не могла головы поднять». На матушку обратил внимание какой-то ссыльный, как будто доктор. Он подошел, расспросил все у нее и дал какие-то «розовенькие» капли. Матушка их попила и поднялась. Потом она часто вспоминала об этом: «Пузыречек маленький был, что за капли были — не знаю. А попила и встала на ноги». В ссылке они были недолго — меньше двух лет. Старшая сестра Анна была замужем, жила в другой семье и с ними в ссылку не попала. Она в скором времени собрала на них документы, получила какие-то распоряжения и, приехав в Казахстан, всех их забрала оттуда. Матушка предсказывала близким в ссылке, что их скоро отпустят, но ей не верили, говорили, что если бы хотели их отпустить, то в такую даль не загнали.

Когда матушка Михаила вернулась из ссылки, она с благословения отца Георгия нигде не прописывалась и вела страннический образ жизни. Ходили вместе со схимонахи-

ней Афанасией. Матушка сначала мучилась без документов, все время приходилось таиться по чердакам у тех, кто принимал. Горевала: «Как же у меня паспорта нет?» На чердаке молились, иконочки украшали. Матушка вспоминала: «Однажды принесли мне наверх разные бумажки, ниточки, чтоб иконки убирать. Вдруг смотрю — а на крыше какая-то бумажка в солому воткнута. Смотрю, что такое? А там книжица, на ней написано «Паспорт». А в паспорте имя: «Сергей Павлович Нокин». А в сторонке, глянула, бес стоит. Глаза страшные и ухмыляется. «Меня, — говорит, — так теперь и зовите: Сергей Павлович Нокин. Это я у одного начальника паспорт украл». Мы потом бесов так и звали «нокин». Я и говорю: «Откуда принес, туда и отнеси, а то начальник тот будет гориться [горевать]. Посмотрела после — а бес исчез. И паспорта уже никакого нет». Потом матушка говорила еще: «Лукавый, как праздник, «подарки» носит. Принесет шляпу — голова будет болеть, принесет кому сапоги — тогда ноги с места не отдерешь». Мы спрашиваем: «Матушка, какой же он, бес, есть?» А она отвечает: «Он страшный — вы его испугаетесь: глаза огненные, хвост крючком! Весь страшный — невозможно!» Сама она их никогда не боялась.

Бывало, придут соседи, а матушка их в каком-то грехе обличит. А мама, еще тогда жива была, и говорит: «Маня! Зачем же ты так сказала, так не надо». А она в ответ: «Мама, да я и сама не знаю, зачем сказала».

Однажды, еще до войны, матушка поехала со своей старшей сестрой Анной в Киев. Пришли они в Киево-Печерскую Лавру, прошли к пещерам, а в это время отец Кукша (Величко) был уже в Киеве, и все о нем говорили, что он великой жизни. Матушка говорила, что ей очень хотелось его увидеть. И вот идут они по пещерам, доходят до мощей преподобномученика Кукши Печерского, а отец Кукша стоит тут же рядом, смотрит на матушку и говорит: «Этот Кукша лежит мертвый, а этот, — указывает на себя, — еще живой стоит». Матушка говорила: «Я так утешилась». Он дал матушке пачку сахара и еще что-то. Вот так они чудесно повстречались. Потом они с сестрой пошли во Введенский монастырь, и их поместили в гостинице. Там несли

послушание монахини. Мария показывает на одну и говорит: «Эта мантию купила за деньги», а на другую указывает: «Эта заработала трудом». Сестры это быстро заметили и стали одна за другой подходить с вопросами. Анна с досадой говорит: «С тобой, Маня, хоть нигде не показывайся, давай уходить отсюда, а то еще нас с тобой заберут куда-нибудь».

После ссылки матушка жила иногда у родных сестер, но больше у людей, хоть и чужих, но родных по духу. Нашлись для нее и духовные сестры, которые вместе с ней ходили, странствовали. Храмы закрывались, но не все сразу, и где совершалась служба, туда и шли, не считаясь с расстоянием, иногда без куска хлеба. Годы были тяжелые. А если по какой-то причине не удавалось попасть в храм на праздник, то шли на кладбище. Матушка говорила: «Раньше люди были хорошие, Божии. На каждом кладбище есть святые, и там можно молиться». Пришли они как-то в село Замарай, где остановились у своих знакомых. Матушка еще в постриге не была, ее все Марией звали, но люди к ней уже тянулись за советом. И вот пришел один мужчина, матушка его сразу назвала за глаза «сыщиком», под благовидным предлогом — мол, побеседовать. Матушка не подала никакого вида и во время беседы вдруг у него спрашивает: «Иван, а ты в бане был?» — «Нет», — отвечает. «Ну, побудешь! Там знаешь, как хлестают?» Что потом и сбылось, тогда за любой донос сажали — его и посадили в тюрьму. Но в тот раз он на эти слова не обратил никакого внимания и, побеседовав, ушел. Только он за порог, матушка, не медля, встала и говорит: «Собирайтесь скорее, уходить надо». Они быстро собрались и пошли. Только пошли не по дороге, а свернули в ржаное поле. Рожь еще не выколосилась, но от земли уже поднялась. Они взяли чуть в сторону и слышат: едет по дороге лошадь с дрожками, колеса поскрипывают. Матушка приказывает: «Ложитесь». Все легли, а уже начались сумерки. Они и от дороги-то отошли совсем недалеко, а те подъехали совсем рядом и остановились прямо напротив них. Этот «сыщик» все руками размахивает и удивляется: «Да куда же они делись? Ведь только что были». Постояли, посмотрели по сторонам и вернулись

Схиигумен Митрофан (Мякинин) и старица Михаила

назад. А матушка с тремя спутницами так и шли полем. Потом одна из них вспоминала: «Пока шли по полю, все время лучик света светил».

В конце 1930-х годов матушка Михаила познакомилась со схиигуменом Митрофаном (Мякининым), когда тот был еще в затворе, и часто стала бывать у него. Там все было очень строго, но при этом, как потом вспоминала старица, было всегда духовное ликование, какое-то торжество служб и совместных молитв. Тогда же, очевидно, матушка приняла от отца Митрофана (в то время иеромонаха Серафима) постриг в мантию с именем Митрофания. В Ясырках, где батюшка обитал втайне, в доме жены бывшего председателя Ирины Ивановны под полами был выкопан послушницами матушки Митрофании, почитавшейся всеми за прозорливую старицу, и обустроен небольшой погребок. В нем отец Митрофан и жил, и молился. Службы

совершались в доме по ночам, тайно. Но собиралось достаточное количество народу.

За домом, это было уже в конце войны, пристально следили. Как-то матушка была там на празднике Успения Божией Матери. После праздника отец Митрофан принес много цветов с Плащаницы и отдал матушке. Он любил, когда мать Митрофания раздавала всем присутствующим эти цветочки и при этом всегда что-нибудь говорила. И вот матушка все цветы раздала, а батюшку обошла. Он и говорит: «Матушка, ну что же это? Сколько я принес цветов, а мне ни одного не досталось». А мать Митрофания ему и говорит: «Да вот ведь, батюшка, если давать цветочки — надо что-нибудь говорить, а говорить придется неприятное...» Он все понял, но все же сказал: «Матушка, говори. На все воля Божия». Старица отвечает: «Подлетит “черный ворон” и унесет...» Услышав это, батюшка только повторил: «На все Божия воля». Так и случилось вскоре. Когда батюшку забирали, то защемили ему дверями все пальцы на руках, руки у него потом долго были опухшие. А мать Митрофания встала на молитву. Несколько дней вообще не ложилась — все молилась. Потом слегла ничком — ни двигаться не могла, ни шевелиться, только четки в руках перебирала, не ела почти ничего. Через три недели по милости Божией батюшку отпустили. Но жить ему в Ясырках было уже нельзя.

Все военное время матушка непрестанно молилась Богу как за живых — за тех, кто ушел на фронт, так и за умерших — убитых и замученных в то страшное время. Рассказывает раба Божия Екатерина:

Муж моей сестры Анны во время войны был заведующим складом в летной части. Там обворовали хлебный киоск — украли сто буханок хлеба. А в то время и за одну буханку давали срок. Мужа посадили в тюрьму. Анна не знала, жив ли он вообще. И вот как-то вечером получает она письмо от мужа из лагеря. Утром вместе с ней мы отправились к матушке Михаиле. По дороге зашли и к старшей нашей сестре Марфе. А в этот момент у нее был на побывке ее муж Иван, наш свояк, поправлявшийся после ранения. Мы попросили его, чтобы он дал что-нибудь матушке на гостинчик. Он дал 25 рублей и попросил задать матушке вопрос:

будет ли он жив — война еще продолжалась, и ему скоро уже надо было отправляться снова на фронт. Матушка в то время находилась в селе Вязковка в доме невестки той самой матушки Афанасии, вместе с которой они все время странствовали. Когда мы пришли, старица сидела и чесала шерсть для четок — она все время была за работой или за молитвой. Мы поздоровались. Ничего еще толком не успели спросить. У невестки матушки Афанасии поинтересовались, что сталось с ее мужем. Она сказала, что убит на войне, и в свою очередь спросила у Анны, а что с ее мужем? Жив ли? Мать Михаила опередила мою сестру: «Живой! Живой! В тюрьме сидит». Анна очень удивилась, что старица все уже знает, и даже слегка меня подтолкнула от неожиданности. Передали гостинчик от свояка Вани. Спросили, что с ним станется. Матушка ответила: «Жив будет! Придет. Немного за левую сторону поцарапает, но жив будет!» Так и случилось. Его ранило в грудь слева, осколок застрял в шести сантиметрах от сердца. Так он и прожил с этим осколком до самой смерти.

Сразу после войны матушка некоторое время жила в с. Вязковка, в доме у матушки Афанасии, в том самом, из которого та ушла странничать. Дом был маленький, заброшенный. Жить было тяжело — ни хлеба, ни топлива. Но сюда многие приходили к матушке за советом. Мать Афанасия была и хозяйкой, и послушницей, где необходимо, сопровождала старицу Михаилу.

Однажды схимонахиня Михаила и говорит ей: «Ты, матушка Афанасия, теперь сама должна иметь у себя послушниц». Она провидела высокую жизнь ее. Мать Афанасия была неграмотна — ни одного класса не окончила, все ее правило была Иисусова молитва. Доживала свой век матушка Афанасия действительно при послушницах и уходе. Требовала от всех творить милостыню. Рассказывает ее послушница Александра (ныне схимонахиня Феодорита): «Она часто говорила мне: “Шаша (она мое имя не выговаривала), нечего тебе дать в милостыню, то хоть малое дай, ведь и иголочка будет на весах”. Или: “Ты не носи платье до дыр, а то и в милостыню нечего будет дать. Да дорогие вещи не покупай, а что подешевле”. А однажды мать Афанасия заболела, я к ней

приехала и говорю: “Я набрала платочков, чтобы по мне раздали, когда я умру...” А она и отвечает: “Шаша, раздай все сейчас. Теперь один рубль, а тогда надо будет десять рублей давать, сейчас платочек, а тогда десять надо — вот как дорого раздать все своей рукой”».

Кроме матушки Афанасии, у матери Михаилы были и другие послушницы. Одна — Полюшка (теперь схимонахиня — Евгения). Она вспоминает:

«Я с детства старицу знала. Еще в школу ходила — в классе 5-6 была. Я к тете ходила Евангелие читать, сюда и матушка приходила часто. Я уезжала учиться, а мать Митрофания моей маме однажды сказала: “Теть Наташа, ты этой девочке не давай учиться — она там пропадет”. Ну а я уехала. Правда, потом все-таки опять к матушке вернулась. Брата Димитрия убили на войне: мама его очень любила и по нему сильно плакала, с ней от этого плохо было. Вскоре она умерла, я из отчего дома ушла и стала жить у матушки Митрофании в послушании. Матушка Митрофания сидела в затворе, но многие им помогали. Ее возили и на тачке, и на салазках. Я была сильная, молодая! Бывало, собираются они к отцу Митрофану, я довезу до какого-нибудь места , а она и говорит: “Ну, Полюшка, вертайся назад”, — ведь тогда еще к батюшке не всех пускали. А однажды, на день памяти великомученицы Варвары, мать Афанасия говорит матушке Митрофании: “Мать, давай Полюшку отведем к отцу Митрофану!” А когда я туда впервые зашла, они запели: “О, прекрасная Варваро!” — я думала — я на небе. Но при этом все очень строго было. Батюшка Митрофан мне тогда сказал: “Вот и матушка молодая пришла”. А мне хоть бы в яму какую-нибудь провалиться! Боялась очень батюшку...»

Еще одной послушницей была Нюра (Анна, в монашестве Аполлинария). Вспоминает схимонахиня Евгения:

«Мы с Нюрой тачки возили — с продуктами, со всякими пожертвованными вещами — матушка их потом кому надо раздавала. Однажды Нюру забрали в тюрьму.

Они в семье собирались вечером, пели все духовное. А одна женщина, которая к ним ходила, донесла на них в органы. Матери Нюриной дали три года, а Нюре — год. На допросы ее вызывали с одиннадцати часов ночи до двух! И как же люто били! — она рассказывала, что у нее вся кожа сползала. И пальцы рвали, как собаки дерут (собаки, те еще, может, пожалеют)... И вот мы, бывало, с ней везем тачку, а у нее сил нет. Или просто возьмет и заснет в упряжке. Я ей: "Анна! Ты уснула, ты не везешь!" — "Это ты, Полюшка, не везешь..." — поспорим. А матушка потом нас ругала: "Идите отсюда, от вас вонь идет!" А мы тогда плачем, плачем! Только и скажем: "Матушка! Мы не будем больше!" — пол весь смочим! Отошли — опять поспорили!.. Послушание ведь надо нести, чтобы не согрешить, чтобы никого не обидеть. А мы с Нюшкой всегда спорили на дороге... Нас отец Евгений (в миру Иван) несколько раз подвозил — он тогда еще шофером работал. Увидим его: "Ой, скорей посади нас, довези немножечко, отдохнем от тачки!" Бывало, в той же тачке старицу возили — она ходила с нами, а когда устанет, мы ей: "Матушка, садись на тачку, мы тебя подвезем!" Едем, едем. Устанем: "Матушка, да когда же кончатся все эти искушения. Этот «нокин» замучил — без конца искушает и искушает! Никакого нет терпения и сил не хватает!" А она и говорит: "Полюшка, а он как выскочил с тачки! — Катается! — глаза огненные, язык огненный, хвост крючком и голосит: «А я вам не хорош?! Все награды из-за меня получаете — и я вам не хорош»"...

В один год у нас ничего из пропитания не было.

— Матушка, да чем же будем жить-то?

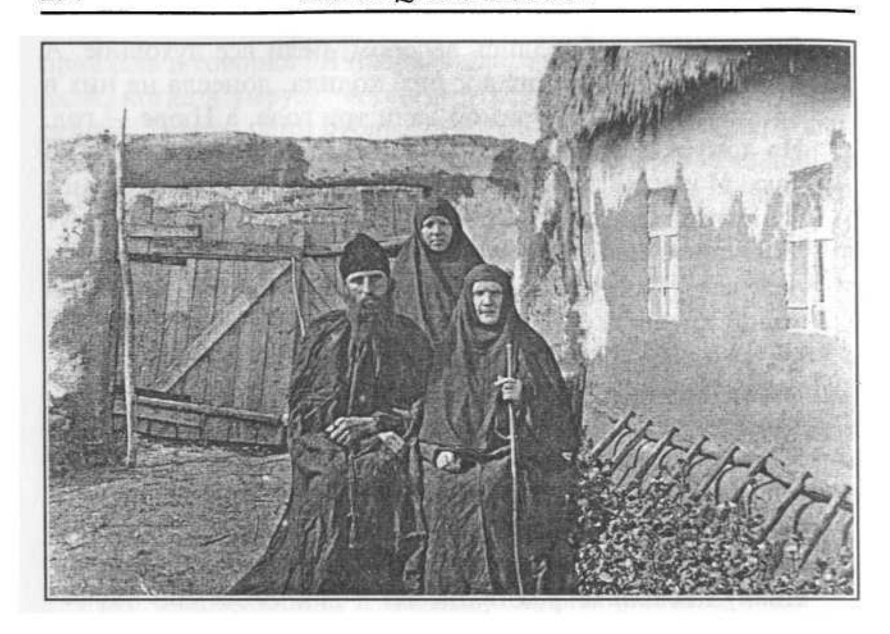
— Ты этим пропитаешься, ты — тем.

А мы с Нюрой вместе сидим и спрашиваем:

— Матушка, а мы чем же?

— А вам котелок с капустой! — и капуста в тот год уродилась. Мы ее ели-ели и почему-то не пухли, а то весь народ опухал...»

...Живет в одном поселке в Тамбовской области человек, уже в годах. Он с детства знал матушку. После армии ушел в

Почаевскую Лавру, принял монашество. После разгона монастыря служил на приходах Тамбовской епархии. Стал диаконом, потом иеромонахом, потом игуменом — говорили, что он был большим молитвенником. А потом случилось невероятное — он сошелся с женщиной, женился, прожил с ней несколько месяцев, и она его бросила... Все это матушкой было предсказано[1]. В нашем повествовании мы условно назовем его И.К.

Вот его воспоминания:

«Матушку Михаилу я знал только начав ходить, лет с трех-четырех. Они — матушка Михаила и мать Афанасия, и Полюшка — всегда, когда в Ячейку или на другие послушания ходили, всегда у моей бабушки останавливались. Когда бабушка с моей мамой были в ссылке, им являлся святитель Николай. Матушка Михаила у бабушки подолгу задерживалась — по неделе и больше. У ба-

[1] Было предсказано ею также, что на склоне лет все потерянное ему вернется. Это человек очень большого покаянного чувства, просим вас помолиться о рабе Божием Иоанне, он теперь очень нуждается в ваших молитвах.

бушки маленькая хатеночка была, вросшая в землю, для других неброская, а старица любила в ней бывать. Ну и я туда приходил. Мама, как узнает, что мать Михаила здесь, говорит мне: “Ты отнеси ей молочко, чтобы матушку порадовать”. У нас, слава Богу, коровка всегда была. Тогда же хлеба не было, пекли лепешки с примесью лебеды. Не хлеб — одно название! Но все равно бабушка встречала их и хоть как-нибудь, но угощение сделает получше, потому что старица с детства всегда больная была. И как-то всегда она плохо ножками ходила.

Лет в пять я уже знал и отца Митрофана. У нас радостное детство было, потому что каждым батюшкиным словом мы дорожили. Что батюшка сказал — так это уже все: уже никакому обсуждению ничего не подлежит, потому что знали, кто такой батюшка и кто такая матушка Михаила. От нас Ячейка (место, где служил о. Митрофан) была в 25 километрах. Ячейка — в Воронежской области, я жил в с. Кужновка на самом краю Тамбовской области, а там, с другой стороны — Липецкая область. Бывало, побегу к батюшке, портфель спрячу и 25 километров за раз! Ну, детство было! Конечно, не успевал к началу литургии, но в храм придешь — служба еще идет, в храме еще есть люди. Под праздники всегда старцы — матушка Михаила, матушка Серафима (Мичуринская) и другие — откуда-то издалека приезжали к батюшке.

Матушкины слова никогда не были сказаны вскользь — она говорила точно, определенно. И мягко — никогда с гневом, повышенным голосом. Всегда мягко, чисто.

Как-то мне мама рассказывала, когда мне было три годика, я сидел на печи. Матушка посмотрела на меня и говорит: “А этот у вас батюшкой будет”. А про мое падение она сказала лет за пятнадцать вперед:

— Вот так и так с тобой будет.

— Матушка, миленькая, да как же это со мной будет, когда я к этому ну никак не причастен?! Я не для этого родился.

— А вот так. И как будет трудно тебе восстановиться!..

Так и пришло это время. Так вскружилось, что и опомниться не успел. Двадцать пять лет с тех пор прошло. И

какие только люди не хлопотали о моем восстановлении! А воз и ныне там.

Матушка не для себя жила — для людей. Спасала людей. Некоторых отсылала в монастырь. Матушке все никак не выдавали документы. Помогла сестра отца Трифона, ныне схимонахиня Иоасафа, насельница Алексеево-Акатова монастыря г. Воронежа. Отец Трифон в Питиме служил. Он раньше был гармонистом, Ленькой звали. Его сестра привела к старице:

— Матушка, да выведи ты его, чтоб он духовным был!

Мать Михаила ему и говорит:

— Ленька, я не знаю, как ты сам хочешь, но ты будешь маленький попенок!

А он:

— Матушка, да какой из меня поп! — облачение надену, а оно будет по земле тянуться! — он ростом небольшой был.

А впоследствии сбылось: "маленький попенок" — не то, что был маленький ростом, а то, что он мало прожил. Матушка говорила притчами, у нее слова мудрые были.

Один молодой человек, Павел, ходил к матушке. Она ему говорит: "Паша, а ты будешь священником". — "Матушка, да какой из меня поп?!" — "Вот будешь батюшкой!" И он потом окончил семинарию, академию и служил в Курской епархии. Звали его отец Павел Санталов. На склоне лет он был пострижен в великую схиму с именем Нифонт. Умер в 2005 году.

Матушка в детстве только лишь читать и научилась, образования никакого не получила. А когда Господь ей открывал — она могла говорить наравне с любым ученым человеком. Когда я уезжал в Почаевскую Лавру, моя младшая сестренка Нина плакала по мне: "Бла-а-атка, ты от нас уезжаешь! Ты нас блоса-а-ешь!" А матушка говорит: "Да он приедет! Годика три побудет и приедет!" — и вправду, скит закрыли, а нас всех выпроводили восвояси.

Когда я еще был в монастыре, меня приезжал отец Митрофан проведать. Когда он вернулся, то говорит старице Михаиле: "Матушка, а там еще какой-то монашо-

Мичуринская старица Серафима (Белоусова) и старица Михаила

нок пристал". А мать Михаила отвечает: "Да это наш теперь. Тоже наш, батюшка! Ты его не отгоняй — он наш, он приедет к нам", — это она про отца Макария (Болотова) говорила, мы с ним дружили в монастыре.

Вспоминается и такой случай. Еще во время войны женщины в колхозе пололи свеклу. Настал обед, сели отдохнуть. А в это время мимо пролетал немецкий самолет. Одна женщина, Пелагея, и говорит спроста: "Вот пролетел — нас не тронул. А мужики на войне — сбросит бомбы — всех побьет". А с ними рядом сидела жена председателя колхоза, она и сболтнула об этом мужу. Он тут же куда-то позвонил, и тем же вечером приехал "черный ворон" и женщину забрали. Сидела в карцере, приговорили к расстрелу по 58 статье. Бабушка моя побежала к матери Михаиле: "Да что же делать?! Пелагею осудили под расстрел". А она ей: "Бабушка, не горься — как картошка зацветет, она и приедет". Через три года, как раз во

время цветения картошки, женщина вернулась из лагеря. Отпустили ее.

Мой отец с дядей украли во время войны мешок зерна в колхозе. А тогда было очень строго — за горсть зерна давали 5 лет! Забрали их в милицию. Мама пошла к бабушке Иулиании:

— Что же делать? Кузю забрали в милицию!

— Я пойду к матушке, как она нам скажет.

Пришла:

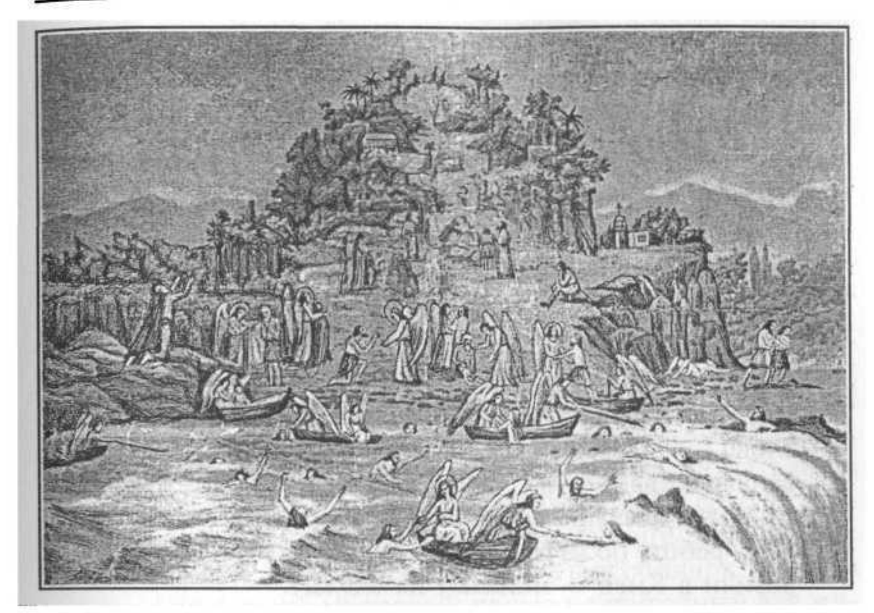
— Матушка, вот так и так: у дочки мужа забрали.

А та ей:

— Бабушка, да ты скажи ей, чтобы она не горевала. Ваш-то отвертится, а второго посадят.

Так и вышло.

Если вы приходили к ней, она переживала, молила Бога, чтобы Он открыл что-нибудь о вашем спасении. Очень тяжело было матушке за каждую душу. Старица, бывало, начнет говорить, а мы все собираемся. Вокруг много монастырских матушек было, выгнанных из обителей. Они ходили к отцу Митрофану и с ним беседовали. Матушка начнет говорить — ни одного греха не скроет. От зачатия и до смерти — все человеку скажет! “А еще, — говорила, — бывает, в молодости нагрешат, впоследствии примут монашество, вроде тишь да гладь — а грехи-то остаются нераскаянными. Хоть человек и исправляется, а остается признак, что был грех”. Она, бывало, говорит, говорит — они вертятся, вертятся! Неудобно! А батюшка Митрофан не выдержит: “Матушка, да, может, я уйду?” — ему тоже за них неудобно. Уходит. А мы когда приходим домой: “Матушка, да ты бы им не все говорила!” Она отвечает: “Девчонки, не могу скрыть! Стоит Ангел, открыта книга, написано золотыми буквами! Ни одну букву не могу пропустить!” От матушки ничего не скроешь, ни одного греха! Лежит покойник, сколько уж лет — она скажет, за какие грехи он там страдает! Она вымаливала. Матушка великая молитвенница была. Старцы наши по ночам не спали, а нам на послушание вставать надо было рано, боялись, что проспим... Матушка говорила нам, как за умерших молиться, как подавать за них, как их

Картина «Житейское море»

выручать. У нее была большая картина “Житейское море”. Плавают на кораблях, на лодках и баржах монашествующие в виде Ангелов и достают души. А церковки маленькие нарисованы — в них одни батюшки. Кто-то из людей стоит на берегу. Рядом с ними Ангел. А бес подходит к человеку и в грудь его толкает! Мы знали, что это гордость. Мать Михаила часто на этой картине показывала человеку его место в этом житейском море, где тот находится в данный момент — на берегу или в бурных водах. А про мать Афанасию говорила: “Вот она всегда на пенечке сидит”... О большинстве священников матушка говорила хорошо. Тогда батюшки благоговейно служили, со страхом, Бога боялись. Батюшек к матушке много ходило.

Однажды все матушки — старицы собрались в Ячейку к отцу Митрофану. Он именинник был. Мать Михаила обращается к нему: “Батюшка! А ты видел, какие грешники-то подходили к тебе, с какими мешками?!” Матушке так было открыто — она видела людей как бы с тяжестью грехов на плечах. Потом продолжила: “Ведь

иные подошли — немножко отбавили, иные целые мешки сбрасывали рядом с батюшкой, облегчали душу, а иные, как подходили согбенные — такие же от батюшки и отходили"»...

Вспоминает схимонахиня Евгения (Полюшка):

«Матушка не терпела ни одного греха. За людей так молилась, что после больная в постели лежала. Болела матушка за каждую душу.

Со старцами ведь жить легко, но строгость была во всем — чтобы ни одной йоты не было непослушания. И тогда хоть и тяжело, но на душе — всегда Пасха. Живое слово — оно всегда очень дорого для спасения души. А сейчас живешь — не зная как...

Мы за послушание ткали холсты. Матушка давала каждому работу по мере его сил. Как холсты были готовы, то возили в Киев — монахам на одежду.

Однажды она мне сказала: "Полюшка, вот мы с тобой вместе живем, а хоронить меня тебе не придется. Тебя не будет на похоронах..." — точно не было! На послушание уехали, приехали — а ее уже похоронили. И еще сказала: "Полюшка, тебя перед твоей смертью далеко-далеко увезут, а потом привезут". Как все будет, неизвестно.

Помню еще, что матушка сказала страшное:

— Вся земля прикрыта гноем от убиенных во чреве детей. А воздух наполнен богохульством. Вот почему раньше молиться было легче — меньше было богохульства. А сейчас бес уже чуть в алтарь не входит. А когда батюшка совершает проскомидию, то он на него кидается, чтоб сбить, чтоб он никого не помянул. Или хоть память отбить...

В то время, когда еще не разрешали открыто молиться, мы лазали в погреб — петь. Хотелось петь, а боялись. Мы спрашивали:

— Матушка, да когда же это кончится?!

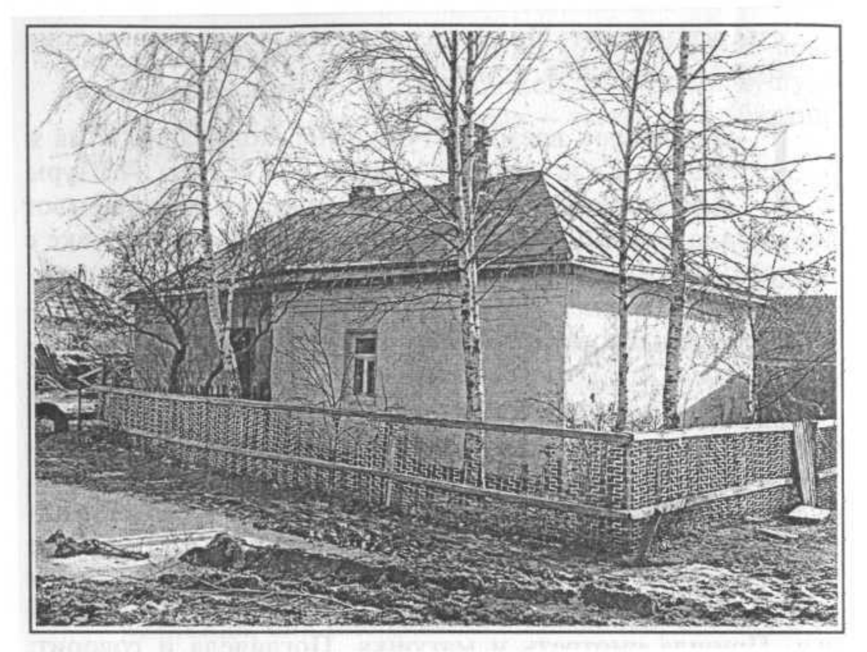
А она говорит:

— Вы не горьтесь. Придет время — откроют церкви, монастыри. Даже будут уговаривать Богу молиться, и кре-

сты все наденут. Но на малое время — а потом гонения будут не меньшие, чем теперь...»

Некоторое время матушка переходила из дома в дом. Жила немного у Нюриной сестры — Шуры (схимонахини Македонии), а потом случилось вот что... Одна женщина, Клавдия, пришла зимой к матушке с девушкой, по имени Ксения. Привезли на саночках картошку и еще немного разных гостинцев для матери Михаилы. Клавдия и говорит: «Матушка, вот эта девушка просилась к тебе». Та ей отвечает: «Ну, пускай заходит». Как Ксения зашла, то матушка и говорит так радостно: «О, да ты привела мою послушницу, я буду с ней жить до смерти. Она меня и схоронит». Так и сбылось. У Ксении мать была очень верующая. Они жили в своем домике в селе Талицкий Чамлык Липецкой области. Вначале они жили в доме на два хозяина. Потом решили купить особнячок. Купили домик, а он был такой плохой, прямо непригодный для жилья. Пришла смотреть и матушка. Поглядела и говорит: «Ксюша, больше не ищи, этот дом — наш. Я в нем доживу до смерти». Потом его немножко подстроили, да так матушка в нем и дожила.

В доме комната была одна, но большая. Отделили перегородкой маленькую каморочку для матушки, там она и находилась без прописки. И люди потянулись к матушке за духовным советом. А в это время очень строго было — власти за все духовное преследовали. Ксения очень переживала, что соседи замечают, что к ним идут люди. Матери Михаиле все это было открыто, она Ксении и говорит: «Пока я живу тут, тебя никто не тронет». Председатель сельского совета узнал, что кто-то живет в этом доме посторонний, решил проверить. Пришел рано утром — хочет постучать в окно, а не может — руку как будто кто-то отбрасывает. С тем и ушел, подивившись. Потом он об этом Ксении рассказал: «Вот ведь не мог зайти к вам никак». Та рассказала об этом, а матушка и говорит: «Это Михаил Архангел стоял с мечом и не допускал его постучать». Так и до самой смерти мать Михаила дожила спокойно. Поселилась она в этом доме в 1947 или 1948 году. Ксения стала

Дом в с. Талицкий Чамлык,
где жила последние годы матушка Михаила

работать парикмахером на селе. Председатель относился к ней хорошо, а в скором времени матушку и прописали. Но все равно старались ходить тайком от лишних взоров. Одна монахиня вспоминала, что пройдут, бывало, низом и по огороду, сумки в кустах оставят и по меже, а то и вдоль картошки ползли до дома. А Ксения потом ходила, сумки забирала.

Еще когда Ксения ходила к матушке в село Вязковку, с ней произошел такой случай. Она уже бывала у отца Митрофана и однажды отпросилась обманным путем с работы, чтобы побывать у батюшки. А во время ее отсутствия приходил начальник милиции и сказал: «Хорошо! Мы проверим, где это она бывает!» И вот она узнала об этом и ночью 15 верст от Талицкого до Вязковки бежала. Приходит и в слезы: «Что делать?» А матушка ей и говорит: «Ксюша, да что же ты за одним словом бежала-то целую ночь, да в такую даль? Да никто тебе и слова не скажет больше». И действительно, все обошлось.

В 1958 году послушница Ксения (в будущем схимонахиня Мелания) рассчиталась с работы, и с тех пор они были неразлучны, везде вместе. А произошло это так. Тогда Талицкий был районным центром Воронежской области. В райцентре был производственный комбинат (тогда он назывался промкомбинат). Это было одно небольшое здание. Там все располагались по комнатам: и швейная, и сапожная, и бондарская, и парикмахерская, в которой работала Ксения. И вот на этот комбинат дали директора, а он был человек жесткий, грубый. У каждого работника оплата труда была сдельная, т.е. в конце месяца работники должны сдавать выручку, чтобы им начислили зарплату. А директор придет к любому, заберет деньги, якобы на производственные нужды — то за лесом надо ехать, то запчасти покупать, а им на руки никаких подтверждающих бумаг не давал, все на словах. Против него никто ничего не мог сказать — все под страхом работали. Ксения не только не получала никакой зарплаты, ей даже в конце месяца нечем было отчитаться. Она приходит домой и говорит: «Я уйду с работы, больше нет сил. Ладно то, что зарплаты нет, но как мне отчитаться за то, что я месяц работала?» А матушка ей отвечает: «Нет, Ксюша, потерпи немного. Сразу работу не найдешь, да и с таким человеком связываться нельзя...» Прошла неделя, а перед выходными матушка ей и говорит: «Ксюша, скоро вашего директора не будет». Ведь по молитвам праведников Господь творит многие чудеса. Ни с того ни с сего, директор сам начал звонить в Воронеж в управление, чтобы срочно прислали ревизора. После ревизор сам рассказывал, что там недоумевали: если директор сам вызывает на ревизию, значит там все хорошо, зачем туда ехать? А он не унимается — все звонит и звонит. Вот командировали одного, посмотреть, чего хочет директор. Когда ревизор начал просматривать бумаги, оказалось, что там «темный лес», и он после этого сказал: «Когда я привезу результаты ревизии, его сразу уберут». И точно, директора почти сразу заменили. В общем, сам себя выдал и выгнал. Вот ведь чудеса!

Матушка в это время принимала очень многих людей. Одной схимонахине матушка как-то раз сказала: «Саня, ко мне

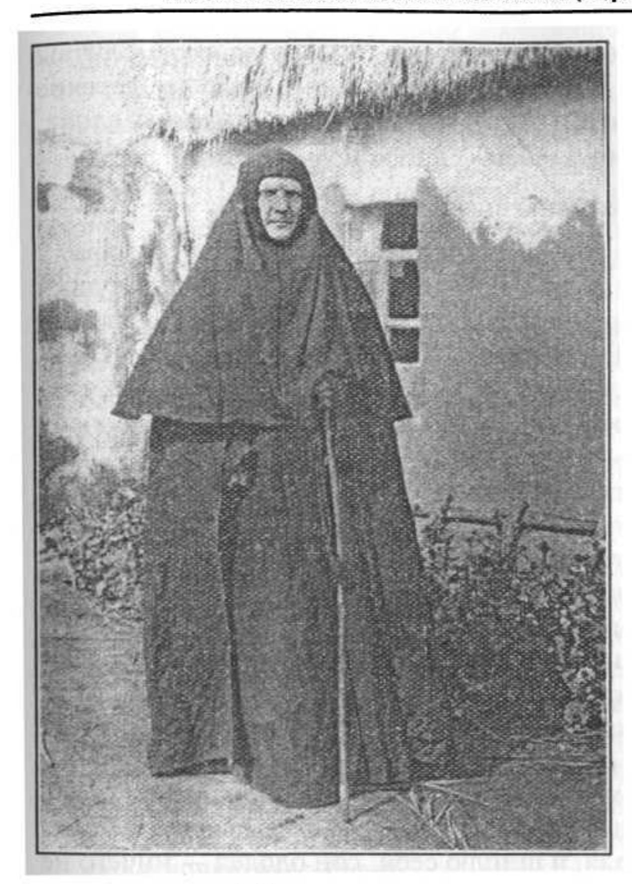
много людей приходит, и всем хочется со мною повидаться — лезут, целуют. А я посмотрю — у кого голова лошади, у кого свиньи, у кого козла». Я в ужасе! Думаю, ничего себе, больше не буду матушку целовать в щечку, может, и у меня голова лошади! А ей мой помысел открыт был, она тут же и говорит: «Да нет! У тебя нормальная голова, не бойся, ты у меня как своя. И всю вашу семью считаю за своих, я ведь не про вас говорила. Ведь молюсь за вас и за всех ваших сестер». Мне тут много легче стало...

Мать Ксения рассказывала однажды:

«Приходит ее племянник раз из школы и разговаривает с Ксенией в сенцах. А матушка кричит: "Ксеня, Ксеня, скорее выгони бесов!" Прибегает послушница и говорит, что нет никаких бесов, один племянник ее. "А в сумке что? Скорее выгони бесов!" Мне потом объясняет: "Вот ты тоже забила свою головушку физикой да химией, а как выбьешь, тогда сразу легче будешь понимать духовное".

Приезжает как-то к матушке из Сибири Марфа (чей муж с осколком остался жив). Мать Михаила говорит ей: "Какая Марфа! Какая Марфа! Как ангел!" И при этом ходит приговаривает: "Господи помилуй, Господи помилуй... а почему не полностью — Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную!" Смутилась Марфа: "А ведь правда, я так читаю поскорее, все ведь спешу, дел много — десять детей, а так вроде бы легче". А матушка в сторону приговаривает: "Какая Марфа! Просто ангел, вот и хорошая монашечка, хотя и десять детей".

Приезжала с Марфой ее дочка Анастасия, еще девочкой. Матушка ей говорит: "А ты не уезжай на Кавказ, там будет жестокая война". Не поняли ни мать, ни дочка — какая война! Вышла замуж в Сибири, а муж из г. Грозного. Ее потом мужнина родня звала жить в Грозный, а она вспомнила матушкины слова и не поехала. Прошло много лет, теперь все слова сбылись. Сестра Анастасии, Галина, помнит, как матушка однажды сказала: "Этот Союз скоро развалится, как карточный домик".

Еще одной Марфиной дочке, Маше, матушка предрекла: “Хорошая будет монашечка”. Маша, как исполнилось ей 19 лет, заболела. Матушка благословила делать операцию на сердце. Сделали. Потом предложили вторую, но матушка сказала: “Теперь нельзя — умрешь, поживи еще немного”. Маша много трудилась. Как она хорошо вышивала схимы! Делала параманы схимнические, четки, трудилась через силу, умерла в 1995 году — схимонахиней Гавриилой.

Марфа спрашивала у матери Михаилы и еще про одну свою дочь — Татьяну. Таня хромая с детства. Предложили операцию, матушка не благословила — хуже будет. Сестры настояли, операцию сделали, теперь нога стала короче, и Татьяна стала хромать еще больше. Матушка также не благословляла ей выходить замуж, а если выйдет — тогда не разродится и при родах умрет. А Таня сказала: “Все вы слушаете батюшек да матушек, что я хуже других, что ли?” Вышла замуж. Наступили роды. Несколько дней не могла родить. Уже умирала. Позвонили схиархимандриту Виталию (Сидорен-

ко) в Тбилиси. Он молился. Только за его молитвы она выжила. Жила плохо. Муж пил и даже все детское пропивал. Потом уже вспоминала матушкины слова, да поздно было».

Вспоминает схимонахиня Антония:

«Однажды матушка про Марфу сказала: “Марфа, у тебя 10 детей, и ни одного нет как ты”... Мы у матушки всегда все спрашивали, в том числе о женихах. Сватают мою сестру Екатерину за Ивана из другого села. Матушка благословляет. А Катя упрямится: не хочу замуж, с родителями буду жить. А нашей тете этот жених очень понравился — и красивый, и верующий, а Катька упрямится. Ну тетка и говорит: “Да ладно, у меня еще 4 племянницы есть, кого-нибудь сосватаем”. Приходят однажды к матушке, а та с порога низким голосом: “Никто мне не нужен, мне Катюнька нужна. Бог ее благословил”. Екатерина послушалась, вышла замуж. Слава Богу, до сих пор живут и Бога славят. Мне тоже многие парни делали предложение. Я ходила к матушке. А она: “Да у того еще молоко на губах, и этот — не твой жених...” Однажды уж очень мне понравился парень. Прихожу и молчу. Со мной двоюродная сестра пришла — она с матушкой разговаривает, а на меня сон напал. Я и яблоко кислое съела, и щиплю себя, сон одолел — ничего не слышу, о чем они там беседуют. Проснулась тогда, когда матушка, прямо глядя мне в лицо, сказала: “А Саня наша нашла жениха красивого. Сейчас ты нос шиком держишь, а потом где будет твой шик, когда у него будет семь жен и пить будет”. Грустно было, но матушку послушала. Жила в Сибири — работала там, женихов было навалом. Но почему-то я в них потом разочаровалась, сама не знаю, почему. Приехала к матушке, она и говорит: “Саня, сколько у тебя женихов было и все хорошие, за всех можно было выходить замуж, но Матерь Божия и от них тебя сохранила — то пуговица верхняя на рубашке расстегнута, то ноготочки, то не так что-нибудь сказал...” Все это так и было, а я даже и не знала, почему так поступала. А с ноготочками вот что

было: пришел свататься ко мне красавец Толя, а у меня в гостях была Настя — Марфина дочка. Толя сидит и свой ноготь рассматривает от смущения. А я вдруг говорю: "Ася, принеси топор", она смотрит на меня: "Зачем?" — "Толе ногти подрубить". Толя опешил, покраснел. А я себя за все это называла гордой и дурой. А когда мне матушка об этом сказала — я успокоилась. И Толя не обиделся.

Однажды пришла я со своей племянницей в с. Ячейка к отцу Митрофану. Матушка там была. Нас увидела и говорит: "Вот пришли две монашечки — крестная с крестницей". А моя мама все думала: "Вот когда Сане замуж надо будет выходить — мне в приданое ей дать нечего. Бедно живем. Хоть самотканый коверчик ей оставлю". А самой уж очень хотелось какую-то милостыню дать, а коверчик жалко — может, Сане пригодится. Однажды матушка приехала в Ячейку, она всегда сперва к нам заходила, а уж потом к отцу Митрофану шла. Заходит и говорит маме: "Тетка Варя, до каких пор будешь держать на чердаке коврик, уже шестой раз прихожу, а ты все не решишься — ведь Матерь Божия сразу записала твою милостыню и все ждет". Та стрелой на чердак за ковриком. Потом мама вспоминала, как сразу на душе легко стало, а то ведь все враг удерживал — вдруг дочке надо будет.

Помню, пришла к нам матушка, мы еще с сестрой Катей подростками были. Матушка сидит в сенцах — тут прохладно. А мы рядом с ней — положим руки ей на колени и сидим. А она много нам говорила и все про портных. Мама говорит: "Наверное, портнихами будете". Вот Катя и стала портнихой, работала мастером в ателье.

Наша мама Варвара любила матушку встречать. Она уж прибережет к ее приезду и дыньку, и арбузик, хороших помидоров и сливочки ей подаст. Матушка очень благодарна всегда была. И всех нас она любила, за всех молилась. Поступила я учиться, но благословения не стала брать ни у отца Митрофана, ни у матушки Михаилы. Что ж, думаю, дело и так хорошее — а мне очень хотелось учиться, но спросить боялась — вдруг не разрешат.

Я действительно поступила учиться в политехнический институт на химическое отделение, хотя работала в аптеке фармацевтом. Потом мне предложили перейти на другое отделение в этом же институте и в этой группе (на отделение душистых и лекарственных трав), но я отказалась. Когда закончила два курса, открылось еще одно отделение: “синтетический каучук”. Решила перейти туда. После окончания трех курсов заведующая аптекой уговорила меня перевестись в фармацевтический институт. Не отпускали меня долго, но потом отдали документы, и я стала студенткой Пермского фармацевтического института, куда меня зачислили сразу же на третий курс.

Однажды я на каникулы приехала домой в Ячейку, а тут и матушка к нам пришла. Мама, как обычно — все на стол, а мать Михаила с порога зашла, села на раскладушку, лицо меняется, как огнем горит. Как стукнет посохом об пол: “До каких пор я буду ждать, когда ты проснешься, род гибнет! Род гибнет, нет в роду ни одного молитвенника, все погибают — живые и мертвые! Нет тебе благословения учиться! Вся эта затея на погибель твоей души!” Страх напал на всех. Мы маме киваем, чтобы она отстала теперь с едой, в этот момент нельзя перебивать. Папа даже в другую комнату ушел. Так уж она грозно говорила и посохом об пол стучала! Сижу я и думаю: “А какая я молитвенница? Я ведь работаю...” А матушка мне на мои мысли отвечает: “Ну и что? Работаешь и будешь работать, будешь и молитвенницей. Пора опомниться — род гибнет”. Я ей три раза задавала вопрос: “Мне сменить профессию или нет?” А она мне прямо не отвечала, а только все: “Род надо выручать”. В учебе потом не получилось ничего — не по моей воле. Я стала молиться святителю Николаю. И получилось вот что: приближалась зимняя сессия, но ни одной контрольной работы мне не прислали. Телеграммой из института известили, что документы лежали под скатертью, виновник наказан, но время упущено: 25 контрольных сдать я никак не успеваю. Мне предложили перейти... на второй курс. Но я пере-

ходить не стала. Так закончилась моя учеба. Монахиней я стала, а вот молитвенницей нет — спать люблю, молиться ленюсь. Матушка тогда еще предсказывала: "Никто из твоего рода молиться не начнет, только ты должна начать".

В другой раз матушка рассказывала, какое ей было про меня видение: "Иду по полю, поле большое, но пустое, ни одного снопочка нет. Споткнулась. Гляжу, в ногах плохонький такой снопочек — и развязался, а из снопа как посыпалось золото. Побежали снопы один за одним и в копны сами укладываются, много набежало снопов".

Мама моя Варвара умерла, матушка за нее много молилась. На 40-й день пришла к ней усопшая, как наяву, поклонилась матушке и сказала: "Матушка, я дух!" Мать Михаила спрашивает: "Тетка Варя, как тебе в загробном мире, хорошо?" Та и отвечает: "За твои и за батюшки Митрофана молитвы мне хорошо, а если бы сама много молилась, то было бы еще лучше. Очень мне хорошо еще и за то, что я пускала ночевать людей из других мест, которые приходили в церковь к празднику. Если бы я знала, что так хорошо за это будет, то я бы выходила на дорогу и зазывала бы к себе (а сама при этом жестом показала, как бы она зазывала)". — "А что там делаешь?" — спрашивает матушка. Та отвечает: "Пою: "Буди имя Господне благословенно от ныне и до века". Господа я не вижу". Матушка попросила спеть. Она спела и говорит: "Петь не умела я живая, а вот и пою, как говорю. Жалею, что подушечку не дала". А матушка говорит: "Мне девчата много всего дали". Она отвечает: "Это хорошо, но хоть маленькую подушечку тебе отдать". Мать Михаила мне это потом рассказала. После этого приехала однажды матушка к нам в Воронеж, я уже там жила. Сидит, разговаривает. Я Ксению, послушницу ее, отзываю в другую комнату и говорю ей: "Вот маме хотелось дать матушке подушку, так я хочу исполнить ее желание. У меня есть подушка 90х90, я уже сшила наперник и наволочку поменьше — 75х75 и не успела пересыпать. Мать Ксения посмотрела и гово-

рит: "Большая... Сожми ее со всех сторон, она будет казаться меньше, и преподнеси ей сейчас. Это очень дорого — она в руках подержит и помолится, а пришлешь позже, когда переделаешь". Сказано — сделано. Выношу подушку со словами: "Вот тебе подушечка от мамы, не ожидала?" Матушка берет подушку за угол, да как встряхнет ее, она такая стала большая, и приговаривает: "А хочешь монашечкой быть... А Матерь Божию обманываешь. Вот только эту подушечку нам нужно без всяких новых наволочек. Заметь, только эту". А наволочка на ней была не на пуговичках, а с ленточками, но она запретила ее менять. Стыдно мне стало и перед Богом, и перед матушкой за то, как мы не чисты сердцем.

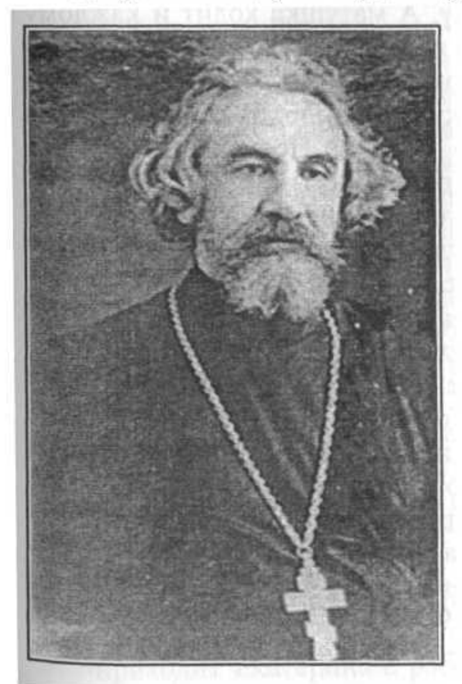
Пришла в тот же раз к нам одна женщина, сестра Миши больного, который и по сей день в Покровском соборе с кружкой ходит. У них умер отец. И вот она принесла матушке отцовское пальто, тяжелое такое, из свойской шерсти, хорошее, чтобы помянуть папу. Матушка взяла в руки, смотрит: "Вот какая дорогая жертва, самая большая". А Ксении говорит: "Пусть Нюра (вторая послушница) отнесет завтра такой-то вдове".

После смерти мамы и отца приехал к нам в Воронеж мой брат, инвалид с детства. Пенсия 12 рублей, работать не может, задыхается. Главное то, что он один в доме родительском остался — мы все кто куда разъехались. Он унывает, как жить дальше. А я говорю ему: "Не горюй, Коля, я тебя не брошу". Он как заплачет... Приехала я к матушке, рассказала ей, что Коля в унынии. Меня Ксения покормила на кухне. Вдруг матушка меня зовет: "Знаешь, что я тебе скажу? Твои слова о том, что не бросишь брата, записаны Ангелом — теперь смотри!" Так и не бросила его. Зимой он ко мне в Воронеж приезжал, а летом я к нему в Ячейку.

Наша сестра Пелагея всю войну жила у нас. С мужем она жила очень короткое время. А тут — война. После войны он прислал письмо и зовет ее к себе в Воронеж. Она говорит: "Не поеду, буду с родителями жить". А матушка благословила ехать: "Будешь жить с ним. Детей нарожаете, будешь их воспитывать". Детей было восемь

человек. Пелагея всегда приедет, подведет детей под благословение к матушке, а мать Михаила ласкает их. Потом, когда выросли, стали жениться да замуж выходить. А все без венца. Вот мне матушка как-то и говорит: “Ты передай Пелагее, пусть не препятствует дочерям выходить замуж без венца. Плохо — но с одним, а то будут блудницы — со многими”.

Матушка часто бывала на квартире у отца Николая Александровича Овчинникова в Воронеже, сразу после войны когда он еще работал хирургом. Однажды, при очередном посещении, она попросила его жену, Марию Алексеевну, сыграть на пианино. Матушка Михаила пошла по кругу, как бы танцуя, обошла несколько кругов и говорит: “Хватит”. Прошло малое время — хирурга Николая Александровича по ложному доносу осудили. Он пробыл в заключении шесть лет и когда вышел на свободу принял решение стать священником. Уже позже, когда отец Николай служил в городе Ельце, присылает матушка к нему послушницу, чтобы передать ему “в по-

Протоиерей Николай Овчинников (в схиме — Нектарий)

дарок" головку чеснока. Батюшка знал, что у отца Митрофана и матушки Михаилы такие "подарки" всегда к скорбям, запричитал, даже рассердился: "Что же это такое, она мне то лук, то чеснок подкладывает!" Но вскоре он ослеп, и до смерти слепой был...

Вспомнилось вот еще что — в посты отец Митрофан служил на приходе в Ячейке ежедневно. Матушка тоже была в это время при нем неотступно. Однажды во время Рождественского поста входит она в храм, а в колокольне по правую сторону на стене было изображено бегство Святого Семейства в Египет. Матушка помолилась на икону и слышит: "Матерь Божия благодарит мать Михаилу, а то все проходят и не замечают Меня". (Эта икона и по сей день цела). После службы матушка часто уходила в дом рабы Божией Феклы, моей тетки. Хата большая, народу полно, все знают — скоро придет матушка, а если посчастливится, то сам батюшка Митрофан заглянет. Однажды пришла я в этот дом, а там набралось человек двадцать. Кто как расположился — и на лавке, и на полу. А матушка ходит и каждому что-то дает и про что-то говорит из жизни. Кому лоскуток от ленточки даст, кому конфетку, кому лук да чеснок, или просто бумажку, или яблоко. Я зашла, когда уже осталось несколько человек. Подходит к матушке один дедушка из Челябинска, лысый, рубашка под поясок и просит у нее благословения. А она ему: "А, старый, до каких пор ты будешь жариться на сковородке? Нога уже одна в могиле, а ты все в ум не придешь". Подошла другая женщина, тоже из Челябинска, учительница лет 50-ти, поклонилась матушке и говорит: "Вот я — гроб, а внутри одни грехи". Тут уж мать Михаила употребила всю строгость: "Говорить-то научилась... А внутри грехи как были, так и есть. Где ж твои покаяние и исправление?.." — много говорила. Та плачет, поклонилась матушке в ноги, просит прощения и святых молитв. Я подошла, матушка меня благословила. Что-то ласковое мне сказала, но я не помню что. Последней подошла сама хозяйка, тетя Фекла. Матушка благословила ее и говорит: "А Фекла-то все ходит и думает — хоть

бы с краюшку в рай попасть... Смотри, Фекла, а то так и загремишь туда, вниз. Больше молись, за собой следи, добро делай людям. Вот и попадешь не с краюшка, а в самый раюшек". Вообще матушка обличала сурово, ее считали довольно строгой.

Приехали к ней однажды духовные чада: Паша, Маша и Лида. Матушка говорит: "Лида, ты в Книгу Жизни записана". А Паша и Маша потом тужили, что про себя не спросили. Сказала только одной Лиде.

Как-то раз на свой день Ангела матушка была на службе у отца Митрофана. У него как раз в Ячейке все собрались на праздник. Она и говорит Ксении: "Неужели Саша не напишет мне поздравительный стих?"

Она очень любила стихи, а я их иногда писала. А в этот раз забыла. Послушница спрашивает у меня: "Как быть? Ведь матушка будет ждать..." Пришлось выйти из церкви, и с Божией помощью я быстро написала небольшое стихотворение. Матушка осталась очень довольна: "Я знала, что ты напишешь".

Умерла м. Дамиана — очень близкая матушке схимонахиня. Она за нее 40 дней молилась. Приехала я к ней, она мне рассказывает: "Вот чудо-то какое! На сороковой день поминаю мать Дамиану по четкам. И как? На каждом узелке четок поминала ее три раза. Вдруг она села мне на руку, поблагодарила меня, как живая, а такая маленькая, как птичка, и сказала мне — я дух!"

Часто к отцу Митрофану приезжал врач из Тулы. Он был верующим. Дети крещеные, жена татарка — крестилась. Отпуск проводил, путешествуя по святым местам, дома имел Библию, Евангелие, часто по вечерам читал их. Когда умерла мать, то отпевали ее в церкви, за что получил выговор на работе. И вот матушка говорит ему: "Максим Андреевич, а ты в Книгу Жизни не записан". Ему, может, она и сказала причину, а нам — нет.

Сестре моей Екатерине матушка говорит: "Катя, а с вами свекровь будет жить". Та ей в ответ: "Что Вы, матушка, она лежит в больнице для умалишенных несколько лет, уже умирающая, ничего не кушает". Через две недели приходит Екатерина с работы домой, а свекровь лежит

на кровати, стала кормить ее из чайной ложечки. Пришел отец Митрофан и говорит: “Одна сноха ухаживала за свекровью 15 лет”. Кате и пришлось ухаживать 14 лет с лишком. Вот и умирающая!

Вот что мне еще рассказывали. В 1942 году Дмитрий Сергеевич, отец моего свояка Ивана Дмитриевича, получил извещение — повестку на войну. Пошел он к матушке проститься. Она дала ему три килограмма мяса на дорогу и полотенец. Матушка сказала ему: “Давай простимся стоя, больше не увидимся. Покатится твоя головушка по зеленой травке”. Его убили 24 апреля 1944 года. Жена его Мария, когда получила извещение о смерти, пошла к матушке с горем: “Боюсь и сына Ивана не дождусь”. Мать Михаила и говорит: “Придет твой сын живой, пчелка только его укусит в правую ногу”. Он и сейчас жив — инвалид Отечественной войны. А за отца его, Дмитрия, матушка молилась много. Однажды во время молитвы он ей явился в белой рубашке — сияет, как Ангел.

Как-то раз поехала я к матушке расстроенная, много скорбей сразу навалилось. Старица дала мне иконочку “Воскресение Господне”. Что-то еще давала, а я это все укладывала поверх иконочки. Матушка залезла в сумку и переложила икону на самый верх: “Спаситель всегда должен выше всего быть”.

Однажды старица Михаила говорит мне: “Вот ведь как люди спасаются! Приходят ко мне три женщины, спросила я их, как они молятся? Они мне говорят:

— Читаем в день 40 раз “Богородицу...”, 40 раз “Да воскреснет Бог...” и 40 раз “Живый в помощи...” — Вот как хорошо спасаются!”

Как-то я спросила: “Я люблю читать духовные книги и много потом рассказываю, не грех ли это?” “Нет, не грех, что читаешь — рассказывай людям в назидание, только без самопревозношения”.

Матушка говорит мне: “Вот Фекла не признает среду и пятницу”. Тут тетя Фекла обиделась: “Я признаю пост в среду и пятницу!” А матушка ей и отвечает: “А молочко-то пьешь?” А она ей: “Да! Пью. Но я ведь пью после

обеда, авось уже к вечеру — не грех?" Вот так обличила ее матушка в грехе.

Матушка вела очень смиренный образ жизни. Придет в праздник к отцу Митрофану, а сама в уголочке сядет. За общий стол не садилась: "Кто я такая, чтобы с батюшкой за общий стол садиться?!" Сядет в темном уголочке на пол — покушать принесет ей послушница. Она всячески избегала почитания от людей. В последнее время матушка горячее совсем не кушала и говорила только: "Мне Господь запретил горячее кушать". И очень стала болеть, ее на тачке стали привозить в Ячейку к празднику.

Однажды батюшка Митрофан (он служил уже в с. Девицы) благословил меня и еще двух монахинь поехать в Загорск. Матушка тоже здесь была. Батюшка бегает туда-сюда, не знает, чем нас утешить. Мне дал целую пригоршню монет. А мать Михаила никак не хотела, чтобы мы ехали. Ругала нас. На одну сестру говорит: "Как цыганка, навешала на себя грехов". А мне: "Воз и малую тележку съела хлеба, и когда же вы образумитесь?" Когда мы вернулись, она мне говорит: "Сколько тут благодати было у отца Митрофана, а вы приехали пустые".

Еще в один из приездов в Девицу матушка подзывает меня через послушницу и говорит: "Смотри, смотри, ворота на Небо открылись, Матерь Божия появилась и зовет тебя". А сама показывает рукой на верх Царских врат. "Ох, какая у Нее чашка малины в руках, а ты скорей бери большую ложку и ешь, ешь. Матерь Божия тебе даст, спеши!" А я стою, ничего не вижу и говорю: "Матушка, я грешная, не вижу ничего..."

Мать Михаила очень часто говорила, как важно творить милостыню. Рассказывала мне такой случай: "Както раз Анна (ее послушница) шла зимой из Ячейки, и у нее развалился валенок. Зашла к знакомой своей — Иулиании. Та дала ей моточек обыкновенной дратвы, которой всегда зашивали обувь. Дошла до дома благополучно. Потом Иулиания умерла, матушка за нее молилась — ведь та всегда ее привечала, когда она заходи-

Матушка Михаила с послушницами

ла к ней отдохнуть. Явилась во время молитвы Иулиания матушке и говорит: "Еле-еле перешла огненную реку, только благодаря клубочку, который я Нюре дала". Матушка заинтересовалась, позвала Анну и про клубочек расспросила. "Вот ведь даже маленький клубочек помог огненную реку перейти!"

Матушка Михаила сама рассказывала мне, как она хотела записать своего дедушку на вечный помин в Киев или Почаевскую Лавру. Вскоре он явился к ней и заявил: "Не пиши меня на вечный помин, мне здесь хорошо, запиши лучше моего сына Федьку, ему плохо". Матушка отвечает: "Хорошо, я запишу вас обоих". А он гнет свое: "Нет, меня не пиши — так мне хорошо". Матушка спрашивает: "Как же так? Все просят записать, ждут. Почему тебе хорошо?" Он отвечает: "За милостыню. Когда я умер — повели меня ангелы, а со всех сторон кричат: Корцова ведут, Корцова ведут". Матушка удивляется: "Почему же Корцова, у нас от начала в роду таких не бывало". А он ей рассказывает: "А вот почему, моя дорогая. Земли у нас было много, т.к. тогда давали землю на мужика, а у нас их — шесть. Земли много,

урожая было много. Мы зерно продавали. Тогда продавали не весом, а меркой. Бывало, насыплю меру в мешок да и прибавлю еще корец. Так и всегда продавал с корчиком сверху".

Однажды матушка говорит: "А ведь и милостыня бывает разная. Пришел ко мне один человек военный, подарил мне свитер новый, теплый — просил помолиться. А я как надела его — то чуть не угорела. Кричу: девчата, скорей снимите, я задыхаюсь, да отнесите его быстрее на улицу".

Очень часто к матушке являлись души уже умерших людей. Вот умерла одна инокиня Анастасия — глубоко верующая. У нее живой даже на лбу темное пятнышко было — так усердно крестилась. Смирения необыкновенного. Жила в семье — мать, брат и сын, а мужа убили на войне. Хоть и беднота непомерная, но в колхоз не записывались — вот за это их и "раскулачили". Мать Михаила после ее смерти за нее молилась. Через некоторое время ее душа явилась матушке и просит помочь — не может огненную реку пройти.

Матушка стала просить всех за нее молиться. Еще говорит, нужна какая-то жертва от родных. Как раз в это время матушка находилась в Ячейке на какой-то праздник у отца Митрофана. Побежали мать Афанасия и девчата к родной матери этой Анастасии. А там — шаром покати — ничего нет, а матушке Михаиле открыто было, что надо что-нибудь пожертвовать на престол в церковь. Тогда девчата и мать Афанасия нарубили у них в огороде хворосту и побежали скорее его вплетать в церковную ограду. Кто-то сбегал к ее родной сестре Агафии, та дала три метра какого-то простого материала. Батюшка быстро его на престол и положил. Матушка сразу вздохнула: "Ну, Слава Богу, прошла". Все тоже облегченно вздохнули. Матушке потом было открыто: Анастасия не покаялась в одном большом грехе по ложному стыду.

Однажды явилась к матушке давно умершая ее сестра Анна. Плачет и говорит: "Опять меня не записала в золотую книгу. Всех пишешь, а мне все отказываешь".

Матушка ее спрашивает: “В какую золотую книгу? Я вот на листочке пишу”. А та ей: “Нет, ты пишешь в золотую книгу, и кого запишешь, того сразу переселяют в другое место”. Матушка ей говорит: “Аннушка, я за тебя молюсь, и батюшка Митрофан молится...” А Аннушка ей в ответ: “Все знаю, но в золотую книгу лучше”. Матушка ей пообещала: “Не плачь, запишу”. Анна снова ей: “Только не забудь, а то снова впишешь вместо меня кого-нибудь еще”. Матушка поинтересовалась: “А кто там с тобой еще и что они там делают?” Отвечает: “Тетка Варя здесь. Поет: «Буди имя Господне благословенно отныне и до века!»” Вот таким образом еще раз подтвердилась загробная участь тети Вари.

Матушке являлась Божия Матерь. Послушница Ксения сидела в другой комнате, вдруг матушка зовет. Ксения только лишь дошла до порога, а дальше не может двинуться. Смотрит на матушку — а у нее лицо меняется, как огнем озарено. Ксения вся в страхе стоит. Через некоторое время мать Михаила ей сказала: “Ксюша, здесь только что стояла Божия Матерь. Какая Она хорошая, какая ласковая”. Больше старица ничего не стала рассказывать. Мы верили матушке. Что она говорила, всегда исполнялось. Когда мы приехали уже в Воронеж, то жили внизу, у реки. Как раз стали строить плотину. Нас затопило. Под хатой вода, в подвале вода, ходим по досочкам, а квартиру не дают. Мы очень боялись, что в хате на зиму останемся. Поехала сестра Катя к матушке с горем. А та ей говорит: “Не волнуйтесь, как первый снежок пойдет — так и дадут квартиру”. И действительно, четвертого ноября, на Казанскую, мы переехали на новое место.

Помню, как одна духовная дочь матери Михаилы задала ей вопрос: “Матушка, а правда, говорят, что все убитые на войне войдут в Царствие Небесное?” — “Нет, — отвечает старица. — Идет война, а лестница от земли до неба стоит. Бегут, бегут все к ней. Только взбирается по лестнице тот, кто верующий, а неверующий начинает подниматься и вниз падает. Не все получают венцы, а только верующие”.

Один раз, совершенно как будто без повода, старица говорит мне: "А ты знаешь, как загремела вниз безцерковница Пелагея?" А утром приходят соседи и говорят, что Пелагея умерла...

Когда мы еще в Ячейке жили, про одного парня деревенского мне матушка сказала: "А вы Саню Ведяхина не осуждайте, он пьет от большого горя". В селе его так и называли — Саня Ведяхин. Круглый сирота. Сестру его взял Савелий Яковлев на воспитание. А Саня больной был на голову — его никто не взял. Так он и ходил по селу, часто без ночлега — никто не пускал его. Почти всегда голодный, холодный. Иногда разрешат переночевать в сарае, да что дадут, то и покушает. У кого свадьба или какое-нибудь событие — там уж Сане не отказывают дать рюмочку. Сразу опьянеет. Идет по селу, песни поет, а то как начнет голосить звонко: "Родная моя матушка..." Сам не идет, а как-то прыгает с ноги на ногу. Фуфайка старенькая, подпоясан, башмаки худые, весь в слезах и слюни текут. Заболел он вдруг очень сильно. Взяла его одна раба Божия Анна Андреевна и стала ухаживать за ним. Тогда люди, как проснулись, стали просить его к себе, но Анна не отдала никому. А хоронили всем селом, и на поминки все несли свое.

Была матушка как-то раз в Воронеже. Зашли с послушницей в Покровский собор. А там на ступеньках сидит одна женщина и продает венчик из воска, красивый такой, для венчания молодых. Матушка говорит послушнице: "Поди, купи, стоит три рубля". Послушница возражает, зачем, мол, он нам нужен. А мать Михаила свое: "Поди, купи, ведь она целый день, бедняжка, простоит и никто у нее его не купит. Надо же утешить ее".

Один раз матушка мне пожаловалась: "Саша, вот идут ко мне со всякими делами да с большими грехами, и мне все это открывается. То в одно, то в другое ухо шепчут, а мне очень тяжело, и я болею через это. Ведь все это я пропускаю через себя и несу, как груз".

Матушка мне несколько раз говорила: "А ты, Саша, не осуждай тех, кто лишил себя жизни. Осуждая, ты бе-

решь их грехи на себя. Ведь ты не знаешь, отчего лишил себя жизни человек". В Воронеже у иеромонаха Сергия отец покончил жизнь самоубийством. В народе говорят, что на том свете такие люди бочки возят. Вот и я осудила, а когда приехала к матери Михаиле, та меня с порога такими вот словами и вразумила.

Про одного человека у нас в селе говорили, что он колдун или знахарь. В народе слава о нем была плохая. Вот он умер, а матушка как бы невзначай подумала: "Господи, какая же у него загробная участь?". А он тут же явился. Весь грязный, потный, страшный. Она его спрашивает: "Хочешь, я за тебя помолюсь?!" А он ей в ответ: "Нет, матушка, не утруждайся, я за свои дела навеки осужден в преисподнюю".

Однажды мне мать Михаила рассказывала про одну свою знакомую из села Гнилуша. Она с мужем были очень с ней близки. Такие благочестивые, добрые. Звали ее Домна. Вот она сильно заболела и умерла. Матушка за нее молилась. Вдруг ей видение: открылись небеса, и она видит, что идет борьба за душу Домны. Бесы притащили большие весы. Кладут на весы все ее дела — добрые перевешивают. Тогда бесы несут голову коровы с рогами и кладут — все пошло в другую сторону. Матушке открыто было, что за этот грех нужны три жертвы. Послала послушницу Анну к деду Андрею, та все объяснила. Он напугался: да что же это такое?! Но все же дал пуд муки, новые валенки, новый полушубок. Матушка распределила все по вдовам и сиротам (потом Анна все разнесла). Опять послала Нюру к деду Андрею, но уже не благословила просить ничего, иначе тот рассердится, только говорит: "Анна, ты там возьми, чтоб никто не видел, что-нибудь из Домниных вещей". Нюра взяла большую шаль, ее тоже кому-то определили. В ту же ночь дочка видит во сне свою мать — та лежит в гробу и вся дрожит. Дочь спрашивает: "Что дрожишь?" Та ей отвечает: "Замерзла — сна нет, спасибо, что этой шалью прикрыли, а то бы конец". Дочка нецерковная была, утром встала, начала искать эту шаль, а ее нет. И давай кричать: "Эти монашки вчера тут были,

вот они и украли!” А после дед Андрей сам рассказал про голову коровы, почему она лежала на весах: в голодный год их зять с друзьями украли корову в другом селе — поделили. Мать Домна знала про это, однако варила мясо в чугунке, и все ели. Покаяния не было. Самого деда Андрея старица благословила съездить в Киев помолиться — там он купил себе Псалтирь.

Один раз на вопрос женщины из Воронежа, как поживает ее больная мать в деревне, я в шутку ответила: “Да вот вчера увезли в больницу”. Та перепугалась, засобиралась — а я ее потом стала успокаивать. Приехала потом к матери Михаиле, а она мне с ходу говорит: “Никогда никого не обманывай, даже в шутку — а то сама пострадаешь, и род твой пострадает через это”.

После смерти батюшки Митрофана мать Михаила много молилась за него. На 40-й день сидит матушка на кровати, молится по четкам. Видит: как бы спускаются на облачке отец Митрофан с отцом Кукшей Одесским. Поклонились матушке, поблагодарили за молитвы и сказали: “Нам еще надо побывать в тех домах, где за нас накрыты поминальные трапезы”. Являлся отец Митрофан еще раз. Однажды мать Ксения видит, что мать Михаила разговаривает с кем-то, щебечет что-то невнятное, как по-небесному. Послушница удивилась, подошла к матушке, а та ей говорит: “Ксюша, ведь был батюшка, а ты его загородила — и он исчез”.

Как-то раз приехала матушка в Воронеж, идут они по улице с Ксенией, мать Михаила говорит: “Было вре-

мя — встали утром, а им объявляют: Царя сняли. А придет время, встанут утром, а им скажут: Царя поставили". Идут с послушницей дальше, дошли до центра города, матушка продолжает: "Ксения, слышишь, как гудит кругом, гремит орудие?" Ксения отвечает: "Нет, не слышу". Мать Михаила говорит: "Как страшно будет, придет время, все разрушится, и будут ехать по городу, на тележке везти капусту — скрип, скрип". Другой раз матушка шла по площади с послушницей и говорит: "Зачем они строят все, пойди, скажи: камня на камне не останется. Город будет наказан, опустеет, бояться будут друг друга".

Пришла к матушке мать Клавдия, принесла сто рублей, чтобы она записала ее на вечный помин в какой-то монастырь. Та взяла деньги, а когда стала писать записку с именами, ей в тонком видении явилась душа умершей дочери Клавдии и просит: "Не пиши маму, а запиши меня, мне там очень плохо". Пришла Клавдия, а мать Михаила ей и рассказывает: "Я записала не тебя, а твою дочку. Вот так было..." Та взмахнула руками: "Ей и так там хорошо, она девица без греха, а я сколько прожила, грехов у меня не сосчитать, надо было меня записать". Тогда мать Михаила ей отвечает: "Ты себе денег еще соберешь, а дочку земля не принимает. Расскажи лучше, когда она назвала тебя змеей?" Тут мать Клавдия вспомнила: "Стою я у печки, у меня в руках скалка, дочка что-то оговаривалась со мной, ну я ее скалкой по спине и отходила. А она мне и говорит: "Так только змеи не любят своих детей"". Матушка Михаила ей посоветовала: "Сходи на кладбище, попроси у нее прощения и ее прости". Потом душа покойной дочери являлась опять матушке и открыла, что теперь ей хорошо".

Умер Петр. Был маловер, организовывал колхозы, людей преследовал. Жена и дочка верующие, пришли к старице. Мать Михаила молилась за Петра, ей самой хотелось узнать, как тот определился, ведь был безбожник. Но тот явился и сказал матушке: "Прошел мытарства безбедно". Матушка очень удивилась, почему? А он и

отвечает: "Я против был очень, что жена и дочь верующие, но потом смирился в душе и подумал: «Пусть дочь идет в монастырь, больше препятствовать не буду. И за это Господь меня помиловал»".

Послушница Ксения в присутствии самой матушки однажды рассказывала мне, что ее крестница не умывается по три дня после таинства елеосвящения, чтобы сохранить дольше благодать. Матушка рассердилась: "Что ты болтаешь! Хоть год не мойся — все напрасно".

Приехали мы как-то проведать больного отца Митрофана в Пады, а я тогда еще плохо читала по-церковному. Там уже была матушка Михаила и еще несколько человек. Вечером батюшка благословил меня читать акафист святителю Николаю. После того, как я прочитала, матушка устроила мне разнос: "Учись правильно читать, а так только грех один". Я ударения делала неправильно, да и ровно читать еще не умела».

Вспоминает протоиерей Николай Засыпкин:

«Однажды в октябре мы разъезжались из Мичуринска по домам. Матушки Серафимы в это время уже не было в живых, и мы встретились, чтобы помолиться соборно в день ее памяти. Обратно в вагоне ехали мы впятером: схимонах Иоасаф вместе с келейницей своей Марией Яковлевной (теперь схимонахиня Николая) — они сошли в Грязях, матушка Михаила должна была сойти в Добринке, а мы с женой Зинаидой Семеновной ехали до станции Оборона (село Мордово). Мать Михаила вышла на своей остановке и еще некоторое время стояла на перроне, провожая нас глазами. Зинаида Семеновна мне говорит: "Коля, посмотри какое у матушки необыкновенное лицо". Я смотрю, и правда: оно какое-то сияющее, озаренное каким-то неземным светом. Было на нем небесное торжество. На всю жизнь это запомнил».

Рассказывает схимонахиня Евстратия:

«У матушки было несколько послушниц, но самая любимая, у которой она жила — мать Ксения из Талиц-

кого Чамлыка. Мы часто виделись с ними, когда мать Михаила приезжала к отцу Митрофану в Ячейку — я была у батюшки келейницей. Потом, после смерти батюшки, когда я уже жила в с. Мордово, они часто наведывались и сюда, к местным священникам и мать Антонии. Надо сказать, у матери Ксении вначале была некоторая плохо скрываемая ревность, особенно когда матушка кому-то уделяла много внимания. Вот однажды вызывает меня мать Михаила, рядом Ксения стоит. Она мне говорит, едва-едва улыбаясь: “Садись вот сюда, Машутка, рядом. Ты же мне самая-самая близкая. Ведь ты до пострига была Мария, и я в детстве была Мария. Ты в мантии — Митрофания, и я в мантии Митрофания. Ближе тебя у меня никого нет”. Ксения стоит рядом с ноги на ногу от досады переминается. Вот так матушка свою послушницу смиряла. Но, конечно, Ксения была ей самая близкая.

Однажды схимонахиня Антония (Овечкина), у которой моя родная сестра Фрося была послушницей, очень затосковала от того, что матушки Михаилы давно не было у нее в гостях. И вот скоро мать Михаила приехала. А у нас дома к этому моменту ну прямо ничегошеньки нет. Матушка Антония печалится: “Чем же такую гостью угощать?” — ведь они с матушкой очень близки были. А к нам мужчина часто ходил, в годах уже — он нам по хозяйству много помогал. Ему мать Антония и говорит: “Дядя Ваня, ты сходи на речку, может, какая рыбка попадется”. В это время разлившаяся после половодья вода еще только сошла. Иван удивился про себя: “Какая там еще рыба?” Но он матушке очень верил и всегда делал все в точности так, как мать Антония ему благословила. Взял удочки, пошел — речка совсем рядом была. А тут же какой-то ручеек или протока были, а рядом небольшое озерцо неглубокое — в три шага перейдешь. Тот глянул, а там здоровенный сом лежит — килограмм на семь. Он людей позвал, нашли мешок, сома выволокли, в мешок затолкали. Он приносит и сразу в келью матушкам показывать, только руками разводит. А уж как старицы радовались на

Матушка Михаила (слева) с сестрами

эту рыбку! Мать Михаила спрашивает: "Матушка-матушка! Да ради кого ж все это?" А та ей отвечает: "Да ради тебя, матушка, моя родная". Вот какие старицы у нас были!

Матушка Михаила была очень строгой жизни. Когда она приходила к отцу Митрофану, всегда смотрела, кто как из сестер себя ведет. Она даже лицом своим убеждала всех в том, что она великая старица. У нее часто лицо просветлялось, и она смотрела на людей — ей Господь многое про них открывал. Однажды у нас в Ячейке в очередной раз были гости из Челябинска. Приехала и матушка Михаила. Она посмотрела на всех, а мне и говорит: "Маня, ну-ка неси мне сейчас же тряпку — я буду их сейчас всех мыть". Я ей: "Матушка, да какую же тряпку?" А она мне: "Да какую-какую! — которой сейчас пол мыли". Я говорю: "Матушка! Да она грязная дюже". Она приказывает: "Хорошая! Неси. То, что нужно". Я ей тряпку принесла, она присела. Все к ней стали подходить, а она их тряпкой стала умывать, кого подольше терла, кого быстро отпускала. Один муж-

чина подошел: "Матушка, а меня тоже умой..." А она ему говорит: "Ваня! Ты и так хорош. Тебе не надо!" А одна из сестер взяла и спряталась. Хватились ее — нигде нет. А мать Михаила в полный голос говорит: "Ах, Грунятка, куда ж ты делась-то?! Какая же ты вся замазанная приехала. Вся в котяшках, как овца. И вся такая... ну страсть какая! Маня, пойдем ее искать!"

А в доме у батюшки была темная кладовка — она там и сидит. Матушка ей: "Грунятка! Что же ты делаешь-то?" Та ей: "Матушка! Да я Псалтирь читала по усопшим!" Мать Михаила: "Так, хорошо. Зачем ты ходишь Псалтирь читать? Для греха? Так, как ты читала — Псалтирь не читают. А чего только не набралась — посмотри, на что ты похожа!" Как она заплакала: "Матушка! Простите меня!" А матушка ей говорит: "Больше не ходи, не читай. Ты монахиня. Ты там всего насмотришься. Если просят читать — сиди читай дома".

Я матушку очень любила... Другие боялись — а я любила. Бывало, придет старица. Как стукнет посохом об пол. И про кого-нибудь: "Ах, она такая-растакая. Взяла и села в лужу. А сама-то хорошая, добрая. Да вот поди ж ты, а в луже сидит! Чего только на себя не нацепляла!"

Были мы как-то раз в Воронеже в гостях у одного дедушки Феодора. Тоже великий старец был. Говорили, что он был до гонений епископ, начинал подвизаться на Афоне, но как его точно звали, никто не знал. Он скрывался, жил нищим. К нему народ шел со всего Воронежа, да и не только. И мы к нему ходили. Он, бывало, заставит есть: хоть сколько нальет в большую миску — ешь до дна и все. А хоронили его — весь город пошел за гробом. С тех пор запретили делать похоронные шествия по городу. Вот однажды были мы у него с матушкой Михаилой. Нас трое было или четверо. А дедушка Феодор приказал наварить картошки целый чугунок. Большой такой. Когда старец вышел, мать Михаила говорит: "Девчонки! Мы столько картошки не поедим, а он все равно заставит нас доедать — давайте раскладывать себе ее по карманам!" Мы всю ее и пораспихали. Кто куда. Приходит дедушка (он прозорливый был)

и говорит: "Ну что, всю картошку попрятали?" Матушка ему: "Отец Феодор! Ну как же нам ее не прятать? Ее очень много — мы не поедим. А ты все равно заставляешь!"

Когда я уже у отца Власия жила в Бурдино, мы приехали с батюшкой и с одной монахиней (ее все считали за блаженную) к матушке Михаиле в Чамлык. Она нас увидела — поздоровалась и говорит послушнице: "Ксюня! Неси скорее апостольник и подрясник!" А надо сказать, что эта юродивая очень многих била и кусала — ей батюшка Власий благословлял. Уж для какой там пользы — Бог весть! Перед этим у нас в Бурдино был в гостях один очень добродетельной жизни мужчина, мы его все очень любили. Теперь он известный священник. Так вот отец Власий с этой "дурочкой" с порога на него набросились, повалили, отмутызгали. Плащ порвали. Она его покусала. Синяк поставили. А потом как ни в чем не бывало за стол посадили — ну, тот смиренный был, хотя обида и была, да виду не подал... Ну и вот, мать Ксения по благословению матушки приносит свой апостольник и подрясник. Мать Михаила и говорит этой женщине (ее все Маней Усманской звали): "Ну-ка, Маша, одевай одежду..." Та надела безропотно. Матушка ей: "Ну, Маша, теперь давай меня грызи. Раз ты там у отца Власия такого-то грызла, вот теперь давай и меня грызи". Та вся заплакала, зарыдала: "Ой матушка, простите меня!" Отец Власий сидит, улыбается. А мать Михаила говорит: "Да нет, Маш, какая разница, раз ты того покусала, теперь давай и меня кусай. Вот как! Ты подумай! Ты в одежде монашеской, смиренной, а взяла и погрызла человека! Ты собака или кто? — посохом стукнула об пол. — Этого делать ни в коем случае нельзя". Вообще, надо сказать, что старица часто навещала отца Власия и когда тот в Задонске служил, и в Бурдино — она при батюшке не стеснялась — говорила все, что думала. Часто очень даже нелицеприятные вещи. Все было. Отец Власий ее в схиму постригал. Келейно, в Талицком Чамлыке».

Продолжает схимонахиня Антония:

«Однажды приехала старица к о. Власию в Задонск. Там уже был отец Митрофан. Совсем незадолго до своей смерти. Сидит мать Михаила на стульчике, в руках посох держит, а вокруг нее — человек десять на полу. Отец Власий рядом стоит. Вопросов никто не задавал. Все свои вопросы у каждого на сердце, а матушка как бы невзначай на эти вопросы отвечала — каждому было понятно, про кого идет речь: "А ты не ругай сына, пусть женится... Не бойся операции, все пройдет хорошо..." и т.д. Потом и говорит вдруг: "Ох, как мне хочется быть прозорливым!" Мы все смотрим: стоит отец Власий и улыбается, мы все и поняли, что про него сказано. И правда, когда уже в другой раз беседовали, отец Власий спросил как бы невзначай: "И как это батюшка Митрофан и мать Михаила все узнают, каким способом?" А отец Митрофан говорит мне: "Шура, принеси стакан с водой". Я принесла. Батюшка спрашивает меня: "Шура, вот если я брошу в стакан пшено, ты будешь видеть?" "Да, конечно", — отвечаю я. "Так вот и я вижу, что на сердце человека — все вижу". Отец Власий глянул на меня и улыбнулся.

Однажды, когда мать Михаила была в Задонске (в 1967 или в 1968 году), она просит свою послушницу: "Ксения, пойдем, походим, у меня какое-то томление духа!" Пришли к Задонскому монастырю. Полуразрушенный. Кругом грязь, а внутри — трактора. "Давай, — говорит, — вокруг храма обойдем, мы их железки трогать не будем". Походили вокруг храма, остановились, матушка и говорит: "Вот тут святитель Тихон Задонский ходил". Помолчала, а потом продолжила: "Ксюша, вот что мне сказал святой Тихон: Скоро этот монастырь восстановится. Засияет весь. И колокольня будет высокая, и колокола буду звонить. А икона, что и по сей час в приходском храме, будет у самих мощей стоять. Я не доживу, а ты доживешь и все увидишь своими глазами". Подошли к источнику. Матушка: "Святой Тихон пил из этого источника, а ты, Ксения, приобрети золотой мешочек и складывай туда мои словечки, а когда меня не будет, будешь доставать мешочек и утешаться". А Ксения боялась, что их заметят и

услышат. Мать Михаила на ее помыслы ответила: "Будя тебе, мы старенькие с тобой, да в юбках — не бойся".

Примерно тогда же матушка предсказывала: "Наступит время, в каждом уголке откроют церкви и монастыри и будут в колокола звонить, а ведь сейчас какое время? Нельзя даже об железку стучать. Арестуют. Храмы скоро откроются. Подойдут и будут спрашивать: "Вам какой строить — каменный или деревянный?" Я не доживу, а ты, Ксения, доживешь. Все увидишь. Откуда только молодежь возьмется — будут бежать в монастыри".

Однажды Ксения собралась ехать в Воронеж, спрашивает у матери Михаилы, что сказать от нее воронежским девчатам. Она говорит: "Скажи им, скоро в Воронеже такая страсть будет — хоть бы живы остались". Послушница съездила туда, побыла там сколько-то времени, вернулась домой. А через несколько дней им сообщают, что по городу пронесся страшный шквал с градом. Градины были с куриное яйцо. И не гладкие, а ребристые. Град был косой. Очень много окон побило. Были жертвы. Проспект весь был засыпан стеклом. Двое из матушкиных духовных дочерей работали в банке. Здание находилось на проспекте. Повыбивало все стекла, спасались, стоя в дверных проемах».

Вспоминает И. К.:

«Последние годы своей жизни матушка Михаила почти все время жила у своей послушницы Ксении, совершая свое монашеское правило. Но когда позволяло здоровье, старица со своими послушницами ездила в ближайшие церкви. Особенно матушка любила Михайло-Архангельский храм в селе Мордово. Как-то раз они сошли на железнодорожной станции и направились прямо по центру села в сторону храма. Навстречу им чуть стороною шел какой-то человек. Матушка попросила своих спутниц: "Девки, идите, спросите, кто это идет". Они остановили незнакомца и поинтересовались, как его зовут. Тот немного удивился, но все же ответил, что фамилия его Садченко и что он судья в местном суде.

Когда он отошел уже далеко, то старица сказала своим послушницам: "Вы не удивляйтесь, что я вас просила об этом. Я видела над ним, когда он шел, золотой венец". Впоследствии узнали, что этот судья необыкновенно много делал добра. Невинных, но подвергшихся преследованию, освобождал из-под стражи еще до решения суда и т.д. Когда они вошли в храм, службы еще не было, но внутри уже стояло много людей. И опять матушка обратила внимание своих спутниц на стоявшую невдалеке матушку Агриппину, впоследствии схимонахиню Ардалиону. Она была необыкновенно благочестива, любвеобильна, смиренна, родила семерых детей, была также очень чадолюбива и страннолюбива. Матушка Михаила запросто обратилась к послушницам: "Смотрите, девки, — вот она семерых родила, а осталась девою. Ни умом, ни телом, ни душою не предавалась любострастию". Этим она давала понять своим спутницам, как важно бороться с блудными помыслами. Говорила, что это главное оружие сатаны — он старается привести человеку эти помыслы как бы со стороны, издалека, чтобы тот не сразу и догадался, что это вражье наваждение. Учила, что сразу надо отсекать эту мерзость с помощью молитвы, поста, бдения со слезами, воздержанием слуха, ограничением своего общения с разными страстными людьми и т.д.

Матушка по данной ей от Господа благодати видела состояние души каждого человека. Строго обличала, если человек уступал нападкам лукавого. Я часто в то время приезжал причащать матушку. Ездил первым поездом, приходил к ней рано утром. Заранее ничего не говорил. А матушка всегда была готова к таинству, говоря: "А я знала, что ты приедешь". Господь ей все открывал...»

Вспоминает раба Божия Екатерина:

«Однажды, в день памяти Архистратига Михаила, мы были в селе Мордово на престольном празднике. Собрались здесь батюшки, много монахинь, мать Михаила была именинницей, и все ее очень внимательно слу-

шали. Жене одного священника она сказала: “Вера, Вера! Какая же у тебя вера? У тебя язык болтается, как у колокола — чуть дернешь, и начнет звонить”. А одному из священников мать Михаила предсказала: “Батюшка, ты потише-то по льду бегай, а то поскользнешься, и шляпа соскочит”. Он на это не обратил внимание. Тогда матушка как бы невзначай молвила одной монахине: “Посмотри, какая большая колокольня в этом храме. Не лезь на высоту, а то упадешь, кирпич на голову свалится — и останешься на земле”, — и стукнула посохом об пол. Как и предсказала — потом вышло непоправимое...»

Несколько раз, уже перед матушкиной смертью, бывал у нее схиархимандрит Виталий (Сидоренко). Схимонахиня Антония рассказывает:

«Приехал отец Виталий с одной матушкой в Воронеж. Решили заехать к матери Михаиле, взяли и меня с собой. Приехали, заходим в дом. Старица сидит на низкой кроватке, в бурочках, скромно одета. Отец Виталий встал на колени перед матушкой, целует ей руки. А матушка взяла у него благословение и гладит его по голове: “Откуда же такая птичка ко мне прилетела? Дорогая моя, золотая, райская птичка ко мне прилетела!” После мать Михаила мне сказала: “Шура, а в нем Дух Святой обитает!” Когда ехали обратно, заехали в Павловку к отцу Никону (Васину). Кругом храма отец Виталий обошел, зашел внутрь — полы там настилал сам отец Никон (ныне епископ). Нас покормили. Очень вкусная рыба была. Я подумала: “Наверное, батюшка такую вкусную рыбу берег специально для гостей”. Отец Никон дал отцу Виталию денег на обратную дорогу.

Матушка, несмотря на свою немощь, была очень трудолюбива. Когда к ней не приедешь — у нее всегда работа в руках: вяжет четки. До самой смерти рáботала. А про ту спутницу отца Виталия так мне сказала:

— Болтушка! Девчонок моих расстроила. Говорит: “Такую великую старицу надо в город, чтобы больше людей от нее получало утешения, а матушка живет в

такой бедноте". — И укоряла за это послушниц. — А куда мне в город? Я старенькая, больная. И тут захлестнули люди.

Прислала та потом ей письмо: "Ты теперь, мать Михаила, моя восприемница при постриге в схиму, я заочно тебя избрала". А матушка говорит: "Какая я восприемница, если я при постриге не была и не ручалась за нее перед Богом; а письмо ее я положила под пятку в туфли"».

Как мы уже говорили, матушка у многих была восприемницей на монашеских постригах. При этом всегда она необыкновенно строга. Среди ее подопечных была очень известная в Москве схимонахиня Леонтия, урожденная княгиня Левицкая. Ее постригал в схиму схиигумен Митрофан. Восприемницей была матушка Михаила (тогда она еще не была в схиме, и все знали ее как матушку Митрофанию). Вот как схимонахиня Леонтия сама описывает это событие:

«...Прошли три дня сурового поста и молитвы. Наступил давно вожделенный день. Собрались монахини, приехала матушка Митрофания, которая должна была меня принимать от Евангелия. Все ожидали ее появления с трепетом: она считалась прозорливой, от ее благословения зависел мой постриг. В келии батюшки все собрались для чтения правила. Вдруг раздался шепот: "Идет матушка, идет Митрофания". Все расступились, давая ей дорогу. Медленной походкой вошла матушка Митрофания; помолившись на образа, поклонилась всем, опираясь на посох, села. Мать Рафаила стала перед нею на колени, остальные разместились кто где мог. Матушка Митрофания очень сурово обличила за нерадивую жизнь матушку Рафаилу. Потом, обращаясь ко мне, сказала:

— Ты с чем приехала?

Я молчала.

— Бедная, бедная, сколько ты перенесла! Все тебя собаки грызли, да и сейчас грызут. Всего навидалась, натерпелась, а характер горячий да отходчивый — все про-

щает. Вьются вокруг тебя птенчики, просят помощи, молитв. Не гони к тебе приходящих, терпи. Мать родную береги — недолго вместе будете. Господь скоро разлучит. Голова твоя — головушка больная, ох, и больная! Я видела дивный сон. Видела церковь, и когда вошла в нее, поняла, что святые преподобные Антоний и Феодосий ждут тебя. Готовься к постригу! — заключила она свою речь.

— Вечером постриг, — сказал мне батюшка.

Меня охватила такая радость... Все засуетились, мыли полы, убирали их коврами, у клиросных шла спевка. Набрались откуда-то монашествующие. Я осталась одна, готовясь к исповеди за всю жизнь...

...Исповедь окончена. Одета власяница, распущены волосы, я стою в чулках, чувство покаяния наполняет сердце великой грешницы. Поют канон — какие слова полного отречения! Как трудно, тяжко ползти накрытой мантией, так тяжело будет идти путем тернистым! Я стою на коленях, сзади матушка Митрофания держит меня за плечи, покрывая мантией, от которой мне тепло. Это тепло распространяется по всему телу... Мысли застыли в любви к Господу, хотелось, чтобы эти минуты длились вечно...

Присутствующие и батюшка плачут, а я ликую: мне неизъяснимо хорошо, душа как бы вышла из тела, объятая любовью к Богу, и эта любовь оторвала меня от земли. В руках одна свеча и крест, надета схима с наречением имени Леонтия. Постриг окончен. Батюшка обратился с кратким словом:

— Как ярко горит свеча в твоей руке — так жизнь твоя, озаренная светом любви к Богу, пусть светит окружающим...

Всю ночь я провела в храме при свете одной лампады...» (*из книги «Женская Оптина», изд. «Паломник», 2005*).

Про старицу Михаилу знали далеко за пределами Тамбовской, Липецкой и Воронежской областей. Знал про матушку и владыка Зиновий (схимитрополит Серафим (Мажуга)). Он никогда не видел старицу, но много слышал про

нее от схиархимандрита Виталия и от схиархимандрита Макария. Владыка так однажды сказал про нее: «Матушка Михаила — солнце в России».

Перед смертью матушка сильно болела. Ее часто причащали и соборовали отец Михаил из Липецка и отец Евгений из Вязового. Вспоминает схимонахиня Евгения: «Как мне матушка предсказывала, так и вышло. Дала она мне послушание к кому-то съездить. Приехали обратно, а ее уже похоронили. Умерла она в доме у послушницы Ксении в Чамлыке 6 августа 1976 года. Перед смертью она из своей маленькой келейки, в которой до этого всегда жила, перешла в комнату и легла на раскладушку: «Туда больше никогда не пойду». Спрашиваю: «Матушка, а почему?» — «Нет, я тут буду». Похоронили ее на местном кладбище в селе Талицкий Чалмык. А когда она умерла, как нам плохо было! Со старцами у нас всегда Пасха на душе была!»

Совершаются по молитвам матушки Михаилы чудеса и после ее смерти. Вот что нам рассказала одна раба Божия:

«У нас в поселке церковь была в маленьком деревянном доме — ее закрыли, и мы очень плакали. Однажды, когда еще была жива, приехала к нам мать Михаила и стала нас утешать:

— У вас снесли церковь деревянную, а я вам сделаю кирпичную.

Но мы тогда не поверили, как это может произойти. Прошло 27 лет, церкви разрешили открывать — и мы поехали в епархию хлопотать. А там нам сказали: "Если вы будете строить кирпичный храм, то дадим вам разрешение". Тяжело было. Мастера запросили зарплату, а у нас денег нет. Я поехала в Воронеж и с утра пошла в Покровский собор на воскресную службу. Стою, вдруг сзади подходит ко мне одна женщина и начинает меня теснить. Я оглянулась и говорю:

— Зачем вы на меня давите, ведь места и так много?

А она спрашивает:

— Вы строите церковь?

— Да, Господь помогает нам.

— Кто из вас ездил к властям? — снова спрашивает женщина.

Я отвечаю:

— Нас было 14 человек.

— Я всех пересчитала, а одного забыла, вот я к тебе и подошла узнать, кто же первый решил просить денег у властей и притом таких безбожных. Больше не просите. Теперь я вам буду собирать деньги на храм.

Я ей почему-то говорю:

— Хорошо. Собирай. Вот Дуся стоит, ты ей отдавай. А я уже у нее буду брать.

— Ей деньги не нужны, а нужны тебе.

Я ей очень нервно ответила:

— Женщина, да ведь очень трудно деньги на храм собирать.

Она мне говорит:

— Я ведь тебе обещала.

— Когда Вы мне обещали? — вздрогнула я. — Не помню. Дайте мне Ваш адрес, я к Вам буду за деньгами ездить.

Могила схимоанхини Михаилы, с. Талицкий Чамлык, Липецкой обл.

— Ты мой адрес сама знаешь.

Я удивляюсь еще больше:

— Женщина, я не знаю Вашего адреса.

Она говорит:

— Пойдем на выход...

И мы пошли. Я подумала: надо найти бумагу и свой адрес ей записать. Стала рыться в сумке, а когда подняла голову и на нее взглянула — стоит матушка Михаила. Она точно! Я испугалась и сделалась не своя. Не знаю, что получилось, но она вдруг исчезла, и нигде ее не оказалось. Это было большое чудо, и я его никогда не забуду. А на храм деньги набрались сами собой. Тоже совершенно чудесным образом. И ни у кого мы их не просили»...

Часть 5

С КРЕСТОМ И ЕВАНГЕЛИЕМ

Жизнеописание схимонахини Антонии (Овечкиной)

Есть такой районный центр на юге Тамбовской области — село Мордово. Известно это село своим огромным храмом во имя Архангела Михаила, в котором до наших дней сохранился удивительной красоты фарфоровый иконостас. На расстоянии чуть меньше километра от храма находится сельское кладбище. Здесь вы сразу обратите внимание на несколько могилок, огороженных добротной чугунной оградкой. А среди крестов взгляд ваш обязательно привлечет гранитная плита, на которой вы прочтете: СТАРИЦА СХИМОНАХИНЯ АНТОНИЯ (ОВЕЧКИНА). В любое время года, если вы засветло пойдете на кладбище, то, скорее всего, увидите на этой могилке народ — людская тропинка сюда не зарастает.

Кто же была эта схимонахиня? Чем была знаменита? Очень коротко скажем, что матушка Антония несла удивительный подвиг — имела дар от Бога помогать людям, имеющим тяжелые духовные недуги. К матушке со всех сторон стекались расслабленные и бесноватые. Схимонахиня Антония всех принимала, несмотря на всяческие запреты от властей, утешала, очень радовалась, когда Господь исцелял кого-то из страждущих по ее молитвам. Матушка не применяла никаких отчиток, не читала никаких заклинательных молитв. Она читала над болящими Евангелие, какие-то самые обыкновенные обиходные молитвы, прикладывала к болящим Крест и, однако, как вспоминают очевидцы событий, от всего этого бесы трепетали, совершались многие удивительные вещи. Обо всем этом вы прочитаете в ее жизнеописании. Нас же интересует теперь другой вопрос: почему в наше время, после всех известных ду-

ховных нелепостей говорить о человеке, который именем Божиим изгонял бесов, стало даже как-то неудобно? А именно потому, что теперь бесов изгоняют все, кому не лень, и ко всему этому примешивается какой-то надменный, корыстный дух новоявленных экзорцистов.

А вот схимонахиня Антония ничего никогда о себе не мнила, ни о какой корысти никогда не помышляла, но имела ко всем страждущим необыкновенную ***любовь****; сама будучи больной она никогда не роптала, имела духовную* ***радость, мир*** *и необыкновенное* ***долготерпение****. Она была необыкновенно* ***благостна, милосердна****, даже когда человек был явно неправ, просила других старцев иметь к нему снисхождение. В своей немощи была необыкновенно* ***кротка*** *и была во всем* ***воздержанна*** *— в словах, пище (есть до сыта она просто не могла физически). Но самое главное, она имела необычайно твердую* ***веру****:*

— веру в Слово Божие, которое олицетворяло для нее Евангелие, полученное ею в подарок от своего первого старца;

— веру в спасительную силу Животворящего Креста Господня, которую олицетворяло для нее Распятие, полученное от того же батюшки;

— несомненную веру в особое Божие благословение, которое олицетворяло для нее благословение старца, а именно его слова о том, что она, простая полуграмотная крестьянская девушка призвана молиться за больных людей, и за ее молитвы Господь Своей благодатью, щедро на нее излиянной, будет исцелять болящих;

— и наконец, веру в безконечную милость и долготерпение Божие.

Именно от всего этого, от всех этих плодов духовных, по выражению апостола Павла (к Гал. 5, 22-23), и трепетали бесы, а не от каких-то особых заклинательных формул и тому подобного.

И последнее. Теперь еще живы те матушки, которые ухаживали за схимонахиней Антонией при ее жизни. Сохранилась почти в первозданном виде келья, в которой старица молилась и принимала людей. И можем засвидетельствовать, что, когда попадаешь в эту маленькую комнатку, реально ощущаешь, что ее наполняет какой-то необыкновенной чистоты воздух, совершенно иная духовная атмосфера, чем за стенами этого

скромного деревенского домика. Тогда начинаешь понимать, что матушка Антония все еще здесь, и за ее святые молитвы чудеса творятся в этом месте и по сей день.

Как много всегда на Руси было праведников, которые смиренно посвящали свою жизнь служению Богу и ближним. Кто-то из них давно уже причтен к лику святых, чьи-то имена полузабыты, чьи-то имена за давностью лет забыты совсем. Одной из таких скромных и смиренных подвижниц была схимонахиня Антония, которую в народе больше знали как «святую Настю». В миру матушку эту звали Анастасия Георгиевна Овечкина.

Когда Настя была маленькой, жила она с родителями и братом в селе Евграфово Шумиловского района Тамбовской области. Отец ее погиб во время Первой мировой войны, брат умер в молодых летах. Остались они вдвоем с мамой.

Лет до двадцати Настя ничем не отличалась от других сельских девушек. Была она красивой и стройной. Женихи за нее, говорят, сватались. Но супружеская жизнь не манила Анастасию. С детских лет ходила она с матерью в храм Божий, что был как раз напротив их дома — только через речку перейти — и, слыша там слова Священного Писания, все более прилеплялась к Жениху Небесному.

Наступили годы безбожия. Церковь в их деревне закрыли — пришлось им с матерью ходить на службу в дальние села. «И вот я пойду в храм, — рассказывала она впоследствии своим послушницам, — то на одну, то на другую ногу споткнусь. То иду-иду, а потом вдруг упаду. Но сначала я еще ходила — хромала туда-сюда. А в двадцать два года сделалось мне совсем плохо, и с тех пор я лежу...» Когда она совсем уже перестала ходить, то лежала дома на полу на соломе возле печки, чтобы было теплее — так бедно они с матерью жили, что и постелить было нечего и не на что.

Мать ее, Наталья, конечно, очень переживала за дочь. Узнавала разные средства, пробовала лечить Настю, но той ничего не помогало — ноги ее не слушались. Однажды, услышав, что в соседнем селе Шмаровке есть юродивый старец с Афона — монах Георгий, к которому все обращаются за со-

Матушка в кругу своих послушниц

ветом[1]. Мама решила сходить к нему и попросить молитв и наставлений. На вопрос о болезни дочери прозорливый старец сказал удрученной женщине, что Анастасия будет болеть всю жизнь, но по ее молитвам Господь будет исцелять людей:

— Ты, бабка Маша[2], больше никуда не ходи, никаких лекарств для нее не ищи — ей Господь благословил, чтобы она принимала людей и вымаливала им у Бога выздоровление.

— Да откуда же у нее такой дар возьмется?! Откуда чего будет-то?! — недоумевала Наталья.

— Вот я посылаю ей пасху, посылаю и еще гостинец.., — сказал старец, дав Наталье для дочери кусочек кулича, крест и Евангелие. Он объяснил, что Анастасия должна для исцеления болящих молиться за них, прикладывая раскрытое Евангелие и крест.

---

[1] Подробнее о старце Георгии смотрите в жизнеописании схимонахини Михаилы.

[2] Старец всех женщин, приходивших к нему, звал «бабка Маша», а всех мужчин — «дядя Ваня», какого бы возраста и звания они ни были и какое бы имя ни носили. Простые же люди тоже зачастую звали старца не «отцом Георгием», а просто Егором Иванычем.

Придя домой, Наталья рассказала Анастасии все, о чем говорил ей отец Георгий. Много они плакали, недоумевали, молились. Не сразу, но за святые молитвы старца и за ее смирение дал Господь Анастасии дар целить людские немощи и болезни. Много хворых людей стало стекаться к порогу больной женщины, которой не было тогда еще и тридцати лет.

Власти, заметив, что люди стали ходить к Овечкиным толпами, заинтересовались этим и начали следить за домом. Неоднократно приезжала милиция и устраивала Анастасии «проверку»: ее с размаху бросали на пол, думая, что она только притворяется больной, чтобы привлечь к себе больше народа, но Настя падала «как мешок», нередко расшибаясь в кровь. Колени у нее были уже полусогнуты и разгибались лишь со страшной болью (впоследствии для нее сшили пуховые подушечки, чтобы подкладывать под колени, когда она лежала). В конце концов, власти признали, что Анастасия, действительно, не может ходить, но запретили принимать больных.

Несмотря на это, двери ее хатки не закрывались для немощных. Ведь старец благословил ее никуда не уходить и молиться за людей — разве могла она оставить свое служение несчастным, зная, что такова Божия воля? В трудные минуты, не зная, как поступить, она молилась Матери Божией, Та несколько раз утешала Ее Своим посещением. Только приходила Она не в славе и величии, а в виде простой женщины[3]: «Станет и стоит, — вспоминала потом матушка. — Я у Нее спрашиваю: “Матерь Божия, как мне быть-то?” А Она в ответ: “Как помогала людям, так и помогай”»...

Прошли годы. На месте старой саманной избушки, в которой жили матушка с мамой, стоял уже маленький домик, сообща построенный приезжавшими в благодарность за исцеления. Люди, видя бедность, царившую в нем, стали приносить кто вещи, кто еду: «При-

[3] В истории известны случаи, когда Матерь Божия являлась подвижникам не в Своем небесном величии. Например, к матушке Серафиме (Белоусовой) Мичуринской, к старцу Иоасафу (Моисееву) Грязинскому и его послушнице Марии Она также приходила как Странница.

едут — кто булку даст, кто картошку привезет, кто морковку, — рассказывала со слов матушки ее келейница. — Бывало, кто два рубля даст, кто три. Или какую-нибудь книжку принесут. А матушка не смотрела, кто что принес, не было такого, чтобы дань собирать или плату какую-то назначать за исцеление. Ей не нужно было ничего — лишь бы больным полегчало...» Эти слова созвучны воспоминаниям другой матушкиной послушницы: «Матушка очень радовалась, когда приходящему становилось лучше. Появятся у нас на столе пироги или пышки — ей было все равно. А вот когда кто-то по ее молитвам выздоравливал, она ликовала: "Да ты смотри — ему получшело! Ой, радость какая! Ой, какая радость-то!"»

Деньги, приносимые посетителями, матушка зачастую откладывала для бедных. Иногда поручала кому-нибудь купить на них иконы, которые затем отдавала в церковь — она очень любила храмы Божии и старалась внести свою пусть и малую лепту в их украшение. Иконы «Иверская» и «Почаевская» в Мордовском храме — пожертвованы матушкой, были и другие иконы, которые она отдавала в действующие церкви.

Мама матушки состарилась, ей трудно стало ухаживать за Анастасией. Но Господь послал добрых людей — и в хатке Овечкиных поселились две сердобольные старушки, которые стали помогать ей заботиться о больной дочери: первая, Антонина (монахиня Агафья) — присматривала за матушкой, вторая, Татиана — работала на кухне... Правда, и те сетовали: «Вот мы помрем, а Настю куда же? В инвалидный дом? Кто за ней будет ходить?»

Незадолго до смерти матушкиной мамы пришла к ним раба Божия Параскева. Она была одинокой, и матушка благословила Паше перебираться к ней. Та, конечно, с радостью согласилась. Пришла не одна — корову свою с собой привела. Стала жить, вести хозяйство, работать на огороде, смотреть за коровкой...

Потом, по благословению старца Симеона из села Козловка, поселилась у матушки сирота — молодая послушница Евфросиния (она пробыла при ней 35 лет, ее все звали Фросей; теперь она схимонахиня Филарета). Случилось это так:

пришли Евфросиния и ее двоюродная сестра к старцу, чтобы узнать волю Божию о себе. Сестре отец Симеон предрек замужество, а Евфросинии — монашество, сказав: «Ты поедешь к матушке». Приезжала она в Евграфово сначала изредка, помогала по дому: ее благословляли стирать и убирать. Потом поселилась навсегда.

Чтобы на молодую послушницу не засматривались, матушка благословляла ей одеваться, как нищей: «Убрали[4] меня в галоши шахтерские, юбку широкую веревкой подпоясали, — вспоминала потом схимонахиня Филарета. — Дома-то у меня хоть два платья, но были. Мы побирушки были, сироты, но ходили чисто... Потом кто-то дал мне два метра байки, так я сама себе сшила какую-то юбку, какую-то кофту...»

Фросе было благословлено ухаживать за матушкой: кормить, переодевать, купать, стирать, убирать, присматривать во время приема людей. Сама матушка к тому времени уже могла двигать только ручками и головой: «Она подняться не могла, — вспоминала послушница Фрося. — Ноги у нее будут раскрыты — сама не накроет. Вот она лежит, я ее приподниму, она на подушке на локоть обопрется — тогда ее можно и попоить, и покормить. Поднесешь покушать — она ест. Ложку сама брала, но чашку надо было держать. И вот так держишь ее, около нее сидишь...» Если надо было перевернуть или посадить матушку, сестры подсовывали ей под мышки длинные полотенца и так вдвоем или втроем передвигали. Келейница Евфросиния справлялась одна. Если больные, среди которых были и буйные бесноватые, начинали шуметь, царапать себя, колотить, рвать волосы на голове или бежали «куда глаза глядят», матушка снова посылала Фросю: «Ступай, помоги им», — та по пути хватала сосуд со святой водой, чтобы утихомирить болящих, и спешила к ним. По природе матушка была очень любвеобильной, сострадательной: «У нее любовь была к милосердию», — вспоминала позже о ней монахиня Порфирия. Ночью Фросе тоже не приходилось много отдыхать: через каждый час матушка звала свою келейницу, чтобы та ее переверну-

[4] Одели (*прим. ред.*)

ла. Евфросиния покорно вставала, поворачивала матушку, поправляла ей постель, подавала посуду. «Мы приехали к матушке, а потом всю ночь уснуть не могли, — вспоминала монахиня Серапиона свою поездку в Евграфово. — Матушка полежит: "Фро-ось, переверни меня. Я не могу", — та встает, идет к ней. И я сосчитала: Фрося за ночь к ней семь раз поднялась!» Евфросиния вспоминала позже о том времени, когда она жила в Евграфово, ухаживая за матушкой: «...Тяжело было — ничего не скажешь, но во всем Господь помогал!»

Спала Евфросиния на полу: «А там все на полу спали и зиму, и лето, — рассказывала она, — коек тогда у матушки не было. Постелешь себе одеяло, а под голову — когда подушку, когда какую-то одежку. А то, бывало, больных много приедет, они все разберут, на чем спать? Я тогда мешок себе какой-нибудь постелю, матушкины валенки — под голову и лягу около ее койки, а накрываться у нее нечем было...»

В довершение всего Евфросинии пришлось пережить неприязнь Паши из-за духовной ревности: «Я первая сюда пришла — я и хозяйкой здесь буду, — заявляла Паша, — а не ты!» Евфросиния же только смиренно и терпеливо отмалчивалась...[5]

Какое-то время жила у матушки раба Божия Анна (впоследствии — монахиня Алексия), которую все звали «тетей Нюрой». Она несла нелегкое послушание на кухне — готовила кушать для всех, кто приезжал к матушке, а приезжало очень много народа. Хлеб тогда выпекали сами, но, несмотря на то, что пекли не килограммовые буханки, а огромные караваи — коржи, приходилось печь по два, а то и три раза на неделе. Когда работы было совсем невпроворот, тетя Нюра просила помочь ту же самую послушницу Фросю, и та никогда не отказывалась...

Матушка была знакома с другими старцами и старицами своего времени — это и схиигумен Митрофан (Мяки-

---

[5] Впоследствии, через много лет Господь управил так, что Параскева заболела раком. И незлобивая послушница Фрося (тогда уже монахиня), несмотря на прошлые обиды, ухаживала за больной...

Отец Митрофан после ссылки у матушки Антонии

нин), и схимонахиня Михаила (Сарычева), жившая в Талицком Чамлыке, и схимонахиня Серафима (Белоусова) из Мичуринска. Знала матушка и других священствующих и монашествующих. Наконец пришло время ей самой принять постриг. Чин пострижения в иночество, а через год — в мантию совершил над ней схиигумен Митрофан, восприемницей была схимонахиня Михаила (тогда еще — монахиня Митрофания). При постриге в иночество схиигумен Митрофан имел обыкновение не изменять имена новопостриженным. А при постриге в мантию матушку назвали Анатолией в честь святого Анатолия Печерского (память 3/16 июля). По рассказам очевидцев, два часа после пострига матушка лежала неподвижно и ни с кем не разговаривала. Отец Митрофан благословил не трогать ее, т. к. она в это время, по его словам, созерцала какое-то духовное видение. Позднее матушка рассказала часть этого видения некоторым из послушниц: ей было сказано, что отца Митрофана

скоро арестуют, и показано, как это произойдет. Затем матушке явилась Матерь Божия. Богородица велела ей окормлять и жалеть своих чад (тех сестер, которые у нее жили) и не оставлять своих больных.

И матушка принимала. Принимала людей целый день, не жалея своих и так невеликих сил. «Матушка была смиренная, терпеливая, — рассказывала о ней схимонахиня Евстратия. — Людей принимает, принимает. Время два часа дня — она еще не ела. А тут снова кто-то придет или приедет. Мы ей: "Матушка, ты же не кушала!" А она: "Маня, не надо, я потом покушаю, ведь кто-то пришел — откройте дверь ему". Она не будет ни есть, ни пить, лишь бы больных утешать. Только водички святой и просфорочки примет...» Иногда после приема посетителей старицу выносили на улицу отдохнуть и подышать свежим воздухом: она сидела возле дома или же лежала — для этого специально вытаскивали кровать. Но бывало так, что во время отдыха к матушке приходили страждущие, и она тут же, на улице, принималась молиться за них.

Власти запрещали ей принимать народ, приезжала милиция, запугивали, закрывали дверь, разгоняли посетителей. Однажды кто-то из милиционеров даже угрожал ей пистолетом. Но матушка не испугалась: «Я перед вами — что хотите, то и делайте. Хотите — убивайте, хотите — нет. Я на все готова». Она, уповая во всем на волю Божию, никогда и ничего не боялась. Милиционер не выстрелил, ушел.

«Тогда очень было строго, гонения были на верующих, особенно на тех, кто не работал на государство, — поделилась воспоминаниями о тех временах монахиня Порфирия. — Вот приехала я однажды к матушке, идем мы с Евфросинией по улице. Вдруг смотрим: милиция! И как раз недалеко от матушкиного дома. А Фрося всегда носила платок. Она советуется со мной: "Что мне делать: раскрыться или, наоборот, пониже покрыться?" А я ничего еще тогда не понимала. Думаю: "Что она говорит?" И отвечаю: "Да как Вам лучше". А она: "Не знаю, как лучше, как подходить к дому. Или, может, вообще разувшись бежать, чтобы за больную признали и не лезли?" Вот так и спасались...»

Боясь властей, матушкины послушницы иногда не пускали просящих к матушке, запирали калитку. Но больные перелезали через забор, кричали во дворе, стучали в дверь: «Матушка, помоги!.. Матушка, сжалься!.. Пожалей моих детей!.. Матушка!» И та, конечно же, благословляла впустить несчастных:

— Да откройте им, откройте.

— Матушка, да ведь нельзя...

— Ничего, ничего, открой дверь.

А как-то сказала: «Если в калитку нам их впускать нельзя, так пойдите — хоть через двор, через заднюю дверь пустите. А то ведь жалко больных-то!» — такая у нее была любовь!

Нелегка была жизнь у матушки и ее послушниц, но подавал им Господь и утешения: «Как-то раз матушка благословила меня съездить в Почаев, и я отправилась, — вспоминает схимонахиня Филарета. — Там благодать везде! Службы долгие, истовые — монастырские! Утреню и вечерню там всегда служили. Вечером каждый раз вычитывали повечерие и каноны. Потом еще правило...» Матушка благословила Фросю, чтобы та купила в Почаеве иконки, крестики — когда к ней приходили люди, старица одаривала их святыней. Потом по благословению матушки Евфросиния ездила еще и еще. В одну из таких поездок она познакомилась с отцом Кукшей (Величко[6]), при этом проявилась прозорливость великого старца. Вот как вспоминала об этом сама Евфросиния: «...Стою я и думаю: "Какой же отец Кукша, о котором столько говорят? Как же мне его узнать?" А он идет с почты, и с ним какая-то женщина пожилая — несет ему посылку. Он поравнялся со мной и вдруг говорит: "Как бы Кукшу теперь увидеть? Как Кукшу-то увидеть? Вот и увидела!" Я не поняла, а женщина, которая рядом со мной стояла, говорит: "Ведь это он тебе"...». Теперь, когда Евфросиния приезжала в Почаевскую Лавру, отец Кукша передавал через нее для матушки иконы, крестики, просфоры, другую святыню...

---

[6] Ныне канонизированный святой преподобный Кукша Одесский.

Матушка Антония в Почаеве

Однажды матушка тоже собралась в Почаев. Ездили с ней некоторые близкие чада и, конечно же, келейница Фрося: «Сначала мы в Москву поехали, — рассказывала она. — Там у моего брата домик был — мы у него переночевали. А из Москвы уже поездом в Киев, в Почаев. Везде побывали, ко всем мощам, ко всем гробницам прикладывались, а их там столько! Матушку мы к ним на руках подносили. С нами ездила одна сестра (она тоже, как и я, сирота) — она мне помогала, да еще раб Божий Виктор матушку на руках носил — в благодарность за свое исцеление. А по монастырю ее возили на коляске, купленной благодетелями. В Почаеве, чтобы попасть в церковь, надо пройти очень много порожков — там нам люди подсобляли. Ночевали мы с матушкой сначала при монастыре, где больные и калеки ночуют, а потом у знакомых. Ездили в тот раз и к отцу Кукше (он тогда в Залещиках был). Увидел матушку — удивился: как

При посещении Свято-Успенской Почаевской Лавры

это мы ее довезли да еще и на гору к нему втащили! А матушка улыбается... Я сейчас думаю: как же мы ее, больную, в такую даль возили?! Это только Господь помогал! Матушка молилась и благодарила Бога за эту поездку со слезами!..»

Это путешествие, предпринятое матушкой и ее послушницами, было самым дальним из тех, в которые они пускались. Чаще всего матушка, конечно же, находилась дома, но иногда бывала у схиигумена Митрофана в Ячейке, на праздники посещала храм во имя Архистратига Божия Михаила в селе Мордово (самый ближайший от Евграфово, который она, кстати сказать, очень любила). Делалось это так: в маленькую двухколесную тележку («тачанку», как говорили послушницы) усаживали матушку, клали продукты и вещи, которые могли бы понадобиться в дороге, и сестры тащили «тачанку» на себе, проходя пешком по 20, 30, а то и 80 километров (когда ездили к схиигумену Митрофану; в этом случае добирались дня два).

Сначала матушку везде возили только на «тачанке» — и по двору, и в храм, и в дальние поездки. Но когда появилась коляска, около дома по двору матушку начали возить на ней, а «тачанка» стала употребляться только при путешествиях.

Матушка очень любила храм Господень — и отец Кукша с матерью Серафимой (Мичуринской) благословили приобрести для нее домик в селе Мордово на имя келейницы Фроси и ее сестры, чтобы матушка могла чаще бывать на службе. В домик к сестрам священник отец Александр Бородин, который служил тогда в мордовском храме, благословил на жительство еще двух монахинь. Однако на следующий день матушка сказала, что монахини эти жить у них не будут: «Я видела Архангела Михаила, благословляющего дом, а они отошли в сторону и под благословение не попали». Слова матушки сбылись в точности.

Раньше матушку привозили в Мордово только дня на два — на большие праздники: побыть на вечерней службе, переночевать у знакомых, утром — на литургию в храм, на причастие... Во второй половине дня — в обратный путь. Теперь же матушка жила в Мордово все лето, ее часто привозили в храм на коляске, а зимой, когда выпадал снег и ни на «тачанке», ни на коляске добраться до храма было нельзя, ее увозили обратно в Евграфово.

Но и здесь матушку не оставляли в покое: ехали со всех концов, из сел и городов, с дальних деревень и из Москвы. Привозили больных на телегах, на автобусах, на машинах. И матушка помогала страждущим.

Памятуя, что все болезни — следствие греха, матушка старалась перво-наперво привести людей к Богу, наставить их на путь покаяния. Когда к ней приезжали за помощью, она прежде всего спрашивала, крещеный ли человек. Если некрещеный, велела креститься. Когда приезжали люди бедные, у которых не было денег на крещение, она звала послушницу Параскеву и посылала ее с приехавшими в церковь, чтобы их там крестили безплатно. У приезжающих супругов матушка обязательно интересовалась, венчанные ли они. Если нет, благословляла повенчаться. У крещеных обязательно спрашивала: «А ты причащаешься? А почему не причащаешься? Крестик носишь?» Многие отвечали:

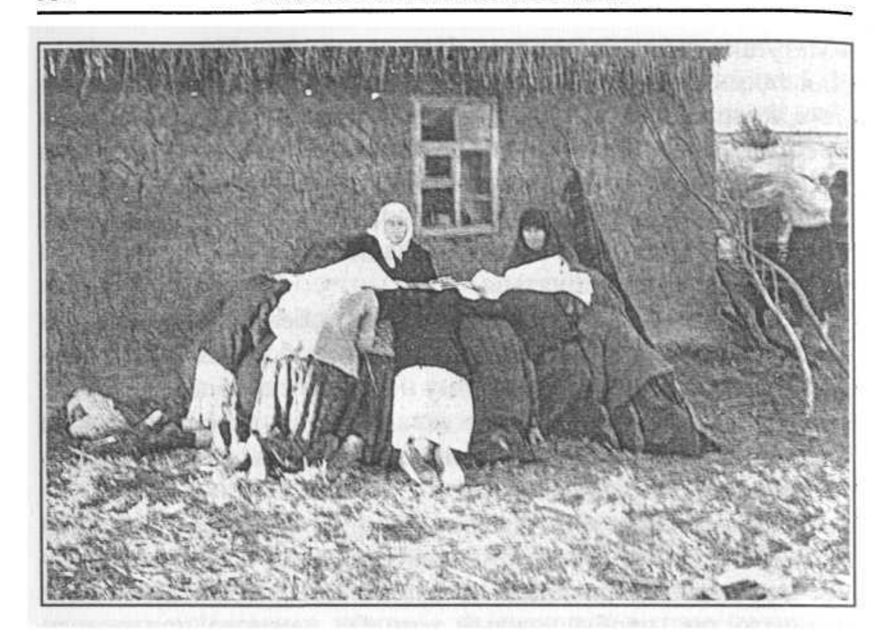
«Матушка, да я... потеряла». Или говорили: «У меня нету...» Для таких случаев на столе у матушки всегда стояла баночка с крестиками. Послушница Евфросиния брала из нее крестик, одевала на шнурок и подавала больным. Матушка всем говорила, чтобы обязательно пили святую воду, почаще окропляли ею больных, прикладывали к больным местам крест. Советовала неопустительно ходить в церковь, исповедоваться, причащаться.

И лишь после того, как человек сам обещал, что обратится ко Господу, принималась молиться за больных. По ее великому смирению, терпеливому несению скорбей, кротости, а также потому, что матушка делала это за послушание и по благословению[7], Господь принимал молитвы праведницы и за эти молитвы исцелял людей.

Когда матушка принимала народ, ее усаживали на кровать или скамью, Фрося ставила ее ноги на маленькую скамеечку, матушка раскрывала Евангелие, и больных сажали под него так, чтобы каждый хотя бы немного прикасался головой к книге. Матушка молилась за страждущих про себя. До двадцати двух лет она умела и любила читать — Псалтирь, Евангелие, акафисты и другие церковные книги, но с началом болезни читать она уже не могла. Разве что «если ее никто не безпокоит и крупными буквами написано», — как вспоминали матушкины послушницы. Во время молитвы за больных она молилась по памяти (много молитв знала наизусть). После молитвы она прикладывала крест к голове, к рукам, глазам, устам сидевшего перед ней человека, прикасалась крестом к больным местам. Иногда из-за болезни матушки держать и прикладывать крест и Евангелие ей помогала монахиня Агафия. Бывало так, что за один раз приезжало человек по 20 болящих — тогда раскрывали второе Евангелие, потому что под одно все не вмещались. Иногда молитва проходила на улице (сохранилась даже фотография тех лет, запечатлевшая этот момент).

Но со временем, когда монахиня Агафия состарилась, она решила уйти от матушки, потому что считала себя в ее доме обузой. Когда она переехала к дочери, помогать матушке стало

[7] Афонского старца — отца Георгия.

некому. Тогда та остановила свой выбор на все той же смиренной послушнице Фросе: «Матушка давала мне Евангелие держать, — вспоминала после Евфросиния. — А потом еще меня благословила — сама крест прикладывает и мне дает: "Давай со мной, помогай", — и я помогала...».

Рассказывает сестра схимонахини Филареты, схимонахиня Евстратия:

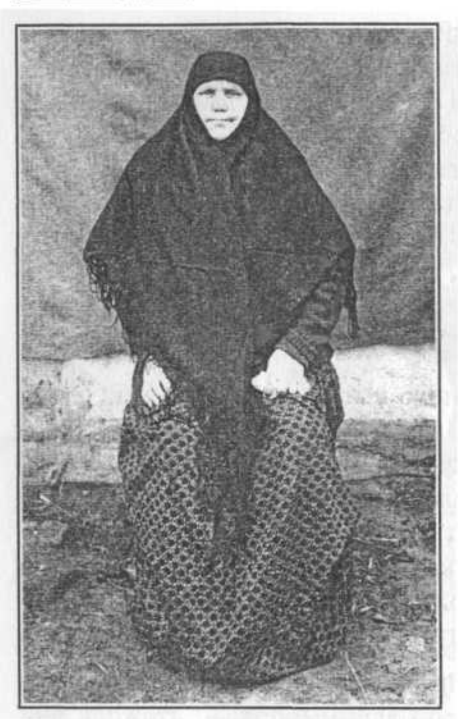
> «Привезли как-то к матушке больную женщину Феодору из Матреновки, которая уже 12 лет не ходила. Занесли, положили перед ней. Матушка и говорит: "Ну, Феодорушка, имей веру. Будешь иметь веру — Господь тебя исцелит". И начала за нее молиться. Молилась 12 дней. "А на 12-й заре, — говорит, — ты сама пойдешь ножками". Та: "Ой, матушка, да как же я пойду, когда я лежу как плетень!" А матушка ей: "Ничего, ничего, Феодорушка — пойдешь". На 12-й день матушка сказала: "Теперь ее нужно провести до двери раза три — как она будет ходить?" Сначала Феодору, конечно, поддерживали, она только ногами перебирала. И все не верила: "Матушка, неужели я на свои ножки буду наступать?!" Ма-

тушка ее успокаивает: "Будешь, будешь". И говорит тем, кто ее привез: "Когда поедете домой и станете подъезжать к своей деревне, вы остановите повозку и спустите Феодору на землю, чтоб она на своих ножках шла". И когда люди в деревне увидели, как ее спустили с повозки и она пошла, все рыдали и плакали: ну как же — ведь 12 лет человек не ходил! Феодора потом обет дала: за то, что Господь ее исцелил, всю свою жизнь ни на машине, ни на лошади, ни на чем другом не ездила, а только пешком ходила».

Еще один случай: «У одного человека болела нога, даже черви из пятки вылезали. Болезнь необъяснимая! Он не спал ни днем, ни ночью, потому что боли были невозможные. Приехал к матушке и так плакал, так плакал: "Если бы Вы мне помогли!" Она говорит: "Будете иметь веру — и Господь поможет Вам". Матушка помолилась, водичкой святой его окропила и велела положить спать — он проспал больше суток! Потом встал, смотрит — а рана куда-то исчезла...»

Вспоминает раба Божия Л.:

«Когда матушку из Евграфово привозили на службу в Мордово (своего дома у них еще не было), то ночевали у Марии-алтарницы в караулке. Вот эта Мария мне однажды рассказала, что приезжали к матушке муж с женой. Он где-то в министерстве работал, а его жена так сильно болела, что была вся желтая-желтая, худая-худая — одни косточки кожей обтянуты. И вся покрыта шерстью! Они с мужем многих профессоров объехали, и нигде ей не могли помочь. Матушка их сперва расспросила: "Вы в Бога веруете? Венчаны?" Отвечают, что в Бога веруют, но невенчанные. Матушка им говорит: "Ну, если вы веруете в Бога, то будем молиться. Только повенчайтесь и кресты на себя наденьте. Вот когда батюшка вас обвенчает, тогда приходите". Они обвенчались, кресты надели, молебен еще заказали, пришли к матушке, и та начала молиться. Во время молитвы с женщины шерсть слетала прямо клочьями, спадала с тела! И она выздоровела. Потом они еще не раз приезжали к матушке, благодарили ее».

Разных больных привозили к матушке на лечение. Очень много было бесноватых — «недужных», по выражению матушкиных послушниц. Один раб Божий, которого привезли к матушке, во время церковной службы все время плясал и прыгал на высоту около тридцати сантиметров от пола. «Много к матушке ездило “крикух”, — рассказывала монахиня Порфирия. — У нашей соседки такой был страшный “недуг”! Когда матушка за нее молилась, то ее держали по 8 человек мужчин! Соседка еще и предсказывала силою беса, в ней лукавый говорил: голос сразу менялся — и она “прорицала”... А потом молитвами матушки она исцелилась и в храм ходила сама, сама причащалась. И много было таких примеров...» Некоторых привозили даже из сумасшедшего дома. «Они за дверью стучат, кричат, — вспоминала схимонахиня Евстратия. — Откроешь дверь, а там и прыгают, и сигают. Заведешь их в дом — потихонечку успокаиваются. Другие только еще на станцию приедут — и уже кричат: “Мы не поедем! Не пойдем к ней!” Бывало, больных заведут — они сразу настораживаются: “Кто тут сидит?! Кто тут сидит?! Посадили Настю толстую! Сейчас мы ее!..” — начнут ее ругать. Случалось, что и связанных цепями привозили...»

Некоторых больных во время матушкиной молитвы держали по несколько человек, иные вырывались и убегали, кто в лес, кто на реку, иногда бесы ругали и обзывали матушку, кричали «уйду!» или грозились: «О! Сейчас я б тебя вдарил! Но тебя Матерь Божия хранит! Спаситель около тебя! Нельзя тебя вдарить-то!» «А однажды, — рассказывала монахиня

Серапиона, — привезли одного мужчину с нашей деревни. Заходит он к матушке, и вдруг я слышу, как из ее кельи кто-то кричит женским голосом. Я полюбопытствовала посмотреть — зашла и встала у двери. Вижу: сидит этот мужчина перед матушкой ко мне спиной и кричит! А потом, только я зашла, он вдруг говорит: "Ну и смотри, как я кричу!" Т.е. сам мужчина меня не видит, но меня видит бес и так мне "парирует"! Этот раб Божий к матушке часто приезжал. И что интересно: когда он к ней едет, мотоцикл сам ведет — лишь только к матушкиной деревне подъезжает, с ним уже плохо, за рулем не может сидеть. Тогда он пересаживается в коляску, и до матушкиного дома его везет кто-нибудь другой... Или еще помню случай: пришла одна больная, стала в дверях и стоит, не может даже с места двинуться. Матушка ее зовет, а та говорит, что ей страшно», — так бес препятствовал болящим приходить к матушке. Бывало, что и подстраивал им искушения: если кого привозили на лошади, случалось, что лошадь становилась на дыбы и не двигалась дальше, как ее ни принуждали.

В то время как матушка молилась за бесноватых, они кричали, визжали, бормотали, выли. Некоторые больные не могли выносить не только матушкиного присутствия, но даже вещей, к которым она прикасалась. «У матушки была перина, на которой она лежала, — рассказывала схимонахиня Евстратия. — Потом она благословила пошить из перины маленькие подушечки, чтоб раздать больным людям. Так недужные, которым давали такую подушечку, всю ее растреплют, разорвут, растерзают — не могли выносить матушкиной благодати». Люди, побывавшие у старицы, рассказывали, что она могла дать человеку любой предмет (цветочек, травку, камешек), с благословением положить их в воду и потом эту воду пить — и такая вода для них была целебной. Как и вода из колодца, выкопанного около дома матушки по ее благословению — вода из него помогала больным, и люди об этом знали. «Однажды, — рассказывает схимонах Иоанн, брат матушкиных послушниц, — я ехал к матушке в Мордово и увидел, как в Евграфово на повороте дороги люди упали с мотоцикла. Я спросил, не нужна ли им помощь. Но, слава Богу: все обошлось благополучно.

Поинтересовался у них: "Вы откуда?" Они отвечают: "Да мы от матушки едем. Воду у нее взяли, и вот — смотри: всю разлили! Ну, мы назад не поедем — сейчас тут нальем, из ее колодца: все равно матушкина вода целебная". Бывало, приходили, когда матушки дома не было, брали в колодце воду — и она помогала, исцеляла. Она сильная молитвенница была, наша матушка».

Больные, которые приезжали на несколько дней, жили у матушки или же просились на ночлег к кому-нибудь из соседей. Бесноватым очень нелегко было трудиться у матушки в доме или во дворе — выполнять послушание. Ведь бес, как известно, не терпит смирения, а выполнение послушания есть отсечение своей воли, т.е. признак смирения. Монахиня Серапиона рассказывала, как проходил день в матушкином домике: «Утром встают, молитву утреннюю прочитают — все на послушание. Работу давали по силам: кому стирать, кому снег возить, другим пшено толочь, огород пропалывать, помогать еду готовить... И как же было бесноватым тяжело работать! Они и шумят, и кричат, кого-то даже рвало... Потом кушать сготовили, поели — все собираются к матушке, она за больных молится. И вечером тоже о них молилась. Они в это время на полу перед ней под раскрытым Евангелием сидели...»

Больные, приезжавшие к матушке, получали исцеление кто сразу, кто постепенно. Некоторым из них недуг был дан, чтобы ходили в храм и не забывали Бога — такие болели всю жизнь, матушка только облегчала их страдания. Она говорила, что Господь их окончательно не исцеляет для их же спасения: чтобы человек не отошел от Бога и не возвратился к прежним грехам.

Один из таких больных, долгое время приезжавший к матушке и болевший всю жизнь, после ее смерти сильно занемог и, тяжело страдая, будучи уже при смерти, попросил привезти ему воды из матушкиного колодца. Попив воды, он спокойно и без мучений умер.

Другой несчастный приезжал к матушке с Украины. Он был очень нездоров физически, временами его раздувало — он распухал, отекал на глазах. Врачи не могли найти этому причины. Матушка сказала ему: «Ты телом останешься боль-

ной, зато неизменно станешь в церковь ходить. И этот недуг прекратит тебя мучить — все будет хорошо». С тех пор распухать он, и вправду, перестал — матушка ему помогла. Но другие немощи у него остались. Как матушка и сказала, в церковь он стал ходить неопустительно. Очень почитал святителя Афанасия «сидячего» (Харьковского) и не раз говорил при всех: «Матушка, вот бы и я так умер!» — и умер сидя...

Старые люди помнят еще, что тогда в деревнях жили одна, а то и несколько «бабок», которые промышляли всяким зловредным знахарством. В то время, когда церкви были почти повсеместно закрыты, к ним ходили по заблуждению маловерные люди, по разным житейским нуждам — то муж запьет, то загуляет, то скотина заболеет и тому подобное. «Бабки» эти читали вроде и православные молитвы — «Отче наш», «Богородицу», но к этому всему присовокупляли такие специфические «приговоры», от которых у православного человека кровь леденела. Наговаривали они разную там водичку и прочее. Вот случай из жизни тех лет. Одна раба Божия Наталия вышла замуж, а ее свекровь оказалась одной из таких «знахарок», занималась откровенным колдовством. Раз она кому-то «наговорила» что-то на кружке воды, а Наташа, придя с работы, ничего не зная, взяла эту кружку и выпила. Свекровь увидела: «Ох, Наташа, что ж ты натворила — ведь это я не тебе приготовила!» — она любила ее. И Наталья стала как бы помешанной: и на одной ноге крутилась, и вертелась... Привезли ее к матушке муж и родная мама. Матушка начала молиться. И ее молитвами Господь Наталью исцелил — сейчас она работает в церкви.

Один раз приехали из Ленинграда двое — брат с сестрой. Женщина почти не могла двигаться, все лицо у нее было опухшее, на голове кругом наросли шишки. Матушка начала за нее молиться. После этого благословила положить женщину под иконы, и больная тут же заснула, хотя перед этим не спала несколько суток! Матушка сказала: «Не трогайте ее, пусть спит», — подложили ей под голову подушку, потом брат перенес ее на койку, и она двое суток спала, не просыпаясь. После этого она уехала от матушки на своих ногах — ей стало лучше».

Матушка Антония среди послушниц и приезжих гостей

Рассказывает монахиня Серапиона:

«У наших соседей дедушка пел на клиросе. Потом он сильно заболел: у него были сильные отеки ног, распухала грудь, он задыхался. Привезли его в больницу, проверили легкие — оказалось все нормально. Печень не просматривалась, и поэтому сделали заключение, что у него рак. Как безнадежного отправили его домой умирать. Лежать он уже не мог — всегда сидел и даже спал сидя. А на ноги наступить стало нельзя — так они распухли. Как-то пришла к ним Мария — сестра Евфросинии, матушкиной послушницы. Увидела она, что дедушка так болеет, поехала к матушке и привезла от нее пол-литра водички, вазелин и мыльце. "Эту воду тебе надо вылить в ведро чистой воды, — говорит ему. — Каждый день нужно купаться, добавляя эту воду, и мылиться мыльцем. А отеки мазать вазелинчиком". И у дедушки вся жидкость из организма вышла мочой, он сделался здоровым. Настолько, что летом на пасеке ульи сторожил. Прожил он после этого десять лет. И все это время продолжал петь в церковном хоре...»

А вот воспоминания одного из очевидцев, как схимонахиня Антония принимала недужных:

«...Когда матушка прикладывала крест, они[8] кричали:

— Зачем ты нас трогаешь?!

— Вот вы сейчас мне все скажете!

И обращалась к больным:

— Что вы сейчас чувствуете?

— Матушка, они злятся, зачем ты нас трогаешь.

Матушка снова обращается к бесу:

— Скажи, долго ли ты их будешь мучить? — голос матушки тихий, спокойный.

Между тем больную стало крутить, мимика ее изменилась, голос стал низким, заговорила о себе в мужском роде с закрытыми глазами:

— Да недолго — скоро выйду...

— Когда выйдешь? Скажи, кто я? — снова спрашивает матушка.

— Матушка схим-ни-ца. В болото пойду. Ох, как мне нехорошо! Когда меня эта старуха отпустит?

— Читай "Живый в помощи"...

Матушка не боялась никаких больных и ни разу ни от кого не заразилась. Как-то пришла к ней за помощью женщина с рожистым воспалением. Температура под 39°. Одна из близких людей, врач, сказала матушке:

— Когда такие приходят, не надо их трогать, потому что возможна инфекция.

— Это для тебя инфекция, — ответила матушка, — а не для меня.

— Как это "не для меня"?! Это общая инфекция!

— Ну, уж, может, какая и инфекция, но она от меня знаешь как убегает! — и тут же помогла больной.

Просящим об исцелении матушка обязательно предлагала и самим молитвенно потрудиться: заказать и отстоять молебен Божией Матери и всем святым.

Молитвы матушки Антонии воистину тут же доходили до Бога! Скажет лишь три слова: "Все будет хорошо", — и, действительно, жизнь человека выправляется. При-

[8] Т.е. бесы (*прим. ред.*).

езжал к матушке раб Божий Сергий, он сильно страдал от курения. Матушка сказала, чтобы забрали у него сигареты — он больше не будет курить. А когда поехал домой, сел в вагон, то решил себя испытать — попросил у соседа папироску и закурил. И вдруг как ему ударило в голову! Он бросил папироску и не стал больше курить».

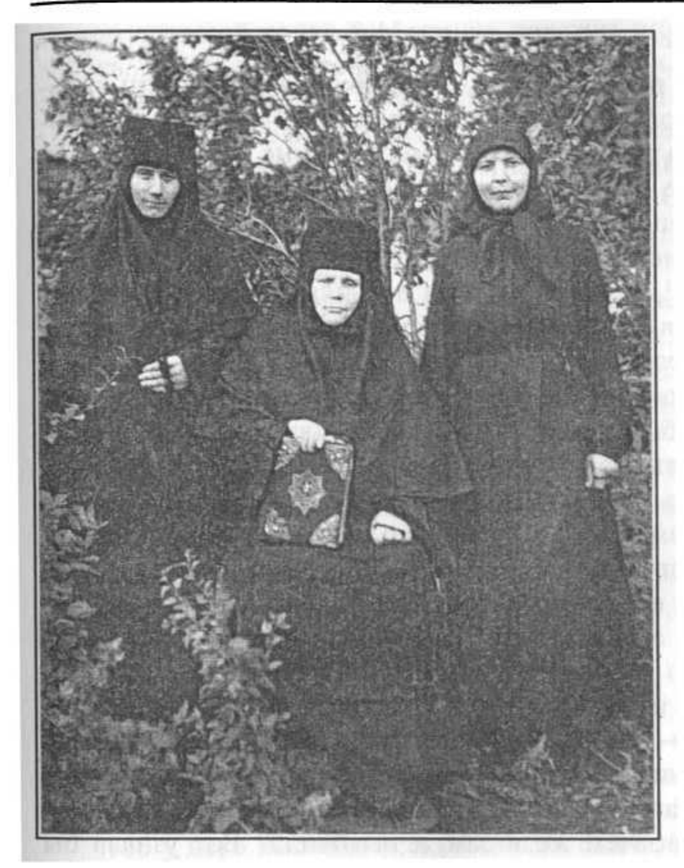
Рассказывает схимонах Иоанн:

«Были мы с матушкой в Троице-Сергиевой Лавре. Подошли к ней женщина с мужчиной. Оказалось — муж с женой. Муж ее раньше каким-то начальником работал, а потом ослеп, уже пять лет не видит. Матушка велит мне: "Дай им адрес — пусть они к нам приедут". Возвращаемся мы с матушкой из Загорска — приезжает и эта семья. Матушка помолилась за него. Потом еще раз они приехали — она снова за него молилась. А в третий раз он приехал уже зрячим, за что сердечно благодарил старицу».

Случай исцеления слепого мужчины — не единственный. Вспоминает схимонахиня Филарета:

«...Чудес было много. Привозили больных, слепых, которые даже сами себя обслужить не могли. А матушка помолится, водой святой окропит — и исцелялись. Положит Евангелие на голову — и перестает болеть. Матушка кроткая была, как младенец, смиренная страдалица наша — все время лежала. И никогда не возроптала, не сказала: "Зачем мне эти больные? Я несчастная, меня Господь наказал!" Нет, она всегда говорила: "А я благодарю Бога. За все Бога благодарю". Вот Господь чудеса и творил за матушкины скорби».

А скорбей у матушки было не счесть. И среди них не последнее место занимали болезни, которые она смиренно терпела. Кроме неподвижности около года страдала матушка желудком. Ела в это время очень мало. Весь ее рацион состоял из просфорки, молочка, разбавленного водой, жидкого-жидкого супчика («бульончика», как говорили матушкины послушницы), кваса. Ни картошки, ни хлеба.

Однажды приехала к матушке раба Божия Мария. «Матушка мне и говорит: “Мань, посмотри, как мы милостью Божией живем. Слава Богу, ничего не покупаем: у нас и квас свой, и яички — курочек держим. И коровка — молочко у нас хорошее. А пойди, посмотри, какая у нас вишня, смородина!..”» Я, чтобы порадовать матушку, вышла в палисадник и принесла ей оттуда штук пять вишен и пять ягод смородины. «Матушка посмотрела, покушала, и у нее — расстройство желудка! Мать Евфросиния бежит: “Иди теперь помогать!” Потом говорит мне: “Ты не обижайся”. Да за что же обижаться? Виновата. Раз не знаешь — не лезь. У матушки желудок настолько слабенький был, что ей той горсточки хватило! Но, несмотря на болезни, матушка всех принимала. А ехали к ней отовсюду.»

Рассказывает раба Божия Лидия:

«Как я познакомилась с матушкой? Болела очень сильно. Все больницы прошла, всех врачей — и никакой помощи! На работу ходить не могла, и мне в больнице дали справку о том, что я способна только на легкий труд. Под конец болела уже так, что даже по дому ничего делать не могла — полведра воды и то не в силах была принести! В это время моя дальняя родственница тетя Анастасия собралась к матушке. Она уже была у нее несколько раз, а тут узнала, как я сильно болею, и решила взять меня с собой. Тем более что добираться до матушки тогда было непросто, и она искала себе попутчицу.

Собрались мы с ней, вышли из дома засветло и отправились. Приехали на станцию Хворостянка в 9 часов и 18 километров до Евграфово шли пешком! Встретили нас приветливо, накормили, расспросили. Матушка оставила нас на ночлег, хотя к ней в тот день кроме нас приехало еще очень много народа (одних только больных было 19 человек). Когда я в первый раз зашла к матушке, то увидела, что в ее келье везде иконы, даже на потолке — ведь она все время лежала, и ей было удобно лежа на них молиться. Мне интересно: на потолок глянешь, а там ангелочки! Так стало на душе радостно! Думаю: "Да зачем же я замуж выходила? Вот узнала бы матушку-то пораньше — никогда бы замуж не вышла. А теперь вдруг мне не придется больше сюда приехать?!" — домашние дела не пустят.

Перед ужином всех собрали и матушка начала молиться. Мы сидели возле нее на коленочках, прикасаясь головой к Евангелию. Евангелий тогда раскрыли два, потому что под одно все не вмещались. Сначала сидели спокойно. Но когда матушка начала каждого по очереди осенять крестом — голову, грудь, руки, глаза, спину... — некоторые закричали. Сейчас я уже много раз видела, как кричат в церкви бесноватые, а тогда мне все это было в диковинку...

После поужинали и начали укладываться на ночлег. Людей было много, и мне пришлось спать прямо под

матушкиной койкой. Матушка полежит полчаса: “Фрось...” Всю ночь стонала... Утром все встали, молитву утреннюю прочитали — и на послушания. Мне благословили стирать. Ближе к обеду покушали. А вечером матушка снова за нас молилась... Через несколько дней нам надо было уезжать, а мне так там понравилось! Спрашиваю:

— Матушка, Вы меня примете, если я еще приеду к Вам?

— Да приезжай!..

Возвратилась домой — и куда только делась моя болезнь? Я начала работать по дому, в огороде, за скотиной ухаживать, на работу ходить, ела все подряд, аппетит вернулся — я вылечилась! За один раз. А таблетки, что мне в больнице выписали, я сожгла.

Потом выбирала моменты, когда дома больших дел не было, и отпрашивалась у мужа съездить к матушке. Он отпускал.

Правда, случались у нас с супругом и неприятности. Однажды приезжаю к матушке — она уже все провидит и спрашивает меня:

— А Сеня как?

Говорю:

— Да ну его, матушка! Он каждый день пьяный!

— А ты керосин в огонь не лей, ты огонь туши: читай “Богородицу” и молчи. А мужа не строжай[9]. Старайся, чтоб у него носочки всегда чистые были и все как следует... — так она воспитывала, чтобы молчать, не раздражаться, жить по-христиански, по-Божиему, все терпеть.

Матушка старалась всех наставить в вере, научить, подсказать. Я тогда только начинала ходить в храм и мало что знала. Помню, батюшка в нашей церкви мне как-то сказал: “Твой день Ангела — 23 марта (5 апреля по новому стилю): мученицы Лидии. Помни его и каждый год отмечай”. Прошло, наверное, лет шесть. Батюшки этого в нашем храме уже не было, а дату я запомнила. Но не понимала, как можно отметить день Ангела — это же не день рождения! И только потом, когда я к матушке приехала, спросила:

[9] Не ругай, не отчитывай, не относись к нему строго (*прим. ред.*).

— Матушка, а как день Ангела надо отмечать?

— Как отмечать? Обязательно причащаться!..

У моего брата дети были больные. Девочка, что в третьем классе тогда училась, почти ничего не ела, у нее часто была тошнота, да такая, что она даже зубами скрипела. В больнице ей поставили диагноз: гастрит желудка. Мальчик был совсем маленький, еще в школу не ходил, тогда он большей частью у меня жил. У него случались приступы в животе. И, как я потом заметила, в конце месяца — в ущерб и новолуние. Бегает, бегает, потом жалуется: "Коса[10], у меня болит животик". Я ему дам водички матушкиной, животик освященным маслицем помажу. Он немножко полежит: "Все. Все прошло!" — и опять бегает. А когда его домой на время забрали, там тоже такой приступ случился. Родители неверующие — сразу его в больницу. Там сказали, что заворот кишок — и на операцию. Года два у него боли продолжались, но он снова жил у меня — я опять ему водичку и маслице давала. А потом его вновь забрали домой, там опять приступ, и опять его "под нож". Признали спайки кишок. После операции он три месяца пробыл в больнице: никак не зарастал свищ. Мать ему всю еду на мясорубке протирала, бегать не давала, да у него и сил уже не было: он стал очень слабенький.

Забрали его из больницы — я сноху прошу: "Поедем к матушке, давай детей пожалеем!" Все-таки упросила — дала она согласие. Забрали мы мальчика в субботу, а в воскресенье отправились к матушке. Приехали часов в десять вечера. Нас накормили и оставили ночевать. Постелили, как и всем, на полу. Утром подходим к матушке под благословение — она у моей снохи спрашивает:

— Сколько ты с мужем-то живешь?

Та отвечает:

— Больше десяти лет.

— А сколько у тебя детей?

— Да вот — двое.

---

[10] Крестная.

— Ну, этих жалко — болеют. А те-то где ж, — остальные? Те, которых рожать не стала?[11].

Снохе это, конечно, очень не понравилось, но вслух она ничего не возразила.

Потом матушка ей говорит: "Завтра ты пойдешь в наш храм, детей причастишь, а потом уже поедете". Помолилась матушка за них, крестом осенила. Все разошлись по послушаниям, а матушка мне и говорит: "Лида, а сноха твоя какая хорошая!" Я думаю: "Ну, слава Богу". А она продолжает: "У мальчика рожденное, младенческое", — то есть он уже во чреве был больной. А у снохи, правда, очень трудная была беременность...

Когда мы в воскресенье ехали к матушке, малыша всю дорогу несли на руках. А в понедельник он целый день пробегал во дворе со своей сестренкой! День был постный, и на обед приготовили горох, а он для желудка тяжелый. Но мальчик ел у матушки все: и горох, и пряники, которыми его угощали — и не было ни вздутия, ни болей. Причастили мы детей и в среду уехали.

Через некоторое время они ко мне в гости приезжают, и девочка рассказывает: "Бабушка, как я теперь кушаю! Не наемся — такой у меня аппетит, и так все стало вкусно!" И мальчик после этого в больницу больше не попадал...

...Помню, как привезли к матушке молодого парня с нашей деревни: вроде был здоров, а потом что-то с головой случилось и он три года за стол со всей семьей не садился, а ел из лохани для коровы, куда бросали разные отходы. Матушка помолилась, потом всех посадили за стол, она посадила его возле себя, разрезала пополам крутое яйцо и один кусочек ему подложила: "Ну, давай: я беру кусочек — и ты бери. Кушай, кушай". Он сначала будто боялся, но все же осторожно взял и съел — впервые за три года. Матушка потом ему сказала, чтобы он не выпивал, чтил Господа, молился, просил

[11] Как известно, дети болеют за грехи родителей. Матушка хотела, видимо, показать своим вопросом несчастной женщине, что ее дети болеют за ее грехи — аборты и т.п. (*прим. ред.*).

Его об исцелении. После он совершенно поправился, но потом не послушался матушки: пошел к товарищу на свадьбу, там напился — и с ним опять сделалось плохо.

Матушка была таким сильным врачом духовным — не передать! Она знала мысли человека, который к ней пришел, знала его жизнь, что называется, "от и до", и прошедшее, и будущее — все она знала. Все намерения и желания она видела. Но она мало что говорила людям, потому что тем трудно было ее слова вынести. Например, один человек привез жену, которая была очень больна. Матушка начала за нее молиться, женщина исцелилась, а матушка и говорит мужу: "Да ненадолго это: она сейчас домой приедет, а мать-то твоя обратно ей как даст!" Он заругался на матушку: стыдно ему стало за мать. Матушка сказала истину, а ему не понравилось.

Матушка провидела многое. Узнавала и людей, которые, отдав себя во власть бесов, занимались колдовством. Но если кто-то из таких приезжал к ней — с дурными ли намерениями или просто из любопытства — они не могли долго пребывать у матушки, не выносили благодати. Она видела это и спрашивала: "Вам трудно тут?" Те отвечали, что не могут у нее находиться, или просто выбегали из кельи...»

Рассказывает монахиня Серапиона: «Приехали мы в Оборону[12]. Начиналось лето, и матушку должны были вот-вот привезти из Евграфово. Мы все приготовили, сидим, ждем. Уже вечер. Привезли ее, занесли, положили на койку. Мы, конечно, ни о чем своем не спрашиваем: она ведь устала. Лежит, отдыхает, смотрит на нас. А потом и говорит: "Лежу и гляжу: кто какой есть", — она не на лицо наше смотрела, а видела состояние души».

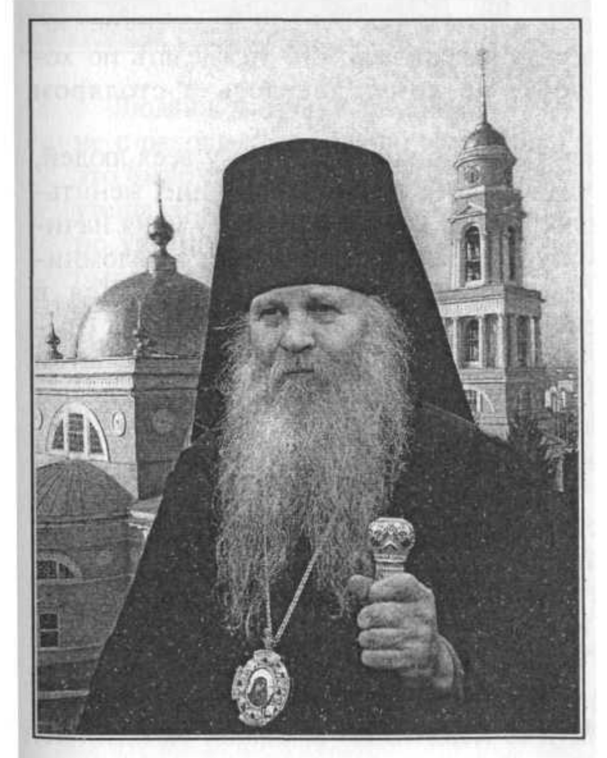
«Матушка сказала нам тогда, — продолжает схимонахиня Евстратия, — "Маня, не держите руку вот так, — сжала ее в кулак и повернула к себе, — а то ничего у вас не будет. Держите вот так, — раскрыла руку и протянула, как бы кому-то

[12] Так называлось село Мордово во времена советской власти.

что-то подавая. — Будешь так держать, и все у вас будет. Дадут тебе, а ты другому дай. Маня, вы людей кормите — не обижайте. Кто ни приедет, кто ни придет — вы всех кормите". Мы спрашиваем: "Матушка, чем же мы будем кормить?" Она отвечает: "Это не ваше дело. Не вы будете их кормить, а они вас. Только слушайте, что я вам говорю"...»

Матушкины слова не были напрасными: сегодня приезжают на могилку схимонахини Антонии люди, привозят матушкиным послушницам продукты, зная, что сестры уже довольно старенькие и немощные. За этими приезжают следующие — их кормят тем, что привезли приехавшие до них. Так и не прекращается эта цепочка...

Нередко приезжал к матушке раб Божий Николай (ныне — правящий архиерей Липецкой и Елецкой епархии епископ Никон). Был он тогда совсем молодым. Матушка звала его ласково — Колей и очень любила, жалела и всегда ждала

Преосвященнейший Никон (Васин), епископ Липецкий и Елецкий

его приезда. Как-то послушницы спросили: «Матушка, что ты его привечаешь? Зачем он нам нужен?» На что прозорливая старица ответила: «Он будет наш. Его надо привечать и жалеть», — под словом «наш» она подразумевала монашеский чин, хотя Николай в то время работал на заводе.

Вот как сам владыка Никон вспоминает о своих посещениях матушки:

> «Когда я узнал схимонахиню Антонию (Овечкину), которая жила в Тамбовской области, то начал постоянно к ней ездить. Работал я в то время на заводе "Свободный Сокол".
>
> Летом и зимой я ездил к матушке Антонии. Меня там ждали и всегда с радостью принимали. Когда была возможность, возил ее на колясочке в церковь. По ступенькам на руках ее переносили в храм, и так же — из храма.
>
> В деревне рабочие руки, особенно мужские, всегда нужны, поэтому, когда я приезжал к матушке-схимнице, работа мне там всегда находилась: что-то сделать по хозяйству, по двору, по дому, довелось и столяром потрудиться...
>
> Сначала у меня были такие же, как и у всех людей, желания: окончить высшее учебное заведение, жениться, создать семью. Но вот когда на работе у меня начинался отпуск, матушка стала посылать меня в паломничества по монастырям. Сперва я отправлялся в Троице-Сергиеву Лавру, оттуда ехал в Ленинград (нынешний Санкт-Петербург) к Ксении блаженной, затем в Эстонию — в Пюхтицкий женский монастырь, потом в Вильнюс — в Свято-Духов мужской монастырь, коекогда заезжал в Почаевский мужской монастырь... Получался такой своеобразный "круиз" по монастырям во время отпуска.
>
> Отец мой был очень хозяйственный, работящий, способный многое сделать своими руками, и я старался перенять у него все мастеровые качества, да и по своей специальности я умею работать по дереву, по металлу, поэтому, когда приезжал в очередной монастырь и там узнавали, что я могу и сантехником, и столяром быть,

мне давали работу, и я трудился, а одновременно общался с монахами, с иноками, жил как насельник в обители единой с ними семьей, для меня там было все родное. Я видел, как живут монахи — и мне нравилась их жизнь, их уклад: нравственная чистота, нигде не услышишь гнилого слова... И у меня появилось желание идти в монастырь. Я дал обет Богу, что посвящу свою жизнь Ему. Когда мне предложили учиться в институте стали и сплавов, я вместо этого пошел в семинарию.

Людей к матушке приезжало очень много. Приезжали не с радостью, а больше со слезами и скорбями. И все это было при мне — я видел и слышал, как матушка их утешала, как она за них молилась. Матушка очень сильно укрепила меня в вере. Будучи рядом с ней, можно было в Бога поверить даже “от противного”: ведь ехали к ней в основном “недужные” — больные духовно, в которых явно проявлялась демоническая сила. Матушка обладала такой благодатью, что все эти больные люди или разбегались от ее дома, или кричали, или совершали какие-то другие действия. А потом исцелялись или получали облегчение прямо у нас на глазах.

Возле коечки схимонахини Антонии стояла большая икона Божией Матери Иверская, мы всегда клали перед ней поклончики, читали утреннее и вечернее правило. Потом шли — по хозяйству что-то делали... Вот такая была жизнь: монастырская в сельском доме».

Зная матушкину мудрость и прозорливость, приходили к ней люди не только за исцелением от душевных и телесных

болезней, но и за советом. Часты были случаи, когда просили у нее благословения на будущий брак, молитвенной помощи в житейских и духовных нуждах.

Вспоминает монахиня Порфирия:

> «У меня заболела старшая сестра, и мама повезла ее к матушке. С тех пор мы часто стали к ней ездить. Потом брат пришел из армии, он был моряком. Мы все переживали о нем: красивый, видный, статный, но холодно относился к вере, даже крестик не носил. И вот на Пасху мама с сестрой поехали к матушке. Среди прочего было намерение попросить ее помолиться за брата. Я оставалась дома. Брат пришел домой с работы, с дежурства, и сразу лег спать. Встав, он, к великому моему удивлению, спросил: "У нас есть капроновая нитка? А крестик?" И потом: "Ну, теперь надену — навсегда!" — берет и надевает. Видно, молитвами матушки Господь его призвал...»

Впоследствии брат монахини Порфирии принял монашеский постриг и стал игуменом.

Раба Божия Мария занималась шитьем монашеских облачений. Но как-то раз вышло у нее искушение: «То я подрясник за день могла сшить, — вспоминала она впоследствии об этом случае, — а тут что-то случилось: все путается, ничего не получается! Думаю: "Поеду к матушке". Приехала, еще ничего не успела рассказать, а матушка и говорит: "Ну, что, Мань, приехала — обобрали тебя всю?" Отвечаю: "Матушка, я вся измучилась! И не могу ничего сделать!" Матушка за меня помолилась, воды мне святой дала и сказала, чтоб по приезде домой я все святой водой окропила: "А то ты рот-то разинула. Надо же всегда все крестить, водичкой святой окроплять и все делать с молитвою, а ты?" — матушка все чувствовала. Когда я приехала домой, у меня шитье пошло по-старому, как будто никакого искушения и не было».

Рассказывает раба Божия Ольга из Воронежа:

> «Помню, мне было где-то 5-7 лет, когда я впервые увидела матушку. Жили мы тогда в Эртиле, в храм ездили в Ячейку. Однажды из Ячейки приехала к маме ее подруга тетя Маша: "Быстрей собирайся — матушка при-

ехала! Батюшка Серафим[13] благословил!..” Меня наскоро нарядили, и мы поехали в Ячейку. Встретил нас батюшка (мне запомнилось, что он был во всем темном) и провел в караулку, где он тогда жил со своими послушницами. Там на кровати сидела матушка, обложенная подушками. Помню, что она была очень доброжелательной...

Во второй раз я увидела матушку, когда заканчивала 10-й класс, и вот по какому поводу. Когда мне было лет четырнадцать, храм в Ячейке закрыли, и верующие стали ездить в Мордово — это где-то час на рабочем поезде и еще минут сорок быстрой ходьбы до храма. После всенощной нужно было где-то ночевать. В первый раз я приехала в Мордово с троюродной сестрой схимонахини Евстратии, и поэтому ночевать мы пошли к ней. С тех пор, приезжая на службы где-то раз в месяц или чаще (когда случался большой праздник), я неизменно останавливалась у схимницы. Я очень подружилась со схимонахиней Евстратией, и она меня полюбила... И вот, заканчивая 10-й класс, я приехала как раз незадолго до выпускных. Когда я сообщила, что скоро буду сдавать экзамены, а потом собираюсь поступать в институт, мать Евстратия сказала: “Так надо ехать к матушке и брать на это благословение!” Мы с ней быстренько собрались и на другой день, отбив на вокзале телеграмму моим родителям, что я задержусь на 2-3 дня, отправились поездом в Хворостянку. Из Хворостянки нас сначала подвезли на машине, потом пришлось идти пешком. По пути разразилась гроза — вымокли все до нитки! Когда

[13] Схиигумен Митрофан (Мякинин).

пришли, было уже темно. Нас обсушили, накормили и уложили спать в комнате, что за матушкиной кельей. Здесь я впервые услышала бесноватых — матушка кого-то принимала.

На другой день мы с матерью Евстратией задали матушке вопрос о моем поступлении в институт. Я хотела в медицинский. В Курске в то время жила моя старшая сестра, и я собиралась поступать туда. Матушка не сказала мне сразу ни да ни нет. Она немного подумала и спросила: "А ты не хочешь, как мама, шить?" Я сразу же: "Ой, нет-нет! Не хочу! Это кругом нитки, мусор! Нет, совсем не хочу!" (хотя потом мне пришлось участвовать в шитье монашеской одежды — старица, видно, это провидела). Матушка помедлила какое-то время и снова спросила: "Врачом хочешь быть? Ну, а колбаски не хочешь покушать?" Я в то время уже знала, что монахи колбасу и мясные продукты не едят (а мне тогда хотелось быть монахиней), и снова ответила отрицательно. Матушка все как-то медлила с окончательным ответом. Нам уже надо было уезжать, а она еще ничего определенного мне так и не сказала, будто находилась в раздумье: "Ну, значит, в Курск ты хочешь ехать? В Курск, в мединститут... В институт... Врачом... врачом, да? Колбасы не хочешь..." А потом: "Ну, раз сестра там — езжай к сестре. К сестре, в Курск!" — вот такое было благословение. А "в мединститут" она так и не сказала. И при поступлении в медицинский мне не хватило одного балла! Я тут же подала документы в политехнический на факультет ЭВМ и поступила, хотя туда в основном проходили по конкурсу только ученики спецшкол и золотые медалисты. В школе я училась хорошо, но чтобы выдержать экзамен на такой престижный факультет!.. В общем, получилось все по матушкиному благословению: "...К сестре, в Курск!"

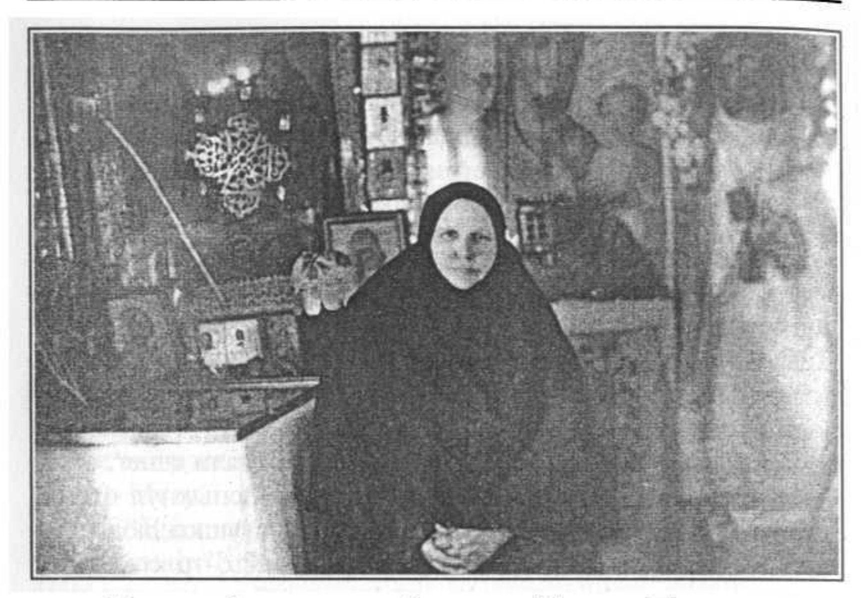
В последний раз я видела матушку, когда приехала летом домой на каникулы и отправилась под какой-то праздник в мордовский храм, чтобы причаститься. Спать меня в тот раз положили в матушкиной келье. У нее в тот день было много народа, и потом всю ночь, помню, она очень стонала, мучилась. Видно, бес ей мстил. Внеш-

не она была — Божий одуванчик, ей и сидеть-то было тяжело, не говоря уже о том, чтобы вести такую борьбу. Но духом она была очень сильна: такой физически немощный человек брал на себя чужую боль, чужие болезни, чужие грехи!.. Она стонала, матушки, которые за ней ухаживали, часто вставали. Мне было ее очень жалко...»

Да, враг спасения не дремал, стараясь принести неприятности то через внешние обстоятельства, то через враждебно настроенных людей.

Как-то, когда матушка жила в Евграфово, в ее домик стали ломиться грабители, думая, что раз к ней постоянно ходят люди, значит, у нее накопилось уже много богатства. Бандиты барабанили в дверь, стучали в окно, требовали денег, один даже несколько раз стрелял из пистолета. Вспыхнул огонь, поднялся страшный шум. Ночевавшие у матушки люди кинулись прятаться под кровать, на печку. Кто-то со страху стал кричать «ура!» вместо «караул!», другой — кидать в грабителей стоявшими тут же бутылками с водой. Послушница Параскева, испугавшись, отдала все деньги, бывшие в то время в доме[14], и нападавшие ушли. Матушка же все это время не выказывала ни боязни, ни страха — так велико было у нее упование на волю Божию. «А мы потом всю ночь не могли заснуть», — вспоминала об этом эпизоде схимонахиня Евстратия. Старица, чтобы успокоить своих послушниц, рассказала им, что она видела, как Матерь Божия заградила окно, и бандиты не смогли сделать им никакого вреда. Наутро одна из послушниц по благословению матушки отправилась за священником, который пособоровал и причастил всех, бывших в то время у старицы. Страх у них после этого прошел, но о неприятном эпизоде долго еще вспоминали. Батюшка, приехавший их причастить, возмущался: «Подумать только, к кому же они лезли — к калеке!» Когда оказалось, что при стрельбе пострадали иконы — икона Покрова Матери Бо-

[14] Часть денег была пожертвована матушке приходившими и приезжавшими к ней, а другая часть приготовлена для отправки в Почаев: люди, зная, что матушкины послушницы ездят в Лавру, давали им деньги вместе с записочками о здравии и о упокоении, чтобы те отвезли их в монастырь.

Матушка Антония в своей келье, с. Мордово Тамбовской обл.

жией раскололась, а Архангела Михаила была повреждена — матушка очень скорбела: «Ой, ничего мне не жалко — иконы жалко!» Несколько пуль милиция вынула из потолка. Матушка, обладая даром прозорливости, знала грабителей — когда через несколько дней к ним пришла какая-то женщина, старица потихоньку сказала своим послушницам, что это мать одного из бандитов пришла их проверить. Но матушка не выдала преступников милиции, сказав: «Матерь Божия Сама за нас заступится». Вскоре один из грабителей внезапно умер.

Однажды летом по недосмотру ли или по чьему-то злому умыслу у матушки в домике случился пожар, сгорело почти все. Худенькая послушница Фрося, испугавшись, что матушка сгорит или получит ожоги, не стала дожидаться, пока кто-нибудь ей поможет — она одна подхватила матушку на руки и вынесла на улицу!

Купленный домик в селе Мордово был очень ветхим — как-то прохудилась крыша и во время дождя сильно протекала. Наступило лето, и мать Антонию привезли в Мордово. В этот момент начали перекрывать крышу, и вдруг

пошел сильный дождь. Рабочие, которые ее чинили, временно подвесили над матушкой дверь, чтобы во время дождя на нее не попадала вода. Матушкины же послушницы пережидали ливень, скрываясь под столом. Несколько раз они просили матушку разрешить им перенести ее к соседям, пока не починят крышу, на что подвижница всегда неизменно отвечала: «Не надо. Мне здесь благословили быть. Никуда не пойду». Но вот миновали искушения, жизнь пошла своим чередом.

У каждой старицы был свой образ жизни, свои добродетели и свой характер. Схимонахиня Михаила (Сарычева) была очень строгой, схимонахиня Серафима (Белоусова) — любвеобильной утешительницей, матушка же Антония, хотя и имела сильную любовь к людям, но больше молчала. «Она редко что расскажет, — вспоминала о ней схимонахиня Евстратия. — Иногда не вытерпишь: "Матушка, ну хоть сказали бы нам чего..." А она в ответ: "Маня, у меня вот тут, — показывает на грудь, — сумочка. Я в нее все и складываю"».

Матушка была мудрой, прозорливой старицей, но в то же время по чистоте ее душа была сродни детской. Как она могла радоваться таким обыкновенным явлениям, которые многие из нас просто не замечают! Например, однажды на улице пошел первый снег. Матушка обрадовалась: «Какой снег идет хороший!» — и попросила его принести. Сестра, которую она послала на улицу с этим поручением, недоумевала про себя: «Куда этот снег девать-то?» Матушка, провидя ее помыслы, сказала ей по возвращении: «Ведь этот снег Сам Господь дал!» — взяла его пальчиком, полюбовалась. «А он белый-белый, прямо кипенный! — вспоминала сестра, ходившая за снегом. — Потом матушка велела набрать еще и еще. А у самой было такое изобилие радости, будто она с Богом беседовала!» Затем матушка благословила сложить все в трехлитровую банку, снег растаял, и она эту водичку пила каждый день.

Хотя по болезни у матушки были слабыми даже ручки, но, несмотря на это, старица очень любила по мере сил подшивать головные платочки, которые приезжающие с радостью принимали от нее как благословение с надеждой на исцеление по ее молитвам ко Господу.

По просьбе матушки те, кто ездил по святым местам, привозили ей оттуда камушки — с Почаева, Киева, были даже камушки с Афона и из Иерусалима. У нее было очень много таких камушков. Иногда она клала их в водичку и благословляла потом эту воду пить...

Однажды келейница Фрося со своей сестрой Марией везли схимонахиню Антонию из храма села Ясырки (где служил тогда схиигумен Митрофан) домой на тележке, запряженной лошадью. В одном селе, завидев матушку, стали сбегаться люди. Какая-то женщина положила им в повозку хлеб, другая протянула огурцы, третья дала яички... Мария засмущалась, что подают им как нищим, на что матушка ответила: «Подаяния этих людей ценны пред Богом».

Схиигумен Митрофан (Мякинин) находился в духовном общении с матушкой Антонией, они молились друг за друга, виделись, когда матушку привозили к нему ее послушницы. Иногда батюшка сам приходил к старице, по временам она посылала к нему с какими-то поручениями свою келейницу Евфросинию. Отец Митрофан не мог не заметить смирения Фроси, ее послушания, кротости, терпения. Он решил дать ей постриг, что и исполнил, когда она в очередной раз пришла к нему по матушкиному благословению. Духовной матерью Евфросинии (с того момента — монахини Евфрасии) стала бывшая монастырская монахиня Серафима из села Гнилуша, которая окормлялась у отца Митрофана. Она просила Евфрасию не говорить матушке о постриге и тем более о том, кого ей дали в духовные матери: она боялась, что это известие причинит схимонахине Антонии печаль. Евфрасия обещала исполнить ее просьбу. Вернувшись домой, она ни словом не обмолвилась о своем постриге. Но матушка Антония провидела все и спросила у своей послушницы: «Ну, как тебя назвали-то?» Та сделала вид, что не расслышала. «Чего же ты скрываешь? — продолжала матушка. — Два голубя[15] залетели ко мне, и я знаю, как тебя назвали, а ты не говоришь!» Тогда Евфрасия рассказала матушке о постриге.

---

[15] При постриге человеку дается второй Ангел Хранитель. Очевидно, в образе двух голубей матушка узрела их духовными очами.

После пострига Евфрасия ничуть не изменилась — продолжала быть такой же скромной, послушной, услужливой и предупредительной по отношению к матушке, убирала, подавала еду, ухаживала. Впоследствии по смерти матушки она приняла постриг в великую схиму с именем Филарета...

Одни ехали к матушке за советом, другие — за исцелением. Были и те, кто, раз побывав у старицы и по ее молитвам получив от Господа милость, стремились увидеться с ней еще и еще. Такие жили по несколько дней, помогая постоянным послушницам по хозяйству. «Я приезжала весной и осенью, — вспоминает монахиня Серапиона. — Мне так хотелось побольше побыть с матушкой, и она провидела это: то стирать благословит, то велит в погребе капусту чистить, то картошку мы выбирали, то семена перед посадкой готовили — какие-то дела всегда находились...»

Матушка не только молилась за тех, кто приезжал к ней, она также старалась научить, наставить. Где ласковыми словами, а где-то приходилось применять и малоприятное вразумление. Не любила она, например, когда кто-то, что называется, «нос воротил» от пищи — то не так, это не по нраву, во всяком блюде и продуктах выискивал и подозревал изъяны, запахи, вглядывался, всматривался, лишь бы что-то неладное увидеть. Раз приехала к ней раба Божия и стала ко всему съестному принюхиваться: «Матушка, это уже с запахом — пропало... Это тоже пахнет — лежалое... А это, матушка, воняет!..» И матушка решила ее проучить. Привезла та раба Божия рыбу — свежую. А матушка велит: «Фрося, положи рыбу в ведерко и поставь в колодец. А ту, что была до нее в колодце, принеси». Фрося (может быть, наученная матушкой) отвечает: «Матушка, да та несвежая. Давай эту съедим». А матушка ей: «Нет, давай ту, какая с душком. Не хочешь?» И благословляет рабу Божию, которая все принюхивалась: «Иди сюда, давай с тобой доедать», — ну, как тут откажешься...

По молитвам матушки получалось все, на что она благословляла своих чад.

«Раз матушка сказала мне: “Маня, ты будешь вышивать схиму”, — вспоминает раба Божия Мария. — Я отвечаю: “Матушка, да я не умею!” А она говорит: “Суме-

ешь — Господь тебя благословит. Ты будешь вышивать мне схиму". И вот я начала помаленьку пробовать. Сначала не знала, что и как делать, потом потихоньку стало получаться. А радости, столько у меня радости было! Принесу ей ангелочка: "Матушка, глянь, как у меня вышло!" Она говорит: "Маня, я же тебе говорила — ты сделаешь". Две недели я вышивала. Матушке схима очень понравилась, и она благословила мне за нее награду: "Паша, принеси ей Псалтирь", — в старинном, хорошем таком переплете. А мне снова радость великая! Потом матушку в этой схиме и в гроб положили...

...Помню еще, что часто ездил к матушке ее духовный сын Николай (ныне епископ Никон). Работал он тогда на заводе и приезжал на день-два, когда случались выходные. Однажды, в очередной раз навестив старицу, он услышал от нее такую просьбу: "Коля, ты не мог бы нам овес покосить?" Он сказал: "Благословите", — матушка перекрестила его, и Николай отправился с послушницей в сарай, где ему дали старую косу. Для того чтобы отбить и наточить ее, нужны были инструменты, которых в хозяйстве у матушки не было. Несколько часов Николай усердно рубил стебли овса, не мявшиеся под неимоверно тупой косой только лишь потому, что были они сочными и толстыми и поэтому просто переламывались под ударами. Наконец, Господь послал ему в помощь раба Божиего, который, проходя случайно мимо и увидев, каким "орудием" работает Николай, ужаснулся и принес молоток и отбойник, чтобы привести косу в порядок... Работа Николая на заводе заключалась в управлении машинами с помощью пульта, он не был привычен к утомительному крестьянскому труду и думал, что наутро после покоса, у него будут сильно болеть все мышцы. Но странно: на следующее утро он проснулся в домике у матушки бодрым и совершенно здоровым».

Послушание матушке никогда не посрамляло человека, а вот за непослушание Господь посылал людям вразумления. Схимонахиня Евстратия рассказывала, что однажды к матушке из Воронежа приехали муж с женой. Мужчина был

очень больной. Матушка согласилась за него помолиться, но предупредила, что он не должен больше пить, курить... — она провидела, какую жизнь он ведет. Мужчина обещал все исполнить, но, исцелившись, вернулся на «старую дорогу». Потом он снова приезжал к матушке — и снова все повторялось. Наконец, матушка сказала ему: «Если ты не будешь слушать, то ты будешь сплошное зловоние». И когда он опять вернулся к прежним грехам, то не мог находиться ни в одном доме: из него выходил такой неприятный запах, что немногие могли выдержать...

Однажды в очередной раз монахиня Евфрасия отправилась к схиигумену Митрофану. Дело было на Пасху. Служба — очень торжественная, благодатная и умилительная. Схимонахиня Михаила, жалея матушку Антонию, велела не говорить Евфрасии о том утешении, которое они все получили за богослужением: «А то матушка будет переживать, что она, больная, не была у батюшки!» Впоследствии Евфрасия рассказывала:

— Я приезжаю к матушке и ничего не говорю, как у батюшки хорошо-то было, торжественно. А она мне: «Фрося, а у нас такая тут была радость! Как пели “Христос воскресе!” Как же пели! У меня радость не вмещалась в сердце!» — так Господь утешал больную старицу.

Священник мордовского храма отец Александр Бородин очень любил матушку Антонию. Он всегда радовался, когда она приезжала на лето из Евграфово. «Матушку только привезут, — рассказывала одна из ее послушниц, — отец Александр тут же прибегал! Побудет с ней, посидит — уйдет. А сам: “Матушка, я сейчас еще к тебе приду!” Сделает свои дела — снова придет. Он был очень простой и добрый. Так любил матушку, даже стихи про нее сочинил:

...Все скорби, болезни свои забываю,
Когда я бываю у Вас.
И Господа Бога всегда умоляю,
Чтоб жизнь Вам продлил Он для нас...

Сочинил он и жизнеописание схимонахини Антонии в стихах».

Матушка до самой своей кончины летом жила в Евграфово, а зимой — в Мордово, никогда не прекращая принимать людей. Игумен Евгений из Вязового, который за несколько лет до ее смерти постриг матушку в схиму, бывало, не раз говорил ей: «Матушка, да пожалей ты себя — ты ведь уже старенькая стала. Хватит тебе с бесноватыми-то возиться!» Она отвечала: «Да жалко всех! Погибают!..»

Но вот силы шестидесятичетырехлетней старицы стали понемногу угасать. Предчувствуя свою смерть, она начала постепенно готовить к ней своих послушниц. В год кончины, весной, когда приехали матушкины чада помочь приготовить картошку для посадки, она вдруг благословила сделать уборку во дворе: подобрали все бумажки, баночки, палочки, скляночки, вывезли мусор. Такого раньше никогда не было. Монахиня Евфрасия ходила заплаканная: «Наверное, матушка уйдет от нас», — сердце верной послушницы чувствовало, к чему все эти приготовления.

Лето подходило к концу. Однажды приехал к матушке на несколько дней один из старцев. Как-то вечером взял гар-

Схимонахиня Антония среди послушниц

мошку и начал наигрывать на ней «Трисвятое»: «У вас скоро будут две свадьбы. Две свадьбы». Послушница Параскева тогда уже лежала больная раком — в первую очередь подумали на нее. А чьей будет другая смерть? «Ну, раз “две свадьбы” — кому, кроме матушки?» — поняли послушницы.

С этого времени схимонахиня Антония уже открыто говорила с ними о своей смерти. «Где же вы похороните меня?» — спросила она как-то. «Матушка, где благословите», — отвечали послушницы. «Да кому же охота тогда со мной возиться-то будет? Кто меня куда повезет?» — сомневалась старица. «Матушка, одно только ваше благословение — и Вы в Мордово будете лежать!» — воскликнула Евфрасия, угадывая матушкино желание и по смерти быть ближе к храму. И слово свое сдержала...

За несколько дней до смерти у матушки начались сильные головные боли. Одна из послушниц спросила: «Матушка, почему же это? Или тебе не хватает страданий?» Старица смиренно ответила: «Наверное, не хватает, я еще должна потерпеть». Затем она попросила привезти ей назавтра священника.

В воскресенье 21 августа в домике в Евграфово кроме постоянных послушниц находились также и те, кто приезжал время от времени помогать по хозяйству. Утром она сказала им: «Приходила ко мне сегодня Нюра[16] — домой зовет. А я ей ответила: “Нет, сегодня я еще не пойду с тобой — завтра”. Скоро вы меня больше не увидите, — заключила старица. — Я оставляю вас всех на Матерь Божию и завтра ухожу от вас». Поднялся плач. «Но я всегда буду с вами, — добавила она в утешение. — Кто станет меня о чем-то просить — я услышу. Просите — и я всегда буду с вами...» Священник отец Филипп пособоровал и причастил матушку. Все начали прощаться. Евфрасия заплакала: «Матушка, не оставляй нас...» Матушка ответила: «Фрося, нужно уходить», — предстоящую смерть она, человек духовный, воспринимала как переход в вечность, возвращение к Отечеству Небесному...

---

[16] Покойная мон. Алексия, которую все знали как «тетю Нюру». При жизни она несла послушание на кухне.

Вечером в дом постучали две женщины. Послушницы не хотели их пускать, рассудив, что в предстоящем горе чужие люди будут только помехой. Но матушка сказала: «Они вам пригодятся. Пусть зайдут, примите их».

На следующий день в 11 часов утра матушка велела своей келейнице одеть ее в схиму. Старицу облачили, дали в руки крест и свечу. На всех подсвечниках также зажгли свечи. Матушка пролежала четыре часа, не испытывая почти никаких физических недомоганий. «Только температурка небольшая поднялась», — вспоминала монахиня Серапиона. А в три часа дня схимонахиня Антония тихо и безболезненно отошла ко Господу в свой день Ангела — на мученицу Антонию — 22 августа 1972 года. Зажженная свеча и крест зажались в руке...

Послушницы стали собираться в Мордово. Кто побежал отправлять телеграммы, кто-то — искать автобус. Другие стали собирать вещи и продукты, укладывать иконы. Пригодились, как и предсказывала матушка, и те две женщины, что попросились к ним накануне на ночлег. Почившую положили в заранее приготовленный гроб, поставили его в автобус и поехали.

Священник в Мордово, отец Александр, узнав, что старица умерла, тотчас открыл храм, и гроб занесли в церковь, сразу начав читать над усопшей Псалтирь. На следующий день назначено было отпевание.

С утра люди из окрестных деревень, узнав о смерти схимонахини Антонии, толпами приходили прощаться со старицей. Приехали также те, кому дали телеграммы матушкины послушницы. Правда, на похороны успели не все. К концу дня, когда все пришедшие и приехавшие простились с матушкой, гроб старицы под пение заупокойных молитв на руках понесли на кладбище. Когда его выносили на улицу, к нему со слезами припала раба Божия болящая Наталья, неоднократно при жизни матушки прибегавшая к ней за помощью, просившая ее совета и молитв. «Маманя, возьми меня с собой — я без тебя погибну!» — умоляла больная. И матушка услышала просьбу любящей души — через месяц Наталья умерла...

После похорон матушкины послушницы остались жить в Мордово. Перевезли вещи, иконы. Правда, некоторые, пользуясь отсутствием хозяев, успели многое растащить со двора... Иконы, что были у матушки в келье, частью отдали в мордовский храм, частью — в другие храмы.

Перед кончиной матушка сказала своим послушницам, что оставляет их на Матерь Божию, и Богородица заботилась о них, что было видно даже в самых мелких житейских делах. Но один случай просто поразил всех. Когда перевозили вещи из Евграфово, переправили в Мордово и коровку. Надо было перевезти сено — это дело поручили дяде Ване из Матреновки, который при жизни матушки часто помогал ее послушницам справлять разные хозяйственные дела. Он договорился с шофером грузовой машины, сено нагрузили в кузов и отправились в Мордово. Но когда стали выезжать на дорогу, то и водитель, и дядя Ваня вдруг увидели, что перед машиной стоит Матерь Божия с поднятыми руками! Дядя Ваня сразу догадался, Кто перед ними — он пришел в такое состояние умиления, что заплакал, зарыдал так, что долго не мог успокоиться. Шофер же был неверующим, но и он понял, что Женщина перед ними непростая. Наконец, дядя Ваня сумел сквозь рыдания проговорить: «Это Матерь Божия!» —

и больше ничего сказать не смог. Богородица произнесла: «У вас воз на боку». Шофер оторопел и спросил: «А что ж нам делать?» Она, помолчав немного, ответила: «Ну, езжайте — Я буду вас сопровождать». Машина тронулась. С возом сена, накрененным набок, они проехали всю дорогу от Евграфово до Мордово и лишь когда подъехали ко двору, где должны были сгрузить, стог сам рухнул возле ворот! «Дядя Ваня с шофером зашли в дом, — рассказывала схим. Евстратия, — я усадила их за стол, чтобы покормить. Смотрю: дядя Ваня сильно взволнован. Сел и говорит: "Маня, я не могу есть! Я такую радость видел — Матерь Божию! Она — сияющая, красивая, вся в голубом одеянии! Я как увидел Ее — заплакал и не мог успокоиться! И сейчас еще не могу..." — конечно, такое потрясение: простому человеку сподобиться увидеть Матерь Божию!..»

На сороковой день, как и положено, по схимонахине Антонии заказали в церкви заупокойную обедню, отслужили панихиду, устроили помин. Вскоре после этого умерла послушница Параскева, приняв перед смертью схиму с именем Агния.

Через некоторое время в Мордово произошло событие, смысл которого открылся позднее — одна раба Божия увидела во сне матушку, которая просила: «Мне нужна послушница молоденькая. Мне нужна молоденькая послушница». Проснувшись, раба Божия рассказала свой сон другим. Святая Церковь учит, что верить снам не нужно, а иногда и опасно, но в данном случае Господь, очевидно, послал это видение для того, чтобы прославить Свою угодницу и утешить матушкиных чад. Вскоре в селе умерла девятилетняя отроковица — тогда все поняли, какую послушницу имела в виду матушка. Когда хоронили девочку, то по благословению местного священника раскопали могилу старицы, чтобы поставить детский гробик на ее гроб. Но тут увидели небывалое чудо. Надо сказать, что еще при погребении старицы, перед тем как зарывать могилу, кто-то положил на матушкин гроб свежее яблоко, видимо, в память того, что недавно прошел праздник Преображения Господня — «Яблочный Спас». И когда стали раскапывать могилу, яблоко это оказалось на гробе матушки совершенно целым, без какого-либо призна-

Могила старицы Антонии, с. Мордово, Тамбовской обл. 2005 г.

ка тления! Кроме того, выглядело оно так, будто его только что сорвали с ветки — было свежим и ароматным, а ведь прошло уже около двух месяцев со дня похорон матушки! Все прославили Бога, дивного во святых Своих...

Через некоторое время на могилке матушки побывал схиархимандрит Виталий (Сидоренко). Узнав о житии смиренной страдалицы, он горько плакал: «Почему при ее жизни мне никто не сказал о ней?»...

Прошло много лет со дня смерти схимонахини Антонии. В Евграфово бывший матушкин дом пришел в запустение, его растащили, разломали, и на том месте, где Господь творил чудеса молитвами старицы, где являлась ей Матерь Божия и рекой лились исцеления, образовался пустырь, поросший лопухами.

Однажды раба Божия Нина, которая раньше была больной и ездила к матушке в Евграфово, как-то перед сном вспомнила о ней и подумала: «Как бы мне разыскать хоть кого-нибудь из тех, кто раньше находились при матушке, если, конечно, они еще живы». Помолилась и заснула. Видит она во сне надпись: «Станция “Оборона”». Утром встала, записала название и отправилась на вокзал. В кассе спросила, су-

ществует ли где-нибудь такая станция. Ей ответили, что существует. Она взяла до нее билет и поехала, сама не зная куда. Добралась до Мордово уже к вечеру. Пришла в храм, начала расспрашивать, не знает ли кто-нибудь здесь старицу Антонию. Прихожане указали ей дом, в котором жили матушкины послушницы. «Я смотрю, — рассказывает схим. Евстратия, — Нина стучит к нам в окно. Выхожу — она говорит: "Я раньше ездила к матушке, но потом она умерла, и я не знаю, возможно ли теперь разыскать кого-либо из ее послушниц", — и рассказала свой сон...»

Каждый год 22 августа, в день памяти матушки, множество духовных чад с разных городов и сел неизменно стекались на ее могилку. Среди них — нынешний епископ Липецкий и Елецкий Никон. Тогда он был еще настоятелем храма в селе Павловка Добринского района. Приезжал он и позже — когда был переведен в Акатовский Воронежский монастырь, привозил с собой некоторых из сестер. Бывал на могилке матушки и покойный уже игумен Варсонофий (Шенцев), исцелившийся в молодости от холодности к вере по ее молитвам. Приезжало немало других священнослужителей.

Многие прибывали накануне вечером. В храме служилась заупокойная всенощная, после нее устраивали соборование. Если была жаркая погода, то соборование происходило во дворе. Свечи в руках стоявших трепетали и волновались, как бы призывая к молитве, а иногда, в безветренную погоду, все горели ровно — и на душе также воцарялась торжественная молитвенная тишина...

Особо чтившие матушку чада прочитывали в тот день за нее полностью Псалтирь.

Людей было столько, что на ночь их укладывали спать не только в хатке и пристройке, но и в сараях, на чердаке, даже во дворе. Утром людей прибывало еще больше. Служилась заупокойная литургия и на могилке — панихида. После этого во дворе расставляли и накрывали длинные столы и за трапезой поминали матушку.

Со временем люди стали стекаться на ее могилку, привлеченные рассказами об исцелениях, совершавшихся там

по молитвам старицы. Некоторые люди приносили на матушкину могилку воду, пили ее и исцелялись.

Как и при жизни, не могли выносить матушкиной благодати бесы: болящие кричали на ее могиле, падали на землю. Монахиня Серапиона вспоминает: «Был на могилке матушки такой случай: приехали мы летом в Мордово и пошли на кладбище с одной рабой Божией. Попутно налили из колодца трехлитровую банку воды. Поставили воду на могилку, помолились, попросили матушку о помощи. Та раба Божия даже поплакала... Потом берем воду из банки, наливаем в бокал. Женщина немножко на себя побрызгала — и упала: оказывается, бесноватая была. Мне стало так удивительно: матушка, оказывается, помогает и на могилке! Она слышит нас и наши прошения исполняет!

А когда я в следующий раз приехала в Мордово, на Пасху, пошли мы на могилку матушки уже с другой женщиной. Я уже знала, что она болящая. Духовно больная, да еще и физически такая слабая, немощная, болезненная! Мне ее жалко стало — говорю: "Ложись на гробницу матушки". Вдруг у нее живот как заходил, голос изменился, и бес через нее мне говорит: "Ну, а теперь я тебя буду мучить!" — ему не понравилось то, что я посоветовала больной...

И так часто случалось: идем к схимонахине Антонии на могилку, по пути из любого колодца набираем воды, освящаем у матушки — и бесноватые от такой воды падают».

У рабы Божией Татьяны из Мордово очень болели ноги. Она часто ездила в больницу в Тамбов, но там ей мало чем могли помочь. Мама ее, услышав об исцелениях, совершавшихся по матушкиным молитвам, пошла на могилку старицы, нарвала там лопухов, принесла их домой и обложила дочери ноги этими лопухами. Та впоследствии рассказывала: «Я когда встала на ноги, они как задергались у меня — будто иголками начало колоть! После этого легла спать. А потом стала свободно ходить, наступать на ноги без боли!»

С рабой Божией Марией, живущей в Тамбовской области, произошла похожая история: она привезла домой земельку с могилки матушки, привернула ее к своим больным ногам — «и мне получшело», — как рассказывала она сама впоследствии. Подобных случаев было много.

Люди исцелялись по молитвам схимонахини Антонии от разных болезней. Рассказывает монахиня Серапиона:

«Когда матушка уже умерла, у меня признали рак груди. Что делать? При жизни матушки я о своих болезнях не безпокоилась: думала, если вдруг что случится, к матушке поеду — и все у меня пройдет. А теперь? Тут мать Филарета узнала, что у меня произошло, и дала мне матушкины подушечки, которые ей при жизни подкладывали под коленки. Я эти подушечки положила себе на грудь — и все у меня прошло!..

А в другой раз я заболела, стало плохо, очень поднялось давление, которое ничем не могли сбить, появились отеки. Надо огород сажать, а я негодна. Стала слабеть все больше и больше. Поехала в Мордово. Приезжаю, а там собрались печку разбирать. Поговорили мы, покушали. И пошли с рабой Божией Галиной на могилку к матушке. Смотрим: надо порядок навести, а то трава уже выросла выше головы. Мы с ней начали помаленьку то тяпкой, то лопатой. Все выдернули, вынесли, разровняли, мусор выкинули. Откуда у меня только силы взялись! А тут нам говорят, что два места свободных есть — поездка в Дивеево! Через два дня мы вернулись — начали со всеми печку разбирать: и кирпичи таскали, и пылесосили, потом все перестирали, другие дела делали... И я работала наравне со всеми. Думаю, это матушка вымолила мне у Господа исцеление и утешение (поездку в Дивеево) за усердие на ее могилке...»

Следующий рассказ передала нам в редакцию женщина из Мордово, которая не знала матушку Антонию при жизни, но, получив от нее исцеления и вразумления, полюбила ее всей душой:

«О матушке Антонии я узнала от раба Божиего Андрея — он принес мне почитать книгу "Житие Матроны Московской" и рассказал, что на нашем кладбище есть могилка схимонахини Антонии — эта старица, как и Матронушка, тоже не могла ходить, и люди, приходившие к матушке, по ее молитвам исцелялись. Если пойти на могилку к матушке Антонии и попросить ее о чем-нибудь, сказал Андрей, то она поможет.

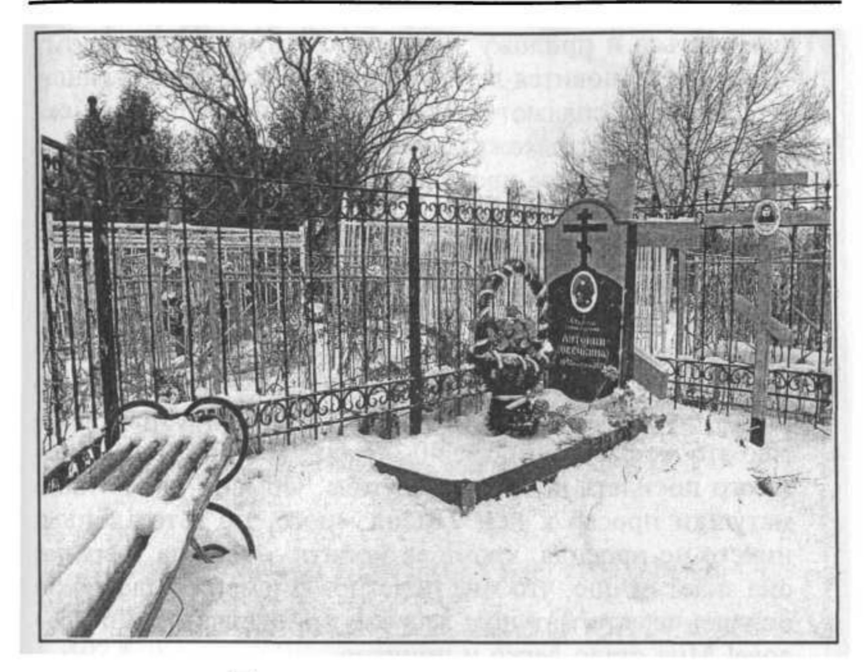
Помню день, когда в первый раз пришла к матушке вместе с Андреем. Поставила на могилку банку с водой и рассказала старице про свою беду: я болела, вынуждена была бросить из-за этого работу и поэтому унывала, болезнь моя прогрессировала. Я просила у матушки выздоровления.

Дома каждый день стала пить водичку, освященную на могилке матушки, по молитвослову читала утренние и вечерние молитвы, начала чаще ходить в церковь, исповедовалась, причащалась. Спустя немного времени почувствовала себя лучше, хотя врачи ставили системную склеродермию, синдром Рейно, полиартрит, кистодный арохноидит и еще несколько диагнозов. Как ни покажется странным, я чувствовала себя здоровой. Стала мечтать о жизни в городе. Родственники нашли мне работу (по специальности я учитель математики), и я переехала в Воронеж.

Когда перед отъездом пришла к матушке просить благословения, поняла, что матушка против. Я стала очень просить и... услышала: "Хочешь — езжай, но вернешься скоро". Тогда я подумала, что, может быть, вернусь, когда буду на пенсии. Но вернулась я в Мордово через полгода — инвалидом III группы. В городе я перестала молиться и ходить в церковь. Когда была три месяца на больничном, снова начала читать молитвы, Евангелие, поучения св. отцов. Но во второй раз начинать намного труднее. По медицинским документам мне можно было работать на полставки, но по состоянию здоровья я сидела дома и получала минимальную пенсию.

Однажды я молилась Матронушке и просила исцеления. Вдруг услышала голос: "Ты не моя. Молись схимонахине Антонии — она тебя исцелит". Я испугалась, подумала, что это прелесть (я много об этом читала), и поэтому не поверила. А потом и забыла. Вспомнила только недавно.

Сейчас я снова живу в Мордово, уже третий год я — инвалид II группы. Когда могу, часто хожу в церковь и к матушке на могилку — с надеждой и верой. Появилось больше надежды на выздоровление после рассказа схи-

монахини Евстратии о том, как по молитвам матушки Антонии из бесноватых, которых приводили на цепях, выходили бесы, как исцелялись больные...

Знаю случай, как уже после смерти матушки у молодой пары не было детей, а когда они посетили могилку матушки, по ее молитвам у них родился малыш. В благодарность за это они поставили на могилке оградку.

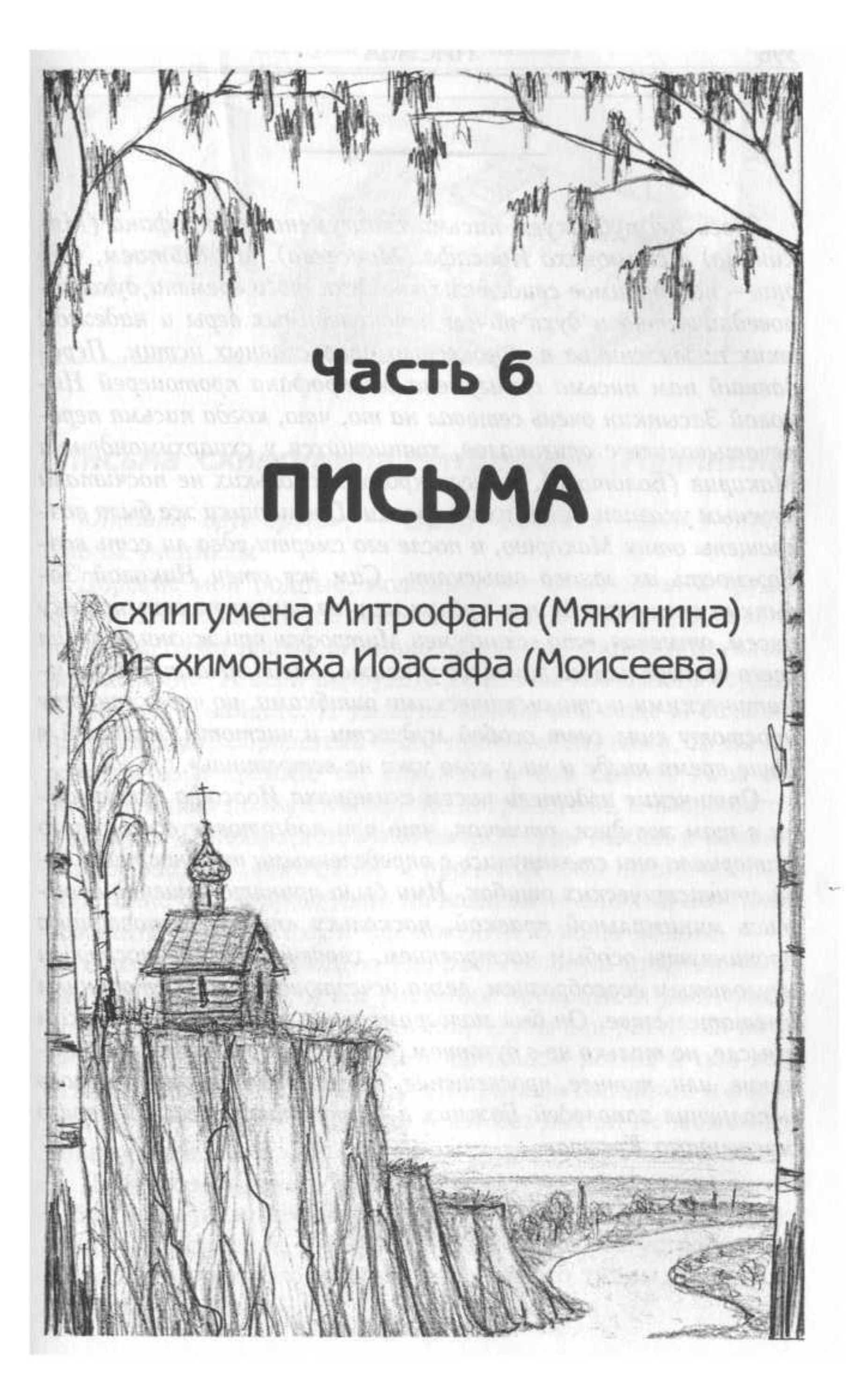
Мне матушка Антония тоже очень много помогает. Когда я лежала в больнице, у меня была сильная аллергия, отек Квинке (отек гортани; еще немного — и мог быть отек легких и летальный исход). Лекарств мне давали очень много, но они почему-то не помогали. Врачи удивлялись. Но когда моя мама привезла мне в больницу травку с могилки матушки Антонии, и я положила листочек в изголовье, прикладывалась к нему, просила матушку помолиться, то аллергия прошла, и я чувствовала себя вновь рожденной.

И теперь, когда воспаляются суставы (это сильная боль, опухоль и скованность), препараты из аптеки мне почему-то не помогают. Но если попрошу матушку Антонию

помолиться и приложу листочек с могилки к больному месту, то становится легче, а потом и совсем прекращаются боли и спадают отеки, я снова получаю возможность двигаться: выхожу из дома в церковь, хромая, а пока дойду до храма, все проходит по молитвам матушки.

Один раз вечером я легла спать очень поздно и утром проспала. Был день памяти матушки Антонии, я намеревалась пойти в церковь, но по времени не успевала к началу литургии. Как мне было скорбно! Я молилась и просила матушку, и произошло чудо: я прошла путь до храма в 5-6 километров за 17 минут — это с моими-то ногами! (Обыкновенно, даже очень спеша, я преодолеваю это же расстояние за 40-45 минут). Успела даже немного посидеть до начала службы. Обычно на могилке матушки просьб к ней у меня много, но в тот день я ничего не просила, кроме ее молитв — я была уверена: она знает лучше, что мне полезно. И у меня было такое ощущение, что матушка ласково погладила меня по голове! Мне стало легко и приятно...

Я люблю бывать на могилке у матушки Антонии — мне там хорошо, как в церкви на Пасху. Я верю, что по молитвам матушки выздоровею. А если еще болею, то только потому, что, значит, мне так полезно».

Часть 6
ПИСЬМА
схиигумена Митрофана (Мякинина)
и схимонаха Иоасафа (Моисеева)

Здесь мы публикуем письма схиигумена Митрофана (Мякинина) и схимонаха Иоасафа (Моисеева). Мы считаем, что они — неоспоримое свидетельство духа того времени, духа исповедничества и духа ничем непоколебимых веры и надежды этих подвижников в торжество православных истин. Передавший нам письма схиигумена Митрофана протоиерей Николай Засыпкин очень сетовал на то, что, когда письма перепечатывались с оригиналов, хранившихся у схиархимандрита Макария (Болотова), во всех кроме нескольких не посчитали нужным указать даты их отправки. Подлинники же были возвращены отцу Макарию, и после его смерти едва ли есть возможность их заново отыскать. Сам же отец Николай Засыпкин очень просил при публикации не изменять стилистику писем, отмечая, что «схиигумен Митрофан при жизни окончил всего четыре класса земского училища, писал зачастую с грамматическими и стилистическими ошибками, но через всю эту простоту сиял свет особой мудрости и чистоты, которой в наше время нигде и ни у кого уже не встретишь».

Оптинские издатели писем схимонаха Иоасафа рассуждали в том же духе, отмечая, что при подготовке всего этого материала они столкнулись с определенными трудностями из-за стилистических ошибок. Ими было принято решение обойтись минимальной правкой, поскольку «письма исповедника проникнуты особым настроением, сердечной искренностью и неуловимым своеобразием, легко исчезающим при постороннем вмешательстве. Он был малограмотным человеком в мирском смысле, но только не в духовном. Такие люди получают образование, или, точнее, просвещение, в результате старательного исполнения заповедей Божиих и безропотного несения своего жизненного Креста».

Письма схиигумена Митрофана (Мякинина)

«Любите друг друга», — сказал Божественный Учитель Своим ученикам.

Дорогие мои родные, положите все свои силы и труды, купите это неоцененное сокровище — любовь. За это не много нужно будет платы, а только одно ваше чистое и неуклонное желание. И если вы будете искать от истинного сердца, то знайте — найдете. И узнаете, какова она есть. И если эта неоцененная добродетель будет приобретена вами, то вы дорожите ею и храните ее, как зеницу ока своего. А за сей добродетелью появятся и другие добродетели, и возрастете в силе духа. Приобретается она посредством любви к ненавидящим вас, укоряющим вас и прочее. В этом познается приобретение сей добродетели: не воздавайте злом за зло, а побеждайте благим злое, и так постигнете волю Божию.

Воззри на окружающую нас растительную природу. Сейчас глубокая осень, и все растения прекратили рост, увяли и засохли. Можно ли сделать так, чтобы эти растения начали вновь расти? Нет, только с приходом весны и под действием теплых солнечных лучей природа оживится и растения начнут расти. Точно так и мы без любви не можем духовно расти.

Дорогие мои, пусть будет сие время не умирающая осень, а благоприятная весна для ваших сердец для посева в них всех добродетелей, и тогда скудная осень не устрашит вашего благоплодного сердца, орошенного тихим, приятным дождем умиления.

Да хранит вас Господь, да возрастет в ваших сердцах благоплодная весна.

Простите, убогий С[ерафим].

«Благословен Грядый во Имя Господне»!

Слава Богу! Дожили до торжественных праздников, которые невольно заставили нас подумать о приближающихся воспоминаниях вольных страданий Господа нашего Иисуса Христа. Говорится в святом Евангелии (Мф. 21, 10): Когда вошел Он (Христос) в Иерусалим, весь город пришел в движение и говорил: кто Сей?

Дорогие мои родные, когда Господь вошел в город, то весь город был в торжественном виде. Как не торжествовать, как не радоваться нашей уснувшей душе? Когда мы принимаем Святое Причащение, радуются вместе тут же душа и тело. Но долго ли бывает эта радость в нас? Нет, она быстро уходит и оставляет нас. И мы при соединении с Господом торжествуем, подобно тому же еврейскому народу, который при входе Господнем в город радовался и торжественно кричал: *«Осанна Сыну Давидову, благословен Грядый во имя Господне*!» Но вот новая скорбь. Не прошло и суток, как те же евреи закричали уже не тем радостным воззванием, а грубым свирепым зовом. Почасту бывает это с нами: вместо благодарности делаемся неблагодарными.

Родные мои, чувствую и вижу из письма вашу невыразимую душевную скорбь при наступающих глубоко воспоминательных событиях из жизни Господа нашего Иисуса Христа. Не легко это вам пережить. Но что сделаешь? Не в нашей это власти, а все это свыше. Как нам хочется — ничего не приходит по нашему желанию.

Дорогие мои, видно еще не пришел тот час, когда мы от избытка сердца скажем: днесь нас собра Благодать Святаго Духа. Нужно подготовиться к тем предметам, которые еще не проходили в жизни сей. Это есть, как ученики из одного класса переходят в следующий с хорошими отметками, а мы еще с вами, вероятно, испытания последней четверти года не выучили. Посему следует с терпением взяться за

последние предметы и сдать экзамен на отлично, то есть прилепиться к истинному Источнику Жизни, Божественной Его любви. Тогда только мы познаем, чего и каких предметов не доставало у нас в душе. А от Божественной любви у нас возрастет благо Божие, посему и пишется в псалме 133: *«вкусите, яко благ Господь»*. Приобретайте терпение, а в терпении вашем стяжите души ваши.

Не скорбите, Господь будет в помощь, а сила Божия в немощах совершается. Будем ожидать милости от Господа свыше. Хотелось мне разделить радость, но еще не пришел тот день, который мог бы утешить нас. Но милость Господня не оставит нас алчущими в сей земной юдоли плача.

Благодарю вас, дорогие мои, за ваше глубокочувствительное сердце, которое осталось у меня в глубокой незабвенной памяти, очень остаюсь за все благодарен. Желаю вам от Господа наилучших пожеланий душевных и телесных. Призываю на вас Божие благословение, да избавит вас Господь от всех зол.

Остаюсь за вашими воспоминаниями помнящий вас нерадивый и[еромонах] С[ерафим].

Христос воскресе!

Вот, дорогие мои родные, дождались великого радостного праздника Светлого Христова Воскресения. Воскресли все земные растения, насажденные десницей Господней. А раз воскресла вся земная природа и дала от замерзшей земли отзывы растениям, то и я надеюсь на Его великое милосердие. Он погасит в нас семя страстей, возросших от продолжительной холодной зимы, оживит нас благорастворенным воздухом и живительным благодатным дождем Духа Святаго. Посему, дорогие мои, не скорбите, что много отягощают нас житейские заботы, которые обременяют невзгодами — все это ведет благость Божия на долготерпение, и от терпения возрастут плоды веры и прочих добродетелей.

Пишете, что много всего накопилось скорбей по-житейски, что близкие касаются вас. Вспомните многострадального Иова — так и мы должны от всего этого научиться

терпению. Благо не всегда бывает. Ведь апостолу Павлу был приставлен искуситель и пакости ему делал, а мы кто есть? Хотим, чтобы не касалась нас никакая скорбь. Этого нельзя. Христос был искушаем сатаною, от чего и мы научимся [терпению]. Да сохранит вас Господь.

Призываю благословение Божие на вас всех. Простите за все. Пишите, отвечать буду. Недостойный С[ерафим].

Христос воскресе!

Дорогие мои голубушки, прошли и уже на проходе дни торжественного Пасхального увеселения. Как мне часто приходят на сердце те весенние радостные напевы птичек на утренней и вечерней заре, как они радостным хвалением прославляют Творца Небесного. При таком радостном слушании их я не раз и вас, дорогие мои чадушки, вспоминаю. Когда-то будет день, когда вы будете также свободно прославлять Творца? Когда крепкие тенета спадут с ваших быстрых крылышек, и вы быстро воспарите к небесному полету и станете не хуже этих созданий прославлять Истинного Творца? Это трогательное размышление о вас часто безпокоит меня.

Дорогие мои сочувственницы Правды Божией! Как вы все близки моему духу, наверное, ваши глубокие вздохи в обремененных тенетах быстро летят к Творцу о мне убогом.

Дети! Нелегко и родителям быть в отдаленной отлучке от детей, когда они живут в строгом надзоре и нет им возможности повидаться с близкими своими! И недостаток в питании смущает их дух и безпокоит их родителей. Дорогие мои чада, если бы было возможно, не было бы такого крепкого заграждения, я бы, желанные мои, не посчитался бы ни с какими трудностями, так быстро порхнул бы к вашим теплым гнездышкам и принес бы по силе возможности то, что вам нужно. И не раз и не два, а несколько раз навестил бы и поделился бы с вами.

Дорогие мои, хотя мы далеко от вас, но ходите и ищите целебного источника, чтобы утолить жажду! Самарянка после беседы со Спасителем у источника изменила свою грехов-

ную жизнь, которая обременяла ее. Дорогие мои, не скорбите, и мы с вами будем единодушно стараться изменить свою жизнь, стараясь освободиться от страстей, которые нам мешают идти к целебному колодцу.

Постепенно и мы, дорогие дети, за воздыхания других свободно придем с вами к неизсякаемому источнику и утолим жажду. Благодарю Господа, что мои богоданные голубушки от связанных и окруженных крепких сетей научатся терпению и опытности, через что и вкусят Источника Жизни.

Призываю на вас Божие благословение и Покров Царицы Небесной. Благодарю вас за дорогие ваши гостинцы, чего я даже недостоин взять, и не знаю, чем и как вас отблагодарить.

Простите, ваш недостойный слуга С[ерафим].

«*Дух Твой Благий наставит мя на землю праву*»!

Какая радость, какая утеха коснулась нашего оледеневшего сердца в эти торжественные минуты и в радостный день Сошествия Святаго Духа. Дорогие мои родные, не приходите в уныние и не падайте духом, что благодать Святаго Духа коснулась и почила на одних апостолах. Нет, в этот благоприятный день она и всех верующих не оставила, а коснулась каждого из нас по силам дара благодати. Так что, дорогие мои чада, кто и где не пребывал, на каких послушаниях, никого не оставила без утешения. Не скорбите, что ваше послушание не дало возможности присутствовать и участвовать в Сионской Горнице. При присутствии всех верующих в этом торжественном собрании и при ожидании обещанного Господом ниспослания утешения скорбящим ученикам, получили и вы невидимого явления Огненного Языка в своей уединенной горнице послушания.

Я надеюсь, что желанный и возлюбленный вами Небесный Жених не лишит и Своих невест, жаждавших Его утешения. И вы, дорогие мои залетные пташки, не скорбите, что вы лишены всего этого. Нет, ваша убогая дежурка, она тоже ведет вас к лучшему благоустройству, в ней вы можете

научиться скорому уединенному богомыслию, где скоро приобретается это великое благо для ваших угнетенных сердец. Ведь неложно сказано Господом: в терпении вашем стяжите души ваши, то есть избавление.

Призываю на вас и на всех ваших родных Божие благословение и утешение Небесного Царя — в день скорби призовите Его. Ксюша, за всё от души благодарю, за глубокое внимание и за дорогие гостинцы, не безпокойся, я за все доволен и благодарю, не сокрушайся о гостинцах, вы для меня — сами гостинцы за любовь вашу ко Господу.

Простите за все. Недостойный С[ерафим].

Ксении

Слава Богу за все!

Дорогие мои родные, провели все ожидаемые нами торжественные праздники в лучшем виде. Радовались духовно и телесно этим святым дням. Но нет той радости, которая ожидает праведника в будущем, где будут вечно веселиться и наслаждаться лицезрением Небесного Царя. Часто, часто приходится призадумываться, чего мы лишаемся в суетном мире сем. Многие приходят в уныние от дел мира сего, но понапрасну все это. Потому что Лот жил в злобном городе, но добродетели его избавили и извели его от постигшей скорби. Приобретайте, дорогие голубушки, это невидимое добро, вменяйте окружающий вас сор в умет, чтобы окружающие вас пылинки не липли к вашей добродетели, будьте внимательны ко всему. Внимание ваше изведет от зла и соделает вас совершенными.

Когда совершали праздничный обед, призывали и вас, дорогие страждущие голубки, на приготовленную трапезу. Приятно мне было угостить вас всех желающих и не бывших здесь за роскошным праздничным столом. Но скорбь обратится на радость — хотя вы не участвовали, но ваше желание здесь.

Благодарю Господа за вашу любовь к Нему и стремление, что вы еще до настоящего времени бодрствуете; хорошо и слушать, глядя на ваше желание и любовь к Небесно-

му Жениху. И меня возбуждаете от нерадения идти к Тому же Жениху, Который и меня за вашими воспоминаниями не лишит Своей милости. Все это делается здесь, все по воле Божией, а когда мы возложим бремя свое на волю Сотворшего, то тяжкое бремя обратится в легкое иго, и мы пойдем неуклонно истинным путем спасительным. Не падайте и не унывайте, Господь исполнит ваше желание, и мы возрадуемся о Господе и душевно отдохнем вкупе. А сейчас несите иго послушания, оно впоследствии будет вам во спасение и избавление невидимого духа. Представляйте себе, что вы в обители. За ваше терпеливое служение получите то, что требуется ко спасению. Взирайте на целомудренного Иосифа. За терпение и целомудрие он сделался у фараона царедворцем славным во всем Египте. Да укрепит Господь ваши страждущие сердца, да не предаст зверям ваши души, да оросит их росой благодатною.

Ксюша, благодарю вас всех за глубокое внимание и сердечный привет. За Арсению премного вам благодарен, точно за меня. Очень была довольна вашими всеми. Приношу сердечное благодарение за ваше внимание к моему ничтожеству, за ваши дорогие ко мне гостинцы. Они у меня остались в глубоком впечатлении. В особенности тронул мою душу ваш брат Вас. и невест. Вера — пост его не посрамит, а возвысит. Получит здешнее утешение и временного не лишится, если не соскользнет.

Дорогие мои голубушки, не знаю чем вас за все ваше желание отблагодарить. Посылаю тебе в молитвенную память от своего несвободного ничтожества (сама знаешь, что я невольный) в Божие благословение и охрану вашего богоспасемого дома и в память твоего Ангела изображение Божией Матери «Неувядаемый цвет», писанный на шелковом полотенце, привезенный из Иерусалима. Это в дар и память, чтобы Владычица вас наделила всеми цветами добродетелей.

Простите за убогий вам подарок. Призываю на ваш дом и на вас всех Божие благословение, на ваше вхождение и исхождение. Да хранит Господь. Многогрешный иеромонах Сер[афим].

Многоблагодарен.

Христос воскресе!

Многоуважаемый Коля, поздравляю тебя с праздником Святой Пасхи. Радуюсь за вас, дорогие мои родные, чтобы Господь вас не оставил Своею богатой милостью, чтобы души ваши не были мертвы, а были живы для прославления имени Божия. Также живите ради Бога со своею супругой и приносите плоды добрых дел, через них вы воскреснете для жизни будущей. Господь вас любит и будет блюсти вас от злых дел и всякого злого человека.

Любезный Коля, очень по вам соскучился, за твои подарки остаюсь должником. Имею надежду еще побыть с вами вместе.

Как вы живете с Алешей? Ладите или враждуете? Этого старайтесь не делать, а живите во славу Божию.

Да хранит вас Господь, призываю на вас Божие благословение.

Крепко целую тебя, Коля, и Пашу с Ксюшей, Гриппой, Марией, Анной и Настей и со всеми заочно христосуюсь.

Остаюсь жив и здоров за вашими воспоминаниями, помнящий вас, ваш убогий С[ерафим].

Простите.

Ксении

Божие благословение!

Дорогие наши отлётные голубушки, благодарю Господа и Царицу Небесную — за вашими глубочайшими воспоминаниями встретили и провели все радостные торжественные праздники в полном духе христианских воспоминаний; праздничные изобильные обеды были преисполнены изобилия питания, исключая ваше посещение, но дух вашего желания вместе участвовал в обществе. Не скорбите, а благодарите Господа за все, что с нами делается, все по повелению Божию, все это на пользу. У меня только и все желание о том, чтобы Господь рассеянных овец собрал во единый двор, о том только я скорблю и жалею, чтобы все были спасены благодатию Его. Иногда бывает так, что не жалею и себя ради других, лишь только бы любили Господа, все мое прошение о том.

Низко кланяюсь и желаю вам благополучия во всем.
Да поможет вам Господь.
Недостойный ваш слуга, убогий С[ерафим].

«Дух Святый найдет на Тя, и сила Вышняго осенит Тя».

Ныне Святая Церковь напомнила нам о тех событиях, которые еще не погасли в душах верующих. Вот это воспоминание ныне ободряет нас в сей скорбной жизни благодатным действием наития Святаго Духа на Пречистую и Благословенную Деву Богородицу, Которая обрела спасение всему роду человеческому. Родные мои отлетные голубушки, неужели мы лишимся этой изобильной милости, которая дана и нашему роду? Не унывайте, не падайте духом. Господь не лишает нас, Он всегда посылает нам Того же Утешителя, Который во все дни нашей земной жизни посылает утешение через рабов Божиих, которые в устных беседах нас подкрепляют в скорбном жизненном странствии. А самое главное, Он не лишает нас Своего Пречистого Тела и Крови, где по изречению апостольскому — *«новая тварь»*. Да, действительно, это верно, что при соединении с Господом все новое.

Этот же Архангел (Гавриил) будет и нам просить у Господа: во-первых, радость на всю нашу Русскую Православную Церковь, где непрестанно восхвалялось это Божественное воспоминание; также будет ходатайствовать у Господа за всех ревнителей и любителей Его Пречистого имени. Много, много милостей посылаемых будет от Господа тем же Архангелом, который скажет и нам пророчески: «Радуйся, род человеческий, что обрел спасение от Господа в лице Пречистой Его Матери». Припомните, дорогие мои, в каком виде получила утешение Пречистая Дева — не в веселии, не в других видах жизни, а Она получила утешение в духе смиренном, кротком, трепещущем Словес Божиих. Да научимся и мы у этой кроткой, тихой, незлобивой Отроковицы тому же, а самое главное, научимся смирению и не лишимся того благодатного дара Святаго Духа, который крепит нас в дни испытаний.

Вы скорбите, что вы лишены общего молитвенного утешения, что нигде так не подкрепляетесь, как в храме Божием. Правда, Сама Пречистая Богоотроковица, безысходно из храма Божиего не выходя, день и ночь поучалась в Законе Божием.

Будем и мы подражать Заступнице мира и постепенно со смирением духа в кротости работать Господу во все дни нашей жизни в сем мире.

Призываю на вас Божие благословение, и Дух Святый утешит вас во все дни. Спаси вас, Господи, за чуткое сердечное воспоминание. Благодарю за все и сокрушаюсь о своем долгом гощении у вас, не знаю, как и чем отблагодарю вас всех: Ксюшу, Пашу, Колю.

Благодарю, что у вас отдохнул очень хорошо, спасибо; скучаю по Коле, целую духовно.

Недостойный С[ерафим].

Ксении.

Слава, Господи, долготерпению Твоему!

Дорогие мои голубушки, от дальнейшего времени, то есть Ветхого Завета, напоминаю вам о жалком положении израильтян по исхождении их из гордого Египта. В сорокалетнем их путешествии сколько они потерпели временных бедствий и сколько они испытали за все это странствие скорбей, но не лишены были и милости Божией. Во время голода получали манну, а во время жажды получали воду по молитвам их вождя пророка Моисея.

Милые и желанные пташки, вспомните и возьмите в свое сердце, сколько и мы недостойные во время своего временного жития получали благодеяний от Всещедрого Господа. Дорогие мои, мы тоже как те жестокосердые евреи, получавшие благодеяния, не были благодарны; как гадаряне за оказанное благодеяние Господом их жителю (изгнание из него беса), просили Господа уйти из их края — жалко им было погибшее стадо нечистых животных, то есть свиней. И мы, как гадаряне, через принятие нечистых пороков повсечасно изгоняем Господа из своего неблагодарного серд-

ца. Господь, жалея род еврейский, дал им вождя — пророка Моисея для того, чтобы он привел их в нареченную заранее пророками землю обетованную. Но они опять недовольны им были: за благодеяния, испрошенные у Господа Моисеем, поклонились литому тельцу. Не кланяемся ли и мы идолам — своим страстям, которые быстро нас удаляют от Господних заповедей, [вследствие чего] мы не приводим во исполнение то, что пишет нам Закон Божий?

Вот кончилось сорокалетнее странствование евреев, и они подошли уже к обетованной земле. Так, дорогие мои чадушки, не взирайте на сладострастный и приманчивый мир — больно он привлекательный, но не успокоительный. И мы уже совершили с вами поприще сорокадневного поста. Взгляните назад, были ли мы чем от Господа забыты? Манну получали и жажду души утоляли. У вас было и есть где достать попить и покушать, хотя изредка, но утоляете желание сердечное. Сколько нам было за этот сорокадневный период испытаний добра и зла, и мы за все неблагодарны. Вот уже близко и видно стало обетованную землю, где течет мед и млеко, то есть Святое Победоносное и радостное Светлое Воскресение. В назначенную и радостную, обещанную издревле, землю приведут нас те же вожди: первый — Моисей (это есть рассуждение разумное), а второй пророк Иисус Навин — это наша чистая совесть, которая вводит в назначенное вечное пребывание, где истекает нетленное питье блаженных райских веселий. Вспоминайте Пасху — это будущая земля.

За все постигшие и перенесенные бури сорокадневного испытания возблагодарите Господа, Он нас жалеет, как чадолюбивый Отец, за скорби Его Он не взыскивает, но, по немощи нашей, всех милует и нас еще утешает и обещает Небесное блаженство. Возьмите пример с Творца и Избавителя нашего: какие ради нас грешных Он претерпел скорби и Крест.

Да сподобит вас Господь увидеть приближающийся победоносный праздник Пасхи и узреть в своем сердце благое Иерусалима и Горнего Сиона.

Дорогие пташки, благодарю за глубокое внимание и молитвенную вашу о мне память — неблагодарном гадарянине и[еромонахе] С[ерафиме].

Простите, что грубо написал, пишите, отвечать буду. Привет от всех. Ждем.

Благословение вашему дому и Анне, вашей сестре.

«Аз есмь с вами во вся дни»!

Божие благословение боголюбивейшей чете Николаю и Параскеве!

Дорогие мои родные Коля и Паша, получил я ваше доброжелательное письмо, которое вашим усердием было послано пятого сентября сего года.

Добрейший Коля, вижу в вашем юношеском ревнительном любвеобильном письме отрадное и душеспасительное стремление и ревность к Небесному Горнему Иерусалиму, где обитает одна истинная правда, которая требует только лишь исполнения святых заповедей Божиих и полного христианского самовоздержания [от] своих собственных душевредных пожеланий.

Коля, чувствую твою любовь ко Господу и ненависть к житейским пожеланиям, которые враг приносит в виде добрых дел, а внутри суть — его злые дела, что и лишает часто ревнующих по Боге размышлять о богодухновенных плодах Духа Святаго. А таковых плодов Духа Святаго девять (см. послание святого апостола Павла к Галатам, глава 6, ст. 23). Не упадай духом, родной мой, будем искать Господа в Законе Его и найдем, потому что Господь близ вопрошающих Его. Видя твою истинную любовь, Он исполнит твое сердечное желание. Ищите и обрящите, стучите и отверзят вам в день печали вашей.

Коля, относительно твоих вопросов. Ты спрашиваешь мое многогрешное убожество [насчет того], в чем я и сам ищу точного объяснения, но что Господь поможет, то и отвечу на твои усердные прошения.

Вопрос 1. Почему духовная радость быстро уходит из сердца человеческого?

Ответ. Когда бывает молния, то она быстро освещает все и быстро исчезает. Так и наития благодати Святаго Духа — радости духовной не может быть в нашем смердящем серд-

це, потому что мы сейчас же гоним ее постыдными воспоминаниями. Вот радость духовная и не может быть долго в нашем сердце. Ее могут иметь постоянно только одни совершенные.

Вопрос 2. Почему во время молитвы входят в сердце злые помыслы, даже ужасные?

Ответ. Это потому, что мы еще сердечно не возлюбили Христа и не избежали своих греховных привычек. А ужасные злые помышления дух злобы приносит нам потому, что не любит истинную молитву, которая ему мешает, когда человек вооружен во всеоружие добродетелей.

Вопрос 3. Почему в храме Божием при слушании песнопений духовных в сердце входят богопротивные мысли, и бывает стоять тяжело при совершении литургии?

Ответ. Это вот почему: от безпечности о своем спасении и нерадения, от осуждения ближнего, от замечания недостатков и укоров. Не высокоумствуй своим житием, не гордись духовно, а лучше всего в этот момент зри свои согрешения и припоминай, как мы своими худыми привычками изгоняли из храма Божиего, то есть из своего сердца, Духа Святаго; посему бывает тяжело в церкви. Во время Божественной литургии вспоминай о Божественных Голгофских страданиях Спасителя нашего и старайся почаще причащаться Святых Христовых Таин. И Господь укрепит, и буря сатанинской злобы не возшумит на тебя, и сила вражия ослабеет против тебя. Христос с тобою будет во вся дни.

Прошу во всем прощения, возможно грубо объяснил. Ваш недост. о. Сер[афим].

Ксюше.

«*Вы есть свет миру*», — сказал Господь.

Дорогие мои голубушки, какое приятное изречение сказал Божественный Учитель Своим возлюбленным ученикам, что вы есть свет миру. Дорогие мои родные, да как же не радоваться такому благому приветствию? Как ученики были рады и утешены словами своего Божественного Учителя и Господа!

Обратите внимание, желанные голубушки, на эти радостные глаголы. Кому же Господь так изволил сказать? Окружавшей Его стоящей публике, слушающей Его учение? Нет, не всем, слушавшим Его, а только тем, которые оставили все и последовали Его учению — святым апостолам.

Любители Господа, неужели и мы, стоящие и жаждущие учения Господа, будем лишены этого неизреченного света? Нет, Господь вас возлюбил паче всего, потому что в тяжелый период сей жизни вы жаждали Его учения и смело исповедали его повсюду; посему в Святом Евангелии и говорится: «*Прославляющих Мя прославлю*». И Милостивый и Чадолюбивый Господь не хочет, чтобы мы жили во мраке греха сего мира, а за почитание и прославление Его Святого Имени Он вас хочет утешить таким же благодеянием — светом Истины.

Прошу и молю вас, дорогие мои отлетные пташки, не унывайте и не соблазняйтесь духом льсти, которого уже много стало в сем оледеневшем и злосмрадном мире, но цените и дорожите тем светом, который вы обрели.

Всмотритесь получше и оглянитесь: от кого и от чего вы избавлены? Вы избавлены от мира, который внешне окружает ваш мирный дух, хотя внутренне и бушует, но Господний свет хранит вас от злого духа. Дорогие мои, этот свет учения не всем дан, а именно вам за то, что возлюбили истинно Его учение. Потому что мирские тоже могут получить — но сугубая благодать только тем, которые свободны от семейной жизни.

Голубушки дорогие, будьте внимательны и осторожны в своем обхождении с окружающими вас, потому что миряне особенно обращают внимание на ваш свет, а свет — это есть ваша чистая неповинная жизнь, которую вы избрали из любви к Небесному Жениху. Во-первых, светите внутреннему вашему деланию. А за все сие будете вы утешены и сохранены от всех козней лукавого, и за ваш охраненный мирный дух свет узрите в лице Господа, каков Он. Не напрасно в святом Евангелии говорится: «*Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят*». Дорогие мои, не теряйте этот свет учения Христова. Видите, что обещает Господь за все это? Вознаграждение и утешение в сем и в будущем веке.

Если будете дорожить этим неоценимым даром, то знайте и имейте ввиду — на ваши светлые лучи потекут многие и попросят у вас. Даром получили, даром и давайте жаждущим учения Христова, со смирением и терпением обходитесь [со всеми], и не лишитесь его.

Итак, свет ваш да будет втайне, а Господь воздаст вам явно.

Прошу прощения. Нерадивый иер. С[ерафим].

Призываю на вас Божие благословение и Покров Царицы Небесной и Ангела Хранителя вам на всяком пути вашем добром, и зло не коснется вас. Простите.

Божие благословение вашим родным. Прошу их святых молитв о мне убогом.

---

8 июля 1945 г.

Божие благословение!

Ныне Святая Церковь прославляет общую Матерь Неба и земли, приносит Ей достохвальное величание и благодарственные песнопения за Ее великое милосердие к роду человеческому. Сегодняшний день Русская Церковь в особенности воздает Ей достойную честь, Честнейшей Херувим и Славнейшей Серафим. Потому-то она ныне восхваляет Ее, что Она даровала всему роду человеческому, как говорится в Священном Писании, разрушение клятвы. Посему мы, и это дороже всего, должны прославить Избавительницу нашу, потому что со дня явления в мир Преблагословенной нашей Владычицы стали свободны от вечной смерти. А раз мы чувствуем, что свободны, то за это великое дело участия Ее в искуплении всего рода человеческого, должны припасть к Ее честному изображению и сокрушенным сердцем отблагодарить Ее, и еще испросить Ее преславного заступничества, чтобы Она о нас предстала к Престолу Святой Троицы и у Своего Возлюбленного Сына испросила нам в сей жизни вся полезная и избавление от зол. Говорится: *прославляющих Тя прославляющая*.

Дорогие мои родные, если за прославление Ее Пречистого имени Она обещает прославить, то как же наши нечистые

уста осмелятся за такое радостное обещание Ее не прославить. Мы видим перед нами преславное Ее изображение, то есть честную икону, а раз мы зрим Ее образ, то в образе Ее есть благодать и сила Ее. Так мы, взирая на Ее святой образ, воззовем к Ней, как сущей зде: «*Владычице Преславная, Ты в жизни земной просящих Твоея помощи не отказывала, так и ныне, Пречистая, не отвратись от нас, грешных, дерзновенно прибегающих к Твоей честной иконе и просящих не отказать нам в потребном для жизни сея*».

Дорогие родные, спешите к Ее теплому источнику, Она согреет, утешит и утолит все печали века сего. Она великое имеет дерзновение у Престола Святой Троицы за грешных, и Ее Матерняя молитва много может исходатайствовать у Сына Своего для просящих и прославляющих Ее Пречистое имя. Мановением Своим Она бесов прогоняет, видите, как злые духи боятся Ее Пресвятое звание.

О познании Бога.

Ныне Святая Церковь воспоминает великого подвижника Русской Церкви преподобного отца Серафима, Саровского чудотворца. Она воспоминает его за то, что он еще с детства имел особенное стремление познать Бога, и это непрерывное влечение к познанию привело его к исполнению Заповедей Божиих неуклонно. Говорится в псалмах святого царя Давида (Пс. 33, 12): «*Приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас*». Вот эти божественные слова и научили преподобного познать Бога. Этого мало было юному отроку, его детская пламенная любовь влекла еще к бóльшему. Господь не отклонил его благонамерение и вел его за истинную любовь к бóльшему познанию, познание его научило приобрести страх Божий. Страх Божий приобретается особенным благоволением Божиим. Говорится в книге Иисуса сына Сир.: «*Начало премудрости есть страх Божий; а страх Божий есть премудрость*». Потому-то премудрость Божественная научила его всецело отдаться в руки Божии, то есть от всего земного пристрастия и пожелания к миру отвлекла и благое его желание привела

в исполнение, за что его ныне Святая Русская Церковь чтит и прославляет, за его добрые дела.

Сей великий столп русской земли зовет и нас к послушанию страха Господня, где научимся исполнять повеления Господни, то есть Заповеди Его, и при помощи Божией обретем Премудрость Божию, и страх Божий возрастет в наших оледеневших сердцах. И возрастет в наших сердцах истинная нелицемерная любовь к Сотворшему нас, и мы молитвами сего чтимого угодника поспешим направить наши делания к Небесному Промыслителю и Попечителю наших душ. Испросим молитвами преподобного отца Серафима у Господа разума ведения Заповедей Божиих и духа кротости и смирения, и укрепления в истинной вере, чтобы наши непостоянные желания были истинно на камени веры.

Говорится в житии преосвященнейшего архиепископа Воронежского, где в частной беседе с паломниками, пришедшими из Сарова, Антоний выразился: «Мы копеечной свечой горим, а отец Серафим пудовой горит пред Престолом Святой Троицы». Видите, какое дерзновение имеет у Господа сей подвижник, его пламенная молитва всегда бывает услышана Господом. Особенно о тех он молится, которые ищут путь благочестия. Еще быв в живых, не отказывал он в просимом, и двери его кельи не были закрыты для желающих и алчущих правды и истины. Молитвами преподобного и по примеру его и мы направим свои упавшие силы духа к научению страху Божиему. Имевши страх Божий, он укротил ярость диких зверей. Дикие звери покорялись имевшему страх Божий. Видно из жизни преподобного, как медведь ходил за хлебом к нему и покорялся его кротости, не делавши вреда.

На каждом человеке, хотящем идти путем благочестия, почиет Премудрость Божия, и всякое зло смирится перед тем, кто приобрел страх Божий, и таковой есть наследник Царства Небесного.

Направим все желания к любви ближнего своего и милосердием Божиим направим стопы своего желания к исполнению Закона Божиего, и правда воссияет на земле сердца нашего.

Христос рождается!

Дорогие наши родные, какая радость, какое утешение для верующей души. Святая Церковь за тридцать три дня возвестила нам великую отраду и утешение упадшим духом в настоящее время. Она сим радостным песнопением о пришествии Спасителя мира на грешную землю для взыскания падшего рода человеческого одушевила нас грешных и возбудила уснувших множеством страстей мира сего.

Дорогие наши голубушки, не падайте и не приходите в упадок сил от отягощающих вас бед и испытаний века сего, но воспряньте от сна мрака сего и прославьте Господа, как повелевает нам Святая Церковь: *Христос рождается— славьте, Христос с небес— срящите.*

Святые Ангелы — Силы Небесные за такое продолжительное время по повелению Божию воспели эту радостную песнь о рождении Господа для нашего наилучшего блага, чтобы мы заранее этого торжественного дня оставили свои греховные привычки и отряхнулись бы от накопившихся грехов, и в приближении этого радостного ожидания прославили за едино с Небесными Силами в кротости духа и в чистоте сердца. А мы так погрязли в суете сего мира, как свиньи из грязи в грязь. Вот поэтому у нас не стало видно на душах наших отрады и утешения, а одно только виднеется и видно: *суета сует и томление духа*, как сказал премудрый [Соломон].

А вы, дорогие мои, свободны от уз семьи, вас желанный ваш Жених избавил от этого коварного и суетливого мира. Он вас избрал на служение и прославление Его Имени Святого и уподобляет вас быть в равенстве с Его святыми Ангелами, как упоминается у святого царя Давида: *умалил еси его малым чим от Ангел, славою и честию венчал еси его.* Вот, дорогие мои, как вас Господь пожалел, уподобляет вас слугам Своим и честию воздает вам за любовь к Нему. Пусть на вас восстанет весь полк злобы, а Господь за вас. Славьте Христа, пришедшего на землю, на землю нашего заросшего сердца, и попалит Господь выросшие на нашей сердечной земле давнишние корешки гордых ветвей, а за прославление Господа сгорят быстро ветви и обратятся в прах, и возрастут новые деревья при исходищах вод и дадут плоды добрых дел. Бури

и метели еще не прекратились и не прекратятся до тех пор, пока Господь придет на землю нашего сердца, тем более еще они будут восставать и шуметь на вас за прославление Его имени.

Да подкрепит вас Господь в сии приближающиеся дни радостного ожидания на землю Рождающегося Господа в духе радости и в борьбе терпения, да избавит вас от рыкающего льва.

Недостойный ваш слуга. Простите.

Во свете Твоем узрим свет.

Христос с небесе — срящите. То есть Христос уже на земле. Все создания Божии уже поспешили в сретение Ему, воздали радостное приветствие рождшемуся Владыке. Тварь вся земная в радостном величии, все с большого до малого создания спешат отблагодарить своего Творца: земля дает вертеп, небо — звезду, путеводящую к Солнцу Правды, безсловесный скот уступил ясли, пастыри принесли поклонение, мудрецы, то есть волхвы персидские, — золото, ладан и смирну, воинство Небесное — славословие. Дорогие наши поклонницы, что же принести нам в дар и благодарность Избавителю нашему? Нет у нас таких дорогих и ценных даров, которые приносили прежние. Где, что мы возьмем? Мы не в силах достать таких ценностей и так стали бедны, не сыщем, что принести в дар.

Страждущие пташки, не скорбите и не отягощайтесь этим непосильным бременем подарков. Я слышал, что Рожденный от Пречистой Девы Владыка твари не так требователен, как прочие. Он очень благоснисходителен к Своему созданию и многомилостив. Дорогие мои, одно Он хочет от нас в дар Ему, наше застаревшее от продолжительного времени, оледеневшее, грубое и жестокое наше сердце и чистоту души, вот этот недорогой подарок — чистоту. Он ради нашего спасения и пришел найти эту потерянную душу. От этого малого подарка — сердца, у нас еще явится желание принести другие дары — любовь, веру. Любить ближнего — это есть высочайший дар Рожденному Господу, и вера к Создавшему

никогда и нигде не посрамит, но укрепит в нищете духа. За такие ценные дары вы будете и в здешней жизни и в будущей во всем помилованы. Увидят ваше приношение многие и последуют такому же снисканию дара. Ищите его, старайтесь со тщанием найти, а найти его очень свободно и легко по милости Его. Почаще углубляйтесь в премудрости Его, а премудрость — в слышании Божественного Его слова, и оно отверзет наш ум и даст силу к совершению Его воли святой.

Ваш нерадивый слуга.

Слава в вышних Богу!

Вот пришел долгожданный и радостный день Рождества Христова, вот исполнились пророческие предсказания о явлении в грешный мир Господа.

Желанные наши, не затихло еще то радостное песнопение в наших злострастных сердцах, не исчезло еще из нашего отяготевшего помыслами ума то торжественное славословие, [как] мы уже, окаянные, опять сподобились слышать от Небесного воинства великую на земле радость: «*Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение*». Силы Небесные «*Христос рождается*» уже воспели победоносно и возвестили нам о великом событии — пришествии в мир Христа, о явлении Его в Вифлеемских яслях. Над небольшим городом Вифлеемом пронеслась ожидаемая пророками великая радость и радостное ангельское непрестанное пение: «*Слава в вышних Богу и на земли мир...*»

Дорогие наши отлетные пташки, радуйтесь и вы в своем убогом вертепе и не унывайте, что вы далеко отдалены от всеобщего Вифлеемского вертепа по своим, вам данным послушаниям, что вы не вкупе воспевающих и прославляющих пришествие Господа на землю. Я вам писал, что Господь близ всякого, призывающего Его Имя. Вы можете тоже прославить в своем убогом вертепе вместе с невидимым Небесным воинством эту великую радость, и ваш вертеп вместит Христа. Мир и утешение не только тем, которые находятся в общем Вифлееме, оно и вас не оставит без посещения. Благодать Божией милости изольется на каждую душу,

взыскующую Господа искренним сердцем. Мы можем посетить и общий вертеп, а на душе может не быть этой праздничной радости. Господь пришел не в роскошный и украшенный дом, а в самый последний и темный вертеп, и возлег не на роскошных койках, а в бедных яслях. Не глядите на тех, которые торжествуют и радуются празднику в хороших нарядах (страстях) и с привилегиями, ведь в душе у них нет настоящей радости, а одна суета о земном величии.

Постарайтесь приготовить для пришествия Господа хорошие ясли (смирение) и прочный вертеп (ум), и вы будете торжествовать в душе своей и радоваться, что Христос не погнушался и вашего желания, пришел и поместился в том смиренном вертепе и яслях вашего сердца, приготовленном и украшенном вашими добродетелями, которые любит и ценит Господь. И будет у вас радость и утешение в вашем смиренном Вифлееме (всех душевных и телесных сил). Возрадуюсь и я недостойный и воспомяну вас, когда буду готовить ясли. Вместе со всеми вашими родными придем и поклонимся убогому вертепу, вместе, верю, получим утешение и мир душам нашим.

Радуюсь вместе с вами великому празднику, убогий С[ерафим].

Ксюше.

Божие благословение!

Настало благоприятное лето, незаметно пролетела красная радостная весна с ее радостными приятными благоухающими цветами. Дожди при благоухающей весне стали орошать растительность, а люди — создания Божественного творения, стали приходить в упадок духа.

Дорогие мои родные, как мы часто лишаемся сего Божественного оросительного и живительного дождя — наития Святаго Духа. Но мы что-то так не содрогаемся и не унываем, что наша душа приходит в упадок, лишенная Божественного питания. Это потому, что все наши распаханные в детстве огороды еще дышат тою, заранее приготовленною, живительною росою святых старческих забот. Но на это все

не нужно ссылаться, а мы должны внимательно рассмотреть свое житие, в котором познаем, что наши огороды стали тоже уже заросшими упорными корнями, которые нужно очистить. То есть с усилием взяться за самих себя и дать ранней еще растительности сугубую поливку — умиление, хорошего живительного дождя — слез и переносить терпеливо все находящие на нас посланные от Творца испытания, которые дадут нам оживиться к наступлению благоприятного лета нашего совершенного и уже мужественного возраста. Мы уже не весенние растения, а стали прочными летними ветками, а на прочных летних ветках будут и плоды добрых дел, приятные на вкус и другим жаждущим.

Все мы страшились и боялись, что во все продолжение весны не было дождя. Почему же не страшимся во все время весны нашей жизни и уже лета впасть грешными в руце Бога Живаго? Да потому, что уж больно-то засохла и окаменела наша земля сердечная. Поэтому и сказано в Писании: «*Согрешиша и лишены суть славы Божией*» (Рим. 3, 23). Все мы повинны пред Богом, и все мы равно нуждаемся в Божием к нам милосердии. Посему мы должны любить друг друга и оставлять проступки ближним своим, и не замечать пороков за другими, а смотреть за своими недостатками, через которые мы лишаемся дождя благодати Святаго Духа. Не унывайте и вы в начале наступления лета, не лишит и нас Господь Своего благодатного дарования Святаго Духа. Потому что благодать Божественного дождя будет изливаться во все дни лета нашего живота. Есть источники, в которых еще не высохла последняя вода живительная, а она еще и многих живит. Так что мы в начале лета, нашли хороший огород, в котором много содержится влаги, да еще и на днях излился на этот источник живительный дождь и многих здесь оживил прохладным растительным воздухом, коего в том числе и вы были не лишены. Так что милость Божия изливалась и будет изливаться на всех, взыскующих Господа.

Посылаю Божие благословение на ваш боголюбивый дом и новобрачных, да живите о Господе.

Простите мое невежество, нерадеющего о спасении души уб[огого] С[ерафима].

Божие благословение уважаемым о Господе Николаю и Паше!

Дорогие мои родные, Коля и Паша, получил я вашу небольшую, но глубокочувствительную записочку, в которой нашел чисто душевную любовь о едином на потребу, в котором заключается ваше сердечное желание. Объяснять не буду, будет время — будет и ответ.

Коля и Паша, простите мое невежество, утешить вас не знаю чем. Только одно напоминаю вам не моими нечистыми устами, а словами Господа нашего Иисуса Христа. *«Иго Мое благо и бремя Мое легко есть»*, — сказал Господь. Вот, дорогие мои голубчики, живите о Господе, радуйтесь, не скорбите, чтобы не унывать во время постигших и посланных на вас испытаний от Господа, принимайте все с радостью. Любите друг друга, всякое начатое вами благое дело делайте в согласии, чтобы после этого лукавый не посеял между вами вражды. А распря и несогласие доводят до худшего. Друг друга в тяжелые минуты испытаний подкрепляйте и рассуждайте, что без воли Божией и волос с головы вашей не спадет. Живите в любви, а где любовь, там и Бог. Закон Божий не нарушайте, Заповеди Господни исполняйте. Брак честен — ложе нескверно. Прочтите житие преподобных Ксенофонта и Марии (память их 26 января) и будете жить с благословением Божиим, и старческие молитвы подкрепят вас и меня в любви Божией. *Итак, тяготы друг друга носите, да исполните Закон Христов*. Коля, вы еще только вступили в эту жизнь, возможно тебе и не нравится такая жизнь, ну что делать? Покорись воле Божией, перенеси удары в душе своей, и Господь тебя утешит. Помните и носите Имя Божие непрестанно в сердцах ваших, и не постигнет вас зло.

Коля и Паша, благодарю вас за ваши дорогие гостинцы, которые меня заставили подумать, что я по своему великому недостоинству таких желанных приветствий не отблагодарствую. Простите, не так дороги ваши гостинцы, но для меня дорого ваше искреннее сердечное приветствие, которое останется у меня в глубокой памяти о вас всех. Милы и любезны ваши небольшие строки богодухновенных слов. Коля, я вас лично не знаю, но духовно знаю и люблю, и радуюсь о

тебе и твоих присных. Пашу я лично тоже не видел, но был в их доме, поэтому я их знаю по приветствию, а раз было приветствие, то и будет Божие благословение в вашем новом начатом доме во славу Божию и спасение от бед.

Коля, не нарушайте установленный порядок живших прежде вас родителей, который оказали в сем доме старческий приют, где было и почивало Божие благословение, и старческие молитвы хранили место сие, и дом ваш будет изобиловать потребным к жизни сей и на спасение, только не делайте его вертепом для разбойников.

Призываю на вас, дорогие мои родные Коля и Паша, Божие благословение и Покров Царицы Небесной, да сохранит вас Господь от всякого зла, да укрепит ваш дух в единой любви и уважении друг к другу и избежанию клеветы напрасной, от которой бывают раздоры.

Коля, еще моя до тебя просьба, если можно, то познакомься с дворником Алешей, который живет у Николая Алек. Он мне близкий и пишет мне письма, очень хороший парнишка.

Простите мое убожество, недостойный и[еромонах] С[ерафим]. Простите, что грубо написано.

Во свете Твоем узрим свет!

Возлюбленные о Христе с. Ксения и Агриппина, апостол Павел, желая пробудить нашу безпечность, сказал: «*Радуйтеся всегда о Господе: и паки реку: радуйтеся. Кротость ваша разумная да будет всем человеком. Господь близ. Ни о чемже пецытеся, но во всем молитвою и молением со благодарением прошения ваша да сказуются к Богу*» (Флп. 4, 4-6).

Поэтому, дорогие мои родные, не будем падать духом, но будем усиливаться и мужаться на то дело, на которое призвал нас Бог. Ибо Он Сам нас призвал от жизни в обществе к монашеству и его обетам. Сам Он облек нас в ризу спасения и одежду веселия (Ис.11, 10). Сам Он нас искупил от клятвы закона.

Дорогие мои родные, какое Господь для нас грешных сделал снисхождение. Он дал нам разум, чтобы познать духа

света и тьмы. Посему, видя наше призвание и желание к Небесному Отечеству, Он в учении Евангельском указал нам свет. Вот в сем учении мы должны различать тьму наших невоздержных привычек, бежать ко истинному свету, то есть учению Христову.

Вы слышали и раньше видели те священные слова, сказанные при постригах: *введе во двор рабу твою*; и при вручении зажженной свечи, чтобы гореть непрестанно пред невидимо присутствующем Господе.

Как сказано, купленный раб, будучи освобожден, не пожелает сделаться опять рабом. Точно и мы избавлены от сего тленного мирского сладострастия. Мы по влечению и привычке своих наклонностей незаметно спотыкаемся и чувствительно убиваемся, но любовь Господа так велика и снисходительна к падшему человеку, что Он не гнушается, а любовно восставляет падшее творение. А поскольку мы освободились от ига страстей, то не следует возвращаться снова в это пагубное блато[1].

Хорошо, родные мои, мы все знаем и слышим, что путь, идущий по Заповедям Божиим, очень тесен и тяжел, а мы, как добровольно и непринудительно взявшие на себя иго Христа, должны весело нести его, хотя враг и представляет гору смущений, но будем верить могуществу Христа и силе Его слов: *«Аз есмь с вами во вся дни жизни вашея, Аз победих мир»*. Да не смущайтесь, но веруйте в Бога и надейтесь, что Господь не даст вас в ловитву зверя душетленного.

Если заметите за собою упадок сил, то вспомните ту врученную вам свечу[2], как она горела. Горите, не угасайте, свет вам указали, где и в каких местах его найти. Слава Богу, есть и у вас свеча горящая, и вы, по погашении свечи своей, спешите опять к той горящей свече и зажжете свои погасшие светильники, и снова в сердцах ваших воссияет свет Христов, а свет Христов просвещает всякого человека.

Итак, дорогие мои дети, жаль вас, что вы переживаете те дни, которые вам не благи, но не скорбите, Господь близ сокрушенных. Будем пребывать непоколебимыми в отно-

[1] Грязь, болото (*прим. ред.*).

[2] При монашеском постриге (*прим. ред.*).

шениях жизни сия и, сохраняемые страхом Божиим, неизменными и неподвижными в отношении мира сего прекрасного. Будем терпеть недостаток, будем напрягаться и спешить вперед к нетленному совершенству. *Тецыте, да постигнете*. Вы теперь монахи, горняя мудрствуйте, а не земная.

Призываю на вас, возлюбленные чада о Господе, Божие благословение и Покров Царицы Небесной. Да сохранит ваше вхождение и исхождение на дела благая.

Прошу ваших о мне недостойном, едином из последних, воспоминания молитвенного. За все простите. Благодарю за глубокую память о мне. о. С[ерафим].

«Дом Отца Моего не делайте домом торговли»!

Дорогие мои голубушки, Ксюша и Паша, слава Богу, что вы живы и здоровы. Я всегда вспоминаю вашу любовь ко всем, а наипаче ко мне грешному. Дорогие мои чадушки, услышал я печальную весть о положении вашего строя жизни, и меня сильно все это огорчило. Враг рода человеческого позавидовал вашему богоспасаемому дому, увидел, что в доме вашем утешение и покой духа. Ему не очень приятно, что на этот страннoприимный дом испрашивалось и изливалось у милостивого Творца Божие благополучие охраны от всяких видимых и невидимых напастей, злых бедствий. Господь хранил за старческие молитвы даже все ваше население. Но Господь ведь живит и мертвит.

Дорогие мои родные, как грустно, как обидно глядеть на развалины святых храмов. Не будет ли то и с вашим страннoприимным домом? Ведь многие жаждущие истины находили утоление жажды и в вашем скромноуютном пристанище, покой и кровлю от холода и голода. Дорогие мои дети, вспомните своих отшедших родителей, ведь они всю силу положили на искание будущего и благословение оставили вам, а вы хотите дом сделать не покоем и отдыхом, а вертепом разбойников, то есть изгнанием Божией благодати. Дорогие мои, вместо Божиего благословения этого страннoприимного дома польются тысячи бедствий

и проклятий. Не делайте его вертепом, а пусть он наречется домом молитвы.

Паша, не нужно этого разбойника вводить в святое место, не получишь во всю жизнь покоя. Оставь все в покое и положись на волю Божию, и Господь исполнит твое желание во благо. Если будет на то воля Божия, будет тебе и дом лучше этого. Прошу, не трогай прах своих родителей, а проси их загробных молитв. Получишь все то, что нужно для жизни сей, и Божие благословение будет почивать на тебе, и во всех путях твоих покроет тебя Господь.

Простите.

Для Коли передать.

Коля, прости Бога ради, что не успел тебе написать несколько строк с твоей супругой Пашей, потому что было очень мало времени.

Дорогой сын Николай, посылаю тебе Божие благословение — иконку Спасителя с открытым Евангелием в глубокую молитвенную о мне грешном память.

Да будет на тебе Божие благословение, на всех твоих благочестивых добрейших начинаниях. Да избавит тебя Господь в день скорби, да не коснется тебя зло, да сохранит, да укрепит твое желание в правой вере и любви к Церкви Божией и ближнему своему, да пусть идут твои стопы в повелении Божиих заповедей, да сохранит тебя Господь от неверия и малодушия, да соделает твое сердце источником благочестия. Да благословит тебя Господь во всех твоих вхождениях и исхождениях, да будет с тобою Господь во все дни живота твоего.

Остаюсь за вашими сыновними воспоминаниями, приношу глубокую благодарность за твои присланные мне гостинцы, за которые я, ничтожный, не знаю, как отблагодарить, я этого еще не заслуживаю, потому что грехи мои велики, и добрых дел не приобретаю.

Нерадивый Сер[афим].

Пишите, в чем имеете нужду.

Божие благословение.

Дорогие мои голубушки Ксюша и Гриппа, за вашим глубочайшим и детским воплем желанный Господь услышал ваше прошение. То, что вам хотелось для моей умершей души, чтобы она не была мертва, Господь исполнил ваше прошение. Как вижу из ваших дорогих писем, вы хотите, чтобы данный вам отец не пришел в упадок сил духовных, то за ваше сердечное воздыхание и заботу о моей грешной душе, Сладчайший Искупитель послал, за вашу любовь к Нему, мне на утешение и подкрепление, и поднятие внутреннего строя духа вашу мать Марию[3], которая всегда в бывшее свободным для меня время делала все, что было на пользу, и я вкушал ту [духовную] сладость, которую и вы, по моему прошению, вкусили. Хотя раньше вы без ее утешения находили утешение, посему она для вас не так была видна[4].

Но я, дорогие мои Богом данные дети, к своему сожалению скажу, что я с юного возраста всегда искал такого утешения, чтобы возвратиться на путь истинного света, потому что грех мира сего всегда тяготил мою остывшую душу. Дорогие мои дети, ведь не я вас искал, но вы меня нашли в грязи века сего, и Господь положил вам на сердце, чтобы быть под руководительством моего невежества, а это для того, чтобы я видел всегда свои согрешения и избегал того, что приносит нам вред.

Часто, часто приходит мне на душу ваша любовь к Господу и Пречистой Богородице, и меня возбудила взять в обязанность помнить в молитвах о вас, чтобы вы были крепки и бодры в день испытания; и Господь, по вашему искреннему желанию, не предаст зверям ваше сердце. *Аще восстанет на мя полк, не убоится сердце мое*!

Ваше желание, дорогие мои отлетные голубушки, Господь исполнил — приехала посетить и возбудить мой упавший дух мать. Тогда я вспомнил прежнее собеседование и обновление духа, тут же в беседе несколько раз вспоминали вас. И я прошу мать Марию не оставлять моих Курбатовских си-

---

[3] Мать Мария Сарычева, в монашеском постриге Митрофания, в схиме — Михаила, † 1976 г. (*прим. ред.*).

[4] Т.е. мало обращались к ней за духовной пользой (*прим. ред.*).

роток и ободрять вас, прошу ее за вашу истинную любовь к моему невежеству. Не оставит и вас Господь в забвении за то, что вы всегда видели меня в упадке духа. И за любовь вашу к ближнему своему не оставит вас Господь в день лют.

Дорогие голубушки, призываю на вас Божие благословение и Покров Владычицы нашей Богородицы да покроет вас и сохранит от видимых врагов, нападающих на вас, да спасет, да не даст зрения видимому творению и деланию ваших сердец восстающему на вас злому духу, да будет он нем и слеп во все дни вашего послушания.

Простите мое нерадение. Будет благословение Божие к нам, двери открыты для вас. Благодарю вас за ваше воспоминание, я не достоин этого. Всем вашим Божие заступление.

---

29 июня, Ксюше.

«*Во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их*».

Дорогие мои, ныне Святая Церковь не напрасно восхваляет и ублажает Первоверховных апостолов Петра и Павла. За что же она их так прославляет? Ведь видно из Священного Писания, что, во-первых, апостол Петр трижды отрекся от Господа, во-вторых, во время бури морской, шедши по водам, усомнился в вере в Господа, в-третьих, на горе Фаворской во время Преображения Господня, счел Его за простого человека; а апостол Павел был гонителем христиан. А Церковь их так прославляет. Глубины милосердия Божия непостижимы роду человеческому. Господь в одно малейшее мгновение все может сделать со Своим творением. Из жестокого гонителя Павел соделался избранным сосудом, из отреченного Петр стал камнем веры основания христианской Церкви. Из Деяний и Посланий апостольских видно, сколько пережили испытаний апостолы Петр и Павел за исповедание Господа. Они всю жизнь помнили свои преступные ошибки, которые постоянно безпокоили их души. Благодать Сионской горницы коснулась их сердец и внушила им возвестить о Евангельских событиях, свидетелями которых они были. Вот они с полной верой и надеждой сво-

бодно, без страха, поведали о Господних страданиях и славном Его Воскресении неверующим иудеям и всему миру, за что и претерпели ужасные истязания. За все это их ныне прославляет Святая Церковь.

Дорогие мои родные, чему же нас ныне научают апостолы? Во-первых, при преступлении Заповедей Божиих просят не приходить в отчаяние (как пишут святые отцы: ужасный есть грех — отчаяние), во-вторых, не быть гонителями ближних собратий и многому другому поучительному. Всякие находящие на нас в мире сем житейском испытания проходить великодушно, с радостью переносить удары за имя Сладчайшего Господа, благодарить Его за великое милосердие к нам, грешным. Как пишет святой апостол Павел, все удары он переносил с радостью. Ведь он оставил свое высшее образование ради Бога, пошел возвещать миру сему чудные дела Господа. А мы должны приучить себя оставить мирские забавы, которые влекут нас повсечасно к греховным страстям.

Ведь Сионская горница должна всегда быть у нас в глубоком почтении сердечном, в горницу Сионскую мы должны всегда заходить и возносить хвалу Создавшему нас. Горница Сионская она внутри нас, и совесть души нашей всегда внушает нам о чудных событиях Божиих.

Не падайте духом, крепитесь, Господь близ, знает, что нужно нам на пользу, посему и пишется: Господь не хочет мертвить, но живить, хочет, чтобы мы жили в духе и истине.

Призываю на вас Божие благословение и утешение Сионской горницы, да будет тишина в ваших сердцах.

Прошу прощения за все, что могло быть здесь для вас оскорбительно, простите нерадивого.

Да святится имя Твое!

Возлюбленная о Христе сестра Ксения! Не приходите вы в смущение и разленение? Это все происходит по попущению Божию за наше сомнение, вот за такие-то страсти нас Господь оставляет и попущает нам эту душевную скорбь. А чтобы прогнать эту окаянную бесовскую лесть, почаще себя

невольте к призыванию имени Иисусова. Посему нам Священное Писание часто внушает в молитве Господней: «*Да святится имя Твое*». А когда мы будем понуждать себя к сему деланию, то да *приидет Царствие Небесное.*

Разленение с нами бывает от излишнего покоя плоти. Посему надо следить за собою, когда станут произрастать страсти в наших сердцах, то гнать, вырывать этот малый корешок из сердца, и будешь чувствовать себя легче.

Всегда знайте, что в утесняемом теле помыслы не имеют полной силы.

Испрашиваю у Милосердного Владыки благословение Божие и Покров Царицы Небесной, чтобы Заступница всех, притекающих под Ее Державный Покров, сохранила твое вхождение и исхождение от всякого преткновения, а Ангел твой, имя которого носишь, да подкрепит твою ревность, да испросит тебе у Господа все полезное в жизни сей.

Ксении.

«*Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом*» (Флп. 4, 5-6).

Дорогие мои родные голубушки, чувствую и сознаю ваши сердечные желания, которыми вы бываете так убиты, но Господь близко, как пишет святой апостол Павел к Филиппийцам. Итак, дорогие мои, не падайте духом, стойте крепко на своем послушании, которое для вас кажется сухим и бесплодным. Но нет у Господа лжи, нет, а одна правда существует. Ваше трудное и сухое послушание принесет вам впоследствии изобильные плоды, которыми вы насытитесь. Вы заботьтесь только о едином на потребу, то есть представьте себе, что вы работаете Богу, и ваша скорбная работа превратится вам в радость. Во всяком своем движении понуждайте себя к молитве и с молитвою прошения ваши да будут к Богу. И Он исполнит ваше желание сердца, и получите то, что не приходило вам и на ум.

Ведь не ты одна несешь этот крест, каждому дан свой крест; всмотрись в окружающий мир, все люди несут кресты,

легко ли им? А мы данный нам от Господа талант зарываем в землю и от малодушия приходим в отчаяние. Это падение хуже всего. Оно и Иуду довело до самоубийства. Не отчаивайся в своем послушании. Господь знает, что нам на пользу, то и посылает. А теперь время благоприятное, то есть дни радостной весны, дни Великого поста. Вот этой радостной весной увеселяйся в своем уединении. Помни, что посты никому вреда не принесли, а только одно — многих вознесли к созерцанию Святой Троицы.

Дорогие мои чада, жаль вас, что время вас так удержало, не дало вам свободной минуты вспорхнуть. Но Господь вас, дорогие мои, не оставит в забвении, у нас и не один волос с головы без Его воли не спадает. Я верю в милосердие Его, что Он не оставит вопиющих к Нему день и ночь. Сейте молитву с добрыми расположениями да пожнете в изобилии.

Дорогие мои родные Ксюша, Г[риппа] и все ваши родные, глубоко благодарю за ваше желанное воспоминание и дорогие гостинцы, за что я не знаю чем и как вас отблагодарить. Ваше желание и просьбу о брате буду воспоминать.

Ксюша, за счастье попали ваши письма. Я и Митрофания[5] их читали, не скорби, по хорошей погоде будете у нас. А остальное расскажет Наташа. Так что она часто вас с Грип-пой зовет, говорит, летом поговорю с ними.

Ксюша, если кто будет у ваших матушек Херувимы, Серафимы и Ангелины, прошу вспомяните и испросите о мне их святых молитв. Будет время, я кого-нибудь пришлю. Просьба страждущих о Митрофане, пусть они отслужат молебен святому мученику Вонифатию. Дети, прошу простите за мое нерадение.

Недостойный слуга ваш убогий С[ерафим]. 22.02.44.

Божие благословение! *Да будет воля Твоя, Господи!*

Дорогие мои родные, вот уже настала и глубокая осень, а мы все еще не окончили свои огороды, никак не приведем в порядок то, что было засеяно с ранней весны — детства. А

[5] Монахиня Митрофания, в схиме — Михаила (Сарычева) (*прим. ред.*).

что оказалось выросшим в летнее время юности, мы на то не обратили внимания, прополоть и исторгнуть из огорода негодную растительность, которая и показывает нам на созревшие плоды, оказавшиеся через сорные растения не полными, а тощими. Дорогие мои родные, вот и подумаешь, как провести долгую осень да холодную зиму без полного приобретения питания.

Родные мои, только и надежда одна на милосердие Божие: да будет, Господи, воля Твоя. Может быть, Его любовию к роду человеческому тощие плоды не оскудеют в питании его создания.

Не унывайте, родные мои, что мало приготовили добрых дел, верьте вы в Господа, сила Божия и в немощах совершается. Не скорбите и не приходите во гнев по наущению врага, подавляйте злобу гнева смиренномудрием и терпением, и желанный наш Господь пополнит наши тощие плоды Своим человеколюбием. Он за одно чисто сердечное к Нему желание все возобновит во мгновение ока, и наши неполные амбары наполнит чистой пшеницей добрых дел, и холодная злоба вражия не заморозит в день лют.

Смерть подобна осени и зиме. Она так близко и застает нас в неожиданный час даже в детстве и юности. О смерть, смерть, как нам избавиться и избежать тебя? А избежать ее святые отцы научают нас приобретением добродетелей, и это будет нам в защиту от холодной зимы.

Не надейтесь на свои суждения, а больше всего полагайтесь на волю Божию, без Божия повеления мы не можем и жить. Старайтесь приобрести память смертную, а память смертная много принесет вам полезного, как учат святые отцы.

Святитель Тихон Задонский всегда имел память смертную, и он всегда говорил святого Пророка слова: «*Скажи мне, Господи, кончину дней моих...*» и прочая. Святые не боялись вкусить смерти, она для них была сном.

Простите за все то, что возможно для вас и оскорбительно, простите.

Призываю на вас Божие благословение, да хранит вас Господь от холода страстей.

Благодарю вас, дорогие мои родные, за искреннюю и глубокую память. Всем Божие благословение: Гриппе и прочим.

Не знаю, как вас за все отблагодарствовать. Много вам должен. Пишите, что нужно, по возможности буду отвечать.

Остаюсь помнящий вас нерадивый С[ерафим].

Митрофания жила с Успенского поста до 17 сентября, обещалась к Казанской.

Ксюше.

«Господи, не предаждь зверем душ исповедающих, душ убогих Твоих не забуди до конца».

Дорогие мои незабвенные отлетные детки Коля, Паша, Ксюша, Гриппа, враг рода человеческого не спит, но так бодро ходит и зрит [в] своей ненасытной злобе. Позавидовал ревнителям благочестия истины, открыл пасть свою поглотить шествующих путем истины, путем исполнения Евангельских заповедей. А Евангельские заповеди сокрушают его широкий путь, ведущий к вечной гибели. Вся злоба врага рода человеческого излита на тех, которые хотят стать на камень заповедей Евангельской истины.

Милые любезные дети, я чувствую вашу любовь к моему недостоинству, чувствую, что вы все упали духом и скорбь овладела вами. Дети, помните, что сказано: не унывайте, но радуйтесь, что Господь ведет не к худшему, но к лучшему. Конечно, пережить и испытать нужно, ведь без трудов не бывает плодов, так и без искушения не достигнешь спасения. Господь, когда пришел к Гадарянам, то они попросили Его удалиться из их страны из-за того, что погибли их свиньи и оставили без внимания то доброе дело, которое Он сделал, изгнав бесов из несчастного больного бесноватого.

Господь, видя наши недостатки, излечивает их скорбными обстоятельствами и испытаниями на пути тернистого шествия, чтобы в конце пути вкусить неизреченных благ Господних.

Дорогие мои, как мне хотелось всех вас собрать в уединенное гнездо внутреннего сердца, чтобы вы все возросли духом истины, которая согревает только вкушением из источника Жизни.

Но воля Божия руководит нами в этом маловременном житейском море. Она с виду дает скорбный путь, но этот

путь не будет забыт, но станет ясным. Ваши желанные приветы и посещения не будут забыты у Всевышнего за то, что вы, дорогие мои дети, несете те же наказания и скорби, которые я достоин испытать и перенести безропотно ради ближнего своего, а ближние мои — это те, которые полюбили Господа. Как мне жаль вас всех, если бы было возможно, собрал бы я вас всех воедино и совершил обед[6] и угостил бы вас этим кушаньем, и тогда бы я был спокоен. Но Господь судил иначе, еще нужно больше потерпеть. Желание Господь исполнит, надеюсь, что все это идет к лучшему. Верю, что увижу вас, мои дети. О Коле я часто думаю и сердечно с ним беседую. И вас всех крепко и любезно вспоминаю и надеюсь на ваши детские молитвы. Они мне помогут в пути последнего моего испытания.

Призываю на вас Божие заступление и поручаю вас под Покров Царицы Небесной, Нечаянной Радости, которая в скором времени нас утешит единением духа любви.

Прошу, вспоминайте — если Бог свободит, буду первым долгом в близком общении с Колей и с вами, Ксюша, Гриппа, Паша.

Общее Ксюше, Грипе.

«Положи, Господи, хранение устом моим и дверь ограждения о устнах моих».

Дорогие мои родные, вот то изречение святого царя Давида, которое поучает нас многому полезному. А еще говорится: *мног глагол несть спасение*.

Дорогие мои голубушки, прошел очень большой промежуток времени после вашего отбытия из нашей общины. И хотя кратковременным было ваше посещение, но оно принесло покой душе, и мы единодушно воссылали хвалу Творцу за ваш приезд к нам. И я, всеокаяннейший ваш слуга, до настоящего времени в радостном восторге души ожидал от вас утешения согбенной моей душе. И что же

[6] Видимо, имеется в виду духовный обед — Божественная Литургия, кушанье — святое Причастие (*прим. ред.*).

получилось? С приездом Наташи спрашиваю первым долгом о вас, мои Богом данные чада. Хотя [я] и ничтожный, но вы поручены мне для врачевания душ ваших, хотя и сам имею нужду во враче. А вы, мои дорогие, утешили меня материальным подарком, благодарю глубоко от души. Но стало обидно и больно на душе за то, что сочли за большой труд написать три строчки. Наверное, вы уже так стали ко всему осторожны, что по словам царя Давида положили молчание устам своим. Простите, но мне тоже бывает отрадно на душе, когда читаю строки ваших писем, вникая в смысл написанного. Я многому хочу научиться, то есть доброму житию.

Дорогие мои родные, если бы мои крылья не были связаны, то я бы давно порхнул в ваш край и не раз бы посчитал ваши прочные пороги и вкусил того вкусного обеда, который вкушаете вы, и не раз [были] бы стопы мои у тех матушек[7]...

Ну что делать, так видно Господу угодно, потерпеть мне за мои большие недостатки души, и по большим грехам я должен все испытать и испить чашу скорбей своей больной душой.

Призываю Божие благословение и во всем прошу прощения, нерадивый С[ерафим].

Божие благословение.

Благодарю Господа, что мои незабвенные голубки не забыли мое убожество, так как беззаконие мое очень меня опутало, и проступки мои нарушили Закон Божий неисполнением своего данного обета. Но ваши детские воззвания возбудили мою совесть, чтобы она пришла в прежнее состояние. Благодарю Господа, что ваши глубочайшие воспоминания о своем убогом отце возбудили меня о данных обетах

---

[7] Вероятно, имеются ввиду сестры схимонахини Серафима, Херувима и Ангелина, с которыми батюшка не смог ни разу встретиться, хотя молитвенно они постоянно общались (*прим. протоиерея Николая Засыпкина*).

и заставили меня воспоминать о вашем попечении. Я радуюсь и веселюсь душой, что вы будете нам, отставшим от заповедей, примером воздержания. Заботы и попечения о непотребном скоро угаснут, и будете жить, только имея попечение о спасении душ своих, и многих укрепите на пути тернистом.

Простите за все и помяните меня в своих святых воспоминаниях.

Призываю на вас, дорогие мои пташки, Божие благословение и Покров Царицы Небесной и святых Ангелов, хранителей ваших душ.

Будьте крепки духом, веселы и стойки во время испытания ваших душ.

Простите, дорогие мои голубки, Ксюша и Гриппа. Ваш многогрешный, требующий ваших святых воспоминаний, убогий С[ерафим].

Да благословит вас Господь в ваших послушаниях.

Слава Богу! Вот прошел и Петро-Павловский пост, прошли дни сего поста благоприятно. Правда, дорогие мои, говорим мы, что все прошло покойно, но совесть в оледеневших наших сердцах говорит иначе. Что же мы не говорим о внутреннем содержании наших душ? [Об этом] и помину нет. Да вот почему, потому что мы очень мало имеем заботы и попечения о душе. Часто, часто, дорогие мои голубки, приходится призадумываться о своей остывшей душе, что время указанных прошедших дней нерадиво проведено и ленностно. Господь все медлит при нашем нерадении, Он все ждет нашего восстания от сна греховного. Может быть мы, по случаю посланных на нас ужасных бедствий, опомнимся и восстанем от порочных своих наклонностей. Ну что же, и этого у нас нет. Одно только видно — суета сует и томление духа. Ведь пост — это орудие для наших душ и крепкая опора, а мы сего поста время очень нерадиво провели и не отдали почести тому, на что указала нам Святая Церковь. Мы всецело [должны быть] погружены в исправление своих негодных душевредных привычек.

Дорогие мои, если бы мы вкусили сладость сего поста, то мы бы иначе стали делать, а то ведь мы говорим о посте, но силу сей добродетели не познали и не вкусили каков он [пост] есть. Ведь неложно Слово Божие говорит: вкусите, яко Благ есть. Святые отцы так постом дорожили и ценили его паче всего, потому что постом сокрушаются все сети лукавого. Вглядитесь повнимательней, что мы сделали доброго в сей пост? Имели ли воздержание чрева в малом количестве пищи? Нет. Скажем: мы кушали постное. Имели ли сокрушение о соделанных нами грехах, размышляли ли мы о нарушенных нами Заповедях Божиих? Нет, этого ничего не делали, и на память нам редко когда приходило. Мы говорим, что соблюдаем Петров пост и делаем другие добрые дела Божии, но все это внешне, но внутренне они еще не показали и отростков, а если бы показались отростки, то каждый бы почувствовал, что есть добродетель. Добродетель — это есть ступень восхождения в общение с Господом. Вот и говорится в писаниях отеческих, что сделанные добродетели просветят внутреннее наше желание. Почему святые отцы так строго и следили за движением своего сердца, чтобы не потерять этого благого начинания. Поэтому они радовались всякой постигшей их скорби, они радовались, что Господь их любит и зовет их в Свое общение скорбными обстоятельствами жизни сей.

Итак, дорогие мои отлетные пташки, благодарю Господа за вас всех, что Он по любви к Нему вашего сердца подает и не оставляет вас в потребном для жизни сей, как вы пишите. Я рад, что Господь не оставляет вас без пищи, раз Он промышляет в потребном для вас, то не оставит вас и в Небесном.

Благодарю вас за глубокую память и усердное внимание, не знаю, как и чем вас отблагодарить. Одно буду просить у Господа, чтобы избавил от козней и брани мира сего.

Простите мое убожество, может быть, что и грубо для вас [написал]. Прошу прощения, потому что у меня дурная голова.

Ваш сочувст[вующий] уб[огий] С[ерафим].

Ксюше.

Божие благословение.

Дорогие мои родные, получил ваши письма, которые были посланы вами. Простите Бога ради, что я по своему безумию так сильно вас оскорбил своим ничтожным письмом, которым, вижу из вашего письма, убил ваш дух, парящий в Небесные жилища.

Но, надеясь на милосердие Божие, я с помощью Божией не падаю духом и духа не угашаю, как пишет апостол Галатам. Господь пришел не праведных спасать, но грешных от ада избавить. Вижу и чувствую ваш смущенный дух и заботы, и печаль о спасении души, кое обретается с усилием. Посланное мною вам письмо принесло отчаяние и оскорбление, и ваша любовь к Господу остыла, и ревность потухла, и нерадение приводит к прочим поступкам.

Родные мои, жаль вас, что вы в упадке сил. Говорится: *восстань от сна, и освятит тя Христос.* Слова мои повредили, но прошу усилить ваше стремление и любовь к Богу. Не только вам, но вообще для всех нас, жаждущих спасения, говорится: *аще умножите моление, не услышу вас.* Да, сущая правда, если мы не отступаем от дел порока и работаем ему, а устами зовем Господа открыть Свои богатые щедроты, то Господь не услышит. Посмотрите пристально на мирскую жизнь, что в ней творится: всюду беда за бедою, скорбь за скорбью. И хотя стучат в двери милосердия Божия, но ответа на их зов нет. Потому что беззаконие в сильной ярости совершается, вот и «*не услышу вас, ибо устами своими чтете Меня, но сердце ваше далеко отстоит от Заповедей Моих*» [— говорит Господь]. Не было ли с нами этого? Вот не нужно приходить в уныние, а испросить у Желанного Отца духа зрения своих согрешений, чтобы наши грехолюбивые привычки с помощью Божией засохли и не принесли плодов греха, а возросла бы чистая истинная вера и любовь к будущим блаженствам, чтобы зло с добродетелью не участвовало, а добродетель возросла в силе крепости.

Чтобы не привести вас в отчаяние и скорбь нерадения, прошу вас именем Божиим: отрясите ветхий прах духа уныния, и душа ваша обновится, *яко орля* и узрите истинный свет в Горнем Иерусалиме, где обитает одна правда.

Дорогие мои, не скорбите и не поставьте в обиду, я же тоже человек, такие же привычки отягощают и меня. Но верю и надеюсь, что Господь не оставит милостью Своею врученных мне овечек, а утешит их в сей мятежной жизни и поддержит Своею изобильною благодатию в день скорби, и покроет их.

Приобретайте доброделание, понуждая себя к творению истинной и нелицемерной умно-сердечной молитвы Иисусовой, которая многим, по указанию святых отцов, дала узреть сердечно Господа.

Прошу во всем прощения. Нерадивый ваш слуга.

Божие благословение!

Дорогие мои голубки, простите ради Господа, что я так принял вас. Господь, видя ваше желание, сподобил вас навестить меня и посетить мое убожество. Теперь вы, дорогие мои голубушки, увидели лично мои заросшие недостатки; вы думали, что здесь полно одних плодов, а увидели совсем другое.

Вы ехали в наш источник напиться как бы минеральных вод и полечиться. Да это хорошо, но, простите меня, источник этот оказался нечистым и негодным для питья. Жаль мне вас, но что делать, так видно я Господа оскорбил и прогневал Царицу Небесную, что Они меня не допустили нечистого приступить к чистому.

За нарушение поста меня Владычица положила на одр. Но Господь не хочет моей смерти вечной, Он хочет, чтобы я жил для Него и работал Ему. Он оживил меня Своею десницею, подал помощь и я вашими воспоминаниями начинаю отдыхать. Хотя с трудом, но по отъезде вашем совершил, что нужно. Жаль вас очень, болит за вас душа моя. Вы уж простите, если бы было возможно, ни за что бы не отложил. Дорогие мои, не скорбите, за ваши труды уплачу, буду просить Царицу Небесную, чтобы Она вас избавила от того, что вам не нужно, а дала для вас то, что нужно. Любите друг друга. За любовь к ближнему вас Господь приблизит к Себе. Гриппа, желание твое исполнит Господь. Тебя Царица Небесная давно уже покрыла Своим Покровом. Старайся и стремись рабо-

тать Господу, а Господь будет с тобою. Так, дорогие мои, простите за все. Как вас здесь принимали, я не мог прийти в себя. Еще за то скорблю, что больно времени было мало, так что я не мог быть с вами в беседе. Жаль Грипту, но не скорбите. Живы будем.

Ксюша и Грипта, посылаю Божие благословение на ваши домики, да хранит вас Господь.

Благословение Грипиной маме и еще Анюте вашей, да даст ей Господь премудрость уст Своих.

Ваш недостойный слуга, убог[ий] С[ерафим]. Простите за все.

Христос посреди нас!

Возлюбленная о Христе сестра Ксения, вы пишите, что у вас бывают часто восстания страстей плотских, от чего вы так ослабеваете в сем временном поприще, и очень тяжело быть в таких переживаниях внутренних и невидимой брани. Хорошо знаете слова: «*От юности моея мнози борют мя страсти, но Сам мя заступи, и спаси, Спасе мой*».

От этого, дорогие мои родные, не нужно падать духом. Не ты одна идешь этим путем, который ты избрала, а любовь ко Господу тебя влечет, а раз ты Господа хочешь возлюбить, то Господь и посылает тебе внутренние скорби, через которые тебе легче приобрести Небесное блаженство. При страданиях сих и искушениях взяться за все оружия Божия (то есть, за какую-нибудь добродетель): во-первых, вам посоветую, как нас поучают святые отцы, за воздержание, во-вторых, за пост душевный и телесный и молитву. Ведь сказано во святом Евангелии, что только постом и молитвою изгоняют беса. Вот и оружия дадены нам на прогнание лукавого духа.

Да, дорогие мои ревнители и любители Жениха Небесного, очень тяжело бывает бедной душе в эти минуты, как будто вся сила адская восстала на нас, и как скоро мы ослабеваем в борьбе. Вспомните слова Сладчайшего нашего Подвигоположника Иисуса Христа: «*Иго Мое благо и бремя Мое легко*». Зачем падать, когда Господь тяжелое бремя сделал легким. О, Надежда наша! А мы думаем, что и Господь забыл

нас в сей скорби. Ведь сила Господня совершается и в немощах. Разве Господь не знает, какова твоя крепость, посему Он и посылает искушение по силе. Ведь сказано: «*От юности моея мнози борют мя страсти*». Он — Сладчайший Иисус Сам нас защитит и заступит в сей непрерывной страсти. Зачем нам приходить в такой ужасный упадок, ведь не страсть виновата в этом деле, а мы, не страсть сия нас образовала, а мы сию окаянную страсть образовали через свое невоздержание, а после скорбим, [что] кто-то нам виноват.

Сказано в антифоне: «*Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается*». Что же еще нам нужно? Всмотрись-ка в свою жизнь и загляни в свою душу, сколько у нас накоплено всякого мусора. Согласно слову Божию чистоту духа можно приобрести только от воздержания. Во-первых, прервать всю лишнюю связь с мирским женским полом и другими, не иметь беседы, не глядеть, что они делают, на их недостатки и согрешения, иметь воздержание в пище и питие, чаще всматриваться в себя, что ты сделала доброго, и взирать в горняя, с чем явимся к Истинному Судии. Не гордись сама собою, что ты живешь не как прочие, ведь не дорого начало, а дорог конец. Царствие Небесное не легко досталось святым, а они всю жизнь прошли узкою тропою, как видим из их жизни: никто в покое не получил блаженство.

Всмотрись-ка в себя — ведь ты одна, тебе только и скорбь, что в душе нет мирного настроения, а гляди-ка на мирских, сколько у них скорби и недостатков семейных. Дай, Господи, на все им терпение, а мы самовольники, нам хочется покой, да какие-то утешения. Господь не хочет, чтобы мы были в покое и праздности, поэтому Он и посылает по человеколюбию [Своему] какую-нибудь скорбь.

Я писал вам в одном письме о борьбе с помыслами, то есть о возникающих страстях, мы должны изгонять и избивать их, как [только] они появятся. (В псалме 136, в последнем стихе, сказано: «*...блажен иже разбиет младенцы твоя о камень*»), то есть бить их (возникающие страсти) именем Иисусовым. Вот и есть этот камень — призывание имени Иисусова; гнать их, как они только появятся. Внутренняя брань никогда не прекратится, если только [не] будет [дано] свыше. Часто, может быть, мысль и говорит тебе о монастыре,

то есть легче было бы, чем здесь ты переживаешь. Нет, от лукавого никуда не скроешься, везде найдет. Пустыни разрушал, а нас-то, как перо, поднимет в воздух. Без добрых дел нигде не спасешься.

Всего много бы написал, но не осмеливаюсь писать по своему невежеству, людям указываю, как жить, а сам, окаянный, и за лопату не берусь, чтобы вскопать свой заросший огород. Всяким хранением блюди свое око.

Простите, что, может быть, и написал что-нибудь оскорбительное. Прошу за все прощения и вашего молитвенного воспоминания.

Остаюсь ваш убогий молитвенник С[ерафим].

Ксюше.

Се время благоприятно, се день спасения!

Дорогие мои родные, вот уже приближаются дни благоприятного времени. Святая Церковь за тридцать три дня нам громогласно возвестила о великом событии, то есть о Рождении Христа.

Персидские волхвы, зная по своему учению и из пророческих предсказаний, с радостию ожидали это благоприятное время рождения или пришествия в мир Христа и с великодушием пошли в чужую страну по явлении звезды, которая и указывала им путь.

Дорогие мои голубушки, а мы путь этот благоприятный и спасительный давно уже узнали и постигли место Рождения Христа. Вы радуйтесь и веселитесь сердечно, что вы несколько раз были в Вифлеемском вертепе и поклонились Богомладенцу, и приносили Ему дары. Дары эти, приносимые нами: вера, любовь, надежда, которые и исходатайствовали нам вечное спасение. Может иногда и трудно приходится совершать земное путешествие, но вспомни, не легко пришлось и персидским поклонникам достигнуть любимого места, где они и получили спасение и душевный мир.

Мир весь во зле, но и спасение близко. Не скорби, что твое путешествие тяжелое и недостижимое, нет, оно достижимо иначе, по средству терпения. Не падай духом, что не

бываешь у вертепа Рождественского, твои дары все близки. Скорбь по Богу соделывает тебя более опытной. Опыт тебе соделает бо́льшую пользу, которая и покажет даже Горний Иерусалим. Где бы ты ни ходила, но обегай злого Ирода, он очень хитро и тонко тебя может испытать о рождении Христа, чтобы «поклониться» Ему. Но помни и знай, что Христос всегда с нами. Хитрость Иродова тебя не испытает, если будешь носить Его всегда в душе твоей. И будешь на работе, но ясли и лежащего в них Христа носи в душе, а Ирода избегай, вот и будет для тебя день спасения. Помни изречение Священного Писания: *«Вкусите, яко благ Господь»*. Господь утешит твою жаждущую душу, пошлет тебе по прошению и по желанию твоего сердца.

Ксюша, не скорби, что ты здесь не бываешь — ты всегда здесь, только молись Царице Небесной, Она не оставит вопиющих к Ней. Значит, в твоей работе есть то полезное, которое для тебя еще неощутительно. Придет день избавления, и тебя не будут держать и одной минуты. Ты считай, что находишься в послушании, и будет тебе благо.

Ксюша, я с матушкой Митрофанией говорил о тебе. Она так сказала: «Постепенно сделать себя какой-нибудь глупой или найти вроде болезни, а больше всего положиться на волю Божию».

Желание твое привели в исполнение: по маме твоей совершили память, думаю, что она будет за гробом и за меня молиться.

Прошу во всем прощения, может быть, что и написано для тебя оскорбительно, простите, что я такой невежда. Остаюсь за вашими глубокими воспоминаниями, прошу, не оставляйте меня в молитвах своих.

А сестре своей Анюте скажи, чтобы она не ходила ктиторшей, на все нужно терпение, потому что будет много нареканий, то есть неприятностей ложных.

Призываю на вас Божие благословение и на весь дом твой.

Вас незаб[венно любящий] многогрешный убогий о. Сер[афим].

Милость Божия да будет с вами!

Дорогие мои родные мат. Анатолия[8], Антонина и весь ваш боголюбивейший дом. Благодарю вас за ваши глубокочувствительные и дорогие для меня воспоминания, которые мне много оказали полезного, моей отягощенной душе. Незабвенные матушки проводили праздники в хороших настроениях душевных, где вместе мы все с вами торжествовали.

Очень родная мат[ушка], хотелось повидать вас и привести вам дорогого лекарства, в котором вы особенно нуждаетесь, утешить вас за праздники. Имею нужду вас посетить, если будет хорошая погода, которая не помешала бы в пути. На все да будет воля Божия, прошу ваших св[ятых] молитв, в чем имею нужду. Мат[ушка], меня хотят перевести сюда, поближе к вам в Ячейку, вот прошу: усильте свои душевные желания ко Господу.

Благодарю вас за дорогое желание, что вы не оставили меня в такие праздники без внимания, прислали Фросю. И я вместе с ними [со всеми гостями] радовался о Господе, чего и вам желаю родные мои.

Призываю на ваш боголюбезнейший дом и на вас Божие благословение и вашим страждущим больным желаю душевного выздоровления.

Недостойный ваш послушник, грешный Серафим.

Христос рождается, славите!

Дорогие наши родные мат. Анатолия[8], Антонина, м. Татиана и Паша, и ваши соседки Анастасия и Любовь! Слава Богу, за вашими дорогими воспоминаниями дождались великого праздника Рождества Христова, также и вас, родные мои, поздравляем с этим праздником. Желаем и вам радости и утешения, чтобы эта радость и мне осталась навсегда в ваших душах. Родные мои, мать Анатолия и весь ваш дом, благодарю вас за чуткое сердечное воспоминание, которое так меня удивило в том, что вы скоро отозвались на послушание

[8] Монахиня Анатолия (Овечкина), в схиме — Антония, † 1972 г. (*прим. ред.*).

к моему убожеству, которое произвело на меня необыкновенную радость, что я встречаю великий праздник не один, а вместе с вами буду получать утешение в этот день.

Родная мать, благодарю вас за приезд Фроси. Очень рад, что я в праздник не один, теперь вы все здесь. Матушка, не скорбите за Фросю, она доехала благополучно, все в целости, пока здорова. Дорогая матушка, праздник встретили очень хорошо, после Фроси еще приехали гости: Полинка с Домашей, а Раюшка уже неделю у меня гостит. Так, родная мать, благодарю Господа, что Он меня и здесь не оставляет за вашими воспоминаниями. Я чувствую, что ваши желания услышаны Господом. Приездом моих гостей все довольны. К Н. мы еще не ходили, на святках пойдем, проведаем, а после Крещения, думаю, вас проведать. Я, наверное, приеду с Фросей вместе.

За всё простите. Да благословит вас Господь, да подаст вам крепость и мир, и терпение в ваших добрейших благодеяниях ко всем страждущим.

Остаюсь помнящий вас ваш нерадивый брат, недостойный Сер[афим].

Писано на четвертый день Рождества Христова. Да хранит вас Господь во вся дни.

51 г. / 10 января.

Благословение Господне призываю на вас.

Да сподобит вас, родные мои, Бог радостною встречею *рождшагося* Господа нашего Иисуса Христа!

Родная мат[ушка], благодарю вас за радостное приветствие, [которым] вы с радостию встретили мое убогое недостоинство. И я радуюсь, что Господь сподобил меня быть у вас и видеть вас радостными и бодрствующими в своих трудных послушаниях. Да укрепит вас Господь, и в убогих яслях ваших сердец возляжет Христос, и бедная и убогая келья да будет радостным Вифлеемским вертепом, да не обрящет вас лукавый Ирод, который старается навсегда погубить Христа в душах ваших.

Недостойный ваш родной С[ерафим].

Достопочтеннейшая о Господе, м. Анатолия.

Простите Бога ради за долгое отсутствие моего посещения вас в таком тяжелом болезненном положении, которое послано от руки Божией. Родная моя матушка, все желание мое к вам, но только что соберусь — вот новое опять дело. Думаю, что, вероятно, Господь меня до вас не допускает за мои многие оскорбительные проступки, которыми я незаметно прогневляю Господа.

Родная мат[ушка], простите, как будет свободно от треб, так приеду не замедлю. Фрося свидетель, как только задумал к вам — вот требы за требами. Я всегда каждую службу зову вас на молитву — чувствую, что ваши молитвы для меня очень чувствительны и полезны всегда. Родная мат[ушка], не скорбите. Если вас Господь позовет в будущий мир, то прошу вас не оставьте мою ничтожную просьбу — вспомяните и меня в горнем Иерусалиме, а я своими нечистыми устами буду здесь просить Господа, чтобы Он не лишил вас Небесных благ, которые приготовил для любящих Его.

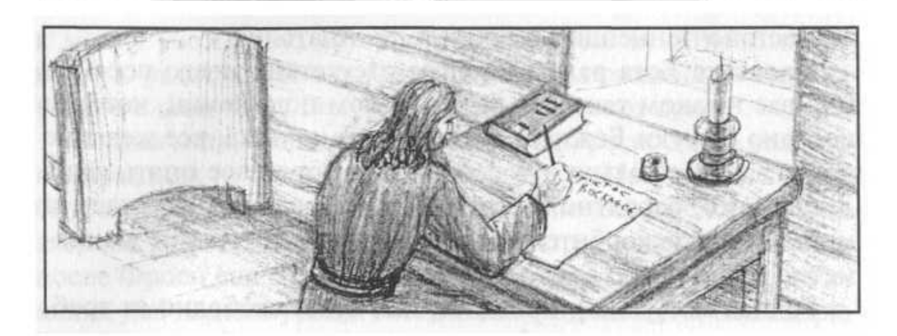
Итак, родные мои, простите за всё, всегда молитвенно с вами. Привет м. Татиане, Паши, Любови и всем, мат. Анне Максимов.

На всех призываю Божие благословение. Да сохранит вас на многая лета. [Желаю] дождаться вам светлого Христова Воскресения, чтобы Господь даровал вам здоровья еще приехать, навестить нас.

Многогрешный, нерадивый иеромонах Серафим.

Простите.

53 г. III/II

*Письма схимонаха Иоасафа (Моисеева)**

Достопочтеннейшие мои во Христе, Зинаида Петровна, Вера и маленькая девочка Зина, первым долгом я вас поздравляю с праздником Рождества Христова. Да радуется ваша душа вместе со мною праздником Рождества Христова, мира, любви во Христе нашем и спасения.

Господь сошел на землю, примирил нас собою, *слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение*. У тех только мир в сердцах, которые возлюбили Его всем сердцем своим и всем помышлением своим и которые стараются исполнять заповеди Его и стремятся к Нему. А когда возлюбим мы Господа, то всё будем переносить ради Его и ради своего спасения, все скорби и злострадания, которые угодно Ему нам послать во спасение наших душ. И я грешный и недостойный вместе с вами буду радоваться о Господе вашему спасению и миру, любви между собою и к ближним во Христе. Сердце мое наполняется любовью во Христе к вам, чувства вашей любви и расположения к моей худости, близки к моему сердцу, вы у меня, а в особенности ты, Вера. От начала нашей с вами встречи, все действия вашего духа были пред моим лицом <...>, и теперь твое сердце и душа при мне во Христе. Всё ты просишь у меня слова письма моего, чтобы я тебе написал, и ты ждешь в томлении своего духа от меня слова к тебе, но

---

* Печатается по изданию «Оптинский альманах», выпуск 1. Издательство Введенского ставропигиального мужского монастыря Оптиной пустыни.

ведь я слышу, хотя мы не видим друг друга, я слышу твой незримый голос к моему непотребству. Когда вы прислали мне посылку, и, открывши крышку, [во всем], что прислано было вашей любовью ко мне во Христе, я вижу вас самих, вашу любовь ко мне о Господе. О чудо зримое и слава Божия и милость Его к нам грешным, как сокрыты судьбы и милосердие Его к нам грешным. Соединяет нас друг с другом любовь к Нему, и мы делаемся во Христе близкими, родными о Господе. Чудо. Вера, Надежда, Любовь, которые изображены вместе, соединены их матерью Софией, что означает Мудрость.

Вера, ты возлюбленная во Христе, сохраняй свою жизнь в целомудрии и святости для Господа, не думай о муже, а думай о Господе, думай о спасении своей души, время наставшее для нас — грозное, не будем увлекаться похотением плоти нашей, станем на Божественную стражу своей души ко спасению. Сети соблазна и греха расставлены на всяком пути для нас, куда ни пойдешь, куда ни взглянешь, стерегут бесы блуда и прелюбодейства. Сатана вышел из бездны своей на землю, чтоб искусить живущих на земле блудом и всякими содомскими грехами.

Было мне сновидение в 1916 году: это было так, как бы я собрался идти по грибы в лес. Ходя в лесу, искавши грибов, ничего не найдя, иду обратно домой и подхожу уже близко к дому, влево вижу в стороне [от] дороги небольшие кусты, и я, намереваясь пойти к ним, подхожу ближе, и что же — около одного куста дышит земля, как бы вроде когда крот роет в земле, поднимает землю вверх, и этого пространства приблизительно около трех аршин. Напал на меня великий страх около виденного мною зрелища, и что же — выходит драконова голова, пасть ада, я стал от этого виденного мною ужасного зрелища бежать и читать молитвы, но от страха молитвы сбиваются, я в них бегу, а всё мой бег на одном месте. «Вот, — говорит драконова голова, пасть ада, — не бежи, не бежи, все равно я тебя съем». Я по-прежнему все бегу, и все на одном месте. Он своею силою и духом пасти своей тянет к себе, но я же все не перестаю бечь от него. Тогда он мне говорит: «Ну ладно если я тебя вторично не проглотил, то уж на третий раз и подавно съем тебя». А я тогда думаю про себя, [что] если ты два раза не мог меня съесть, то во имя Святой Троицы и подавно ты меня не съешь. И вдруг из этого дра-

кона образовалась молодая женщина, и я взглянул на нее и почувствовал в себе похоть, влечение блуда возродившегося во мне, и вижу перед ней появилась небольшая будка и она вошла в неё и скрылась в ней, и я с этим проснулся, размышляя о сем, что бы всё значило. Но потом после всё открылось: в моей жизни наяву до трех раз были сильные искушения диавольские, от которых сохранил меня Господь и Матерь Божия «Взыскание погибших», которой вручил свою судьбу моей жизни в Ее покровительство. Вот так то, мои родные во Христе, будем внимательные ко своему пути христианской жизни, будем все невзгоды жизни переносить с любовию, предадимся в волю Божию и промыслу Его.

С почтением к вам и молитвенно помнящий Вас, грешный недостойный монах Иосиф.

1956 года, декабря 24 дня.

Поздравляю вас еще с наступающим новолетием и Крещением Господним. Дай вам, Господи, в радости Духа Божия, Его благодати встретить [сей праздник]. Милая, родная о Господе Вера, чуя вас, вашего сокрушения духа сердечного о скорби отца Мелетия, его слабости, что лишаетесь быть его духовною дочерью, и как бы не зная, к кому будете открывать все чувства своей души и немощи, но, чувствуя ваши души и сердца, вы не расположены быть к батюшке к отцу Рафаилу. Вера, ну что делать, куда деваться, и ты напиши мне об этом, свои намерения, как будешь поступать [во] всем по отношению [к] себе, и кому бы ты была больше расположена после батюшки о. Мелетия, к отцу Рафаилу или к о. Сергию, но мои взгляды и преднамерения к о. Рафаилу — все-таки он монашеского духа и стремления, а что какие немощи его — они все и у нас есть. Прошу, объясни и напиши свои намерения и мысли, куда больше склонны, на какую сторону. Клюква еще есть, как чай пить с клюквой, так и вы вместе с нами, незабвенны у меня. Поручаю вас покровительству Божию, Матери Божией, да хранит Вас. Привет шлет вам Мария и поздравление с праздником Рождества Христова.

Незабвенные, честнейшие о Господе мать Зинаида Петровна и сестра Вера, мир и спасение вам от Господа и Его Пречистой Матери, и всех святых, да спасет вас вместе с чадом вашим, девочкой Зиной, дочкой, упрямой и непослушной вам.

Хотя я не постоянно пишу вам, к твоей честности, но постоянно имею вас в памяти, получив в течение нескольких дней большое доказательство вашей усерднейшей, горячей и искренней любви вашей во Христе, вижу как лицом к лицу вас, хотя отдаляет нас с вами расстояние друг от друга, но сердцем зрю вас в сердце моем всегда, хотя я бы был на краю вселенной. Видел ваш присланный дар любви — плоды, яблоки, и вместе с этим даром видел вас самих, как бы держа в руках этот дар, вас самих принял от руки вашей, и этот ваш дар и приношение употребил во славу Божию, а любовь осталась ваша при мне навсегда.

Помню, Вера, ваше стремление и усердие ко обители и иноческой жизни... чтобы было и осталось навсегда до кончины жизни вашей. Милость и благодать касается вашего сердца и души, но нужно свое намерение приготовить ко искушению и испытанию. Жизнь инока и монаха, который избирает сей путь, есть спасительный крест, несение скорбей и отречение от собственной своей воли и быть мертвой для мира, и похоронить себя для него, то есть для этой жизни добровольно. Как было мне показано в сновидении во время заключения моего. Было так: вижу гроб закрытый крышкой перед собой и слышу незримый мною голос: «Открой крышку гроба», я подхожу ко гробу и открываю крышку, вторично слышу голос: «Ложись в него», а я размышлял и сам в себе думаю: «Я ведь живой», и на эти мои размышления Голос опять мне говорит: «Ведь ты сам себя добровольно заживо похоронил», и я с этим проснулся. Видишь, родная во Христе сестра Вера, вот посылаю тебе книгу Иоанна Лествичника. Читай со вниманием и вдумывайся в глаголы писания, подготавливайся к этому пути, живи пока дома, от дому никуда не отлучайся, сейчас монастырей нет, а что видимо — стены и образ их, а дух их есть советское хозяйственное учреждение, подводятся к коммунизму. Береги себя телом и душою. Когда я был на

похоронах о. Рафаила[1], много видных лиц привел в сомнение по отношению к моему образу жизни, как сама знала о. Михаила[2], священника, бывшего монаха Оптиной пустыни, скита, оставя иночество, впоследствии оженился и принял священство. Уговаривал и убеждал меня... сам не зная своего положения, впереди и всего окружающего нас духа времени века сего. Как о сем говорили наши старцы, об этом времени познают лишь немногие опытные и искусные в духовной жизни. А теперь спрашивается, как можно познать сие время лукавое, хитрое, сокрытое от взора человеческа, которые погрузились лишь в земное благополучие и покой и удобство. Чтение Писания есть великая защита от греха, читай Евангелие, Деяния, Послания, Псалтирь на русском... Пусть всякий говорит и думает по-своему, так как один ненавидит, а другой любит, иной не извиняет, а другой даже одобряет меня. Людям всего приятнее рассуждать о чужих делах, особливо, если увлекаются или в каком случае всего чаще и скрывается от них Истина, но я отлагаю стыд, представляю истину для обоих сторон, то есть обвиняющих меня и для защищающих усердно; буду правдивым посредником, сам в себе виновником, а в ином оправдывая.

Многое, что есть написать, но по времени... удерживаюсь. Господу будет угодно увидеться лицом к лицу после Пасхи, когда будет тепло. Чувствую, с каждым днем жизнь моя тускнеет, силы слабеют, старость, дряхлость подкрались, зрение тускнеет, очередь моя за о. Рафаилом. Если бы Господь не взял бы его, то ему предстояло бы опять заключение, и [он] уже был на пороге к страданию.

Привет передай м. Евгении, Анатолии, Татьяне, Марии Васильевой и всем родным, Анастасии Васильевне, м. Сергии.

Да хранит вас Господь и Матерь Божия во вся дни жития вашего

Грешный и недостойный монах Иосиф.

Хорошо, что ты взяла мои карточки.

---

[1] Преподобноисповедник Рафаил (Шейченко; † 1957).

[2] Михаил Ежов, рясофорный монах скита Оптиной Пустыни. Умер в сане протоиерея.

Храни и береги мою память, и сама стремись к тому же. 18 января, 1958 год.

Услышит тя Господь, в день печали твоей, поможет тебе и спасет на пути избранном тобою. Не изменяй Ему в намерении твоем послужить Ему, не изменяй верности своей к Нему. Помни свой обет, когда коснулась благодать Его, на призыв [к] твоему спасению, оставить все тленное, земное, скоропроходящее, утехи земных сластей и похоти плоти, которые борют каждого из нас. Смотри, не возвратися опять обратно, на ту прежнюю дорогу, от которой избавил тебя Господь и привел тебя быть в ангельском чину, и не отрекися, смотри, от Него. Враг лукавый стережет твою пяту, дабы низринуть тебя с Его пути, он будет всевозможные представлять помыслы, даже со стороны родных, дабы поколебать твое намерение. Правда, не малый тебе подвиг предстоит, борьбу с самим собой. Когда, вкусивши сласть греха, помни, что я тебе написал о виденном мною — дракона, который, выходя из земли, хотел меня поглотить, но милостию Божиею и Царицы Небесной, избавил меня Господь.

Потерпи, потрудись, ради своего спасения, так даром ничего не дается, без труда, без болезни, без скорби, без искушения. Устрояй внутри себя обитель — в сердце своем. Обрати внимание на слова говорящего мне дракона, диавола: «Куда ты не пойдешь, всюду я тебя достану, у меня нет конца и места, где бы не было меня и моих действий соблазна и искушений». Иисус сын Сирахов говорит: «Если приступаешь служить Господу, то приготовь твою душу ко искушению»*, и чем больше будешь приближаться к Богу, тем больше ухватится за тебя. Слыши, дщерь Божия, и внимай, приклони ухо и сердце твое к словесам Божиим и внимай ко Господу, Его Пречистой Матери и всем святым. Никто, прохладно живя, не получил Царствие Божие, в роде сем женятся и замуж выходят, а в будущем яко Ангели Божии жити будут.*

Спаси тебя, Господи, и храни, Матерь Божия.

Привет мой вам и благия пожелания вашей жизни и спасение души, здравия телесного.

Спасайся о Господе, читай всюду, и везде, и на всяком месте, и во всякое время — стоя, ходя, лежа, пьешь и ешь— молитву Иисусову: Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй меня, грешную. *Отчаиваться не нужно, Господь милостив. Шлет привет вам Мария. Спаси вас, Господи, за вашу милость, да спасет вас Господь и Матерь Божия.*

Грешный и недостойный монах Иосиф, помнящий молитвенно о спасении вашем и здравии, и благоденствии жития вашего.

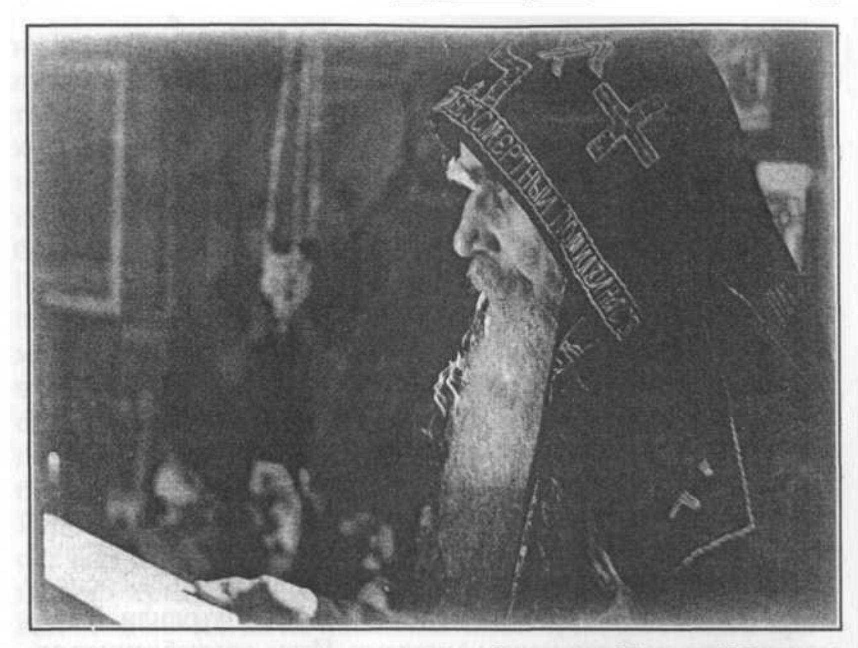
1957 г. 26 – III.

Деньги тоже получил, сто рублей, о упокоении схимонахини Александры, получил и извещение о матушке схимонахине Валентине, упокой, Господи, души их. Теперь очередь за мной, да сколько не живи здесь, а туда не миновать переселяться, всё оставишь бренное и греховное, своё жилище души, это тело, о котором мы... больше прилагали заботу, чем о душе своей, которая явится обнаженная ото всех пристрастий земных.

Вера, помни смертельный час, [в] прошлый год видел на мгновение себя в аду без пламени и огня, в полумраке, в громадном большом рве,в подземелье. Смотрю,кругом себя и чую— я одинок, и нет никакого выхода, как бы запечатан внутри от всего видимого света и зримого нами... И когда я открыл глаза, возрадовалась душа моя, хотя я это пишу, но невозможно выразить словами это мгновение виденного моего переживания души, и этого как бы жжения геенского, без пламени и огня чувствовала душа невыразимую муку. Пользуйся временем [для] покаяния, праведник еще творит правду, святый еще освящается, а грешник еще сквернится.

Простите меня грешного и непотребного в житии, да хранит вас Господь и Матерь Божия. Помнящий вас грешный и недостойный монах Иосиф, 14 сентября 1958 г.

Жил один пустынник в пустыне, и посетил его игумен и спросил его: «Что тебя так угнетает, жизнь твою?» Пустын-

Схимонах Иоасаф (Моисеев)

ник ему отвечает: «Каждый день у меня множество хлопот, и я совершенно выбился из сил, если бы не поддерживала меня Благодать Божия! Каждый день я усматриваю двух соколов, сдерживаю двух зайцев, управляю двумя ястребами, связываю дракона, обуздываю льва и ухаживаю за больным». — «Не основательная твоя жалоба и безплоден твой труд», — заметил ему игумен. Тогда говорит пустынник: «Но для меня они необходимы. Два сокола — это глаза мои, которые я должен тщательно охранять, чтобы они не повредили моему душевному спасению; два зайца — это ноги мои, которые я сдерживаю, чтобы они не ходили по путям греха и не гонялись за выгодами; два ястреба — это руки мои, которые я принуждаю к труду; дракон — это язык мой, который мне приходится сдерживать; лев — это сердце мое, с которым у меня борьба непрерывная; больной — это тело мое капризное, которому никак не могу угодить: ему то жарко, то холодно, то голодно, то слабеет, словом, каждую минуту [тружусь] до утомления...»

1958, IX/14 дня. Воздвижение.

Поздравляю с праздником вас, незабвенные и приснопамятные о Господе, достойнейшие, любвеобильные о Христе Зинаида Петровна, Вера и Зина, девочка самовольная и непослушная своей мамочке, даже и бабушке, привет мой вам с пожеланием вам от Господа Бога здравия телесного и спасения душевного, а паче душевного.

Вера, вас поздравляю со днем вашего Ангела. Пошли вам Господи утверждение надежды получить Царствие Божие. Вера, покуда живем теперь, верим, но не видим, вера пройдет... а любовь умножаться будет ко Господу. Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Бог, Ты мое Радование, не остави нас в духовной нищете, но с пророком Ионой взываю к Тебе: возведи от тлена и суеты земной меня к Небесной.

Может быть, последнее время проживаем по пророчествам пророков — всё загорится и будет новая земля. Какой страх и какой трепет! Те, которые в мирской жизни угодили Господу Богу, наследуют землю [вечную], а которые угодили Ему в монашестве, те будут между Ангелами. Итак, возлюбленная сестра о Господе Вера, призыв есть от Господа и Царицы Небесной на сей путь, к причислению Ангельскому образу. Хотя было у тебя рвение, когда была в Лавре, и растворилось ваше сердце и душа любовью к сему Ангельскому житию, образу, но о сем нужно с вами говорить подробно лицом к лицу.

Вера, не смущайся, что я вам редко пишу, чуя близость вашей души ко мне недостойному, и я как бы не отходя от вас, всегда вместе с вами нахожусь во Христе. Молю о вашем спасении и здравии духовном и телесном, чуя ваше волнение и недоумение, что я вам ничего не отвечаю, но я с вами в духе о Господе, и, чуя, что ты прислала свою лепту, как бы мне на дорогу. Но я один, без провожатого не могу с места тронуться, и у Марии отпуск маленький, у нее только две недели, и она и я использовали [его] поближе — побывали у знакомого иеромонаха о. Серафима[3], с которым и я ... познакомился, и он был не один раз у меня в моей пустыньке....

Отец Серафим служит при церкви, любит церковное благолепие, [его] много окружает монашествующих жен; был я

[3] Иеромонах Серафим (Мякинин), в схиме — Митрофан (*прим. ред.*).

на праздник Успения Пресвятой Богородицы и на Погребении. Заставлял меня канонаршить, надевал мне свою мантию и клобук, было все торжественно и молитвенно. Сколько было бесноватых покрикух, раздирающих неестественными оглушительными криками разного рода, одна матушка Митрофания[4], имеющая дар прозорливости, и еще одна болящая мати Анатолия[5], которая лежит всегда в постели, и [ее] в церковь привозили, специально для нее колясочка, имеет послушниц, которые за ней ухаживают, потому она сама не может повертываться без помощи их. Вот Маша и писала вам по просьбе моей вам, если есть ваше расположение приехать и побывать у меня, то милости просим, и я [бы] вас познакомил с сим иеромонахом, то я попросил [бы] его, чтобы вас произвел в чин Ангельского образа, одеть подрясник. И просил вас, чтобы ответили мне о сем, но вы видно были опечалены, что о себе ничего не сказали, но я, имея истинную во Христе к вам расположение, нисколько не имею к вам обиды... Когда начинаю вам писать, то, имея ваше присутствие, как бы лицом к лицу с вами говорю, а рука моя пишет исходящие из сердца помышления... Вот, мои во Христе родные, земно вам кланяюсь и прошу прощения. Вера, получишь мое письмо, ответь, как вы себе поживаете, что у вас нового, что же не написала, как бы есть у вас иеромонах новый, присланный из семинарии, молодой, [в] Благовещенскую церковь к вам, и как батюшка о. Мелетий здравствует, жив ли он. Хотелось еще с ним повидаться.

---

22 марта 1959 г.

Христос посреди нас, был, есть и будет. Аминь.

С нами Бог разумейте языцы яко с нами Бог, страха же вашего не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог, и уповая буду на Него и спасуся Им, яко с нами Бог.

---

[4] Монахиня Митрофания (Сарычева), в схиме — Михаила, † 1976 г. (*прим. ред.*).

[5] Монахиня Анатолия (Овечкина), в схиме — Антония, † 1972 г. (*прим. ред.*).

Слава Богу за все!

Незабвенные мои о Господе, Зинаида Петровна, Вера и Зина девочка, родные во Христе, мир вам от Господа и Его Пречистой Матери, и всех святых, и от меня вам привет с пожеланием вам от Господа Бога доброго здравия и душевного спасения. Получил от вас дар, вашу любовь к моему непотребству. Не так я обрадовался дару, как вашей любви ко мне, а любовь ваша, Любовь нашей Царицы Небесной, вместе нас с Вами сроднила духовной любовию, родными во Христе, чтобы пребыла неразрывно до скончания века, [до] Царствия Небесного, чтобы и там быть вместе с вами и со всеми любящими друг друга.

Родные мои во Христе, незабвенные, желанные мои, чутко моему сердцу ваша близость ко мне, я нахожусь как бы вместе с вами неразрывно, хотя телесно отдалены друг от друга, хотя как бы на краю вселенной были, но сердцем вместе с вами я, ибо местность и расстояние друг от друга ничуть не отдаляет нас от любви с вами. Спаси Господи, тех, которые поручили мне себя, молиться за них, пошли, Господи, всем вам отраду и милость святую свою, каждому по прошению милость и отраду души своей вам.

Вера, не огорчайся на меня, что я не пишу тебе, я каждый день бы писал от полноты сердца моего к вашей любви ...Слова Божии уходят в сокровенность, [в] пустынное уединенное место от нас, и будет глад не хлеба, но слова Божия. И мое грешное тело удалилось от Вас из Козельска, но не удалилось от любви вашей. Я с вами, а чтобы быть и не удалиться из Козельска, то давно бы убрали меня от вас, а кто сама понимай об этом и догадывайся. Итак, моя родная во Христе Вера, желанная, спаси тебя Господи за любовь твою, ты родная не безпокойся на счет посылок, меня во всем Царица Небесная обезпечила необходимым, никогда не имел скудости, нигде, ни в каком месте — Она давала своих служителей мне, которые подавали подаяние и милость, и милостыню, как и тебя, Она, Царица Небесная, расположила, твое сердце к моей худости и грешному. Не умолчу никогда, Матерь Божия, говорить и прославлять Твою милость ко мне, грешному, если бы не Твоя милость, кто бы нас избавил от стольких бед и напастей и скорбей, кто бы сохранил и доныне нас,

[от] преследующих нас, от врагов видимых и невидимых, и от всякого зла человеческого. Охраняй и спасай нас всегда, Матерь Божия.

Вера, я мысленно молился Царице Небесной, чтобы удержала душу от разлучения [с] телом батюшке о. Мелетию, потому что он по неведению и по наговору людскому восстал против моей худости, а ему нужно примириться в любви во Христе и Матери Божией со мною, и я стремлюсь побывать у него, с любовию к нему, мне его жалко, и я молюсь о его здравии и спасении, чтобы Господь принял его душу с миром в Царство Небесное.

Христос воскресе! Христос воскресе! Христос воскресе!

Всечестнейшие незабвенные Зинаида Петровна, Вера, Зиночка. Поздравляем вас с праздником Светлого Христова Воскресения, желаем вам пребывать в духовной радости Светлого Христова Воскресения, здравствовать духовно и телесно, многие годы во спасение души вашей. О себе уведомляем по милости Божией: живы и здоровы, Слава Богу. Получил от батюшки Мелетия и мать Анны поздравление с праздником, но о состоянии батюшкином, его положении ничего не упомянули. Как его положение и здоровье, улучшается [ли], ничего не упомянули о нем. Думаю и имею намерение побывать лично у него сам, если позволит мое здоровье, или на этой неделе или же на Фоминой. Шлет вам Мария привет и поздравление с праздником Светлого Христова Воскресения. Христос воскрес! Вера, сообщи, когда будет у тебя отпуск, в какие дни и месяцы, чтобы побывать вместе у отца Серафима[6] иеромонаха. О себе уведомляешь по милости Божией. Слава Богу.

Поздравляю всех знающих мою худость с праздником Светлого Христова Воскресения — Христос воскресе!

Остаюсь помнящий вас, грешный монах Иосиф, Мария. 20 апреля 1959 года.

---

[6] Мякинина.

Христос воскресе! 18—31/V—59 г.

Слава Богу за все, за все испытания печали, и скорби. Это путь наш ко спасению, если преступаешь работать Богу, то приготовь свою душу ко искушению.

Вера! Ты не думай, что я далек от тебя, каждую минуту созерцаю вас, о вашем бытии и житии и стремлении вашей души и сердца к Богу, но много, много, встретит испытаний твоя вера и стремление к Господу. Мы кругом окружены всякими испытаниями... если стремишься стать на этот путь Ангельского образа, то должно прежде всего умереть для мира, как то, во всем воздержание, благодарное терпение, истинное смирение.

Я вижу однажды во сне большой гроб деревянный, закрытый крышкой, перед собой, и слышу незримый голос, говорящий мне: «Открой крышку гроба», я подхожу, открываю крышку... и вторично мне говорит голос незримый: «Ложись в него». А я и размышляю в самом себе: ведь я же живой, и слышу 3-й раз голос отвечает на мои мысли: «Ты добровольно заживо похоронил себя», и я проснулся. И я в ту же минуту почувствовал извещение, что я добровольно никем не принужден умереть для этой временной земной жизни.

Но ты, родная, подумай о себе, о своем окружении. Ведь ты и оставлена от ложа мужа, но всё может враг рода человеческого представить вам, тут и дочь твоя всё будет напоминать, и мешать твоему пути, и будет терзать твое сердце, не давать тебе покоя. Итак, если ты укрепленная вышнею благодатию, хочешь презреть весь мир и уверовала словам Христа, Который говорит: всяк от вас, который не отречется [от] всего своего имения, не может быть Мой ученик или ученица, как ты хочешь последовать Ему, и продолжает опять: который оставит дом, или братьев или сестры, или отца или матери, или жену мужа или чада, или село Имени Моего ради, сторицею приимет, и жизнь вечную наследует. И вот, надо подумать, Вера, чтобы была готовность ко всему, перенесению и терпению, всех прискорбностей жизни твоей, [и] тогда вступать на сей путь. И вот что есть Крест Господень — страдания, распятие на нем себя. Если мы не возьмем добровольно Креста Господня и не распнем на кресте плоть свою со страстями, не можем иначе спастися.

Смотри, мы от Креста принимаем крещение, чтобы последовать за Ним страданием. Крестом мы Его охраняемся от силы вражией, Крест Его — знамение любви к Нему — носим на груди... Теперь крест во мне, то есть внутри нашего сердца и души. Страдания, скорби несение из любви к Нему, [так] как Он за нас пролил свою пречистую кровь. Итак, Вера, да поможет Тебе Господь и Матерь Божия, и Ангелы Хранители, и все святые. Унывать и падать духом не нужно, Господь милостив, и Матерь Божия да покроет вас честным своим омофором. Поминаю, молюсь о всех вас и любящих мя и помнящих. Писал я и поздравлял матушек, мать Евгению, Анатолию, Таню, Агафию и просил их ответить разрешение посетить их и денька 2-3 побыть, остановиться, чтобы мне с батюшкой Мелетием повидаться. Но чуя в этом озлобление их на меня и они не ответили мне, что и не совершилась моя поездка к вам до сего времени, а ты живешь далеко от города, и боясь своей слабости, не дойду, но все-таки намерение есть побывать у отца Мелетия проститься с ним. Спасайся о Господе. Помнящий вас монах Иосиф, привет Зинаиде Петровне и дочке вашей Зине. Вера будь откровенна, если ты что смущаешься, пиши. Жизнь наша во Христе, а не в людях.

Христос воскресе! Воистину Христос воскрес!

Еще, и много раз, поздравляю вас с праздником, с радостным праздником и торжеством Светлого Христова Воскресения. Христос воскресе! От души искреннего моего чувства, сердечной любви к вам во Христе... и расположению к моей худости, желаю вам вкупе, единодушием провести, в добром здравии и спасении души вашей. Всечестнейшие мои во Христе, Зинаида Петровна и Вера, не думайте, что память о вас совершенно иссякла из сердца моего, но я медлил доселе писать вам, лишь потому, что ждал вашего обращения, но я, чуя сердцем моим, безпрерывно тревожим... о вас, что ждете от моей худости моего письма. Да будет же вам известно, что как Бог наш не забывает нас и мир, так и я, грешный и недостойный, [не забываю] любовь вашу, мо-

лясь Господу о вашем спасении души и здравии тела. Меня радует ваша вера и стремление ко спасению вашей души, и надеюсь на милость Божию и помощь Царицы Небесной совершить благое ваше намерение, если не охладеет ваше сердце и теплота, ревность по Богу, ибо неложен Бог, сказавший: претерпевый до конца, той спасен будет. Помните и подумайте, что пишу вам, это не мои слова, а Слова Божии, писанные во святом Евангелии: многим скорбями подобает нам внити в Царство Небесное. Вера, читай Евангелие, Псалтирь, на русском, в нем вся наша жизнь прошедшая, настоящая и будущая. Почему и я [ради] твоей любви во Христе ко мне постарался достать тебе на русском языке, чтобы тебе понятней было. Лествицу, посланную вам, конечно, на славянском, но теперь трудно достать на русском, враги Христовы, и христианства, всё уничтожили, истребили, для того, чтобы забыли и изгладили из ума, памяти, сердца и души, чтобы не именовалось Имя Божие в душах людей. Как война всё на пути уничтожает и истребляет... все продукты съестные, телесные, так точно и война против Церкви и веры Христовой, всё уничтожили теперь. Враги Христовы и Церкви взялись за души человеческие, вселяют в них, что Бога нет, а это вот пред вашими очами пример — дочка ваша Зина... уже всеяно в её сердце и душу неверие в бытие Божие, и хотя наблюдается за ней, но она попала в то общество строптивое и развращенное... и злые обычаи развращают добрые нравы. Много предлежит нам испытаний и искушений, и скорбей, но не бойтеся и не устрашайтеся, как чуждые мужества, чтобы не лишиться нам обетований Божиих. Не ужасайтеся, как неверующии, возлюбите скорби, думайте о том, что наша жизнь маловременна здесь, что всё оставим здесь. Все святые несли скорби и приобретали в них терпение и спасались, а последний остаток Христианства спасется скорбями.

Конечно, Вера, ты усомнилась от слышания посторонних разговоров, речей людских, что я в храмы не хожу, и даже был от отца Рафаила глагол сей, но я твердо зная себя, что было сказано моей худости, содержу всё в тайне в сердце моем, до времени, что поймут тогда все, а что если скажу, то не вместится в сердце ваше. Итак, не пытайте меня... каждо-

му предоставляю свободу, по своему доброму произволению, думать и делать, как кому угодно, каждый будет отвечать пред Господом за себя. Господу будет угодно — в недалеком будущем увидимся с вами. Думаешь ли о монастыре, сделай дом свой обителью, считай свою мать игуменьей, слушайся, терпи, молись, смиряйся во всем, неси неудобства жития своего, бодрствуй о своем спасении. Легко ничего не дается нам без нашего желания и усилия. Храни и береги чистоту тела, ума и сердца души твоей, воздерживайся от излишнего питания, не осуждай никого согрешающего, напиши, у кого бываешь на исповеди, к кому больше твое сердце расположено, [есть] ли у тебя какой близкий человек, которому можно поделиться своими чувствами. Храни вас, Господи и Матерь Божия.

Грешный и недостойный монах Иосиф, день Ангела 4 апреля <...>

На 4 неделе [Великого поста] после Благовещения Пречистой Богородицы, в этот день Благовещения, было пострижение мне в Даниловом монастыре в Москве, постриг совершал надо мной преосвященный Амвросий под кончину Святейшего Патриарха Тихона, и стоял при гробе [на] его отпевании, панихиде, облаченным в стихаре, в руках с Крестом, около гроба Святейшего Патриарха Тихона и при жизни еще получил его благословение. Так все в моей жизни происходило знаменательно и чудесно, и все это по милости Божией и Царицы Небесной получал отраду и утешение в своей жизни. Поздравляю вас всех с праздником Благовещения Царицы Небесной, Матери Божией, пусть она обрадует небесною радостию души ваши, и вы месте со мной. *Радуйся благодатная, Господь с Тобою, Радуйся обрадованная и нас не оставляющая, грешных в милости Своей.* Вера, если будет угодно Господу и Матери Божией на четвертой недели поехать в Козельск, то я дам телеграмму тебе, чтобы ты меня встретила на станции.

Слава Богу за всё, за радости, печали и скорби. *Благо мне, что я пострадал, дабы научиться заповедям Твоим, Господи.*

Как я рад твоей весточке, родной мой о Господе отец Павел[7], я уж думал, что и в живых нет. Говорю: «Маша, напиши отцу Павлу письмецо, узнать, жив ли он», а теперь с радостию пишу и отвечаю вам, мой родной отец Павел. Как мне желательно с вами видеться лицом к лицу, поговорить с вами, и о многом есть, что поведать вам. Может как-нибудь, с помощью Божией доберешься ко мне, за проезд я могу заплатить за тебя. Приезжай, мне хочется исповедаться и причаститься у тебя. Может, последний раз будем с вами, может, отслужишь литургию в моей келье, все принадлежности к совершению литургии, у меня все есть. Отец Серафим, покойник, он служил в моей келье две литургии, а ведь ты не знаешь, что у меня хранится антиминс Казанской церкви Оптиной Пустыни. Было два, один отдал на кавказ одному архимандриту.

Есть риза, подризник, епитрахиль, поручи, чаша, тарелочки, копье, и будут просфоры, а какие у меня новости для тебя есть, ты нигде не увидишь и не услышишь. О, дорогой мой, ну-ка, раскачай свои старые кости и хворости, потрудись ради своего спасения и утешишь меня своею любовию к моему недостоинству, утешь меня своим посещением. Мария моя, она расположена к тебе, как к оптинскому старцу. Если будет намерение поехать, то сообщи. Ну, порадуй своим посещением меня, если не будет возможности отлучиться Нюре твоей, то пошлю Марию за тобой. Жду твоего расположения и ответа. Все, что будет зависимо от меня для твоего приезда, все будет сделано. Можешь приехать на такси. Где, может, возможно будет, я всё оплачу за тебя. Приезжай, мой старче, утешь меня, родной, своим посещением, худость мою.

Помнящий Вас, недостойный грешный схимонах Иоасаф.

Прошу святых молитв и благословения.

---

[7] Оптинский схиигумен Павел (Драчев; † 1981).

Христос, воскресе! Христос воскресе! Христос воскресе!

Христос воскресе! Воскреси наши души славным Твоим воскресением.

Поздравляю вас с праздником Светлого Христова Воскресения!

Воистину Христос воскресе!

Получил я ваше приветствие и поздравление с праздником Светлого радостного Христова Воскресения как раз на первый день и порадовался вашей любви и памяти во Христе к моему непотребству, и, чуя я... близость вашей любви ко мне, и что я молчу, вы сами мне закрыли моя уста от страха вашего... но я не изменил, остаюся верным для вас во Христе, в памяти и молитве, о вашем благополучии, здоровье и спасении души вашей. Вера, ты пишешь во объяснении вашем за меня, моя жизнь во Христе и судьба моя от Него и в Нем, держаться за землю нет смысла, тут всё временно, не вечно, страдать, терпеть обречен я на это, добровольно шествовать по пути Христа и святых, чтобы удостоиться жизни Воскресения Светлого Христова, иначе нет иного пути, как крестом распять свою плоть, и умереть для мира. В путь узкий пойду прискорбный, в жизни моей, взять крест как ношу Христову, и возложить на свои плечи и нести его, и следовать за Христом с верою к Нему. Тогда скажет мне, Господи: *приди ко Мне, насладись, которые уготовил Я тебе почестей и венцов небесных*, что может быть, какою можно сравнять жизнь земную, жизнь небесную. Жизнь земная, как выразился Соломон, всё суета сует и томление духа, всё суета, а туда идти неминуем путь, чем скорей, тем и лучше.

Вера! Правда, ты стремишься к духовной жизни, стремишься и к Господу, но знай, без скорбей не приобретешь сего пути жизни. В земной жизни два есть рода скорбей, которыми окружен всякий человек под солнцем: скорби по Богу, и скорби мирские; и невозможно пройти настоящую жизнь... или без скорби по Богу, или без скорби мирской. Скорбь мирская тяжела и не обещает вознаграждения, а скорбь по Богу с собою приносит утешение и еще паче обвеселяет и обетованием жизни вечной. Когда я получил твое письмо и, прочитавши его, лег после этого отдохнуть, закрывши глаза задремал и тут же явилась ты сама

передо мной, кормишь меня из чайной ложечки сметаной, а какие тебя ждут скорби, хотя ты бежишь от скорбей, а они около тебя находятся, твоя дочь Зина, и я проснулся. И так не будем малодушествовать, потому что нам не вечно жить в этой жизни, будь готова мужественно претерпевать всё, что не случится, отчасти только будем иметь печали, спасайся о Господе, спасайся и ты мать во Христе, Зинаида Петровна со внучкой Зиной.

Приветствую всех вас с Праздником Светлого Христова Воскресения, желаю вам всем радоваться во Христе и Воскресении Его, Зинаида Петровна, тебе, Вера, дочке твоей Зине, Анне, сестре Параскеве, матушке Агафии, м. Татьяне, м. Настасии, матери Сергии, матери Евгении, м. Анатолии. *Простим вся Воскресением, и возопием: Христос воскресе из мертвых, [воскреси] души наша славным Твоим Воскресением.* А что уехала мать Анастасия и Онуфрий в Караганду, если они еще не плакали, то поплачут там побольше, никуда они от себя не уйдут, везде нужно терпение, смирение и покорность воле Божией. Я получил письмо, что церковь отца Севастиана[8] сдается в Горсовхоз по договору со всем имуществом и иконами, и будут, когда им нужно проверять, чтобы незарегистрированные священники не имели права служить ни в коем случае, значит, церковь отходит в коммуну.

[8] Прп. исп. Севастиан (Фомин; † 1966).

Содержание

Редакция Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря выражает искреннюю благодарность всем, кто принял участие в составлении этой книги — кто предоставил свои письменные и устные воспоминания о старцах, архивные фотографии, письма; принял участие в литературной обработке текста; поддержал работу своими молитвами.

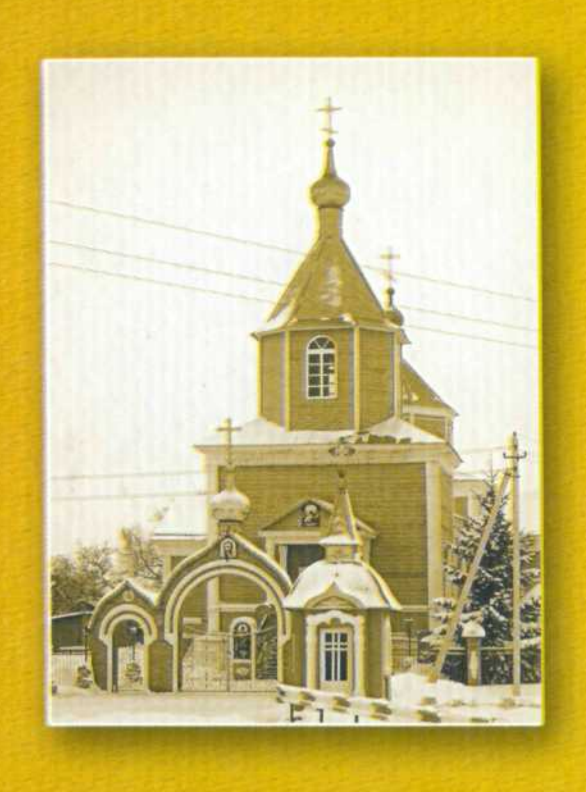
«С КРЕСТОМ И ЕВАНГЕЛИЕМ»

Книга об одном удивительном монастыре и его старцах

Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь.
399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14.

Подписано в печать 13.02.08 г.
Формат 60x90 $^1/_{16}$. Усл. печ. л. 29.
Заказ № 2454. Тираж 3000 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Спектр-П»
305025, г. Курск, ул. Строительная, 8

У этого монастыря никогда не было своего названия, он никогда не имел постоянного места прописки, послушники его жили на территории от Сибири до Прибалтики — и все-таки это был настоящий, полнокровный монастырь. В этой обители не было ярко выраженного духовного авторитета одного старца, но был некий духовный союз многих старцев, которые жили один у другого в послушании, пользовались советами и наставлениями друг от друга. Жили в совершенной любви, почти как апостольская община...